

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

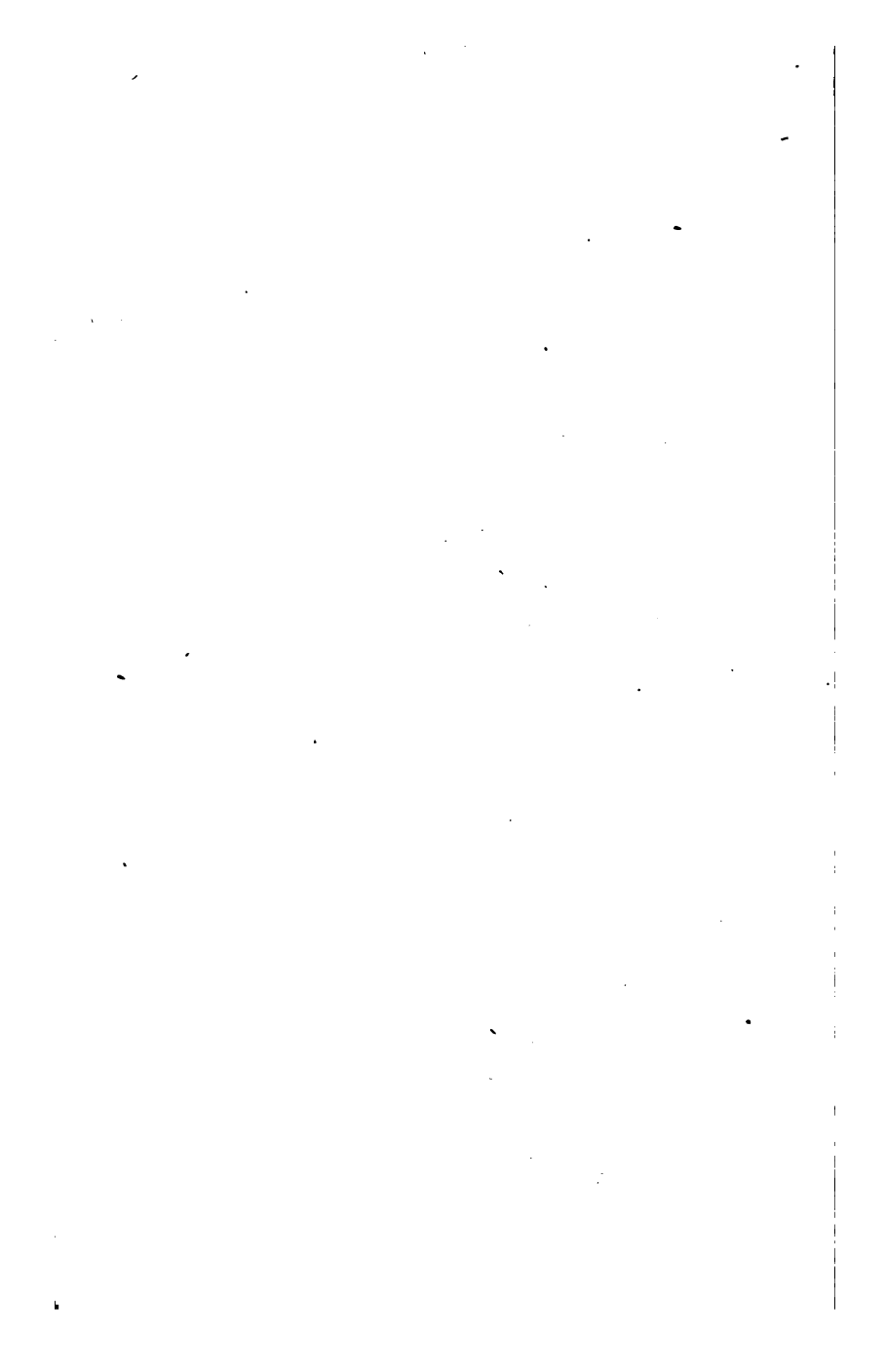
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Г. Е. Альберт

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

№ 18. 9. 18. 18. 18.

С. 173

Цена за три тома 5 рубля.

Grech, Nikolai Ivanovich.

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги написалъ!

Дмитріевъ.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

ТОМЪ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 16 Августа 1854 года.**

Цензоръ В. Бакстовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	СТРАН.
ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПОѢЗДКА ВЪ ГЕРМАНІЮ ВЪ 1835 ГОДУ	3
БІОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА І	149
ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ РУССКАГО ТЕАТРА	187
МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА	231
НЕКРОЛОГИ	259
1) Карамзинъ	261
2) Шубертъ	269
3) Оедоровъ	277
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ	281
1) Обзоръніе Русской Литературы въ 1814 г.	283
2) Обзоръніе Русской Литературы 1815 и 1816 годовъ	317
3) Обзоръніе Русской Литературы въ 1833 г.	340
4) Писательница	370
5) Воспоминанія	386

II

	СТРАН.
Статьи современные	407
1) Кончина Императора Александра Павловича	409
2) Видѣвія	413
3) Кончина Императрицы Елисаветы Алексѣевны	424
4) Кончина Императрицы Маріи Феодоровны	426
5) Торжество совершеннолѣтія Наслѣдника Престола, Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича	430
6) Открытіе монумента Императору Александру I	437
Отстающее, будущая повесть	445

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПОѢЗДКА

ВЪ

ГЕРМАНИЮ

ВЪ 1835 ГОДУ.

I.

Пароходы.

Къ самымъ счастливымъ, благодѣтельнымъ и обильнымъ послѣдствіями изобрѣтеніямъ девятнадцатаго вѣка, безъ сомнѣнія, принадлежатъ пароходы: они уничтожили дальнія разстоянія, сблизили чуждые другъ другу народы, ослабили владычество бурь и волнъ морскихъ. Теперь вы, при пособіи этого коврика-самолета, можете изъ Петербурга прибыть на четвертый день въ Гамбургъ, на шестой въ Лондонъ, на осьмой въ Парижъ; можете съѣздить въ эти и другія

мѣста, за дѣломъ, для прогулки, для забавы, какъ въ Царское Село или въ Петергофъ, зная почти навѣрное, что въ такой-то день поѣдете, столько-то времени тамъ пробудете, и тогда-то воротитесь. «Куда вы ѣдете?» спрашивали у меня знакомые, прочитавъ нѣмное мое въ газетахъ. — «Въ Гамбургъ и Берлинъ,» отвѣчалъ я. — «И на долго?» — «Я отпущенъ на мѣсяцъ.» — «И, полно-те! Что можно видѣть въ одинъ мѣсяцъ? Стоитъ ли это труда!» — «Увидите. Поѣду въ Гамбургъ, попользуюсь тамошними купальнями, заверну въ Берлинъ, порадую душу свою картиною живаго движенія наукъ, искусствъ и литературы, познакомлюсь съ знакомыми, познакомлюсь съ новыми — и чрезъ мѣсяцъ явлюсь, какъ листъ передъ травой, отдохнувъ, оживившись, собравъ новыя силы для продолженія моей утомительной работы.»

Въ среду, 19-го Іюня, въ половинѣ перваго часа, отправился я, въ сопровожденіи моихъ родныхъ и домашнихъ, тихимъ шагомъ къ пароходу Ольгѣ, стоявшему у Англійской Набережной, насупротивъ дома Коммерческаго Клуба, гдѣ помещается контора пароходства. Народъ тѣснился густою толпою на палубѣ парохода и на набережной. Обнимались, цѣловались, плакали, смѣялись, желали другъ другу счастливаго пути. Въ часъ зазвонили въ первый разъ, чрезъ пять минутъ во второй, еще чрезъ пять минутъ въ третій. Наступило мгновеніе разлуки. Друзья, родные обнялись еще разъ; провожавшіе постыжили по узенькой дощечкѣ на берегъ; она поднялась; наре-

ходъ оторвался отъ берега, поворотилъ къ устью Невы; колеса закричали, дымъ хлынулъ густыми клубами, и мы понеслись впередъ. На берегу стояли оставшіеся друзья, и провожая насъ глазами, подавали намъ знаки; мы отвѣчали имъ такъ же; они исчезали мало по малу изъ глазъ нашихъ, и чрезъ четверть часа мы потеряли ихъ изъ виду. Послѣдствъ имъ еще сердечный вздохъ, мы обратили взоръ на будущее. Предъ нами волновались пучины коварнаго Балтійскаго Моря, и манили насъ къ юго-западнымъ берегамъ своимъ.

Небольшой пароходъ Ольга служитъ сообщеніемъ съ Кронштадтомъ для пассажировъ, отправляющихся за море на большихъ пароходахъ. Обыкновенно бываетъ онъ наполненъ множествомъ людей, провожающихъ друга или роднаго. И въ это время было такъ. Пестрая толпа двигалась и шумѣла на палубѣ. Въ числѣ пассажировъ были повѣренные въ дѣлахъ, англійскій и французскій, дипломаты испанскіе и португальскіе: они провожали одного чиновника англійскаго посольства, Лорда Чельси (Chelsea). Люди же всѣхъ было отдѣленіе артистовъ. Гайцингеръ съ женою возвращался во-свояси, предъ окончаніемъ срока ихъ отпуска изъ Карлсруэ. Бывшій петербургскій актеръ Поллертъ ѣхалъ въ Германію съ женою своею, которая составляла украшеніе нѣмецкаго театра нашего, но семейными обстоятельствами принуждена была оставить службу. Суфлеръ французскаго театра, Геленъ, выслуживъ урочные годы, возвращался во Францію съ пенсіономъ, благословляя добрую и щед-

рую Россію. — Было нѣсколько больныхъ, отправлявшихся въ теплый климатъ и на цѣлительныя воды, для возвращенія и восстановленія своего здоровья. Всякъ занимался чѣмъ нибудь. Матери укачивали младенцевъ; отцы удерживали мальчиковъ отъ неосторожныхъ прыжковъ. Въ дымѣ сигаръ летали разноязычныя фразы. Нѣкоторыхъ начало укачивать. Одна молоденькая дама чрезъ четверть часа должна была прилечь отъ нездоровья. Мы не замѣтили, какъ прилетѣли въ Кроунштадтъ. Миновавъ военный портъ, полюбовавшись прекраснымъ царскимъ пароходомъ Геркулесъ, мы, не выходя на берегъ, пристали къ пароходу Александра, долженствовавшему везти насъ въ Травемюнде. Въ большой каютѣ накрытъ былъ столъ челоуѣкъ на шестьдесятъ. Пріѣзжіе расположились группами; дипломатія заняла особое отдѣленіе. Разстающіеся друзья съ веселіемъ, надеждою и любовью проводили между собою послѣднія минуты. Захлопали пробки, подилось шипучее; раздались тосты на всѣхъ европейскіхъ языкахъ, но все умолкло при тихихъ звукахъ гитары, и прелестный голосъ Гайцингера раздался въ глубокой тишинѣ. Онъ заплѣлъ пѣснь прощанія, унынія и надежды; къ нему присоединились выразительные звуки одушевленнаго голоса жены его, и вскорѣ пѣснь тоскливаго недоумѣнія перешла въ радостныя звуки свиданія, сбывшихся надеждъ и неразлучной любви. Вѣнскія народныя пѣсни смѣнили выраженіе чувствъ этой минуты. Сладостная гармонія пролила умиленіе и отраду въ

сердца слушателей. Всѣ встали съ мѣсто, и единогласно пожелали счастливаго пути благороднымъ артистамъ; они отвѣчали искреннимъ выраженіемъ желанія своего и несомнѣнной надежды скоро возвратиться въ Петербургъ, гдѣ ихъ принимали съ такимъ уваженіемъ, любовью и радушіемъ. Музыка расположила всѣхъ ко взаимнымъ изліаніямъ; разговоръ сдѣлался шумнѣе и живѣе, и даже одинъ деревянный Англичанинъ, сидѣвшій подлѣ насъ, хотѣлъ что-то сказать. По окончаніи обѣда мы еще разъ обнялись съ остающимися друзьями, крѣпко, крѣпко; они перешли на пароходъ Ольгу, и повеселись обратно въ Петербургъ. Долго еще размахивали и мы и они шляпами и платками. Наконецъ они исчезли....

Мы осмотрѣлись. Пароходъ Александра стоялъ на якорѣ между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ. Что бы, кажется, теперь же сняться съ якоря, да и въ путь! Нѣтъ! должно дожидаться петербургской почты. Это, какъ говорятъ Нѣмцы, значить убить однимъ камнемъ двухъ птицъ. Но камень этотъ попадаетъ въ одну птицу — въ бѣднаго путешественника. Къ вечеру прибылъ изъ Петербурга пароходъ Берда съ остальными спутниками нашими. На кораблѣ шумъ, *самъ и сирекотанье разное*, какъ говоритъ одинъ нашъ поэтъ. Я пытался заснуть — не тутъ-то было. Почты нѣтъ. Пароходъ не движется. Въ четыре часа утра вышелъ я на палубу. Солнце уже высоко. Одна нѣжная чета прогуливается по палубѣ. Жена ѣдетъ на теплыя воды. Мужъ проводитъ ее до Кронштадта,

и ждетъ почтовой шлюпки, чтобъ съѣхать съ парохода. Въ пять часовъ, наконецъ, появилась вожделѣнная шлюпка, нагруженная чемоданами; цѣхъ приняли на бортъ; капитанъ выдалъ расписку; нѣжный супругъ, поцѣловавъ любезную жену, опустился въ шлюпку, и у насъ начали поднимать якорь.

Пароходъ скорѣй пришелъ въ движеніе, и понесся въ синюю даль.... Многіе изъ нашихъ соотечей, грамотные и даже писатели, ѣздили на пароходѣ, и никто не потрудился описать его — не въ техническомъ, а въ жизненномъ отношеніи. Всѣ думаютъ: кто не знаетъ парохода! Стоитъ только сходить на Англійскую Набережную. Изъ Петербурга не вся Россія. Что намъ кажется всеневнымъ, обыкновеннымъ, даже ничтожнымъ, то можетъ быть весьма любопытно и занимательно для иностранца. И такъ для почтенныхъ моихъ читателей, въ Торжкѣ, въ Сивилѣ, въ Семипалатинскѣ и въ Зашиверскѣ, намѣренъ я заняться поверхностнымъ описаніемъ прекраснаго парохода Александра, на которомъ скоро, счастливо и чрезвычайно пріятно перенесся я въ Германію. Пароходъ этотъ есть длинное и довольно широкое судно; во второй половинѣ его находится паровая машина, приводящая въ движеніе по одному большому колесу по обѣимъ сторонамъ. Эти колеса, вертясь, гребутъ воду широкими своими лапами, и приводятъ судно въ движеніе, какъ будто веслами. На случай попутнаго вѣтра есть на пароходѣ и паруса. Изъ другихъ судовъ пароходъ съ перваго взгляда отличается высокою

желѣзною трубою, изъ которой безпрестанно клубится черный дымъ; этотъ дымъ, въ случаѣ безвѣтрія, стоитъ надъ поверхностью моря длинною полосою. Путь парохода направляется обыкновеннымъ рулемъ. Въ случаѣ надобности можно остановить ходъ его въ одну секунду. Все прилажено, все придумано къ успѣшному и безостановочному дѣйствію. Опасности во сто кратъ меньше, нежели на другомъ мореходномъ суднѣ. Нельзя сказать, чтобъ ея не было вовсе; прошлую осень пропали безъ вѣсти три англійскіе парохода; но сколько въ то же время погибло кораблей парусныхъ! Палуба, ровная, чистая, просторная, служить гульбищемъ для пассажировъ. Въ задней части (въ кормѣ) парохода находится каюта для пассажировъ — продолговатая, просторная, свѣтлая комната, въ которой завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ. По сторонамъ ея расположены спальныя каютки; въ каждой помѣщаются по два человѣка. Кровати устроены одна надъ другою; если товарищъ вашъ не расположенъ къ морской болѣзни, то лучше спать на нижней. Съ перваго взгляда кровати кажутся короткими, но въ самомъ дѣлѣ онѣ довольно длинны, только узковаты; спишь въ струнку, какъ во фронтѣ. Впрочемъ, въ срединѣ лѣта, пассажировъ бываетъ немного, и почти каждый изъ нихъ имѣлъ особую каютку. Въ другомъ отдѣленіи, сообщающемся съ первымъ посредствомъ коридора, въ которомъ устроена лѣстница для восхода на палубу, находятся жилища дамъ, то есть, такія же каютки, сообщающіяся съ заломъ меньше первой.

Сюда воспрещенъ входъ мужчинамъ безъ особеннаго позволенія. Далѣе расположены фамилійныя отдѣленія на двѣ, на три, на четыре особы. Еще далѣе находятся вторыя мѣста, въ которыхъ жить тѣснѣе и непріятнѣе, нежели въ первыхъ. За то они значительно дешевле: этими мѣстами пользуются люди небогатые, ремесленники, и т. п., которые, бывало, на купеческихъ корабляхъ помѣщались еще хуже. Есть еще мѣста для слугъ, служанокъ, кучеровъ и т. п. Посреди палубы возвышается кухня, въ которой кушанье готовится дѣйствіемъ пара. У насъ былъ поваромъ съдой мулатъ, жившій нѣсколько лѣтъ на Островѣ Св. Елены.

Главная бесѣда, на пароходахъ, о вѣтрѣ и погодѣ, а главное занятіе ѣсть и пить. Люди самые утѣренныя и постныя дѣлаются на морѣ жадными гастрономами, и считаютъ часы и минуты отъ одного стола до другаго. Поутру, часовъ въ восемь, утоляютъ первый голодъ чашкою кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ. Въ девять часовъ подають чай, т. е. чай, свѣжія яйца въ сматку, ветчину, солонину и т. п. Въ три часа обѣдъ, сытный и хорошій. Припасы свѣжіе; хлѣбъ пекутъ ежедневно. Иногда подають знаменитую гамбургскую солонину. Въ девять часовъ вечера ужинъ, такой, что послѣ этого должно часа два погулять по палубѣ. Въ промежутки наслажденій столомъ, пассажиры занимаются бесѣдою, чтеніемъ, картами. Писать трудно, да и читать не очень ловко: буквы прыгаютъ въ глазахъ; хотя и нѣтъ качки, но отъ движенія

машины пароходъ подергивается ежесекундно, какъ бы въ лихорадкѣ. — Мы наслаждались пріятнѣйшею погодою, и у насъ не было ни одного больного. И тѣ, которыхъ укачало было на проѣздѣ отъ Петербурга до Кронштадта, не чувствовали въ послѣдствіи ни малѣйшей дурноты. Пароходомъ управлялъ капитанъ Дицъ, человѣкъ въ своемъ дѣлѣ искусный, рачительный, неутомимый, притомъ пріятный въ обращеніи, привѣтливый и веселый. Общество пассажировъ на Александръ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразное, но хорошее и мирное. Въ числѣ пассажировъ обращалъ на себя вниманіе докторъ Гиндеманъ, изъ Кронштадта, родомъ Нѣмецъ, долго служившій во флотѣ. Лѣтъ за восемь предъ симъ онъ лишился употребленія обѣихъ ногъ отъ простуды, и съ тѣхъ поръ разъѣзжаетъ въ креслахъ на колесцахъ, но сохранилъ веселость нрава, любитъ бесѣдовать съ добрыми людьми, и слушать и рассказывать. Недавно получилъ онъ письмо изъ Оснабрюка отъ своей племянницы: она увѣдомляла его, что выходитъ замужъ, и изъявляла сожалѣніе, что онъ не можетъ быть у ней на свадьбѣ. Вздоръ! закричалъ старикъ, взялъ мѣсто на пароходѣ, перебрался туда съ вѣрнымъ своимъ служителемъ, отставнымъ матросомъ, и теперь ѣдетъ въ Оснабрюкъ. Для сухопутнаго проѣзда онъ взялъ съ собою дрожки. «Ein sonderbares Cariol!» говорили матросы въ Травемюнде, выгружая русскій экипажъ. Благополучный нашъ переѣздъ еще украшенъ былъ талантами и любезностью Гайцингеровъ.

За обѣдомъ и за ужиномъ раздавались у насъ прекраснѣйшія арии и дуэты. Госпожа Гайдиггеръ, которую мы произвели въ Амалію Егоровну, иногда и представляла намъ комическія сцѣны: берлинскую торговку, которая, читая Шиллерову Дѣву Орлеанскую, торгуется съ извозчикомъ и бранится съ сосѣдкою; старуху, которая, взявъ книгу вверхъ ногами, сердится на мелкую печать нынѣшняго времени, и т. д.

Въ обѣдъ перваго дня миновали мы островъ Гохландъ; на другой, въ 11 часовъ до полудня, обогнули Дагерортъ. На третій прошли Эландъ и Готландъ; на четвертый утромъ, миновавъ Борнгольмъ, который остался у насъ въ лѣвой рукѣ, подошли къ шведскому городку Истадту (собственно Mariestad), и взяли тамошнюю почту. Картина прекрасная. На зеленомъ скатѣ волнистаго берега видѣлись бѣлыя домики съ красными крышами. Посреди ихъ возвышалась колокольня церкви. Вѣтряныя мельницы размахивали крыльями. Въ зрительныя трубы можно было различить крестьянъ, работающихъ въ полѣ. Какъ пріятенъ видъ берега и послѣ кратковременнаго морскаго плаванія! — Отъ Истадта мы неслись почти прямо къ югу. Начало попахивать свѣжимъ сѣномъ.

Въ сумерки затенялась прямо противъ насъ лампадка — это маякъ травемондскій. Прибылъ лоцманъ, и повелъ пароходъ къ устью Травы. Неперпѣвіе возрастало съ каждою минутою. Наконецъ, когда смерклось совершенно, часовъ въ десять, мы подошли къ берегу и бросили якорь. Сдѣлалась

ужасная суматоха. Начали выгружать вещи, пожитки, товары. Кто съѣхалъ на берегъ, кто остался ночевать на пароходѣ, кто пересѣлъ на другой меньшій, чтобъ ѣхать прямо въ Любекъ. Я стоялъ въ грустномъ раздумьѣ на палубѣ, и смотрѣлъ, какъ поднимали мои вещи изъ трюма. Подлѣ меня стояли двѣ молодыя дамы съ маленькою дѣвочкою, и толковали, какъ имъ ѣхать однѣмъ. Положеніе ихъ было въ самомъ дѣлѣ затруднительное. Въ это время подошелъ ко мнѣ Гайцингеръ, и повторилъ предложеніе свое занять порожнее мѣсто въ его коляскѣ, до Любека. — «Нѣтъ, благодарю, вамъ и безъ меня будетъ тѣсно,» отвѣчалъ я, и приблизился къ дамамъ. «Если вамъ не достаетъ только спутника и охранителя въ дорогѣ,» сказалъ я имъ: «то я предлагаю вамъ мои услуги. Мнѣ самому и грустно и страшно на этомъ чужомъ берегу. Позвольте мнѣ ѣхать съ вами. Мнѣ будетъ казаться, что я все еще въ кругу моего семейства.» Дамы эти (первая изъ нихъ, жена извѣстнаго медика въ Петербургѣ, съ своею воспитанницею; вторая, дѣвица, сестра другаго почтеннаго нашего доктора) знали меня уже по Петербургу, но не воображали, чтобъ человѣкъ, который написалъ грамматику и бранился въ журналахъ; могъ быть услужливъ и учтивъ въ обращеніи съ дамами; онѣ изумились, но приняли мое предложеніе съ благодарностью. — Въ глубокомъ мракѣ, донскавшись оцупью нашихъ чемодановъ, перебрались мы на малый пароходъ; Германію, и поплыли вверхъ по Травѣ къ Любеку. Это странствіе,

продолжавшееся часа два, было скучнѣе, затруднительнѣе и даже опаснѣе четырехсуточного плаванія на Александрѣ. Въ Травѣ много отмелей и вбитыхъ въ рѣку свай, которыхъ должно было рачительно избѣгать. Заунывный, иногда опасливый голосъ штурмана ежеминутно прерывалъ единообразный плескъ струй, разсѣаемыхъ колесами парохода. Наконецъ остановились. Пошли опять шарить во мракѣ; кое-какъ выбрали свои вещи, и нагрузили ими нѣсколько нумерованныхъ носильщиковъ. Къ счастью, явилась какая-то колымага; мы сѣли въ нее и велѣли ѣхать въ Hôtel du Nord. Въѣхали въ городъ. Все спало. Улицы узкія. Дома высокіе съ узорчатыми крышами. Все что-то старинное, дикое, готическое. Колымага въѣхала во дворъ. Крыльце освѣтилось огнями. Появился учтивый трактирщикъ съ прислужниками, и повелъ насъ вверхъ. Гайцингеры встрѣтили насъ съ радостными восклицаніями. Амалія Егоровна приняла дамъ, и повела въ нанятую для нихъ комнату, а я отправился въ свой нумеръ, и съ несказаннымъ удовольствіемъ кинулся на неподвижную кровать, на мягкую перину. Хорошо, хорошо на пароходѣ, а все лучше, когда полъ подъ вами не колеблется, кровать не бьетъ въ бокъ, и волна не шепчетъ изъ-за тонкой перегородки: здѣсь гибель и смерть!

II.

ЛЮБИТЬ.

Часа въ четыре проливной дождь, сопровождаемый сильнымъ громомъ, разбудилъ меня. Я протеръ было глаза, но зажмурилъ ихъ опять отъ блесковъ молнии, и мысленно благодарилъ Бога, что эта гроза случилась не за сутки предъ тѣмъ. Громъ утихъ, и я уснулъ снова. Вставъ часу въ осьмомъ, я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. Погода была ясная и тихая. Гроза освѣжила воздухъ. Мнѣ представилась картина патриархальной Германіи во всей своей прелести. Я былъ перенесенъ, какъ бы дѣйствіемъ волшебнаго жезла, изъ нашего юнаго, великолѣпнаго, свѣтлаго Петербурга въ средину старинной Ганзы, живой донныѣ своими нравами, обычаями и повѣрьями. Точно будто я вошелъ въ Михайловскій Театръ, и подвиглась завѣса въ нѣмецкомъ представленіи! Предо мною возвышался рядъ домовъ высокихъ, узкихъ, островерхихъ, съ разнообразными вычурными украшеніями и надписями о построеніи и возобновленіи ихъ въ XV и XVI вѣкѣ, но чистыхъ, миловидныхъ, уютныхъ. Вотъ растворяется широкая дверь въ нижнемъ жильѣ одного дома; выходитъ чистенькая, въ бѣломъ чепчикѣ, старушкѣ, садится на скамейкѣ подлѣ воротъ, подъ густою липою, вынимаетъ изъ корзиночки чулокъ, и начинаетъ вязать, поглядывая на прохожихъ, а ихъ было еще немного:

школьникъ съ книгами подъ мышкою, служанка съ плетеною на рукѣ корзинкою, водонось съ полными ведрами. Но вотъ является знакомка: обѣ почтенныя гражданки раскланиваются; старушка приглашаетъ новопріѣзжую занять мѣсто подлѣ нея; онѣ садятся другъ подлѣ друга, и быстрыя движенія губъ ихъ, едва поспѣвающія за движеніемъ чудочныхъ спичекъ, доказываютъ, что время у нихъ не проходитъ попустому. Улица оживляется болѣе и болѣе: отпираются дома, лавки; изъ всѣхъ воротъ и дверей выходятъ служанки, и начинаютъ чистить и обмывать мостовую. И какія служаночки! опрятненькія, бѣленькія! Жаль, что не берутъ отсюда на наши театры статистокъ для нѣмыхъ ролей. Да то бѣда: тогда перестали бы смотрѣть на актрисъ! — Вообще любопытно слѣдить за измѣненіемъ народныхъ физіономій: здѣсь, въ Любекѣ, и между самымъ простымъ народомъ найдете лица, совершенно схожія съ тѣми, которыя за нѣсколько сотъ лѣтъ писаны Гольбейномъ и Крапахомъ. Устройство домовъ здѣсь совершенно отличное отъ нашего. Собственныхъ дворовъ въ Любекѣ невидать; за то, въ нижнемъ ярусѣ каждаго дома, выходитъ широкою дверью на улицу родъ сарая, или большихъ сѣней, такъ называемая *Hausflur*. Подлѣ этихъ сѣней, съ обѣихъ сторонъ, помѣщается кухня, прачечная. Въ самой *Hausflur* хозяинъ обыкновенно занимается своимъ ремесломъ, производятся многія домашнія работы, лежатъ громоздкія вещи и т. п. Опрятность и порядокъ тамъ удивительные. Въ задней части *Hausflur*

стеклянная дверь ведетъ обыкновенно въ небольшой садикъ.

Часу въ девятыхъ пошелъ я къ нашему консулу, г. Шлецеру, сыну знаменитаго историка, и долго не могъ найти его дома, по непонятному для меня указанію трактирнаго комиссіонера. Я рѣшился спросить, гдѣ онъ живетъ, и вошелъ въ первую Hausflur. Мнѣ отвѣчали учтиво: извольте пройти еще три дома, по лѣвой рукѣ. Сначала показалось мнѣ, что я зашелъ въ магазинъ шелковыхъ или галантерейныхъ товаровъ, но осмотрѣвшись, увидѣлъ, что стою въ лавкѣ мясника: части говядины, телятины, бараньи головы и т. п. висѣли на стѣнахъ, лежали по столамъ, какъ модные чепцы и бальныя платья въ магазинахъ мадамъ Сихлеръ или Ксавье!

Я вскорѣ нашелъ искомый мною домъ, по надписи: *Russisch-Kaiserliches Consulat*. Вхожу въ Hausflur — нѣтъ никого; далѣе, въ контору — ни души. Книги, бумаги, письма, деньги лежатъ на столахъ и конторкахъ. Воротаясь въ Hausflur, я началъ кашлять и шаркать; появилась служанка, и объявила, что г. консулъ еще не пріѣзжалъ съ дачи, а молодой господинъ дома. Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришелъ сынъ г. Шлецера, Несторъ, воспитывавшійся въ Россіи, и выдавшій меня въ Петербургѣ, и привѣтствовалъ меня по-русски. — «Примилуйте,» сказалъ я ему: «у васъ всѣ двери стоятъ настежь. Какъ вы не боитесь воровъ?» Онъ успокоилъ меня замѣчаніемъ, что воровство у нихъ, въ Любекѣ, вещь почти вовсе несмы-

хавная, и что тамошняя полиція совершенно ограждает мирныхъ жителей.— Вскорѣ прѣхалъ г. Шлецеръ, отецъ, и принявъ меня очень ласково. Я бесѣдовалъ съ нимъ о многихъ предметахъ и случаяхъ, любопытныхъ для насъ обоихъ, и съ удовольствіемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ на прекрасный портретъ безсмертнаго отца его, съ русскою надписью: *Льта вѣчная помянухъ*. Г. Шлецеръ, замѣтивъ мое любопытство, обѣщавъ ко вторичному моему прѣзду принаести гравированную съ него копію, мнѣ на память.

Послѣ этого визита оставалось мнѣ два часа времени. На обратномъ пути въ Hôtel du Nord, я осматривалъ нѣкоторыя улицы и площади города, любопытныя и почтенныя своею неподдѣльною стариною, пріятныя на взгядъ опрятностью. У ратуши, изукрашенной готическими вычурами среднихъ вѣковъ, стояли солдаты ганзеатическаго легіона — не тѣ старинныя карикатуры, которыми славились имперскіе города во время оно. Выправка ихъ, правда, не наша молодецкая, но они бодры, поворотливы, и на запросы мои отвѣчали учтиво и умно. Мундиры ихъ покроемъ и цвѣтомъ похожи на наши армейскіе, только пуговицы на нихъ въ два ряда, какъ у Прусаковъ; кивера ниже нашихъ и сверху шире, какъ кучерскія шляпы. — Подлѣ ратуши находится биржа, а подлѣ нея *погребъ городского совѣта* (Rathskeller); необходимая принадлежность всякой германской ратуши: въ этомъ погребѣ хранилось, въ теченіе столѣтій, заповѣдное вино, и отпускалось только при большихъ

случаяхъ и для больныхъ. Въ зимніи времена это просто погребъ, какъ и всякій другой.

«Что всего любопытнѣе въ Любекѣ?» спросилъ я у хозяина трактира. «Двѣ старинныя церкви,» отвѣчалъ онъ: «Св. Марія и соборная. Совѣтую посмотреть ихъ, если вы хотите полюбоваться германскою стариною. Наемный слуга васъ проводитъ.» Я отправился сперва въ церковь Св. Маріи — зданіе старинное, огромное, величественное, превосходное произведение готической архитектуры. Своды выведены высокіе и острые; окна стрѣлчатые. Деревянная рѣзная работа, позолота и живопись среднихъ временъ. Эта церковь, какъ и прочія, построена во время владычества католическаго исповѣданія, но въ ней нѣтъ слѣдовъ того пуританскаго фанатизма, съ которымъ католическіе храмы превращены въ протестантскіе въ Женевѣ и Лозаннѣ. Католическіе образа, изваянія, надписи сохранились въ цѣлости, и тщательно поддерживаются. Измѣнена только форма престола, и вынесены исповѣдныя, какъ излишнія при новыхъ обрядахъ. Такимъ образомъ, въ здѣшнихъ церквахъ уцѣлѣли многія достопамятности среднихъ вѣковъ, истребленныя въ другихъ странахъ протестантскихъ. Органы считаются въ числѣ самыхъ большихъ и лучшихъ во всей Германіи. Позади алтаря находятся астрономическіе часы, сооруженные въ 1405 году незнакомымъ художникомъ, исправленные потомъ по системѣ Коперника, и въ 1809 снабженные столѣтнимъ календаремъ. Ровно въ полдень, съ послѣднимъ

ударомъ двѣнадцати часовъ, выходятъ изъ дверей надъ часами семь курфирстовъ бывшей Римской Имперіи, и самъ императоръ; онъ останавливается по срединѣ; курфирсты проходятъ мимо и кланяются ему; потомъ всѣ уходятъ въ противоположныя двери. Фигуры величиною въ поларшина. Механизмъ придуманъ очень замысловато. — Въ одномъ придѣлѣ находится прекрасная картина, представляющая входъ Спасителя въ Іерусалимъ, трудовъ молодого любекскаго гражданина Овербека, живущаго теперь въ Римѣ. Онъ сынъ или племянникъ любекскаго сенатора Овербека, германскаго Беранже, автора многихъ прекрасныхъ пьесъ, сдѣлавшихся народными, какъ напримѣръ знаменитая: *Freut euch des Lebens*. — Въ особомъ отдѣлѣ, между широкими готическими столбами, помѣщается извѣстный танецъ мертвыхъ: смерть ведетъ на тотъ свѣтъ короля и папу, кардинала и вонна, купца и невѣсту. Эта картина, состоящая изъ множества фигуръ, любопытна особенно потому, что даетъ точное понятіе о костюмахъ среднихъ вѣковъ. — Соборная церковь (*Domkirche*) уступаетъ древностію и огромностію предыдущей, но не менѣе любопытна, какъ архитектурою, такъ и многими памятниками сѣдой старины. На одной стѣнѣ ея изображенъ на бѣломъ грунтѣ олень, преслѣдуемый охотникомъ. Это знаменитѣйшая любекская легенда. Преданіе говоритъ, что Карлъ Великій, забавляясь охотою на мѣстѣ Любека, покрытомъ въ то время густымъ лѣсомъ, поймалъ прекраснаго оленя и, пожа-

лѣвъ убить его, надѣлъ на него богатое ожерелье и пустил на волю. Лѣвъ чрезъ чѣтыреста Генрихъ Лѣвъ на этомъ самомъ мѣстѣ убилъ этого оленя, у котораго между рогами выросъ двойной золотой крестъ. Найденное на немъ драгоцѣнное ожерелье употреблено было на постройку церкви, а двойной крестъ внесень въ гербъ ея капитула. Надъ хоромъ изображенъ лѣвъ, въ память Генриха. — По сторонамъ, между столбами, находятся гробницы любекскихъ епископовъ, патриаршевъ и другихъ знаменитыхъ людей. Иконостасъ украшенъ удивительною рѣзбою изъ дерева; каедрa искусно изваяна изъ камня; бронзовая купѣль покрыта множествомъ обронныхъ изображеній, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ искусствъ въ средніе вѣки: я замѣтилъ въ нихъ нѣкоторое сходство съ новгородскими вратами. Но важнѣйшія художественныя произведенія въ этой церкви суть: прекраснѣйшее каменное изваяніе Пресвятой Дѣвы, трудовъ плѣнника, съ подписью 1509 года, и еще изображеніе Страстей Господнихъ, на трехъ картинахъ, въ двадцати трехъ группахъ. Эти картины отличаются въ числѣ лучшихъ произведеній германской школы, живостью изображеній, тщательностью отдѣлки и яркостью красокъ. Недостатки перспективы, соразмѣрности и строгой правильности рисунка исчезаютъ въ неотъемлемыхъ красотахъ этого мастерскаго произведенія. Полагаютъ, что эти картины написаны Гансомъ Гемлингомъ въ 1451 году.

Я долго стоялъ предъ ними и разглядывалъ ихъ

подробности, разнообразныя, мелкія, богатые. Каждая травка отдѣлава, какъ на картинкахъ въ естественной исторіи. Вдругъ ударилъ колоколъ. Я вздрогнулъ и взглянулъ на огромные часы, на хорахъ. Стрѣлка показывала полдень. Скелетъ, изображающій время, билъ молотомъ часы. Въ срединѣ циферблата изображено въ солнцѣ лице человѣческое: глаза двигались въ ту и другую сторону, съ каждымъ движеніемъ маятника.

Пора ѣхать изъ Любека! Взглянувъ еще разъ съ любопытствомъ и сожалѣніемъ на эту громаду памятниковъ среднихъ временъ, и поблагодаривъ учтивого и образованнаго кистера, который показывалъ и толковалъ мнѣ эти рѣдкости, вышелъ я изъ церкви на свѣжій воздухъ. На лугу играли миловидныя дѣти; торговцы и торговки проходили по улицѣ; на площадкѣ учился взводъ солдатъ. Мнѣ чудилось, когда я глядѣлъ на всѣ эти лица, что изображенія, видѣныя мною въ церкви, сняты не за триста или четыреста лѣтъ предъ этимъ, а третьяго дня, вчера, сегодня, съ этихъ самыхъ лицъ, которые теперь мнѣ встрѣчаются. — Любекъ заслуживаетъ вниманія съвернаго, русскаго путешественника и въ историческомъ отношеніи. Древнѣйшіе обитатели береговъ Травы и здѣшняго поморья были Славяне. Самое имя Любека не германское. Славянскій Князь Любый, въ началѣ девятаго вѣка, срубилъ городокъ при впадѣніи рѣки Швартовы въ Траву, и назвалъ его *Любыкъ*. И теперь видны тамъ слѣды стариннаго городища. Въ

половинѣ XII вѣка графы голстинскіе завели по берегамъ Травы нѣмецкія колоніи; но диніе, воинственныя Славяне неоднократно ихъ опустошали. Генрихъ Левъ, Герцогъ Саксонскій и Баварскій, побѣдилъ Славянъ, покорилъ ихъ грады и веси, и принудилъ ихъ принять христіанство. Съ тѣхъ поръ германскій духъ водворился на берегахъ Балтики. Въ послѣдствіи Любекъ вошелъ въ мирныя торговыя сношенія съ Новымъ-городомъ. Донынѣ есть въ Любекѣ *Новгородская Контора* (Schlüsselbuden, № 196). — Я шелъ домой медленно, посматривая по обѣ стороны улицы на готическіе дома, въ которыхъ жили наши новгородскіе бородачи посреди древнихъ любскихъ гражданъ, красовавшихся въ черныхъ мантияхъ, съ бѣлыми брыжами.....

Спутницы мои уже были готовы къ отъѣзду. Мы наняли до Гамбурга четверомѣстную, очень порядочную коляску, тройкою, за пять червонцевъ. Дорога эта составляетъ слишкомъ 60 верстъ — не дорого! Но за то, что за дорога! Она напомнила мнѣ путешествіе мое, въ 1833 году, отъ Москвы къ Троицкой Лаврѣ, куда я ѣздилъ съ сѣверо-американскимъ посланникомъ, г. Бухананомъ, и португальскимъ секретаремъ посольства, Г. Герреро. Наша русская дорога, по крайней мѣрѣ, вездѣ ровно плоха, а нѣмецкая дурна съ варіаціями. Выѣхавъ изъ Любека, мы катились версты двѣ по хорошему шоссе; но вдругъ бѣлый съ красными полосками плагбаумъ возвѣстилъ намъ о вступленіи нашемъ въ датскія

владѣнія, и о томъ, что дачинается искусь. Съ насъ взяли пошлину за шоссе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно прекращается! Пошли толчки, пивки. Дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вымощена, а выложена по срединѣ крупнымъ булыжникомъ, который очень часто разстунается подъ колесами и накрениваетъ экипажъ. Бдучи же краемъ, того и смотри, что опрокинешься въ канаву. Въ рѣдкія минуты ровной ѣзды по сыпучему песку, любовались мы сельскими усадьбами по дорогѣ. Опрятные домики, съ свѣтлыми окнами, окруженные садами, въ которыхъ цвѣтутъ пышныя розы, казались намъ не крестьянскими избами, а загородными домами зажиточныхъ гражданъ. Мы обѣдали въ Шёнебергѣ, довольно порядочно. Когда смерклось, въѣхали мы въ знаменитый *Вандсбекъ*, гдѣ жили и писали Штольбергъ, Клаудиусъ и другіе классическіе авторы золотого вѣка германской литературы. Датское правительство искони покровительствовало наукамъ и словесности: оно награждало пенсіями великихъ писателей Германіи, давало имъ у себя пріютъ и пропитаніе. Было время, что званіе писателя служило паспортомъ въ богадѣльню, Обогащались книгопродавцы, наслаждалась публика, а поэтъ умиралъ съ голоду.

Версты черезъ двѣ, пошли загородные домики, составляющіе предмѣстье Гамбурга. Всѣ они въ одинъ, много въ два этажа. Изъ-за чистыхъ оконъ, установленныхъ цвѣточными горшками, свѣтятся огни. Передъ домами тянутся рядомъ густыя липы. Какое-то выра-

женіе тишины, спокойствія и довольства выглядывало изъ каждаго окна. Тутъ опять пошло ровное шоссе, и мы отдохнули. — Самыя дурныя дороги въ сѣверной Германіи пролегаютъ по датскимъ владѣніямъ. Такъ, напримѣръ, изъ Берлина ѣдешь въ Гамбургъ, чрезъ Пруссію и мекленбургскія владѣнія; по прекраснѣйшему шоссе, но съ Бойценбурга начинается гололодная ѣзда чрезъ лауэнбургскую область, принадлежащую Даніи, и продолжается до начала гамбургской земли. Что этому причиною? Недостатокъ денегъ? Нѣтъ! Граждане Гамбурга и Любека берутся устроить на свои деньги хорошее сообщеніе между обоими городами, и прусское правительство давно помогаетъ только согласію Даніи на продолженіе шоссе отъ Берлина до Гамбурга. Причиною этому — расчетъ. Жители пограничныхъ датскихъ областей боятся лишиться дохода за провозъ товаровъ чрезъ ихъ мѣстечки, когда ганзейскіе города будутъ имѣть, между собою и Пруссіею, легкое и удобное сообщеніе. Нечего сказать; великодушно! — Говорятъ, что какая-то англійская компанія беретъ построить на свой счетъ, между Гамбургомъ и Любекомъ, желѣзную дорогу, и возить товары и путешественниковъ на паровыхъ «урахъ. Хорошо, да что-то не вѣрится: слишкомъ хорошо!

Вотъ и городскія ворота Гамбурга! — «Куда прикажете ѣхать?» спрашиваетъ извозчикъ. — «Куда! въ *Hôtel de Russie*.» Насъ привезли къ освѣщенному яркими фонарями подъѣзду большого дома, на людвой

лицъ. Нѣсколько прислужниковъ высыпало къ намъ на встрѣчу. Мы вошли въ гостиницу. Въ большой столовой залѣ нашли мы нѣсколько нашихъ спутниковъ и спутницъ съ парохода, и обрадовались имъ, какъ старымъ знакомымъ. Всѣ занимались однимъ — ужиномъ. Сытный гамбургскій столъ, извѣстный во всей Германіи, вознаграждалъ странниковъ за умеренныя трапезы на дорогѣ. Въ антрактахъ раздавались возгласы на ужасную дорогу отъ Любека. Подлѣ госпожи Гайцингеръ сидѣлъ директоръ гамбургскаго театра, искусный актеръ и счастливый комическій писатель, Лебрень. Узнавъ о ея пріѣздѣ, онъ, по окончаніи спектакля, явился къ ней съ просьбою сыграть раза два въ Гамбургѣ; но она рѣшительно отказалась, сдѣлавъ явиться къ сроку въ Карлсру. Лебрень, по общему свидѣтельству, въ этотъ вечеръ прекрасно сыгралъ роль пьянаго.

Насъ отвели на ночь какое-то стойло. Въ эту гостиницу пріѣзжаетъ столько путешественниковъ, что хозяинъ нашелся принужденнымъ разгородить одну большую залу на нѣсколько отдѣленій. Тѣсно, неудобно, скучно. Но дѣлать нечего. Утро вечера мудренѣе!

III.

ГАМБУРГЪ.

Первый взглядъ на Любекъ возбуждаетъ въ путешественникѣ воспоминанія о почтенной старинѣ, а

картина Гамбурга, дѣятельнаго, шумнаго, обновленнаго, радуется настоящимъ. Выбравшись поутру изъ стойла, которое обращалось окномъ на тѣсную улицу, я вышелъ на главный подъѣздъ гостиницы, на знаменитомъ гамбургскомъ гульбищѣ, *der Jungfernstieg* (дѣвичья тропа). Какъ мило и привлекательно! Вокругъ большаго, четвероугольнаго водоема (съ перваго взгляда не видать, рѣка ли это или прудъ) тянутся ряды великолѣпныхъ зданій; по берегу идетъ усаженный липами бульваръ, кипящій народомъ. Нѣтъ! я ни за что не останусь въ моемъ стойлѣ. «Нѣтъ ли у васъ порожнихъ комнатъ на улицу?» спросилъ я у хозяйскаго сына. — «Есть, но ихъ бережемъ для генеральши Н., которая прѣдетъ сюда сегодня.» — «Ну, такъ ждите меня, когда я буду генераломъ!» сказалъ я трактирному аристократу, и пошелъ искать себѣ другаго пріюта. Онъ скоро нашелся. Въ концѣ гульбища, на самомъ углу, возвышается высокое зданіе съ надписью: *Hôtel du Belvédère*. Изъ него видъ простирается во всѣ стороны, и главный бульваръ видѣнъ во всю длину. Мнѣ отвели въ нижнемъ ярусѣ два отдѣленія; окошки ихъ выходили на лицевую сторону. Я поспѣшилъ воротиться за моими спутницами, которыхъ въ *Hôtel de Russie* отправили на чердакъ, не далеко отъ небеснаго свода. Онѣ тамъ горько скучали, и крайне обрадовались новому нашему жилищу. Переправа была исполнена въ полчаса. Между тѣмъ воротились мы въ *Hôtel de Russie*, чтобъ проститься съ своими парходными спутниками. Мы

сѣли за роскошный завтракъ, въ ожиданіи той минуты, въ которую разѣдемся во всѣ стороны, можетъ быть, на вѣки. Всѣ толковали о Россіи; всѣ иностранцы изъявляли искреннюю любовь къ нашему отечеству, и желали скорѣе къ намъ воротиться. «Es lebe Russland!» вскричалъ одинъ взявшись за бокаль! — «Знаете ли вы,» спросилъ я ихъ, «въ какой день пьете за благо Россіи? Сегодня рожденіе нашего Государя!» — «Въ самомъ дѣлѣ!» закричали всѣ: «Es lebe der Kaiser von Russland! Ура!» — Тотъ этотъ произнесенъ былъ на чужой сторонѣ, большою компаніею, въ которой Русскихъ было только два человѣка, но съ такою же искренностью, съ такими же восторгомъ, какъ бы въ Москвѣ или Петербургѣ. Въ немъ участвовалъ мой старинный знакомецъ и пріятель, нашъ вице-консулъ въ Гамбургѣ, Ома Ефимовичъ Масъ, бывший за двадцать пять лѣтъ предъ нимъ моимъ ученикомъ въ Петровской Школѣ. Узнавъ о пріѣздѣ моемъ въ Гамбургъ, онъ тотчасъ меня отыскалъ, и сдѣлался съ тѣхъ поръ моимъ путеводителемъ. Отъ этого обстоятельства, думаю я, жизнь въ Гамбургѣ мнѣ такъ понравилась: и самый городъ, и жители его, и весь тамошній бытъ произвели во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Я говорилъ съ Масомъ по-русски, могъ спросить у него обо всемъ, что мнѣ встрѣчалось; могъ, безъ обинякоу, не боясь оскорбленія предразсудковъ народныхъ, говорить ему и мое мнѣніе.

Возвращаясь домой, я находилъ моихъ любез-

ныхъ спутницъ, бесѣдовалъ съ ними какъ съ родными, и менѣе нежели гдѣ нибудь чувствовалъ свое одиночество и удаленіе изъ отечества. Когда вы начинаете спрашивать путешественника о чужихъ краяхъ, всегда предварительно освѣдомляйтесь, въ какомъ онъ былъ расположеніи духа. Въ глазахъ челоуѣка есть такія же разноцвѣтныя стеклышки, какъ на театральныхъ закулисныхъ лампахъ: внутренній свѣтъ лампы все тотъ же, но цвѣтъ всѣхъ окружающихъ предметовъ перемѣняется отъ того, сквозь какое стекло проходить первый. Немногіе дня пребыванія моего въ Гамбургъ провелъ я безъ малѣйшаго огорченія, въ кругу людей почтенныхъ и любезныхъ — отъ этого и Гамбургъ мнѣ понравился болѣе другихъ мѣстъ Германіи.

Распростившись съ добрыми Гайцингерами, и взявъ съ нихъ слово, что они при первой возможности опять посѣтятъ Петербургъ, я отправился съ Масомъ на гамбургскую биржу. Тутъ въ первый разъ представилось мнѣ движеніе богатаго торговаго нѣмецкаго города, кипящаго жизнію и дѣятельностью. Улицы кривыя и тѣсныя; дома высокіе, узкіе; нижніе ярусы состоятъ изъ лавокъ и магазиновъ. Народъ на улицахъ волнуется безпрерывно. Вотъ древняя ратуша, украшенная старинными статуями императоровъ римскихъ! Вотъ пресловутый Гамбургскій Банкъ! Въ подвалахъ его, омываемыхъ каналами, хранятся соковокъ, золото и серебро въ полосахъ. Даву разграбилъ его, но королевское французское прави-

тельство уплатимо бодшую часть. Остальная дополнена въ послѣдствіи благоразумнымъ управленіемъ. Вотъ пзвѣстный *Эймбекскій Домъ* (das Eimbeckschö Haus), о которомъ безпрестанно читаешь въ гамбургскихъ газетахъ. Домъ этотъ, называемый и *высокимъ* (das hohe Haus), построенъ въ 1325 году для продажи въ немъ знаменитаго тогда эймбекскаго пива, а нынѣ заключаетъ въ себѣ разныя конторы: страховую, таможенную и лоттерейную, аукціонную камеру для публичной продажи недвижимыхъ имуществъ и кораблей, коммерческій судъ и коммисаріатъ. Подъ нимъ находится погребъ городского совѣта, учрежденный въ 1326 году. У входа грубая статуя Бахуса, а внутри древняя бочки (Mutterfässer) съ рейнскимъ и мозельскимъ виномъ 1620 года. Французы помогали прибрать къ рукамъ и устамъ это святилище (Heiligtum, какъ называютъ его здѣсь), но Гамбургцы уступили банкъ, а вина не выдали. Народъ со вкусомъ!

Вотъ и биржа! Небольшое пространство, ступенями двумя ниже улицы, обведенное старинною рѣшеткою. Надъ частью его надстроена, въ половинѣ XVI вѣка, биржевая зала, на четырнадцати двойныхъ колоннахъ, оклеенныхъ мнѣжествомъ объявленій и афишъ. Посреди площади возвышается на столбѣ черная доска: на ней большими бѣлыми буквами изображены имена злостныхъ банкротовъ. Тысячи людей, во фракахъ и сюртукахъ, большая часть съ сигарами во рту, всѣ въ шляпахъ, толпились на биржѣ и въ окрестныхъ

улицахъ. На биржевое время ставятъ въ этихъ улицахъ караулъ, прекращаютъ проѣздъ экипажей, и не позволяютъ никому проходить съ ношею. Гамбургскіе жители соглашались, что помѣщеніе ихъ биржи тѣсно, неудобно, непріятно, и говорятъ, что со временемъ непременно выстроятъ для нея другое, приличнѣйшее зданіе. Для замѣны этого недостатка, сооружена, въ 1804 г., такъ называемая биржевая палата (Börsenhalle), недалеко отъ биржи. Тамъ купцы находятъ, за небольшую въ годъ плату, всѣ удобства для отправления дѣлъ своихъ. Главное удобство въ томъ, что они въ ней въ ненастное и холодное время защищены отъ дѣйствія враждебныхъ стихій. При входѣ въ палату, на черныхъ доскахъ, написаны мѣломъ извѣстія о времени полученія иностранныхъ почтъ. Нижній ярусъ служитъ заломъ собранія. Въ верхнемъ газетная комната, — огромная зала, уставленная столами. Надъ каждымъ столомъ надписи: газеты англійскія, французскія, голландскія, русскія.

Подлѣ залы редакція извѣстной коммерческой и политической гамбургской газеты: *Liste der Börsenhalle*, которая выходитъ по вечерамъ, и сообщаетъ своимъ подписчикамъ извѣстія 14 часами прежде другихъ газетъ. Сверхъ того, стоитъ посреди газетной комнаты черная доска, на которой всякъ можетъ написать о новомъ, полученномъ имъ извѣстіи. Господня Маасъ познакомилъ меня тутъ же съ учредителемъ и хозяиномъ этой палаты, г. фонъ Гострупомъ, человекомъ образованнымъ, умнымъ и привѣтливымъ.

Въ его кабинетѣ нашелъ я разнообразное, пріятное общество иностранныхъ дипломатовъ, гамбургскихъ банкировъ, и тутъ же былъ приглашенъ на нѣсколько обѣдовъ. — Оставивъ Маса любоваться преискурантами и наслаждаться курсомъ, я пошелъ бродить по городу, и вскорѣ увидѣлъ прелюбопытную картину — гамбургское погребеніе. Хоронили молодого врача Симонсена, человѣка достойнаго и всѣми уважаемаго. Впереди ѣхалъ, въ двумѣстной каретѣ, запряженной двумя тучными лошадьми, церемоніймейстеръ въ черномъ одѣяніи. За нимъ везли гробъ на дрогахъ, запряженныхъ также нарою лошадей, въ черныхъ поповахъ. Гробъ покрытъ чернымъ сукномъ, безъ херувимчиковъ и т. п. За дрогами шли шестнадцать человѣкъ, по два въ рядъ, въ черномъ платьѣ, въ короткихъ испанскихъ плащахъ, съ широкими во-кругъ шеи брыжами, при шпагахъ, въ башмакахъ, въ бѣлонапудренныхъ круглыхъ парикахъ. Я сначала подумалъ, что это духовенство, но подошедъ поближе, и разглядѣвъ ихъ деревянные, безтолковыя фижіоміи, увѣрился, что это народъ рядовой. Потомъ объяснили мнѣ, что это верховые служители ратуши, гвардія сената, необходимая примѣсь всякаго чрезвычайнаго торжества. На погребеніяхъ ходятъ они, какъ я описалъ выше; гостей на свадьбы приглашаютъ они въ красномъ нарядѣ, обшитомъ галунами, расчесавъ волосы, съ парадною шляпою подъ мышкой, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ. Въ случаѣ выѣзда бургомистровъ на охоту и при другихъ экстренныхъ

происшествіяхъ являются они грозными брамарбасами, верхомъ, въ драгунскихъ колетахъ и каскахъ, съ саблями и ружьями. — Вслѣдъ за гробомъ ѣхали нѣсколько каретъ, но въ нихъ сидѣли одни мужчины: здѣсь женщины при погребеніяхъ не бываютъ. Что городъ, то норовъ. Я подумалъ при этомъ, какъ странны должны быть въ глазахъ иностранца наши петербургскіе обряды: факелы, при солнечномъ свѣтѣ; провожатые въ раздранныхъ, черныхъ поружбелыхъ мантияхъ и круглыхъ шляпахъ съ широкии, *изузореиными*, какъ нынѣ говорятъ (и пишутъ!) полями; сквозь прорѣхи проглядываетъ смурый кафтанъ, или отслужившая 18 камнаній солдатская шинель; на козлахъ, въ черной же мантии, пьяная, брадатая рожа, которая сегодня послѣ обѣда свезетъ васъ на Крестовскій Островъ. Одно у насъ лучше, и это важнѣе всѣхъ наружныхъ обрядовъ: это благоговѣйное уваженіе народа къ праху почившаго брата, къ какой бы религіи онъ ни принадлежалъ. Въ Гамбургѣ не замѣтилъ я ни малѣйшаго тому слѣда: прохожіе безчувственно глазѣли на поѣздъ.

Вечеромъ, въ угожденіе моимъ спутницамъ, отправился я съ ними въ театръ. Давали оперу Обера: Маскарадъ, или Смерть Густава III. Театръ просторенъ и хорошо выстроенъ. Декораціи прекрасныя — трудомъ искуснаго живописца Кокки, который былъ у насъ въ Петербургѣ прошлаго года, и написалъ нѣкоторыя декораціи Роберта. Музыкою я не могъ наслаждаться, слыша ее въ первый разъ. Но мнѣ, му-

зыка тогда доставляетъ намъ удовольствіе, когда мы знаемъ ее почти наизусть. Въ первый же разъ она мнѣ кажется какимъ-то предисловіемъ къ чему-то. Да и пѣвцы были ординарные. Содержаніе оперы было бы непріятно и огорчительно для всякаго нравственнаго чувства, если бъ не было до крайности нелѣпно! Выставить на позорище одного изъ достойнѣйшихъ государей Европы, современника многихъ изъ васъ, какимъ-то приторнымъ селадомомъ, который волочится за придворною дамою, назначаетъ ей свиданіе, и падаетъ отъ руки оскорбленнаго мужа. Гдѣ совѣсть? гдѣ приличіе! Да тутъ музыка сферъ отзовется въ душѣ скрипомъ немазаннаго колеса! Ужаснѣйшая духота въ залѣ, при несносномъ жарѣ, довершила мое мученье. Оно достигло высшей степени, когда я увидѣлъ балетъ гамбургскій. Толкучій рынокъ! — Нѣтъ! прости, гамбургскій театръ! впередъ не заманишь. Проводивъ домой моихъ дамъ, я пошелъ еще освѣжиться на вечернемъ воздухѣ, и изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное нелѣпымъ спектаклемъ. Слышу, на улицѣ, звуки музыки. Что это? Человѣкъ пожилой играетъ на скрипкѣ, дѣвушка милостивая на арфѣ. Они поютъ нѣмецкія народныя пѣсни; имъ вторить прекрасный альтъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Я съ удовольствіемъ ихъ слушалъ; простые, безъискусственные звуки выгѣснили изъ памяти моей слышанное въ театрѣ. Когда они спѣли двѣ аріи, я далъ имъ бездѣлицу, и попросилъ пропѣть еще что нибудь. Но видно, что *singen Sie noch etwas*,

произнесено было: *зиппенъ зи нохъ, этвасъ*. Они по произношенію моему узнали, съ кѣмъ имѣють дѣло, и заплѣли (разумѣется нѣмецкими словами): «Вотъ ичится тройка удалая!» Я выслушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ, и заплатилъ вчетверо. — Вообще хотите ли знать, по какимъ примѣтамъ узнають насъ въ Германіи? — Во-первыхъ, не скроется наше произношеніе. Какъ ни старайся выговаривать: *майнкъ, дайнкъ*, а русскій *льръ* непремѣнно измѣнитъ. Во-вторыхъ, узнають насъ по запаху. Вы не вѣрите! По запаху русской кожи на нашихъ сапогахъ. Вотъ что значить — Русью пахнетъ! — Въ-третьихъ, по нашей манерѣ пить вино. Нѣмецъ понемногу прихлебываетъ изъ рюмки, и старается продлить удовольствіе. Французъ процѣживаетъ вино сквозь зубы, чтобъ насладиться букетомъ; у насъ, въ Россіи, опоражниваютъ стаканы залпомъ. Когда я сегодня, отъ всеусердія, понашему хватилъ бокалъ шампанскаго за любезный намъ тостъ, Мать съ восторгомъ бросилась ко мнѣ на шею, и воскликнулъ: Россія не измѣнилась!

IV.

Гамбургъ.

Во всѣхъ географіяхъ печатають, что вольный ганзейскій городъ Гамбургъ лежитъ на берегу Эльбы;

но вы можете прожить въ Гамбургѣ нѣсколько дней, недѣль и мѣсяцевъ, побывать во многихъ людскихъ частяхъ его, осмотрѣть разные зданія и любопытныя мѣста — и не видать Эльбы. Гамбургъ прислоняется къ этой рѣкѣ западною своею частью, гдѣ находятся пристани, пакгаузы, амбары, жилища кораблехозяевъ и тому подобныя отдѣленія большаго торговаго города, обращающія на себя вниманіе статистика, негоціанта, а не досужаго путешественника, ищущаго гульбищъ, зрѣлищъ, хорошихъ зданій, всемирныхъ монументовъ. Западная часть Гамбурга застроена высокими, старинными, некрасивыми домами, лежащими на самомъ краю Эльбы (Vorsätze): тамъ увидите однихъ матросовъ, дрягилей, поденщиковъ и т. п. Гамбургскіе жители смѣются надъ великимъ германскимъ поэтомъ Шиллеромъ, который, въ одной изъ своихъ трагедій (Коварство и любовь), заставляетъ героиню прогуливаться въ Гамбургѣ по берегу Эльбы! Жители внутреннихъ странъ Германіи спѣшаютъ въ Гамбургъ въ гавань, чтобъ насладиться картиною приморскаго порта, и не могутъ нахвалиться этимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ. Для меня, всегдашняго жителя петербургскаго, эта картина была вовсе неоригинальна. То же, что у насъ на биржѣ и въ Кронштадтѣ. Эльба раздѣляется здѣсь на многіе рукава, образующіе нѣсколько низменныхъ острововъ, покрытыхъ тучною зеленью. По ту сторону рѣки лежатъ обширные огороды и сады, въ которыхъ разводятъ овощи и зелень для потребленія города. Торговки, въ большихъ лод-

кахъ, безпрестанно переправляются чрезъ рѣку. Подлѣ берега пѣлый лѣсъ мачтъ корабельныхъ. Нѣсколько пароходовъ стоятъ на якорѣ. Сегодня или завтра отправятся они въ Лондонъ, Амстердамъ или Гавръ; въ нѣсколько часовъ перенесутъ васъ за тридевять земель. Любо! Были бы деньги да время!

Лучше поведу васъ въ восточную часть, свѣтскую, шумную, разнообразную. Гамбургъ лежитъ между двумя рѣками, широкою Эльбою и небольшимъ Альстеромъ, приближающимся къ нему съ восточной стороны. Эта послѣдняя рѣка, до вступленія въ городъ, расширяется большимъ водоемомъ и, наполнивъ водою своею городскіе рвы, сообщается съ Эльбою посредствомъ каналовъ, снабженныхъ шлюзами для удержанія напора эльбской воды при морскомъ приливѣ. Изъ Эльбы проведены въ городъ еще многіе другіе каналы, называемые *Fleeten*: они проходятъ вплоть у самыхъ домовъ, съ задней ихъ стороны, и служатъ для подвоза товаровъ къ самымъ амбарамъ, а въ случаѣ пожара даютъ возможность имѣть вездѣ достаточное количество воды. Во время отлива, эти каналы мелѣютъ до самаго дна, но это не причиняетъ ни малѣйшаго вреда здоровью и чистотѣ воздуха. Испаренія со дна не имѣютъ времени подняться до наступленія новаго прилива, который опять наполняетъ каналы. Сверхъ того весь городъ обведенъ широкимъ ровомъ, наполненнымъ водою, и валомъ, который въ прежнія времена составлялъ часть укрѣпленій, а нынѣ превращенъ въ прекраснѣйшее гульбище.

Бассейнъ Альстера раздѣляется городскимъ валомъ на двѣ части, *внѣшнюю* и *внутреннюю* (Aussen-Alster и Binnen-Alster). Первая находится за чертою города, а послѣдняя въ самомъ городѣ: онѣ сообщаются между собою широкимъ каналомъ. Внѣшній Альстеръ окруженъ красивыми сельскими видами и загородными домами. Внутренній лежитъ посреди прекраснѣйшей части города, составляя довольно правильный квадратъ. Одна сторона его застроена, подлѣ самаго берега, высокими домами старинной архитектуры. По другой тянется, упомянутое уже мною, прекрасное гульбище Jungfernstieg. Это широкій бульваръ, усаженный густыми липами, между линіею большихъ, благообразныхъ домовъ и берегомъ чистаго водоема. По третьей сторонѣ идетъ такой же бульваръ, но деревья его меньше; дома по линіи новѣе: это новый Jungfernstieg, построенный въ послѣдніа десять лѣтъ. Онъ идетъ не прямо, но въ послѣдней трети, по длинѣ своей, сворачиваетъ чувствительно влѣво. Эта *кривизна* есть свидѣтельство нѣмецкой *прямоты*. Для постройки новаго бульвара надлежало скупить и сломать всѣ бывшіа тамъ строенія. Домохозяева уступили ихъ городу, который платилъ за нихъ въ тридорога. Только одинъ владѣлецъ дома, на самомъ углу Альстера, кажется, столяръ, заломилъ такую ужасную цѣну, что не было возможности приобрѣсть его домъ. Онъ надѣялся принудить къ увеличенію платы вдесятеро. Сенатъ, истощивъ всѣ средства убѣжденія, рѣшился оставить этотъ домъ, и провести

линію домовъ далѣе влѣво. Вѣтхій домъ столяра остался на своемъ мѣстѣ, какъ памятникъ уваженія къ правамъ частнымъ, и монументъ глупости его хозяина, которому теперь не даютъ и половины дѣйствительной цѣны его дома. По моему мнѣнію, не худо было бы принять повсюду законъ, существующій во Франціи и у насъ, въ Россіи, по которому правительство, для достиженія общепользующей цѣли, имѣетъ право брать частное имущество, вознаградивъ владѣльца достаточнымъ и безобиднымъ образомъ. Обыкновенными причинами отказовъ со стороны владѣльцевъ бываютъ или низкое корыстолюбіе, или глупое упрямство. Такимъ образомъ въ Берлинѣ испорчена новая готическая Фридрихъ-Вердерская Церковь, мастерское произведеніе Шинкеля. Владѣльцы лежащихъ подлѣ этой церкви вѣтхихъ и безобразныхъ домовъ не согласились продать ихъ, и архитекторъ принужденъ былъ построить зданіе гораздо уже противъ надлежащаго. Отъ этого нарушены въ церкви всѣ правила акустики, и при богослуженіи вовсе не слышно голоса пастора. — Но пора воротиться на Jungfernstieg. Четвертую сторону Альстера составляетъ городской валъ, покрытый зеленью, деревьями и милліонами розъ. Посреди его вѣтряная мельница; влѣво прекрасный мостъ, перегибающійся чрезъ каналъ, которымъ внутренняя часть водоема сообщается съ внѣшнею. Картина несравненная! Здѣсь видите вы и остатки германской древности, и памятники великолѣпія времени новыхъ, и слѣды грозныхъ валовъ, и прекрас-

ныя гульбища мирныхъ гражданъ, и движеніе многолюднаго, шумнаго, пыльнаго города, и картину сельской природы и трудовъ земледѣльческихъ! Кто бывалъ въ Гамбургѣ, тотъ со мною согласится.

Бульваръ съ утра до ночи покрытъ народомъ. Одни прогуливаются, другіе спѣшать по дѣламъ. Отличительная черта Гамбурга есть та, что здѣсь конечно девять десятыхъ взрослыхъ мужчинъ курятъ сигарки, которыхъ, какъ сказываютъ, потребляютъ въ день по сту тысячъ штукъ. Многіе не оставляютъ ихъ и на улицѣ. Отъ этого безпрестанно носится на бульварѣ легкое облако табачнаго дыма. Между бульваромъ и берегомъ построены два павильона; въ которыхъ можно читать газеты, ѣсть мороженое, пить кофе и т. п., при звукахъ музыки. Третій такой же павильонъ выстроенъ на углу новаго Jungfernstieg. Эти павильоны были позорищемъ дракъ между молодыми гражданами гамбургскими и Жидами. Посреди Альстера, на плоту, устроена прекрасная купальня, въ которой можно имѣть ванну изъ какой воды угодно: теплой, холодной, желѣзной, морской, и т. п. Эта купальня освободила меня отъ необходимости ѣхать въ Куксгавенъ: здѣсь купался я въ водѣ соленнаго Нѣмецкаго Моря, полученной изъ первыхъ рукъ. — Еще особенность Альстера: по поверхности его плаваютъ лебеди цѣлыми стаями. Лѣтъ за сто предъ симъ, какая-то птицелюбивая дѣва отказала городу значительную сумму на содержаніе лебедей на водахъ Альстера изъ ея процентовъ. Это завѣщаніе свято испол-

няется. — По берегу Альстера, на сторонѣ стараго Jungfernstieg, находятся лучшія гостиницы города: Бельведеръ, Кронпринца, Hôtel de Russie, Старый городъ Лондонъ, Римскаго Императора и т. д. — Вечеромъ, при шумѣ гуляющаго по берегу народа, катаются по Альстеру въ лодкахъ любители музыки инструментальной и пѣнія. Прелестная гармонія несется съ тихихъ водъ его. Я провелъ тамъ нѣсколько пріятнѣйшихъ вечеровъ, въ бесѣдѣ съ умными и любезными людьми. — Сначала думалъ я, что прекрасные экипажи, стоящіе на углу бульвара, принадлежатъ зажиточнымъ гражданамъ: на дверцахъ надписаны были общія армейскія нѣмецкія фамиліи: Schlüter, Meyer, Müller. Я полагалъ, что въ которомъ-нибудь изъ близлежащихъ домовъ свадьба или пиришество; но вообразите мое удивленіе, когда я узналъ, что эти экипажи извозичьи, и что на нихъ надписаны прозвища самихъ господъ кучеровъ! Экипажи эти, называемые здѣсь *дрожками*, суть легонькія колясочки, въ которыхъ могутъ помѣститься четверо сѣдоковъ; онѣ запряжены въ одну или въ двѣ лошади; кони рослы, сильны и красивы; кучера одѣты опрятно и очень учтивы. На всѣ поѣздки такса: плата *за одинъ конецъ* въ городѣ восемь шиллинговъ (около 65 копѣекъ мѣдью); за часъ, одна марка (130 коп.), за полчаса 10 шиллинговъ (восемь гривенъ) и т. д.

Болѣе всего поразительно и пріятно для пріѣзжаго въ Гамбургъ — общее довольство. Одинъ путешественникъ замѣтилъ, что на лицѣ cadaго Гамбургца

написано: я *сытъ*. Простой народъ дѣтеленъ, весель и вѣжливъ. Черни нѣтъ *). Нищихъ не встрѣтите. Въ Гамбургѣ существуетъ старинный законъ, по которому всякой, кто подастъ на улицѣ нищему милостыню, повиненъ, по объявленіи о томъ нищаго, заплатить штрафу пять талеровъ, изъ которыхъ половину получаетъ доносчикъ.

Въ Гамбургѣ дешевы всѣ вещи, всѣ потребности жизни: дорога только работа рукъ человѣческихъ. «Мы охотно платимъ вдвое нашимъ ремесленникамъ,» сказалъ мнѣ одинъ богатый купецъ: «и радуемся ихъ довольству». Въ самомъ дѣлѣ, тамошніе мастеровые живутъ припѣваючи. Предмѣстья Гамбурга состоятъ изъ непрерывнаго ряда невысокихъ домовъ, выкрашенныхъ подъ кирпичъ, необыкновенно опрятныхъ и уютныхъ. Изъ-за свѣтлыхъ стеколъ въ ониѣ видны товары или произведенія жильца: сапоги, жестяныя

*) Подъ именемъ черни (*sauvaille*) разумѣю я тѣхъ бездомныхъ, праздношатающихся людей, которые составляютъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ населеніе цѣлыхъ частей города; которые, вставъ поутру съ соломяннаго ложа, не знаютъ, чѣмъ прожить день, и потому готовы на всякое преступленіе для утоленія голода и жажды. Въ этомъ смыслѣ и у насъ, въ благословенной Россіи, нѣтъ черни. Всякой человѣкъ, котораго вы встрѣтите въ Москвѣ и въ Петербургѣ, принадлежитъ къ какому нибудь признанному закономъ сословію, и отправляетъ какое нибудь ремесло. Негодяи составляютъ у насъ исключеніе, а во Франціи они — *самодержавный народъ*.

вещи, оловянная посуда и проч. У другого окна сидит хозяйка въ чистомъ платьѣ, въ бѣленькомъ чепчикѣ; вокругъ нея играютъ миловидныя, здоровыя дѣти; на окнѣ пышныя розы; въ клѣткѣ канарейки. Черная работа производится въ надворьѣ. Улицы хорошо вымощены, ежедневно выметены. Прогуливаясь по Предмѣстью Святаго Георгія, я воображалъ себя перенесеннымъ въ городъ, построенный на основаніи геснеровыхъ идиллій. Другое гамбургское предмѣстье *Гамбургская Гора* (Hamburger Berg)) нынѣ названное Предмѣстьемъ Св. Павла, лежащее между собственнымъ Гамбургомъ и датскимъ городомъ Альтоною, имѣетъ особенный свой характеръ. Тамъ находятся игрища, трактиры и вольныя дома для матросовъ гамбургскаго купеческаго флота, которые, въ ошумленіи отъ даровъ Бахуса, и въ наслажденіяхъ, посвященныхъ другимъ божествамъ языческимъ, забываютъ горе, опасности и заботы морской жизни.

Въ числѣ гамбургскихъ торговыхъ и разнощицъ отличаются крестьянки изъ *Фирландена* (Vierlanden, четыре земли), Vierländerinnen. Онѣ ходятъ въ короткихъ юпкахъ, и на головѣ имѣютъ родъ корзины, плоской сверху, на которую могутъ ставить что угодно, для разноски по улицамъ. Округъ Фирланденскій былъ встарину населенъ колонистами голландскими, которые въ теченіе времени забыли свой языкъ, но сохранили національную одежду. Въ числѣ этихъ торговыхъ есть истинныя красавицы. Одна

такая заморская куколка стояла обыкновенно на дорогахъ къ Биржѣ, и предлагала на продажу цвѣты. Какъ не кунить! Въ Гамбургѣ видишь иногда издали, что у прохожаго что-то краснѣется въ петлицѣ. Не орденъ ли? Нѣтъ! подойдя ближе, увидишь, что это роза или гвоздика. — Я прѣхалъ нынѣ въ Германію въ самое *цвѣтущее* время. Всѣ сады, бульвары, окна, палисадники красовались пышными цвѣтами. Гамбургскія розы славятся на всемъ Сѣверѣ, и развозятся далеко. Лучшія розы у насъ, въ Петербургѣ, получаютъ оттуда; но у насъ онѣ остаются кустами, а тамъ вырастаютъ стройными деревьями.

У.

ГАМБУРГЪ.

Правленіе въ Гамбургѣ чисто аристократическое. Исполнительная, судебная и полинейская власть находится въ рукахъ сената, состоящаго изъ четырехъ бургомистровъ и двадцати четырехъ сенаторовъ. Три бургомистра и одиннадцать сенаторовъ должны быть юристами; остальные — купцы. Въ важныхъ случаяхъ, при введеніи новыхъ законовъ, при преобразованіи старыхъ, сенатъ сзываетъ гражданъ, составляющихъ нѣсколько сословій: старшинъ (Oberalten),

шестидесяти и ста осьмидесяти адъюнктовъ, раздѣляющихся по пяти приходамъ города. Однажды только случилось, что гражданскія сословія не согласились съ мнѣніемъ сената: назначенъ былъ особый комитетъ, и онъ рѣшилъ въ пользу послѣдняго. Вообще дѣла общественныя идутъ въ Гамбургѣ тихо, благо-
чинно, къ общему удовольствію. Участіе народа въ правленіи ничтожно. Онъ даже не имѣетъ голоса въ выборѣ сенаторовъ: по смерти одного изъ нихъ, остальные сами выбираютъ ему преемника. Въ Гамбургѣ увѣрился я еще болѣе, нежели прежде, что правленіе всякаго народа, всякой земли должно составиться мало по малу, теченіемъ времени, требова-
ніями мѣстныхъ обстоятельствъ и народнаго харак-
тера. Гамбургъ благоденствуетъ подъ этимъ правле-
ніемъ, существующимъ нѣсколько сотъ лѣтъ, составившимся на дѣлѣ, а не на бумагѣ, и благоденствуетъ особенно потому, что обитатели его суть Нѣмцы, на-
родъ разсудительный, кроткій, довольный малымъ, совѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей, без-
молвно повинующійся законамъ. Дайте это правленіе Французамъ, — увидите, какая выйдетъ суматоха! Гамбургская Республика есть лучшее свидѣтельство того, что простому народу не должно давать не толь-
ко воли, но и голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Въ 1830 году, когда вся Европа почувствовала сотрясе-
ніе отъ знаменитыхъ дней іюльскихъ, которые въ самой Франціи отнесены теперь въ отдѣленіе древней исторіи, жители гамбургскаго Предмѣстья Св. Геор-

гія, увлеченные примѣромъ Бельгіи, Саксоніи, Гессена и пр., и подстрекаемые иностранными эмиссарами, вздумали толковать о деспотизмѣ сената, и требовать у него сравненія въ правахъ съ обывателями стараго города. Сенатъ выгналъ присланныхъ къ нему депутатовъ, приказалъ вывести войско (2,000 чел., подъ командою храбраго русскаго полковника Стефани), зарядить пушки, и объявилъ, чтобъ жители предмѣстья безусловно и въ тотъ же часъ покорились. Нечего было дѣлать! Демагоги умолкли. Войска воротились въ казармы. Прошелъ годъ въ тишинѣ и повиновеніи. Тогда сенатъ самъ предложилъ предмѣстью прислать депутатовъ съ представленіями о желаніяхъ его обывателей, выслушалъ ихъ, и согласился на *покорныя просьбы*. — Нѣмцамъ свойственна, въ высшей противу другихъ народовъ степени, изящная гражданская добродѣтель: *чувство исполненія своихъ обязанностей* (Pflichtgefühl). Нигдѣ, я думаю, нельзя найти такихъ исправныхъ, трудолюбивыхъ и совѣстныхъ должностныхъ людей и вообще гражданъ, какъ въ Германіи. Взятки у нихъ вещь неслыханная. Бываютъ ошибки, случается пристрастіе, происходят злоупотребленія, но это исключенія изъ правила. Я слышалъ въ Гамбургѣ единогласную хвалу безкорыстію, честности и безпристрастію тамошнихъ судей и чиновниковъ. То же можно сказать и о другихъ земляхъ германскихъ, преимущественно о Пруссіи.

Особеннаго вниманія достойны въ Гамбургѣ за-

веденія общепользныя, челоѣколюбивыя и богоугодныя.

Пожарныя учрежденія Гамбургскія славятся повсюду. Городъ содержитъ слишкомъ тридцать пожарныхъ трубъ, поднимающихъ воду сажень на пятнадцать широкою струею. Сверхъ того, есть трубы резервныя, ручныя и т. д. Изъ 750 пожарныхъ служителей, шестьдесятъ челоѣкъ зимою всю ночь ходятъ по городу, и смотреть, нѣтъ ли гдѣ надобности въ ихъ пособіи. И лѣтомъ, въ жаркое время и при покой водѣ, они отправляютъ эту должность. Сверхъ того, есть въ Гамбургѣ особое сословіе *спасителей* (*Menschenretter*), которые пробираются въ захваченные пламенемъ дома, и стараются спасать людей, не успѣвшихъ выбраться. Они проводятъ ночи въ разныхъ городскихъ караульняхъ. Эти люди избираются изъ числа самыхъ сильныхъ и отважныхъ кандидатовъ, и отличаются черною одеждою съ бѣлыми снурками. — Пожарныя учрежденія состоятъ въ вѣдѣніи комитета, составленнаго изъ семерыхъ сенаторовъ и пятерыхъ гражданъ. Двое изъ послѣднихъ должны лично находиться при всякомъ пожарѣ *).

Не менѣе знамениты гамбургскія учрежденія *въ пользу бѣдныхъ*. Городъ обязанъ ими благороднымъ своимъ гражданамъ: Бюшу, Гюнтеру, Сивекингу и

*) Это было написано въ 1835 году. Въ 1842 ужасный пожаръ, не имѣвшій подобнаго нигдѣ въ мирное время, доказалъ всю ничтожность искусства и силъ челоѣческихъ противъ дѣйствія разрушительныхъ стихій.

фонъ-Фогту. Попеченіе о бѣдныхъ возложено на два комитета, въ которыхъ заставляють сенаторы, старшины и попечители о бѣдныхъ. Весь городъ раздѣленъ, въ этомъ отношеніи, на пять частей, и каждая на двѣнадцать отдѣловъ. Попечители обязаны узнавать бѣдныхъ, живущихъ въ порученномъ имъ отдѣлѣ: каково состояніе ихъ здоровья, могутъ ли они работати, отъ чего впали въ нищету, и какимъ образомъ можно было бы помочь имъ. Сверхъ того освѣдомляются они о нравственности и поведеніи убогаго, о числѣ его дѣтей и пр. Комитетъ, разсмотрѣвъ донесеніе попечителей, опредѣляетъ средства въ пособіе бѣдному: одному даетъ квартиру, другаго отправляетъ въ цехъ, для доставленія ему работы; больного препровождаютъ въ госпиталь, увѣчнаго въ богадѣльню. Лѣнницевъ и негодяевъ отсылають въ рабочій домъ.

Граждане Гамбурга, не безъ основанія, хвалятся своею *градскою больницею*. Она помѣщается въ великолѣпномъ домѣ, похожемъ на дворецъ, въ предмѣстѣи Св. Георгія, и открыта на пользу общую въ Октябрь 1823 года. Больные, раздѣленные по возрастамъ, полу и свойству болѣзни, помѣщаются въ просторныхъ залахъ, соединяющихся между собою широкими галереями. Чистотою, порядкомъ, благоустройствомъ, эта больница не уступаетъ и нашимъ петербургскимъ госпиталямъ, которые могутъ служить образцами. Въ этой больницѣ принимается всякій больной, какого бы происхожденія, званія, вѣро-

исповѣданія онъ ни былъ, и получаетъ содержаніе и пользованіе безденежно. Люди достаточные, особенно холостые, нанимаютъ себѣ отдѣльные въ больницѣ комнаты, и пользуются тамъ лучше, нежели дома. Больница эта устроена на 1500 кроватей. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ (съ 1823 по 1834), поступило въ больницу 43,467 чел.; изъ нихъ вылечено 35,882; умерло 6208; оставалось 1-го Января 1835 года 1377 человекъ. Больница содержится на счетъ правительства, но частныя приношенія и вклады также очень значительны. Накопившійся въ 11 лѣтъ капиталъ ея составляетъ болѣе милліона рублей на наши ассигнаціи. Скрѣпивъ сердце, обошелъ я по этимъ жилищамъ страданія и бѣдствій; заглядывалъ въ больничныя комнаты, удивлялся чистотѣ, порядку въ домѣ, тщательности надзирателей и врачей, но радъ, радъ былъ, когда выбрался на воздухъ. «Не угодно ли посмотрѣть отдѣленія сумасшедшихъ?» спросилъ у меня вожатый. «Нѣтъ! нѣтъ!» отвѣчалъ я: «я увѣренъ, что тамъ такъ же хорошо и исправно, какъ и въ другихъ частяхъ.» Я вышелъ на улицу, очутился подъ лѣпами милостиваго предмѣстья, но долго не могъ дышать свободно.

Въ Гамбургѣ есть и другія больницы для мужскаго и женскаго пола, содержимыя пособіемъ частныхъ людей, и между прочимъ масонскими ложами, которыхъ умершій въ 1814 году гротмейстеръ ихъ, знаменитый артистъ Шредеръ, умѣлъ дать самое благотворительное направленіе.

Въ пользу престарѣлыхъ особъ женскаго пола есть здѣсь нѣсколько богадѣленъ, преобразованныхъ изъ бывшихъ католическихъ монастырей. Въ нихъ бѣдныя вдовы и дѣвѣны, за единовременный вкладъ небольшого капитала, получаютъ на всю жизнь пріютъ, содержаніе и еще нѣкоторый денежный доходъ. Гражданинъ гамбургскій, Гартвигъ Гессе, завелъ, на свой счетъ, особый вдовый домъ, единственный въ своемъ родѣ. Онъ построилъ въ Предмѣстьѣ Св. Георгія двухъ-этажный домъ, и доходъ съ найма его опредѣлилъ на содержаніе богоугоднаго заведенія. Позади этого дома построены въ два ряда двѣнадцать уютныхъ домиковъ, состоящихъ изъ чистой комнаты, спальни, каморки, кухни, погреба и чулана. При каждомъ дворикѣ и прачечная, садикъ и лужекъ. Сверхъ того, есть общій садъ съ аллеями, бесѣдками, дерновыми скамьями. Благодарный Гессе, радуясь плодами своихъ трудовъ, строить нынѣ еще двѣнадцать такихъ же домиковъ и шесть большихъ домовъ, для отдачи въ наемъ въ пользу заведенія. Въ каждомъ изъ маленькихъ домиковъ живетъ бѣдная, хорошаго поведенія вдова, на всей свободѣ, какъ въ своей собственности, и получаетъ все нужное — не только на безбѣдное пропитаніе, но и на нѣкоторыя прихоти. Почтенныя, опрятно одѣтыя старушки сходятся въ саду, вяжутъ чулки, толкуютъ о бывлыхъ временахъ, о несбывшихся надеждахъ, и, благословляя друга человѣчества, за чашкою кофе ждутъ тихой смерти.

Кто имѣетъ право на посѣбіе ближняго? Немущіе,

престарѣлые, большыя, и — малолѣтныя. Для призрѣнія послѣднихъ есть въ Гамбургѣ образцовое заведеніе — сиротскій домъ. Онъ помѣщается въ просторномъ зданіи, на Адмиралтейской Улицѣ. Въ немъ получаютъ полное содержаніе и воспитаніе слишкомъ шестьсотъ сиротъ обоаго пола, отъ семи до двѣнадцати лѣтъ, и потому отдаются въ обученіе ремесламъ, или опредѣляются, по своимъ способностямъ, въ высшія учебныя заведенія. Сверхъ того, сиротскій домъ содержитъ около пятисотъ дѣтей моложе семи лѣтъ, въ частныхъ домахъ, на своемъ иждивеніи. Первые особы въ городѣ, богатые банкиры и negociants и ихъ жены, принимаютъ на себя надзоръ надъ этимъ заведеніемъ, и способствуютъ достиженію благой, предначертанной ему цѣли. Мнѣ удалось быть свидѣтелемъ праздника сиротскаго дома, которое бываетъ ежегодно 8-го Іюля, и есть истинно народный праздникъ. Съ шести часовъ утра до четырехъ по полудни, всѣ сироты обходятъ городъ съ одного конца до другаго, для сбора подаяній. Впереди идетъ попечитель ихъ (Waisenvater), за нимъ отличнѣйшій поведеніемъ и прилежаніемъ воспитанникъ, называемый капитаномъ, съ вѣнкомъ на головѣ, съ зеленою чрезъ плечо лентою; позади его нѣсколько другихъ отличныхъ воспитанниковъ, съ зелеными аксельбантами, а за ними остальные, сперва мальчики, потомъ дѣвочки, по-двое въ рядъ; всѣ они поютъ духовную пѣснь; по обѣимъ ихъ сторонамъ идутъ солдаты, для огражденія маютокъ. Назначенные къ вы-

пуску мальчики, въ вѣнкахъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, имѣютъ въ рукахъ палки съ кошелькомъ на концѣ, и собираютъ приношенія. Деньги сыплются изъ всѣхъ оконъ. Особенно жалостливы женщины. Рѣдкая подаетъ милостыню безъ слезъ, безъ умильнаго взгляда на бѣдныхъ сиротъ. Деньги, поступающіе въ кошелекъ, идутъ въ общую кассу; данныя же въ руку воспитаннику, принадлежать ему лично. Ходъ этотъ оканчивается у городскихъ Каменныхъ Воротъ (Stein-thor). Тамъ, на обширномъ лугу, накрыты столы; сироты садятся за сытный лакомый обѣдъ, и потомъ предаются играмъ дѣтскихъ лѣтъ. Почти всѣ жители въ этотъ день выходятъ за городъ, и наслаждаются прекраснѣйшею картиною. Первые дамы гамбургскія угощаютъ сиротъ. Въ нынѣшній разъ былъ здѣсь Принцъ Карлъ Прусскій, съ супругою своею, дочерью Великой Княгини Маріи Павловны. Августѣйшія особы приняли искреннее участіе въ этомъ благородномъ празднествѣ: оно было имъ по сердцу.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ гамбургскихъ заведеніяхъ въ пользу малолѣтнихъ. Съ 1830 года заведены здѣсь *младенческія школы* (Warteschulen), для призрѣнія малолѣтнихъ дѣтей, оставляемыхъ дома родителями, отправляющимися на работу. Такія дѣти дотолѣ обыкновенно предоставляемы были на собственнй произволъ, нерѣдко подвергались увѣчью, и почти всегда развращались нравственно, бѣгали по улицамъ, просили милостыню, навывкали къ тунеяд-

ству и ко всѣмъ порокамъ. Въ это заведеніе принимаютъ дѣтей, которыя только что начнутъ говорить и бѣгать; они остаются тамъ до семилѣтняго возраста. Родители приводятъ и привосятъ ихъ въ школу въ восемь часовъ утра, и берутъ домой послѣ семи часовъ вечера. Хлѣбъ на завтракъ и полдникъ приносятъ онѣ съ собою, а за обѣдъ, горячій и здоровый, родители платятъ въ недѣлю по четыре шиллинга (32 копѣйки мѣдью). Дѣти, въ продолженіе цѣлаго дня, находятся подъ надзоромъ смотрительницы, занимаются свойственными ихъ лѣтамъ играми и тѣлесными упражненіями, и слушаютъ изустныя наставленія, преподаваемыя имъ по вѣстному ихъ возрасту языкомъ. Главная цѣль—пріучать дѣтей къ благонаморенности, порядку, дружелюбію и повиновенію, — вполне достигается. Школы эти расположены въ частяхъ города, обитаемыхъ бѣдными и рабочими людьми. При каждой есть садъ. Въ школахъ дежурятъ богатѣйшія дамы. — Противоположность съ этимъ предупредительнымъ заведеніемъ составляетъ такъ называемый *дикій домъ* (*das rauhe Haus*), или заведеніе для исправленія дѣтей развращенныхъ и одичалыхъ. Онъ устроенъ въ селеніи Гюрнъ, верстахъ въ трехъ отъ города. Это не школа и не смиренный домъ, а свободный, отеческій пріютъ для дѣтей, испорченныхъ нравственно или подвергающихся этой опасности отъ дурнаго примѣра въ домѣ. Заведеніе это принимаетъ дѣтей отъ родителей или родственниковъ, по контракту. Достаточные платятъ по эту на-

рокъ въ годъ (восемь марокъ составляютъ голландскій червонецъ) за содержаніе каждаго ребенка; неимущіе содержатся на счетъ добровольныхъ подаяній. Дѣти получаютъ содержаніе не роскошное, но достаточное, и воспитываются, какъ того требуетъ бѣдное ихъ состояніе. Никто изъ воспитанниковъ не знаетъ о прежнемъ состояніи и поведеніи его товарищей. Это извѣстно одному надзирателю, который, принимая воспитанника, обѣщаетъ предать забвенію все прошлое. Мальчики раздѣлены на небольшіе семейные круги, живутъ, ѣдятъ и спятъ подъ смотрѣніемъ надзирательскаго помощника, сами исправляютъ всѣ домашнія работы и самыя грубыя, и сверхъ того, трудами своими приобрѣтаютъ капиталъ на случай выпуска. Предлагается въ этомъ заведеніи учредить всякія мастерства, для упражненія воспитанниковъ по ихъ способностямъ. Они сами воздѣлываютъ огородъ, сами построили домъ, въ которомъ живутъ. Семейные круги сходятся только при общей работѣ, при урокахъ (по два и по три часа въ день), и при службѣ Божіей.

Я не имѣлъ времени посѣтить здѣшнія учебныя заведенія. Они состоятъ изъ академической гимназіи, учрежденной въ 1612 и преобразованной въ 1833 году, Училища Св. Іоанна (Johanneum), пяти приходскихъ школъ и еще нѣкоторыхъ другихъ. Ученые говорятъ, что эти заведенія находятся въ цвѣтущемъ положеніи, а купцы и граждане жалуются, что дѣтей

учать совѣтъ не тому, что имъ знать нужно. Латинскій и греческій языки, говорятъ они, вовсе для насъ излишніе, поглощаютъ большую часть времени въ нашихъ высшихъ училищахъ, и воспитанники, выпущенные изъ школы по окончаніи наукъ, должны забывать выученное съ напряженіемъ всѣхъ силъ, въ теченіе лучшихъ лѣтъ жизни, чтобъ узнать предметы, необходимыя въ ихъ гражданскомъ быту. Ученые, напротивъ того, утверждаютъ, что не всѣ ихъ ученики будутъ купцами и фабрикантами, что часть ихъ назначается въ юристы, медики и духовное званіе, гдѣ древніе языки необходимо нужны. Удивительно ли, что у насъ, въ Россіи, спорять въ публикѣ объ этомъ предметѣ, когда и въ просвѣщенной вѣкамъ Германіи не могутъ въ томъ согласиться! Разномысліе въ этомъ случаѣ происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ двоякости цѣли всякой гимназіи: она есть, въ одно и то же время, и приготовительное учебное заведеніе для студентовъ университетскихъ, и окончательное училище для людей неученаго сословія. Достойно замѣчанія, что задача въ сочетаніи этихъ двухъ требованій, безъ вреда тому или другому, рѣшена у насъ, въ С. Петербургѣ, знаменитымъ педагогомъ И. И. Вейссе. Вступивъ (1788) въ управленіе здѣшнимъ главнымъ нѣмецкимъ училищемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Петровской Школы, нашелъ онъ въ ней обыкновенную латинскую богадѣльню, въ которой ученики и учителя бились надъ *mensa* и *ато*, въ латинѣ не успѣвали, а между тѣмъ теряли изъ виду

ученіе нужнѣйшаго. Вейссе приступилъ сначала къ рѣшенію вопроса: которые предметы необходимы для изученія всякому петербургскому гражданину, ка-кого бы званія и сословія онъ ни былъ? — Отвѣтъ былъ: Законъ Божій, языки русскій, нѣмецкій, фран-цузскій; логика, ариметика, геометрія, исторія, гео-графія, естественная исторія, физика и рисованіе. Эти предметы ученія названы были *общими*. Въ трехъ низшихъ изъ семи классовъ училища, дѣти обучались начальнымъ основаніямъ исчисленныхъ здѣсь язы-ковъ, наукъ и искусствъ, во всѣ учебные часы. Съ четвертаго же класса посвящаемы были на эти общіе предметы только двадцать шесть часовъ въ недѣлю, а въ остальное время ученики, по способностямъ сво-имъ, желаніямъ и будущему назначенію, обучались въ *частныхъ* классахъ: назначавшійся въ ученые ходилъ въ классъ латинскаго и греческаго языковъ; кандидатъ въ купеческое званіе пользовался уроками въ коммерческой ариметикѣ, бухгалтеріи и англій-скомъ языкѣ; готовившійся въ военную службу учился высшей математикѣ, черченію и (въ особенности дво-ряне лифляндскіе и эстляндскіе) русскому языку. Въ началѣ, при введеніи этого образованія, разумѣется, не обошлось безъ воплей и жалобъ, но почтенный Вейссе зналъ что дѣлаетъ, мужественно вытерпѣлъ всѣ натиски фаланги латинскихъ и греческихъ рато-борцевъ, и блистательнѣйшій успѣхъ увѣнчалъ его благонамѣренные труды. Въ тридцать лѣтъ его упра-вленія Петровскою Школою, она дала отечеству от-

личныхъ людей по вѣсѣ частямъ *). Одною изъ глав-

*) Назову нѣкоторыхъ, учившихся въ этой школѣ во время моего тамъ служенія (1809—1813): генералъ-адъютантъ баронъ Демлингсгаузенъ; генералъ-маіоры: Варенцовъ, Вещю, Вилламовъ, Ризенкамповъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Родофиникинъ; статскіе совѣтники: Поггенполь, Пестель, Шульцъ; полковники: Завальевскій, Борщовъ, Ланской, Тиманъ, Гонзаго, Яковлевы, умершій генеральный консулъ въ Персіи, Амбургеръ; датскій консулъ Клейнъ (товарищъ Барона Штиглица), русскій вице-консулъ въ Гамбургѣ, Масъ; доктора медицины Персонъ, Адлунгъ, и многіе другіе воинскіе и гражданскіе чиновники, купцы, артисты (г. Моръ), фабриканты, мастера-вые (г. Шиллеръ), каждый по своей части человекъ достойный и отечеству полезный. Въ этой же школѣ образовались нынѣшній ея директоръ, академикъ, статскій совѣтникъ Коллинсъ, директоръ Училища Правовѣднія, статскій совѣтникъ Пошманъ; инспекторы классовъ Гатчинскаго Воспитательнаго Дома, Гугель; Аннинской Школы, Эрихсенъ. — Почтенный преобразователь училища, И. И. Вейссе, въ преклонныхъ лѣтахъ, наслаждается плодами благородныхъ трудовъ своихъ. За два года предъ этимъ, въ тотъ самый день, когда ему исполнилось семьдесятъ лѣтъ, нѣкоторые бывшіе ученики его дали въ честь его праздникъ, и поднесли ему выбитую на этотъ случай золотую медаль. При испрошеніи г. министромъ финансовъ Высочайшаго соизволенія на вычеканеніе этой медали на дѣлшемъ Монетномъ Дворѣ, Государь Императоръ, узнавъ о предметѣ и цѣли ея, благоволилъ Всемилостивѣйше наградить достойнаго старца орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. — И. И. Вейссе оставилъ службу въ 1848 году, но до сихъ поръ принимаетъ самое ревностное участіе въ любезномъ своемъ заведеніи.

ныхъ причинъ этого успѣха было то, что всякъ учился только тѣмъ наукамъ и искусствамъ, которыя ему нужны, не терялъ времени на бесполезное, не развлекался вещами посторонними, а свой предметъ изучалъ вполне и основательно. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе древнихъ языковъ, положившее основу нынѣшнему европейскому просвѣщенію, приноситъ великую пользу въ разныхъ отношеніяхъ, но эта польза становится ощутительною только тогда, когда чловѣкъ знаетъ древніе языки основательно, въ совершенствѣ, почти какъ свой природный; хватать же *серишки* не ведетъ ни къ чему, и, по мнѣ, во сто разъ полезнѣе хорошо знать по-чухонски или по-зырянски, нежели, потерявъ нѣсколько лѣтъ въ латинскихъ классахъ, не умѣть прочесть классическаго автора безъ записки *). Латинскій языкъ важенъ въ западной Европѣ тѣмъ, что на немъ совершается, въ большей ея части, служба Божія; Римляне играли важную роль въ первоначальной исторіи тѣхъ странъ; ихъ законодательство основано большею частію на римскомъ правѣ, и почти всѣ языки Европы, кромѣ германскихъ и славянскихъ, происходятъ отъ латинскаго, смѣшаннаго съ нарѣчіемъ природныхъ жителей тѣхъ странъ. Латинская грамматика нужна Италіянцамъ, Французамъ, Испанцамъ, Англичанамъ, какъ перво-

*) Въ Первой Санктпетербургской Гимназіи освобождены отъ изученія латинскаго языка воспитанники, назначаемые въ военную службу.

образъ ихъ собственной. Но мнѣ кажется, что *исключительное* изученіе и приложеніе грамматики латинской къ языкамъ самостоятельнымъ вредить симъ послѣднимъ. Тяжелая, растянутая, темная конструкція книжнаго нѣмецкаго языка отчасти обязана существованіемъ вліянію латинскаго синтаксиса. Возьмите русскія писанія до XVII вѣка, и сравните ихъ съ сочиненіями конца XVII и начала XVIII, когда Латынь, прорвавшись изъ Польши сквозь Кіевскую Академію, наводила русскій языкъ. Сравните прекрасный естественный, *русскій слогъ* рѣчи митрополита Гермогена (открытой г. Строевымъ) съ тяжелымъ, надутымъ, *не-русскимъ штилемъ* Оеодана. Сколько трудовъ нужно было, чтобъ искоренить это навожденіе! Мы и понынѣ писали бы, какъ Оеоданъ и Тредьяковскій, если бѣ Ломоносовъ сталъ учиться по-латыни съ осьмаго, а не съ осьмнадцатаго года своей жизни, и если бѣ Карамзинъ былъ воспитанъ въ семинаріи.

.....Куда занесло меня! Изъ Гамбурга въ семинарію! Но, говорятъ, что *крайности касаются*. И такъ сверну опять въ Гамбургъ! Право, тамошнимъ молодымъ людямъ было бы гораздо полезнѣе учиться языкамъ шведскому и русскому, нежели латинскому; изъ послѣдняго нужно имъ знать только нѣкоторыя магическія слова: *brutto; netto, ditto, pro cent, cassa, circa, ultimol*

VI.

Гамбургъ.

Скажу нѣсколько словъ о гульбищахъ и окрестностяхъ Гамбурга: они прелестны и разнообразны.

Можно прокатиться въ лодкѣ по вѣншему Альстеру, и полюбоваться прекрасными видами, представляющимися со всѣхъ сторонъ. Не говорю, сельскими видами: здѣсь, какъ и въ другихъ ближайшихъ окрестностяхъ Гамбурга, преимуществуютъ загородныя дома гамбургскихъ патрицевъ, банкировъ, негоціантовъ; вездѣ можно найти чистыя и обильныя земными благами гостиницы. Ежедневно, особливо въ праздники, большія фуры, наполненныя хорошо одѣтыми людьми, изъ всѣхъ воротъ города выѣзжаютъ въ поле. — Со стороны Альстера, болѣе всѣхъ мѣстъ посѣщаютъ деревню *Эмбюттель*, наполненную загородными домами, садами и парками; здѣсь можно нанять, за небольшую плату, очень хорошенькій лѣтній домикъ. Въ *Эмбюттель* славится гостиница *прекрасной Маріаны*; съ которой, какъ гласитъ преданіе, списана Мирандолина. Она дочь Француза (*Ruault*), который содержалъ эту гостиницу и передалъ ей по наслѣдству. Я завтракалъ у Маріаны очень вкусно; нашелъ въ ней женщину уже не молодую, но миловидную и умную, привыкшую отвѣчать на *стереотипные* распросы любопытныхъ странниковъ. Она разсказывала мнѣ похождения свои во время осады

Гамбурга русскими войсками. Отецъ ея былъ подверженъ въ сообщеніи Французамъ извѣстій о состояніи осаднаго корпуса, и по этой причинѣ изгнанъ казаками изъ своего жилища. Маріана, которой тогда было отъ роду лѣтъ четырнадцать, пригласилась какому-то Башкиру, и онъ хотѣлъ увезти ее съ собою въ степь, какъ честную въ бою добычу; но ее спрятали (подъ колоколомъ, говоритъ она); и, такимъ образомъ, она освободилась отъ чести быть новою Роксоланою. Она извѣстна въ Гамбургѣ хорошимъ устройствомъ ея гостиницы и непорочною своихъ нравовъ. Всякой иностранецъ долженъ ее видѣть. Не побывать у Маріаны, живши въ Гамбургѣ; то же, что быть въ Москвѣ и не видать большого колокола. — На возвратномъ пути въ городъ, извозчикъ мой остановился у одного домика, и сказалъ: «У насъ, сударь, въ Гамбургѣ такой обычай, что кто кушалъ у Маріаны, тотъ долженъ пить кофе у прекрасной Элизы.» — «Разумѣется!» отвѣчалъ я: «живучи въ государствѣ, хотя бы оно было тѣснѣе иной ученой головы, мы должны повиноваться его законамъ.» Меня встрѣтила живая, острая, словоохотная мамзель, и сварила мнѣ чашку превкуснаго кофе. Эта не далась бы въ руки Башкирамъ. Она спрашивала меня о многихъ нашихъ землякахъ, которые пользовались ея гостеприимствомъ, и какъ я всѣхъ именъ ихъ не упомяну, то и считаю обязанностію напечатать о томъ, для общаго свѣдѣнія, въ Пчелѣ, и прибавить, что прекрасная Элиза очень помнитъ ихъ ласки,

и просить жаловать къ ней и впредь. Вышедши на крыльце, чтобъ сѣсть въ коляску, я спросилъ у Элизы, чей этотъ прекрасный садъ на противоположномъ углу перекрестка. — «Это, сударь, не садъ,» отвѣчала она, понизивъ голосъ: «это кладбище». — Я заѣхалъ туда. Кладбище разгорожено на отдѣленія, по приходамъ города. При вѣздѣ находятся дома для помѣщенія въ нихъ мертвыхъ тѣлъ до погребенія. Это дѣлается для предупрежденія ужасныхъ случаевъ погребенія мнимо-умершихъ. Кладбища усажены тѣнистыми аллеями, густыми кустами, покрыты милліонами цвѣтовъ. Дорожки усыпаны пескомъ. На многихъ памятникахъ висятъ свѣжіе вѣнки. Въ особомъ отдѣленіи погребены воины Ганзеатическаго Легіона, падшіе въ войнѣ за свободу Германіи. Я смотрѣлъ на памятники издали, и боялся читать надписи, чтобы какою нибудь карикатурною эпитафіею не разстронть въ себѣ впечатлѣнія, произведеннаго красотою и святостью мѣста. Нѣтъ ничего досаднѣе и оскорбительнѣе для меня, какъ несообразная съ предметомъ и наружнымъ великолѣпіемъ и изяществомъ надгробная надпись. Самыя нестерпимыя тѣ, въ которыхъ *живые* ставятъ себѣ монументы на счетъ умершихъ. *Соорудилъ сей памятникъ* такой-то *неутѣшный*.... Извините, не соорудилъ, а заплатилъ за него.

Другая деревня, не менѣе знаменитая, есть *Эппендорфъ*, въ которой построено также много загородныхъ домовъ. Тамъ провелъ я пріятнѣйшій день въ любезномъ семействѣ г. Ф. Г. Онъ заѣхалъ за мною

въ городѣ, остановился у пансіона, взялъ оттуда младшаго своего сына (это было въ субботу), и повезъ насъ въ Эппендорфъ по прекраснымъ липовымъ аллеямъ, окружающимъ Гамбургъ, и идущимъ отъ него лучами во всѣ стороны. Всѣ деревья этихъ аллей были вырублены маршаломъ Даву во время осады города; съ тѣхъ поръ посажены вновь и опять даютъ отрадную тѣнь, очищаютъ воздухъ, прельщаютъ глаза. Вдоль ихъ тянутся загородные дома. Только два дома (по выѣздѣ изъ Damthor, по лѣвой рукѣ) лежатъ въ значительномъ отдаленіи отъ дороги: ихъ построила какіе-то Англичане. Достойна вниманія черта Англичанъ, гдѣ бъ они ни были, устраняться отъ прочихъ, такъ сказать, *островиться*. Дорогою ф. Г. говорилъ мнѣ о домашнемъ своемъ счастьи, о своихъ дѣтахъ, о женѣ. Вотъ мое жилище! сказалъ онъ мнѣ, указывая на просторный, изящно выстроенный домъ посреди сада. Между тѣмъ, онъ чего-то искалъ и тревожился. Я спросилъ его о причинѣ этого беспокойства. — «Не знаю, что сдѣлалось съ моею женою, отвѣчалъ онъ: вотъ тридцать девять лѣтъ, что она каждый день выходитъ ко мнѣ на встрѣчу, а теперь ея не видать.» Коляска остановилась у крыльца. Вышелъ слуга, чтобъ отворить дверцы. «Что барыня?» спросилъ торопливо г. ф. Г. — «Не очень здорова, отвѣчалъ слуга: осталась въ своей комнатѣ.» Вдругъ высыпали дѣти, и бросились обнимать отца. Старшая дочь успокоила его на счетъ здоровья матери, но отецъ побѣжалъ къ ней, какъ влюбленный женихъ. —

Послѣ этого я вдвое жалѣлъ, что не узналъ лично госпожи фонъ Г. По ея милымъ дѣтямъ заключаю, что она должна быть женщина прекрасная — во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Эппендорфѣ находится заведеніе для изготовленія и употребленія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Оно не такъ просторно и великолѣпно, какъ наше, петербургское, но расположено очень удобно и въ пріятномъ мѣстѣ. Въ общихъ комнатахъ есть биліардъ, шахматы, шашки, карточные столы; въ саду кегли. Въ верхнемъ ярусѣ небольшія отдѣльныя комнаты, отдаваемые внаймы пользующимся водами. — Я нашелъ тамъ многочисленное собраніе — почти всѣхъ гамбургскихъ врачей: они въ этотъ день съѣхались въ Эппендорфъ, и обѣдали всѣ вмѣстѣ. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ: болѣе прочихъ былъ для меня интересенъ докторъ Александръ Симонъ, заклятый врагъ гомеопатіи и передовой наѣздникъ въ атакахъ на Ганеманна, человекъ не-большаго роста, живой, пылкій, острый. Когда смер-клось, раздались въ саду звуки согласныхъ голосовъ. Одно изъ гамбургскихъ обществъ пѣнія (Singverein) устроило вокальный концертъ. — Вообще замѣтилъ я, что послѣ купцовъ и банкировъ, лучше и богаче всѣхъ живутъ въ Гамбургѣ адвокаты и врачи, разумѣется, умные и искусные. Гдѣ много сношеній торговыхъ и дѣловыхъ, тамъ много возникаетъ споровъ и процессовъ. Сверхъ того, адвокаты, отличившіеся талантами, познаніями и характеромъ, получаютъ лучшія мѣста въ правительствѣ. — Врачи же живутъ

преимущественно при помощи гамбургскаго обжорства. Тотъ не есть истинный сынъ древней *Гаммоніи*, кто раза два въ недѣлю не испортитъ себѣ желудка! *Samiel, hilf!*

Отличѣйшіе гамбургскіе загородные дома и сады лежать къ сѣверу отъ Гамбурга, по берегу Эльбы. Я вѣдаль туда съ своими спутниками, и не жалѣль о цѣломъ утрѣ, которое изъ немногихъ употребилъ на это. Сперва выѣхали мы въ предмѣстье *Гамбургерз-Бергъ*, о которомъ я уже говорилъ: на широкой площади тянутся, съ одной стороны, балаганы съ комедіями, китайскими тѣнями, рѣдкими животными, какъ у насъ на качеляхъ, съ другой трактиры и тому подобныя заведенія. Вдоль подлѣ предмѣстія лежитъ датскій городъ *Альтона*, отдѣляемый отъ Гамбурга стѣною, и сообщающійся широкими воротами, съ надписью: *Запрещается просить подавнїя подлѣ опасенїемъ наказанїя*. Городъ Альтона получилъ названіе свое отъ ниже-германскаго произношенія словъ *ah, zu, nah, слишкомъ близокъ*. Въ немъ видны, также какъ и въ Гамбургѣ, нѣмецкая чистота, нѣмецкая аккуратность, но нѣтъ той живости, того движенія. Замѣчательно множество лоттерейныхъ конторъ. Въ Гамбургѣ одна большая лоттерея, въ которой билетъ стоитъ рублей двѣсти, а здѣсь множество мелкихъ конторъ, въ которыхъ продаются билеты дешевые, да и тѣ дѣлятся на половины и на четверти. Эти лоттереи очень вредны тѣмъ, что побуждаютъ бѣдныхъ людей, особенно слугъ и служанокъ, къ

кражѣ и обманѣ. Есть люди, которые все свое имѣніе проигрываютъ на лоттерейныхъ билетахъ. — Когда мы проѣхали городъ, кучеръ нашъ остановился у ограды церковной, и сказалъ: «Вотъ Оттенсенъ!» — «Оттенсенъ!» повторили мы всѣ въ полголоса. Это сельское кладбище, на которомъ покоится прахъ Клопштока. Посреди ограды возвышается небольшая церковь простой архитектуры, выкрашенная подъ кирпичъ, какъ большая часть неважныхъ зданій въ Гамбургѣ и Альтопѣ. Предъ нею, насупротивъ самаго входа, подъ высокою густою липою, видны два надгробные камня, поставленные стоймя. Съдовласый сторожъ отперъ калитку, и мы вошли въ ограду. Подъ камнемъ, съ лѣвой стороны, лежитъ первая супруга Клопштока, Маргарита, прославленная имъ подъ именемъ *Меты*: она скончалась въ первыхъ родахъ. Надгробіе сочинено имъ самимъ. Оно начинается словами: «*Saat, von Gott gesäet, am Tage der Garben zu reifen,*» т. е.: «*Сѣмя, посланное Богомъ, да созрѣетъ въ день жатвы.*» Я слѣдилъ за каждою буквою надписи, на которой не рѣдко останавливались полные слезъ глаза великаго пѣвца. По правую руку погребенъ самъ Клопштокъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, вторая супруга его, съ которою онъ сошелся уже въ старости. На памятникахъ Клопштока и Меты висѣли свѣжіе цвѣточные вѣнки, которыми украшены они были въ день его рожденія (2-го юля). Жители Гамбурга и Альтоны свято чтутъ память великаго соотечественника. Надъ домомъ его въ Гам-

бургъ, въ Королевской Улицѣ, надпись на мраморной доскѣ: «Die Unsterblichkeit ist ein grosser Gedanke» и пр. т. е. «Безсмертіе есть великая мысль.» Клопштокъ жилъ въ этомъ домѣ тридцать лѣтъ, съ 1771 года по день своей кончины.

Мы покатались далѣе. Пошелъ рядъ загородныхъ домовъ и парковъ, одинъ другаго красивѣе и великолѣпнѣе. Рейвилевъ садъ, Флоттбекъ, Ніенштедтенъ и проч. лежатъ у самой Эльбы; аллеи, рощи, поляны спускаются по крутому берегу, до воды. Сверху видъ прелестнѣйшій. Величавая Эльба катитъ струи свои между зелеными, цвѣтущими берегами; сотни разныхъ судовъ летятъ подъ распушенными парусами. Кукста-венскій пароходъ, какъ истый гамбургскій гражданинъ, куря трубку, смѣется ихъ усміямъ, и оставляетъ ихъ за собою. Мы остановились у воротъ одного сада (г. Баура въ Докенгуденѣ), и хотѣли выйти. Къ коляскѣ подошелъ сторожъ, и объявилъ, что сегодня входу нѣтъ. Гулянье-де бываетъ здѣсь по средамъ, а сегодня четвергъ. — «Мы иностранцы, путешественники....» возразилъ я. — «Да хотя бы самъ Король Датскій сегодня сюда пріѣхалъ, мы бы его не пропустили!» отвѣчалъ онъ въ сердцахъ. Нечего дѣлать, поѣхали далѣе. — «Король Датскій, Король Датскій!» повторялъ я въ умѣ: «да почему же именно Король Датскій?» спросилъ я наконецъ у г-жи Г. — «Какъ почему: вѣдь мы здѣсь въ Даніи!»

Странно нашему брату кажется ѣздить по этимъ чрезмолоснымъ владѣніямъ! Привыкну къ нашему

русскому раздолью, никакъ не можешь вмѣстить въ голову мысль, что, напримѣръ, на этомъ концѣ аллеи царствуетъ Фридрихъ VI, а на другой — господинъ бюргермейстеръ Абендротъ.

Цѣлью путешествія нашего, ограниченного немногими часами, была рыбацкая и лодманская деревня *Блаккенезе*, лежащая за высокимъ курганомъ, на берегу Эльбы. Жители этой деревни, искусные мореходцы, отличаются суровостью и грубостью своихъ нравовъ. Намъ не хотѣлось испытать на себѣ этихъ похвальныхъ качествъ, и мы, не входя въ деревню, рѣшились найти иное мѣсто, откуда можно было бы лучше всего насладиться тамошнимъ мѣстоположеніемъ. М. К. З., одна изъ спутницъ моихъ, объявила намъ, что знакомецъ ея, докторъ Альберсъ, живетъ лѣтомъ въ этой сторонѣ, и мы пошли его отыскивать. Входимъ въ прекрасный садъ, приближаемся къ большому, великолѣпному дому съ бельведеромъ. Изъ дверей выходитъ миловидная дама среднихъ лѣтъ, и спрашиваетъ кого намъ угодно. Госпожа З. объявила ей причину нескромнаго нашего визита въ чужомъ саду. «Доктора Альберса здѣсь сегодня нѣтъ,» сказала дама: «онъ выѣзжаетъ за городъ только по воскресеньямъ; но родители мои примутъ васъ съ удовольствіемъ, и вы съ нашего бельведера увидите несравненную панораму. Пожалуйста, войдите!» Мы пошли за нею въ домъ. Насъ встрѣтилъ сначала ея отецъ, добрый старичекъ лѣтъ семидесяти, и узнавъ о причинѣ нашего прихода, повторилъ сказанное до-

черью. Потомъ явилась и мать, совѣстно сказать, старушка — женщина преиная на взглядъ, привѣтливая, одѣтая и зашнурованная, какъ бы для того, чтобъ ѣхать на балъ, — и довершила радушіе приема. Дочь ея, молодая вдова, какъ мы послѣ узнали, мать прекрасныхъ юношей, повела насъ по саду: показывала лучшія мѣста, прелестные виды, всѣ сельскія заведенія, и удивила насъ замѣчаніемъ, что здѣсь недавно была совершенная пустыня, и что отецъ и мать ея сами устроили себѣ этотъ усладительный пріютъ. Набродившись досыта, мы воротились въ домъ, чтобъ поблагодарить почтенныхъ хозяевъ. Они увѣрили насъ, что съ удовольствіемъ приняли у себя странниковъ, и повели въ столовую, гдѣ ожидалъ насъ полновѣсный гамбургскій завтракъ. Старикъ разговорился объ осадѣ Гамбурга, въ 1813 и 1814 годахъ, говорилъ мнѣ съ удовольствіемъ о многихъ нашихъ генералахъ и офицерахъ, особливо о генералѣ Баронѣ Левенштернѣ, который долго стоялъ съ своимъ отрядомъ въ Бланкенезе, и снискалъ тамъ общую любовь и уваженіе. Прощаясь, мы записали имена свои въ альбомахъ другъ у друга: почтеннаго гостепріимца нашего звали г. Клюндеръ: онъ гамбургскій купецъ.

Пріятно встрѣтиться на чужбинѣ съ добрыми людьми: мы не могли дорогою наговориться объ этомъ почтенномъ семействѣ. Г-жа Г. плакала отъ умиленія. «Эти прекрасные виды!» повторила она: «и эти добрые люди! Согласитесь, что и въ Германіи можно

жить!» — «Не спорю,» отвѣчалъ я, заглядываясь вправо. «Да что вы туда смотрите?» спросила госпожа Г. съ нетерпѣніемъ молодой дамы, которая не при-
выкла, чтобъ съ нею часто сводили глаза. Мы въ это время поднимались на высоту. Эльба видна была на большое пространство.

«Смотрю,» отвѣчалъ я, «я не могу различить; — видите ли этотъ корабль?» — «Вижу, а что?» — «Посмотрите на флагъ — бѣлая полоса, синяя, красная! Это русскій корабль!» — «Русскій корабль!» закричали обѣ: «русскій корабль! Неужто? Въ самомъ дѣлѣ! Ахъ! русскій корабль! Das liebe, liebe Russland!»

Послѣдній вечеръ пребыванія моего въ Гамбургъ провелъ я въ лѣтнемъ загородномъ театрѣ. Въ публичномъ саду, называемомъ Тиволи, за каменными воротами, устроенъ, на покатой равнинѣ, просторный партеръ; по сторонамъ возвышаются галереи. Предъ партеромъ сцена, крытая сверху, не такъ какъ въ Москвѣ, въ Нескучномъ, гдѣ верхнія декораціи созданы днемъ ранѣе Земнаго Шара. Отъ этого голоса актеровъ не теряются: на крытомъ театрѣ они гораздо слышнѣе. За входъ платять по восьми шиллинговъ, гривенъ шесть; заплатите еще четыре шиллинга, и вы имѣете мѣсто на галереѣ. Я воспользовался этимъ правомъ, и препріятно провелъ вечеръ. Играли *Мнимую Каталани* довольно хорошо: лучше всѣхъ былъ актеръ Гёдеманъ, представлявшій главное лицо. Но для меня всего любопытнѣе и забавнѣе

былъ партеръ, составленный изъ зрителей и зрительницъ средняго сословія. Аристократія гамбургская не ѣздитъ въ загородные спектакли: гораздо благоприличнѣе задохнуться отъ жару въ своемъ городскомъ театрѣ, нежели смѣяться на этомъ народномъ игрищѣ. Вообразите, что предъ каждою дамою въ партерѣ стоитъ столикъ, и на немъ чай, кофе и т. п. Зрительница вяжетъ чулокъ, глядитъ на сцену, и по временамъ прихлебываетъ горячаго! Забавно! Передо мною сидѣли на галерей двѣ хорошенькія дѣвицы, въ полутраурѣ. «Что жъ вы не вяжете чулка?» спросилъ я. «Слишкомъ жарко-съ,» отвѣчала одна, съ запинкою, какъ будто совѣстясь, что теряетъ время.

Спектакль кончился въ половинѣ девятаго часа, и зрители, числомъ тысячи полторы человекъ, вышли изъ саду всѣ чрезъ одну неширокую дверь, не тѣсняясь, не толкаясь, не беспокоя другъ друга — чинно и благопристойно. Всѣ они явились въ театръ пѣшкомъ, и группами спѣшили въ городъ. Точно спѣшили. Въ Гамбургѣ существуетъ, съ незапамятныхъ временъ, обыкновеніе запираеть въ извѣстное время всѣ городскія ворота. Лѣтомъ притворяютъ ихъ ровно въ девять часовъ, и въ десятомъ часу берутъ съ каждаго прохожаго или проѣзжаго небольшую плату; въ одиннадцатомъ часу вдвое; въ двѣнадцатомъ вчетверо, а въ полночь запираютъ ворота наглухо, и хотя бѣ пріѣхалъ самъ президентъ Германскаго Сейма, Графъ Мюнхъ-Беллинсгаузенъ, ему пришлось бы ждать разсвѣта. Для пріѣзжаго и непривыкшаго это очень за-

труднительно и непріятно. Я говорилъ объ этомъ съ однимъ гамбургскимъ патріотомъ, и онъ сказалъ мнѣ: «Рѣдко случается, чтобъ кто нибудь проводилъ ночь за городомъ по какимъ либо дѣламъ. Обыкновенно ѣздить гулять. Угодно гулять ночью, извольте платить. И въ городѣ есть гульбища: начто ѣздить за заставу?» На это отвѣчать нечего, тѣмъ болѣе, что этотъ сборъ употребляется на благотворительныя заведенія, но что скучно, то скучно! — Любители загородныхъ прогулокъ, поспѣвая воротиться въ городъ до урочнаго часа, стараются однако воспользоваться каждою секундою. Подойдетъ къ заставѣ, и спроситъ: «Сколько осталось до девяти часовъ?» — «Три минуты съ небольшимъ,» отвѣчаетъ сторожъ. — «Такъ можно еще погулять,» говоритъ онъ, и прохаживается за городомъ. Но лишь только раздастся звонокъ, толпа бросается въ ворота, и тогда бываетъ въ нихъ обыкновенно пребольшая давка. Отчаянные гуляки хвастаютъ тѣмъ, что умышленно возвращаются домой поздно, и платятъ вчетверо за пропускъ. Великодушно!

VII.

Гамбургъ.

Не пора ли кончить разглагольствія мои о Гамбургѣ! Я говорилъ о мѣстоположеніи города, о его образѣ правленія, о благотворительныхъ его заведеніяхъ, о

гульбищахъ, о забавахъ. Кажется, довольно. Долгъ требуетъ еще упомянуть съ благодарностью о тѣхъ почтенныхъ людяхъ, которые оказали страннику дружескій привѣтъ, и ласково приняли бездомнаго въ своихъ семействахъ.

Нашего министра-резидента, г-на Струве, не было въ Гамбургѣ во время моего тамъ пребыванія: онъ путешествовалъ по Англіи и Франціи. Я крайне жалѣю о томъ, что не познакомился съ нимъ. Онъ пользуется въ Гамбургѣ общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, образованный, ученый, притомъ добрый, благородный и привѣтливый. Между тѣмъ нашелъ я ласковый приѣмъ у исправляющаго на время его отсутствія должность министра-резидента, генеральнаго консула нашего, г. Бахерахта, женатаго на дочери г. Струве. Въ ихъ гостепріимномъ домѣ, въ ихъ дружелюбномъ, образованномъ кругу провелъ я нѣсколько истинно пріятныхъ часовъ, и познакомился со многими интересными людьми; съ ними былъ на гамбургскомъ вечерѣ, у одной почтенной дамы, и видѣлъ обычаи тамошнихъ гостиныхъ; съ ними развѣзжалъ по любопытнымъ мѣстамъ города; у нихъ провелъ вечеръ наканунѣ моего отъѣзда.

Я говорилъ уже о добромъ и любезномъ Маѣ, который познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ лицъ города, съ бургомистрами, сенаторами, синдинами и пр. Я обѣдалъ у двоихъ изъ этихъ господъ, въ избранномъ, пріятномъ кругу. Меня заставляли говорить о Россіи, спрашивали о нашемъ

Государѣ, о его частной жизни, о его семействѣ. Я говорилъ такъ, какъ сталъ бы говорить каждый изъ пятидесяти милліоновъ его подданныхъ. Правители Гамбургской Республики слушали мои рассказы съ вниманіемъ и умиленіемъ. Я старался какъ можно яснѣе, правдивѣе, точнѣе представить имъ Россію и ея правительство, уничтожить странные предразсудки, разглашенные глупцами и недоброжелателями. Не правду говорятъ, будто Россія не имѣетъ друзей въ чужихъ краяхъ, будто на нее глядятъ со злобою и завистью. Это можетъ быть справедливо въ отношеніи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ: люди, которымъ хотѣлось бы помутить Германію, и воспользоваться безпорядками, разумѣется, съ досадою смотрятъ на колоссальную Россію, которая не потерпитъ нарушенія правъ и спокойствія ея союзниковъ; сердятся, но только для виду, негодные бумагомаратели, которые (по большей части, съ голоду) лаютъ на нее, какъ *мосяка на слона*; но всѣ люди порядочные, благоразумные, образованные, уважаютъ и Россію и Государя ея, будучи увѣрены, что не Россія страшна Европѣ. Къ сожалѣнію, въ Германіи и вообще въ чужихъ краяхъ мало знаютъ наше отечество. Пишутъ объ насъ иностранцы, не понимающіе языка русскаго, ни свойствъ, ни потребностей земли русскаго. Неоднократно случалось мнѣ жарко спорить съ Нѣмцами, которые, замѣняя русскій аршинъ своимъ локтемъ, называютъ неумѣстнымъ и несправедливымъ именно то, что полезно, выгодно и необходимо нашей

исполнинской Россіи. Жаль, что за границей не издаютъ о Россіи журнала на нѣмецкомъ, или еще лучше, на французскомъ языкѣ, въ которомъ люди, понимающіе Россію и въ то же время образованные по-заморскому, знакомили бы западную Европу съ нашими законами, нравами, правленіемъ и событіями общими и частными, говоря о Россіи сущую правду. Такой журналъ издавали лѣтъ тридцать тому назадъ гг. Шторхъ *) и Энгельгардъ подъ заглавіемъ: *Russland unter Alexander dem Ersten*. Ученые журналы, какъ напримѣръ Дерптскія Лѣтописи, полезны и хороши, но они односторонни и не довольно національны. — Пока этого нѣтъ, всякій честный русскій гражданинъ, занесенный на чужбину, обязанъ всячески вразумлять иностранцевъ на счетъ нашего отечества. Ахъ! только это вразумленіе происходитъ, какъ выражаются подъячье, на нѣмецкомъ діалектѣ, и у меня послѣ каждаго монолога о Россіи вскакивали прыщики на концѣ языка. Часто говаривали мнѣ друзья и пріятели, что *языкъ мой врагъ мой*: за то и досталось ему теперь въ Германіи!

Въ числѣ особъ, видѣнныхъ мною въ Гамбургѣ, съ удовольствіемъ называю Раупаха. Въ Гамбургѣ выходитъ каждое утро листокъ дневныхъ извѣстій, съ именами особъ, пріѣхавшихъ наканунѣ, и съ по-

*) Когда я писалъ эти строки, почтенный Шторхъ былъ еще живъ.

казаніемъ, гдѣ онѣ остановились. Увидѣвъ въ этомъ списокѣ имя Раупаха, я немедленно его отыскалъ. Мы не видались лѣтъ тринадцать. Онъ очень постарѣлъ на видъ, посѣдѣлъ, изсохъ, но духомъ бодръ, и глаза его все еще такъ же свѣтлы и выразительны, какъ прежде. Потолковавъ съ нимъ о *былыхъ* дѣлахъ и вещахъ, о настоящемъ и будущемъ, я *принудилъ себя* оставить его пріятную бесѣду. При входѣ моемъ въ комнату, онъ всталъ изъ-за письменнаго стола, а я, по горькому опыту, знаю, что утренній гость хуже Татарина. Раупахъ считается нынѣ между лучшими и плодovitѣйшими драматическими писателями Германіи. Его драмы и комедіи съ успѣхомъ представляются на всѣхъ театрахъ; но критики нѣмецкіе, не безъ основанія, жалуются, что поспѣшность работы выказывается у него и въ выборѣ сюжетовъ, и въ исполненіи. Онъ прочитаетъ страничку въ Раумеровой Исторіи Гогенштауфеновъ, — и планъ трагедіи готовъ. Но въ числѣ ихъ есть прекрасныя, и во всѣхъ видны воображеніе, умъ, талантъ и искусство владѣть языкомъ. Раупахъ обыкновенно живетъ въ Берлинѣ, и теперь проѣзжалъ чрезъ Гамбургъ въ морскія купальни.

Эта была моя единственная литературная бесѣда въ Гамбургѣ. Вообще осуждаютъ Нѣмцевъ за ихъ педантство, за то, что они предпочитаютъ ученость жизни, а книги натурѣ, но этого нельзя сказать о Гамбургцахъ. Если есть здѣсь литература, то одна практическая; для умозрительныхъ же и ученыхъ

разысканій приморскій воздухъ здѣшній слишкомъ рѣдокъ: это какъ бы вершина горы, до которой не поднимается мгла ученыхъ тучъ и тумановъ. По этой причинѣ, я думаю, нѣкоторые нѣмецкіе поэты и артисты избрали Гамбургъ преимущественно мѣстомъ своего жительства. Я говорилъ уже о Клопштокѣ. И Гагедорнъ жилъ и умеръ въ прекрасной деревнѣ Гарастегуде, близъ Эппендорфа. Любимое мѣсто отдохновенія его было подъ густою липою, на берегу Алыстера. Эта липа, чрезъ нѣсколько времени послѣ его смерти, была раздроблена грозою. Объ ней рассказываютъ презабавный анекдотъ. Гагедорнъ былъ очень близорукъ, и нѣсколько лѣтъ думалъ, что это дерево не липа, а дубъ, и воссѣлъ его, подъ пнемъ дуба, въ одной своей одѣ. Друзья поэта, увидѣвъ ошибку, жестоко надъ нимъ смѣялись. Гагедорнъ очень горевалъ объ этомъ промахѣ, и во второмъ изданіи книги своей напечаталъ Linde, вмѣсто Eiche. — Изъ живущихъ въ Гамбургѣ артистовъ первое мѣсто занимаетъ Бернгардъ Ромбергъ. Я видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ, бесѣдовалъ о Петербургѣ, о нашихъ тамошнихъ знакомыхъ, и болѣе всего о незабвенномъ другѣ нашемъ, М. Я. фонъ-Фокѣ. Старика очень хочется еще побывать у насъ, въ Петербургѣ, но вѣрная Бавкида не отпускаетъ его отъ своего пепелища.

Я былъ нынѣ въ Гамбургѣ двукратно, и въ промежутокъ этого времени съѣздилъ въ Берлинъ. Ничто въ Германіи, особенно въ Пруссіи, не исправилось такъ чувствительно въ послѣднее время, какъ почтовые учрежденія. Этимъ публика всей Европы обязана почтенному нынѣшнему прусскому генералъ-директору почтъ, г. фонъ-Наглеру. Изъ Гамбурга ходятъ въ Берлинъ и обратно четыре раза въ недѣлю покойныя дилижансы, совершая этотъ путь въ 36 часовъ. Въ случаѣ излишка пассажировъ, ходятъ при главномъ дилижансѣ вспомогательные (Beiwagen), но эти не такъ удобны, потому, что на каждой станціи мѣняются повозки, т. е. ѣдешь на перекладныхъ. Въ дилижансѣ лучшія мѣста №№ 5 и 6, въ переднемъ кабріолетѣ, и, для полученія ихъ, должно записываться заблаговременно. Во-первыхъ, тамъ нѣтъ только одного товарища (третье мѣсто занимаетъ кондукторъ); во-вторыхъ, пользуешься видомъ прямо предъ собою. Точность, съ какою ходятъ эти дилижансы, достойна удивленія и подражанія. Въ восемь часовъ вечера они отходятъ изъ Гамбурга. Пассажиры должны прислать свои вещи за часъ, а сами явиться за четверть часа. Съ ударомъ осями часовъ дилижансѣ выезжаетъ изъ воротъ дома почтовой конторы въ улицѣ die grosse Bleiche, а на третій день, ровно въ восемь часовъ утра, не позже, но и отнюдь не раньше, выезжаетъ въ ворота почтового дома, въ Королевской Улицѣ, въ Берлинѣ. По причинѣ этой необыкновенной точности, не удивитесь, слыша

въ Берлинѣ на почтѣ: «Гамбургскій дилижансъ придетъ чрезъ семь минутъ.»

Я отправился изъ Гамбурга въ большой и пріятной компаніи. Кромѣ двухъ всегдашнихъ моихъ спутницъ, были съ нами еще двѣ дамы изъ Петербурга, д. ст. советн. Ц., молодой Ш., сынъ знаменитаго петербургскаго химика, путешествующій по Европѣ на издвигеніи Министерства Финансовъ, для узнанія новыхъ открытій и приспособленій въ технической химіи; нашъ же подполковникъ Сл., ѣздившій въ Парижъ за тѣломъ своего брата, Ю. В. Сл., о смерти котораго было писано въ нашихъ журналахъ; два молодые путешественника изъ Парижа, челоуѣка три Англичанъ, и еще нѣсколько пассажировъ незначительныхъ. Вся компанія занимала дилижансъ и три *Beiwagen*. Дорога была въ этомъ обществѣ пріятная. По причинѣ частаго прилива и отлива прѣзжихъ, мы на каждой станціи имѣли новыхъ спутниковъ. Сначала побаивались мы Французовъ, думая найти въ нихъ героевъ юной Франціи; но къ счастью обманулись: это были люди образованные, скромные, благородные, и притомъ веселые, добродушные, что называется *de bons enfans*. Мы тотчасъ познакомились, и продолжали знакомство это въ Берлинѣ. И Англичане обманули насъ, но въ другомъ отношеніи. Я искренно уважаю Англичанъ, и охотно соглашаюсь въ преимуществѣ ихъ предъ многими другими Европейцами; но это преимущество не простирается на британскихъ *туристовъ*, которые, окончивъ курсъ наукъ въ ка-

кой нибудь провинціальной школъ, пробѣгаютъ, раззвивя ротъ, Европу и Египеть, и, возвратившись домой, говорятъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ничего путнаго. Съ нами ѣхалъ такой патентованный болванъ, молодой человѣкъ, довольно пріятной наружности, но величайшій невѣжа, грубіянь и гордецъ. Онъ никого не удостоилъ словомъ, и когда, въ крайнихъ случаяхъ, съ нимъ начинали говорить по-англійски, онъ отвѣчалъ сквозь зубы ломаными нѣмецкими словами. Сидѣлъ онъ въ углу дилижанса, занимая, по ширинѣ, полтора мѣста, на счетъ сосѣда своего, учтиваго Француза; развалился въ самомъ неблагопрістойномъ положеніи, грызъ ногти, и дерзко поглядывалъ на дамъ. Мы бесѣдовали съ Французами и другими спутниками, рассказывали анекдоты, шутили. Онъ представлялся, будто ничего не понимаетъ и не слышитъ. При самыхъ забавныхъ разсказахъ, когда всѣ помирали со смѣху, у него появлялись на устахъ невольныя судороги, показывавшія, что онъ понимаетъ по-французски, но онъ въ ту же секунду опять приводилъ губы въ форменную позицію. Такимъ сонникомъ провелъ онъ тридцать шесть часовъ; проведетъ и всю жизнь свою, развѣ что его разорветъ въ парламентѣ или послѣ пьянаго радикальнаго обѣда.

Дорога отъ Гамбурга до Бойценбурга (двѣ станціи) идетъ по датскимъ владѣніямъ, слѣдственно не мѣшена, изрыта, дурна и даже опасна; но при вѣздѣ въ мекленбургскіе предѣлы, начинается шоссе, очень хорошее, только, кажется, не довольно широкое.

Въ мекленбургскихъ предѣлахъ проѣзжали мы чрезъ Лудвигслустъ, уѣздный городъ Великаго Герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго. Онъ состоитъ изъ небольшихъ кирпичныхъ домовъ; по улицамъ тянутся густыя липовыя аллеи; отъ этого видъ города мраченъ и угрюмъ. На улицахъ тихо; народу мало. Все порядочно, обстоитъ благополучно и новаго не бываетъ. По мѣрѣ удаленія отъ приморскихъ странъ, земля становится скуднѣе и печальнѣе, и въ Бранденбургіи превращается въ песчаную равнину, для обработанія которой потребны были сотни лѣтъ и нѣмецкое постоянство. При Варновѣ вѣхали мы въ прусскія владѣнія. «Здѣсь пограничная таможня,» сказалъ кондукторъ: «извольте предъявить свои пожитки.» Мы выбрались изъ дилижансовъ со всемъ своимъ скарбомъ. Досмотръ производился тихо, учтиво и благородно. «Которыя ваши вещи?» спросилъ у меня одинъ чиновникъ, заглянувъ въ мой паспортъ. «Вотъ этотъ чемоданъ, шкатулка и мѣшокъ,» отвѣчалъ я: «и вотъ къ нимъ ключи.» — «Потрудитесь отомкнуть сами,» сказалъ онъ. Я исполнилъ его требованіе. Онъ приподнялъ крышку чемодана, посмотрѣлъ сверху, и закрылъ. Тѣмъ досмотръ и кончился. «Нѣтъ ли у васъ какой либо контрабанды?» спросилъ онъ у одной пассажирки. Почтенная дама, воспитанная на Васильевскомъ Острову, въ страхѣ Божіемъ, отвѣчала: «Есть.» — «А что такое?» — «Чай.» — «Да вѣроятно не много,» возразилъ чиновникъ, не желая вводить ее въ убытокъ: «фунтъ

или полтора?» — «Нѣтъ-съ,» отвѣчала она: «четыре фунта.» — «Ахъ, сударыня!» сказалъ чиновникъ, досадуя на ея откровенность: «извольте заплатить двѣнадцать грошей.» Только одинъ какой-то упрямецъ изъ нашихъ пассажировъ не соглашался отпереть сундука. Инспекторъ разсѣрдился и хотѣлъ принудить его къ тому, но мы его уговорили, приписавъ отказъ спутника нашему незнанію нѣмецкаго языка. — По окончаніи досмотра, между тѣмъ, какъ укладывали вещи обратно въ повозки, я разговорился съ инспекторомъ, и шутя сказалъ ему: «Вы не довольно хорошо досмотрѣли наши вещи. Я не знаю прусскаго тарифа, и можетъ быть, везу контрабанду.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Мы, сударь, разбираемъ людей, и конечно какогонибудь Жида не досмотримъ слегка; но у насъ есть предписаніе начальства — лучше пропустить неумышленной контрабанды на двѣсти талеровъ, нежели оскорбить благороднаго человѣка обиднымъ подозрѣніемъ.»

Мы проѣхали чрезъ одинъ порядочный городокъ, Перлебергъ, по извилистымъ, узкимъ улицамъ. На рыночной площади замѣтилъ я здѣсь старинную каменную колоссальную статую рыцаря съ мечемъ, покрытую плесенью и мохомъ. На вопросъ мой что это за памятникъ, мнѣ отвѣчали: «Это Роландова статуя,» и объявили, что такія же изваянія попадаются во многихъ старинныхъ нѣмецкихъ городахъ, на Везерѣ, Эльбѣ и Саалѣ. Вообще находятся онѣ въ двадцати восьми мѣстахъ. По народному преданію,

онѣ сооружены Карломъ Великимъ, въ память храбраго современника его, рыцаря Роланда, убитаго Сарацинами при Ронсевалѣ и воспѣтаго Аріостомъ. Но, по вѣроятному мнѣнію другихъ, онѣ воздвигнуты для показанія того, что городъ пользуется верховною судебною властью, какъ бы въ присутствіи самого императора. Точное имя ихъ было Ругеландъ, т. е. судебный округъ. Не доказано, чтобъ онѣ были поставлены Карломъ Великимъ: вѣроятно, онѣ сооружены гораздо позже. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, передъ этими статуями ежегодно давали всенародныя празднества, творили судъ и исполняли смертные приговоры. Вообще, въ Германіи, на каждомъ шагѣ найдете что нибудь достойное вниманія въ историческомъ отношеніи. Врядъ ли есть въ Европѣ страна, которая такъ часто подвергалась опустошительнымъ нашествіямъ и войнамъ, и при всемъ томъ, нигдѣ не сохранилось столько памятниковъ сѣдой старины.

Въ послѣдній разъ перемѣнили мы лошадей въ *красоучительномъ* Шпандау, и, какъ сказано, въ исходѣ осьмага. вѣхали въ Берлинъ чрезъ великолѣпныя Бранденбургскія Ворота, проѣхали знакомую мнѣ улицу *Подъ Липами*, мимо королевскаго дворца, и остановились у почтоваго дома. Я отправился въ *Hôtel de Russie*, и занялъ тамъ прекрасную чистую комнату, № 29. Въ послѣдствіи, къ сожалѣнію, я не имѣлъ причинъ быть довольнымъ этою квартирою.

VIII.

БЕРЛИНЪ.

Я былъ въ Берлинѣ за осьмнадцать лѣтъ предъ симъ, на обратномъ пути своемъ изъ Франціи въ Россію. Тогда провелъ я въ этомъ любопытномъ городѣ только три дня, изъ которыхъ два дня былъ боленъ и не выходилъ со двора. Помню только липовую аллею, Бранденбургскія Ворота, королевскій дворецъ, статую Курфирста на мосту, Hôtel de St. Pétersbourg. Нынѣ прожилъ я здѣсь девять дней, съ большимъ удовольствіемъ, но этимъ удовольствіемъ наслаждался я на счетъ удовлетворенія моему любопытству, и вотъ какъ это случилось. Я говорилъ уже, что пріѣхалъ въ Берлинъ съ нѣсколькими земляками. Первый выходъ мой былъ въ русское посольство. Посла нашего, А. И. Рибоніера, не было тогда въ Берлинѣ: онъ пріѣхалъ въ С. Петербургъ въ самое время моего отъѣзда; но за то нашелъ я въ посольской канцеляріи стараго, искренняго пріятеля, Барона П. А. Ш., который остановился въ Берлинѣ проездомъ на теплыя воды. Такимъ образомъ составилъ между нами отечественный кружокъ: мы обѣдали въ общей компаніи, проводили вмѣстѣ цѣлые вечера, также ѣздили за городъ и, бесѣдуя между собою по-русски, иногда вовсе забывали, что живемъ на чужбинѣ. Кругъ нашъ разстроился мало по малу: друзья одинъ за другимъ разъѣхались, и я остался

одинъ: давай, думаю, пользоваться Берлиномъ, а тутъ и ударилъ часъ отъѣзда. Впрочемъ я и ѣздилъ не для географіи и статистики, а для отдохновенія, для освѣженія души и тѣла, которыя превратились было въ корректурную машину.

Описывать ли Берлинъ? Сколько читателей моихъ были въ немъ долѣе моего, знаютъ его подробнѣе и лучше! Сообщу нѣсколько легкихъ очерковъ тамошняго житія-бытія.

Прежде всего должно сказать, что Берлинъ городъ прекрасный, даже въ глазахъ пріѣзжаго изъ Петербурга. Онъ довольно обширенъ и раздѣленъ рѣкою Шпре на старый и новый городъ. Въ послѣднемъ преобладаетъ часть его, простирающаяся отъ королевскаго дворца до пересѣченія липовой аллеи Фридриховою Улицею; къ югу эта часть простирается до Жандармской Площади, гдѣ стоитъ драматическій театръ (Schauspielhaus). Въ этомъ объемѣ заключается большая часть достопамятнѣйшихъ и важнѣйшихъ зданій, какъ-то: королевскій дворецъ, кафедральная церковь, музей, арсеналъ, университетъ, оперный домъ, публичная бібліотека, академія наукъ и художествъ, католическая церковь, монетный дворъ, драматическій театръ, всенародные монументы, и пр. Эта часть Берлина въ послѣднее время украшена многими прекрасными зданіями. Прежде сего, на-супротивъ дворца была небольшая, обсаженная липами площадка, называвшаяся Lustgarten. На ней стояла мраморная статуя фельдмаршала Князя Дес-

сауского. Нынѣ эта статуя перенесена на Вальгельмову Площадь, гдѣ стоятъ изображенія другихъ Фридриховыхъ героевъ, а Lustgarten украшенъ великолѣпнымъ зданіемъ музея. Предъ портикомъ музея стоитъ огромная гранитная ваза и бьетъ прекрасный фонтанъ; площадь усажена тополями. Далѣе, по сторонамъ новой гауптвахты, построенной съ большимъ вкусомъ, стоятъ мраморныя статуи генераловъ Бюлова и Шарнгорста, а насупротивъ ихъ, между домомъ Короля и зданіемъ оперы, колоссальная бронзовая статуя Блюхера. Сказавъ: *домомъ* Короля, я не ошибся. Нынѣшній Король живетъ не въ большомъ дворцѣ, а въ томъ домѣ, который онъ занималъ, бывъ еще Наслѣднымъ Принцемъ, гдѣ провелъ сладчайшіе для сердца его дни, въ кругу своего семейства. Квартира моя находилась въ двухъ шагахъ оттуда; я не могъ ни разу пройти мимо этого царскаго жилища, не остановясь предъ нимъ. Благородная простота, величественное спокойствіе составляютъ характеръ этого пріюта истиннаго величія и примѣрной добродѣтели. Изъ этихъ укромныхъ покоевъ, думалъ я съ умиле-ніемъ, истекаетъ спокойствіе, довольство, благоденствіе миллионовъ добрыхъ подданныхъ; тамъ предуготовляется счастье и нерожденныхъ еще поколѣній; будущее есть необходимое послѣдствіе настоящаго.

Къ числу новыхъ произведеній архитектуры въ Берлинѣ должно причислить Фридрихъ-Вердерскую Церковь и строящуюся еще Академію Архитектуры (Bauacademie). Я говорилъ выше о необхо-

димости, въ которой нашелся архитекторъ построить зданіе церкви гораздо уже, нежели предполагалось; но и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ она составляетъ прекраснѣйшее произведеніе готической архитектуры. Зданіе имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника, оканчивающагося на восточной сторонѣ полудекагономъ. Надъ главнымъ входомъ возвышаются двѣ высокія башни съ плоскимъ верхомъ. Двери и окна стрѣльчатыя. Снаружи зданіе не оштукатурено; украшенія же сдѣланы изъ жженой глины. Эффектъ этого оригинальный и изящный. Церковь построена знаменитымъ Шинкелемъ. Лѣпная работа произведена Фейльнеромъ, по моделямъ Тика и Шадова. Архитектурная Академія еще не кончена. Она будетъ также неоштукатурена, съ лѣпными глиняными украшеніями. И ее строитъ Шинкель. Этотъ художникъ приобрѣлъ справедливую славу своими прекрасными произведеніями, но — позвольте незнакомцу *свое сужденіе мнѣть!* — мнѣ не нравятся *квадратныя окна*. По моему взгляду, окну всего приличнѣе форма соразмѣрнаго параллелограмма, какъ бывало донинѣ. Еще менѣе пріятна глазу противоположная крайность: окна шириною въ одно стекло, вышиною въ шесть, отдѣляемая одно отъ другаго узкими простѣлками. Такія окна устроены въ зданіи драматическаго театра; воля ваша, некрасиво! — Изъ новыхъ частныхъ зданій отличается домъ Графа Редерна, неподалеку отъ Бранденбургскихъ Воротъ. Вообще зданія въ западной, или новой части Берлина, перестѣкаемой широкими,

прямыми улицами, велики и изящны. Особенно правится мнѣ ихъ наружная штукатурка, гладкая, какъ бы полированная.

Широкая липовая аллея составляетъ не послѣднее украшеніе города, но чувствителенъ недостатокъ въ большой судоходной рѣкѣ. Шпре есть нѣчто въ родѣ нашей Фонтанки, а знаменитый Длинный Мостъ (die lange Brücke) скорѣе можетъ назваться *короткимъ*. Между тѣмъ, въ чистой здоровой водѣ нѣтъ недостатка. Въ каждомъ домѣ есть колодезь, и сверхъ того по улицамъ размѣщено ихъ около шести сотъ. Всего въ Берлинѣ до шести тысячъ колодезей.

Когда подумаешь, что этотъ прекрасный, цвѣтущій городъ возникъ въ песчаной пустынѣ, далеко отъ большихъ рѣкъ, — нельзя не подивиться силѣ человѣческаго ума и твердой воли! Провидѣніе даровало Пруссіи рядъ монарховъ, которые, своими подвигами и трудами, вознесли ее на нынѣшнюю степень могущества, славы и благоденствія. Великій Курфирсть, блистательный Фридрихъ I, бережливый и попечительный Фридрихъ Вильгельмъ I, безсмертный Фридрихъ II, и нынѣ царствующій Король, твердый въ бѣдствіяхъ, кроткій и благодущный въ счастіи, составили изъ разнородныхъ, противоборствующихъ между собою стихій, одно цѣлое — могущественную, твердую и счастливую монархію, стоящую въ первомъ ряду державъ Европы. Столица же всегда есть *со-
кращеніе* государства, *глаза* его, *мозги*, и вотъ почему Берлинъ такъ великолѣпенъ, красивъ, пріятенъ

и разнообразенъ. Между тѣмъ, какъ въ западной его части вращается міръ правительства, наукъ и искусствъ, восточная (старый городъ), уступающая первой въ правильности, изяществѣ и *модности*, кипитъ торговлею и промыслами. Это нашъ Васильевскій Островъ, Третья Адмиралтейская часть и Владимирская Сторона. Но вообще, если бъ мнѣ должно было выразить характеръ Берлина, я назвалъ бы его городомъ *военно-ученымъ*. И дѣйствительно, въ блистательной его части, учрежденія воинскія и ученныя идутъ рядомъ. Университетъ и арсеналъ, академія наукъ и артиллерійское училище, королевская библіотека и монументъ Блюхера, смѣняются между собою. На улицахъ, кромѣ общей обыкновенной массы народа, офицеры и студенты отличаются предъ всѣми. Впрочемъ; подъ названіемъ студентовъ не воображайте себѣ неряхъ и буяновъ: берлинскіе питомцы музъ благовидны и благонравны.

IX.

Довольно нѣсколькихъ дней для того, чтобъ приобрести наглядное понятіе о какомъ либо городѣ, чтобъ схватить отличительныя черты внѣшняго его характера, чтобъ замѣтить нѣкоторыя странности на улицахъ; — но можно ли въ это короткое время приобрести основательныя понятія о характерѣ его жи-

телей, объ умственных ихъ образованіи, о нравственности, и пр.? Отнюдь нѣтъ, и по этой причинѣ пишу я извиненія у читателей въ краткости и отрывчатости моихъ замѣтокъ о Берлинѣ. Если бѣ я хотѣлъ снисывать другихъ путешественниковъ, то могъ бы наполнить цѣлые томы, а мнѣ хочется пересказать только то, что я самъ видѣлъ и слышалъ.

Болѣе всего поражаетъ странника въ Пруссіи общее благоустройство: во всемъ видишь порядокъ, стройное дѣйствіе всѣхъ пружинъ правленія, безпристрастное правосудіе, кроткую снисходительность къ слабостямъ людскимъ, и строгое преслѣдованіе порока и преступленій. Это происходитъ отъ личныхъ достоинствъ Короля, отъ твердости государственныхъ постановленій и сообразности ихъ съ цѣлю государства, и отъ распространенія образованности, на которой основана общая нравственность. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ выше, и врожденное Нѣмцамъ праводушіе въ исполненіи обязанностей во многомъ способствуетъ успѣшному достиженію намѣреній благолюбиваго правительства. Въ Пруссіи всякъ можетъ удостовѣриться, что такъ называемыя репрезентативныя, или представительныя формы отнюдь не составляютъ необходимости благоустроеннаго и счастливаго государства. Здѣсь нѣтъ парламентовъ и палатъ, въ которыхъ, по прихоти несмысленной, а иногда и подкупленной толпы, выбирающей своихъ представителей, министры корольевскіе обременяются упреками и оскорбленіями; здѣсь нѣтъ журналовъ, въ которыхъ

буйные, злонамѣренные, а чаще всего сребролюбивые псаки, своею нескромностью, дерзостью, лживостью, на каждомъ шагѣ останавливаютъ дѣйствіи верховной власти, и самыя благія ея намѣренія представляютъ въ видѣ превратномъ и неважнѣннѣмъ. Здѣсь Государь окруженъ избранными имъ, благонамѣренными, просвѣщенными, добродѣтельными сановниками, которые добросовѣстно исполняютъ велѣнія высшей воли посредствомъ чиновниковъ образованныхъ и честныхъ; здѣсь не возбраняется никому говорить что ему угодно; но коль скоро это позволеніе употребляется во зло, правительство ставитъ ему предѣлы. Сравните спокойное дѣйствіе государственнаго организма въ Пруссіи, благое вліяніе ея на сосѣдственныя державы, съ скрипомъ, визгомъ и трескомъ представительной паровой машины Французской, которая жаромъ и кипяткомъ обдастъ и чужихъ и своихъ!

Важѣйшимъ государственнымъ подвигомъ Пруссіи было составленіе Германскаго Таможеннаго Союза (Deutscher Zollverband). Это дѣло приноситъ величайшую честь мудрости, прозорливости и благоразумію прусскаго правительства, и какъ объ немъ у насъ, въ Россіи, не распространено точныхъ понятій, то я считаю нелишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Главнѣйшею причиною бѣдствій, недостатковъ и жалобъ Германіи, было раздробленіе ея на тридцать восемь отдѣльных, большихъ и малыхъ государствъ,

нѣющихъ различный образъ правленія, различные законы и постановленія, различные выгоды и мнѣнія. Неоднократно случалось, что Нѣмцы сражались противъ Нѣмцевъ, взаимно вредили другъ другу, помогали внѣшнимъ врагамъ противъ внутреннихъ друзей. Это противоборство стихій Германіи доведено было до высшей степени преобладаніемъ Франціи, притѣсненіями Наполеона и учрежденіемъ Рейнскаго Союза, но въ этомъ случаѣ избытокъ зла повелъ къ добру. Германскія правительства и германскіе народы увидѣли причину своихъ бѣдствій, кривуюся въ разногласіи и противоборствѣ составныхъ частей Германіи: заключили общій твердый союзъ, и освободились отъ чужеземнаго ига. Между тѣмъ этотъ союзъ существовалъ только для внѣшней обороны, и по восстановленіи общаго мира, прежніе недостатки германскаго раздробленія сдѣлались явственными и чувствительными. Всѣ великіе государи разныхъ странъ Германіи, Фридрихъ Великій, Іосифъ II и другіе, чувствовали необходимость единства имперіи, для поддержанія ея благоденствія, но не находили средствъ къ достиженію этой цѣли. Нельзя было произвести единства Германіи безъ нарушенія правъ частныхъ владѣльцевъ, безъ потрясенія основаній, на которыхъ она существуетъ издавна. Самое большее неудобство къ преуспѣванію Германіи въ промышленности, искусствахъ и торговлѣ заключалось въ томъ, что она покрыта была сѣтью таможенныхъ линій, которыми правительства отдѣльныхъ ея частей окру-

жили себя отвсюду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было проѣхать ста верстъ, не заплативъ нѣсколько разъ пошлины, которой свойство и цѣнность измѣнялись на каждой границѣ. Промышленность, фабрики, искусства, торговля не могли подняться. Германія уподоблялась тѣлу, окованному во всѣхъ частяхъ своихъ, въ которомъ кровь и жизненные соки не могли имѣть свободнаго обращенія, которое, въ изнеможеніи силъ, томилось и изнывало. Отъ этого наружнаго зла происходило другое, нравственное. Между отдѣльными государствами Германіи возникли взаимное недоброжелательство, зависть, мстительность. Саксонцы ненавидѣли Прусаковъ, Баденцы Виртембергцевъ, Баварцы Австрійцевъ. Главнѣйшею тому причиною было раздѣленіе и противоборство интересовъ промышленныхъ и коммерческихъ. Государства большія, сильныя и богатые возбуждали зависть малыхъ, и эти послѣдніе охотно приставали къ сторонѣ враговъ Германіи. Было время, что одно имя *Прусакъ* приводило въ трепетъ и злобу всякаго инаго Нѣмца, а виною этому была строгая запретительная система, которою Фридрихъ II отдѣлилъ свои владѣнія отъ прочихъ германскихъ земель. Слѣдствіемъ этого были, какъ сказано, неудачи, потери и бѣдствія Германіи въ войнахъ съ Французскою Республикою и Наполеономъ.

Эти обстоятельства обратили на себя вниманіе Прусскаго Правительства. Бывъ издавна убѣжденъ въ необходимости единства разныхъ владѣній герман-

скихъ, для обезпеченія ихъ благосостоянія и неприкосновенности извнѣ, оно, наконецъ, нашло вѣрнѣйшее къ тому средство въ разрушеніи преградъ, раздѣлявшихъ досужество, промышленность и торговлю ихъ, въ составленіи общаго Германскаго Союза, основаннаго на выгодахъ всѣхъ его правительствъ и подданныхъ. Благотѣльный этотъ планъ былъ приведенъ въ дѣйство исподоволь, съ мудрою осторожностью, съ уваженіемъ къ правамъ сосѣдей. Обыты заключенія торговыхъ союзовъ между второстепенными германскими государствами (Баварію, Виртембергомъ, Баденомъ и пр.), сдѣланные за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по просьбѣ тамошняго купечества, не имѣли большаго успѣха, по малоценности этихъ владѣній, по неимѣнію въ нихъ судоходныхъ рѣкъ, исключительно имъ принадлежащихъ. Пруссія, лучше всякой другой державы германской, могла этого достигнуть. Первый трактатъ, въ этомъ отношеніи заключенъ былъ съ Великимъ Герцогствомъ Гессенскимъ, 14 Февраля 1828. Въ 1829 приступили къ нему два Герцогства Саксонскія. Важнѣйшимъ же актомъ въ этомъ дѣлѣ было заключеніе трактата Пруссіи съ Баварію и Виртембергомъ (27-го Мая 1829). Ихъ примѣру послѣдовало Курфюршество Гессенское (25-го Августа 1831), наконецъ и Королевство Саксонское (1-го Января 1832). Въ нынѣшнемъ году приступили къ союзу Великое Герцогство Баденское и Герцогство Нассауское. Приступленіе сихъ послѣднихъ замедлено было тѣмъ, что въ нихъ

надлежало вразумить премудрость земскихъ чиновъ о пользѣ заключенія этого союза. Съ городомъ Франк-фуртомъ идутъ переговоры. Нынѣ Германскій Таможенный Союзъ заключаетъ въ себѣ всѣ владѣнія Германіи, кромѣ австрійскихъ, Ганновера, Брауншвейга, мекленбургскихъ владѣній и ганзейскихъ городовъ. Австрія, обладая многими землями внѣ Германіи, и слѣдственно имѣя свои собственныя коммерческія отношенія, не могла вступить въ этотъ союзъ. Въ Ганноверѣ и Брауншвейгѣ преобладаютъ выгоды Англіи; мекленбургскія владѣнія лежатъ внѣ таможенной линіи, а Ганзейцы руководствуются своими коммерческими расчетами: имъ выгоднѣе привозить заморскій товаръ за малую пошлину, и потомъ продавать въ Германіи.

1-го Января 1834 года Германскій Таможенный Союзъ заключалъ въ объемѣ своемъ 10,000 квадр. геогр. миль и около 22.000,000 жителей. Въмѣсто прежнихъ таможенныхъ линій, простиравшихся на 2930 миль, должно нынѣ охранять только 690. Въмѣсто прежнихъ 60 мил. гульденовъ издержекъ на содержаніе таможенъ, требуется теперь не болѣе двухъ милліоновъ. Во всѣхъ государствахъ этого союза существуетъ общій тарифъ, по которому пошлина соби-рается только на границѣ Германіи, а потомъ товаръ пользуется безпрепятственнымъ пропускомъ по всѣмъ землямъ, составляющимъ союзъ. Всѣ собственныя произведенія земель союза развозятся во всемъ его пространствѣ беспошлинно. Пруссія приняла на себя

взиманіе пошлины по всей вѣтшной границѣ союза. Таможенный доходъ, по истеченіи года, раздѣляется между правительствами союза, по числу душъ въ каждомъ владѣніи. Трактаты о сѣмъ между союзными владѣніями заключены на восемь лѣтъ.

Благодѣтельныя послѣдствія сего мудраго плана уже оказываются во всемъ своемъ блескѣ. Важнѣйшія жизненныя потребности упали въ цѣнѣ, и между тѣмъ произведеніямъ небольшихъ государствъ открылся обширный рынокъ. Фабрики, мануфактуры, промыслы всякаго рода оживились. Въ первое время существованія сего союза болѣе всѣхъ прочихъ земель потерпѣть сама Пруссія. Мнѣ сказывали, что она нынѣ теряетъ, отъ упраздненія таможенныхъ сборовъ на границахъ германскихъ, около двухъ милліоновъ талеровъ; сверхъ того правительство издерживаетъ значительныя суммы на поддержаніе прусскихъ фабрикъ, пострадавшихъ отъ привоза дешевыхъ издѣлій саксонскихъ. Но эти потери и пожертвованія будутъ вознаграждены* вскорѣ и съ лихвою. Промышленность обратится на предметы выгоднѣйшіе, а государственный доходъ пополнится другими сборами, по увеличенію торговыхъ и мануфактурныхъ сношеній во внутренности. Между тѣмъ мало по малу исчезнутъ недобѣрчивость, недоброжелательство, зависть между разными германскими землями: онѣ привыкнутъ почитать Пруссію своею защитницею и краугольнымъ камнемъ въ зданіи Нѣмецкой Имперіи. Исчезнетъ и память о междоусобіяхъ, еще недавно

ободрившихъ поля доблестной, честной, трудолюбивой Германіи. А если бъ со временемъ и случилось, чтобъ которое либо изъ нѣмецкихъ владѣній, особенно лежащихъ близъ предѣловъ Франціи, вздумало, какъ бывало встарину, искать союза съ давнишними врагами Германіи, и вредить общему благу, Пруссія, нигдѣ въ рукахъ важнѣйшую часть его доходовъ, могла бы образумить его и парализовать всѣ враждебныя дѣйствія.

И это великое дѣло произведено Пруссією безъ шулу, безъ разглагольствій, силою опытности, истины и правды. Вотще умники и крикуны, въ собраніяхъ земскихъ чиновъ, нѣкоторыхъ нѣмецкихъ державъ старались заглушить голосъ мудрости и благонамѣренности. Общее, единодушное одобреніе всей націи германской было наградою за благодѣйный подвигъ мудраго Фридриха Вильгельма III.

Х.

Берлинъ.

Выше назвалъ я Берлинъ городомъ *военно-ученымъ*. По сей причинѣ, читатели мои могутъ требовать у меня описанія его преимущественно въ двухъ отношеніяхъ — въ военномъ и въ ученомъ. Но что я могу сказать въ первомъ отношеніи — профанъ по

Соч. Греча. — Т. III.

военной части и дѣйствительной и приговорительной! Если бъ я былъ журналистъ парижскій, то конечно имѣлъ бы нѣкоторую опытность въ наступательномъ и оборонительномъ дѣйствіи ниспосланными и шпанами, но, къ счастью, у насъ тактика журналистовъ ограничивается бранью другого рода. Я смѣю судить о *военныхъ* и о *военной службѣ* только по наружности, и, въ этомъ отношеніи, не могу скрыть особаго и не очень пріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго во мнѣ прусскими солдатами: они слишкомъ молоды. Я не видалъ въ Берлинѣ тѣхъ старыхъ гренадеръ, которые составляютъ силу и славу арміи, тѣхъ угрюмыхъ воркотуневъ (groggnards), которые выносятъ на плечахъ судьбу сраженій. Попадавшіеся мнѣ солдаты были все ребята молодѣе, плохо выправленные, и, какъ кажется, скучающіе своимъ ремесломъ; мнѣ казалось, что у каждаго написано было на лицѣ: «какъ бы скорѣе кончить годы, да махнуть обратно къ маменькѣ, на вассерсупъ!» Не думаю, чтобъ съ этими новобранцами можно было одерживать побѣды. Вирочемъ, кажется, что, при нынѣшнемъ состояніи Европы, дѣло до того не дойдетъ; а въ караулъ можно ходить и безъ усовъ *).

— Офицеры прусскіе, съ которыми

*) Извѣстный военный писатель Графъ Бисмаркъ (виртембергскій генералъ и посланникъ при Берлинскомъ Дворѣ) до того отвыкъ отъ старыхъ солдатъ, что не могъ удержать радостныхъ слезъ, взглянувъ въ Петербургъ на нашихъ усачей, кавалергардовъ и конногвардейцевъ.

мнѣ случилось видѣться, люди учтивые, благосовѣтанные. Я имѣлъ порученіе къ одному капитану гвардейскаго инфантерійскаго баталіона, и пришель къ нему не во-время, — когда онъ стригся. Капитанъ, принявъ меня очень учтиво, посадилъ меня и сталъ разговаривать. Между тѣмъ парикмахеръ стоялъ съ ножницами въ рукахъ, и съ почетомъ ждалъ конца. Разговоръ позатаянулся, и капитану стало совѣстно, что парикмахеръ дожидается стоя: онъ взглянулъ на меня съ улыбкою, въ которой изображалось извиненіе, и потомъ, оборотись къ парикмахеру, сказалъ ему очень учтиво: «Садитесь, пожалуйста!» Разумѣется, что парикмахеръ поблагодарилъ за это приглашеніе и не воспользовался имъ, но мнѣ пріятно было видѣть такое уваженіе къ человеку.

Эта черта въ Пруссіи значительнѣе, нежели гдѣ нибудь: она показываетъ совершенное перерожденіе духа прусской арміи. Семилѣтняя Война, безпримѣрная въ лѣтописяхъ военныхъ, возрела на высочайшую степень славы прусскаго оружія, и породила въ Пруссакахъ справедливое чувство своего достоинства. Наступили годы мира и тишины; герои вымерли, а преемники наследовали только ихъ гордость, которая, не будучи подкрѣпляема собственными дѣлами, превратилась въ надменность, хвастовство и дерзость. Эти пороки расторгли всѣ связи между воинами и гражданами Пруссіи. Воины презирали гражданъ; граждане ихъ ненавидѣли. Трудно повѣрить, что въ 1806 году жители Пруссіи радовались несчастіямъ

прусской арміи и рукоплескали Французамъ! Притомъ должно еще замѣтить, что нижніе чины прусскіе тогда состояли большею частію изъ на вербованныхъ рекрутъ, бѣглецовъ, негодяевъ, а въ офицеры принимались только природные дворяне. Несчастія, постигшія Пруссію, открыли глаза правительству и народу. Армія была преобразована, и составлена изъ элементовъ національныхъ. Учрежденіемъ ландверовъ открытъ былъ входъ въ нее гражданамъ всѣхъ сословій, и чрезъ семь лѣтъ прусская армія, совершенно перерожденная, приобрѣла безсмертную славу.

Берлинъ *ученый* представляетъ любопытному наблюдателю обширное поле, но его можно разсмотрѣть и описать не въ *десять* дней изъ двадцати осьми, удѣленныхъ мнѣ на путешествіе. Я, признаюсь, съ искреннимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Берлинскій Университетъ, вступилъ въ аудиторію съ невольнымъ трепетомъ уваженія къ корифеямъ наукъ германскихъ, къ тѣмъ великимъ людямъ, которые преобразовали, усилили, развили умственные способности человечества, обогатили его драгоценными опытами, великими наблюденіями и важными выводами. И теперь, сидя въ уединенной кельѣ трактира Hôtel de Russie, слыша изрѣдка звуки нѣмецкаго языка, несущіеся ко мнѣ съ улицы, я съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ воображаю, что нахожусь тамъ, гдѣ жили и дѣйствовали великіе мужи, мудрецы вѣковъ. Счастливы тѣ, которые пользовались ихъ уроками, живымъ изліяніемъ ихъ мыслей и чувствованій! Я съ горестью

нить завидую. Мы скажутъ: у тебя есть книги. Книги — мертвыя буквы, угашающія духъ! Вображаю себя студентомъ, лѣтъ двадцати, переносусь на скамью въ аудиторіи Окена, Шеллинга, Гегеля, Геерена, Савиньи, — и потомъ вспоминаю, какъ провелъ свою молодость, съ какимъ трудомъ урывками почерпнулъ немногое изъ мутнаго канала, которымъ протекала къ намъ тогда *живая вода науки*! Молодые люди! питайте въ себѣ священный огонь любви къ безкорыстному служенію наукамъ! Пользуйтесь временемъ и случаемъ! Придетъ черствая зрѣлость: вы увидите что потеряли для всей жизни, и съ унылымъ сердцемъ будете смотрѣть на пройденный вами путь прозы и всеневдостои. Науки — вѣчные небесные лучи, проникающіе въ темную и временную хранину, гдѣ заключена душа безсмертная! Искусства — мгновенные порывы этой души къ неземному идеалу! вы даете человѣку истинное его достоинство, возносите его надъ тлѣніемъ и чувственностью въ міръ лучшій, посредничающій между міромъ здѣшнимъ и тѣмъ немерцающимъ свѣтомъ, къ которому душа наша стремится за предѣлы гроба!

Кратковременность пребыванія моего въ Берлинѣ не позволила мнѣ познакомиться и побесѣдовать со многими учеными людьми. Съ Боппомъ мы помѣнялись визитными карточками. Баронъ Ш. познакомилъ меня съ знаменитымъ географомъ Карломъ Риттеромъ, человекомъ кроткимъ, скромнымъ, пріятнымъ въ обращеніи. Я былъ у него на лекціи, и слушалъ обзоръ-

не водяныхъ сообщеній Европейской Россіи. Это было для меня вовсе не ново, но любопытно то, что Риттеръ ни разу не ошибся ни въ одномъ русскомъ словѣ, впрочемъ жалуюсь на недостаточность пособій къ основательному познанію Россіи. Студенты, наполнившіе залу, слушали его съ величайшимъ вниманіемъ, и рачительно записывали его слова. — Я желалъ посѣтить и другія лекціи, особенно Савиньи и Гапса, но во-первыхъ не могъ удосужиться отъ визитовъ, во-вторыхъ боялся жару и духоты въ залѣ. Въ Берлинѣ господствуетъ странный обычай: давать отдохновение студентамъ не въ кампусы, когда жаръ прекращаетъ всякую возможность заниматься чѣмъ бы то ни было, а съ половины августа. Это обыкновеніе вѣроятно получило начало въ южныхъ странахъ, гдѣ молодыхъ людей отпускали къ родителямъ на время собиранія винограда. Не худѣ было бы отнѣнить его въ Берлинѣ, гдѣ, въ песчаныхъ окрестностяхъ, едва ли родится брусника.

Самую пріятную бесѣду въ Берлинѣ нашелъ я въ обществѣ профессора Эрмана, извѣстнаго путешественіемъ своимъ по Сибири. Я познакомился съ нимъ и спутникомъ его, норвежскимъ профессоромъ Ганстееномъ, въ 1828 году, въ Петербургѣ, за обѣдомъ у шведскаго посланника Барона Пальмшерны. Эрманъ въ подробности спрашивалъ меня о Россіи, о русскомъ языкѣ, о средствахъ ему выучиться, ит. и. Я отвѣчалъ, какъ могъ, и увѣрялъ его, что въ самой Россіи, въ обращеніи съ Русскими, онъ почувствуетъ

тельно узнаеть и землю нашу и языкъ. Года черезъ два послѣ того входитъ въ мой кабинетъ молодой челевѣкъ, котораго я, помнится, гдѣ-то видалъ, и спрашиваетъ по-русски: «Вы не помните меня, Н. И.? — Я Эрманъ, тотъ дикій нѣмецкій профессоръ, съ которымъ вы обѣдали у Барона Пальмшерны.» — «Вы Эрманъ?» — воскликнулъ я съ удивленіемъ; «да у кого выучились вы русскому языку?» — «У русскихъ мужичковъ!» отвѣчалъ онъ простодушно и замысловато. Эрманъ не удовольствовался изученіемъ нашего языка: онъ въ точности изучилъ Россію и Русскихъ, узналъ и полюбилъ ихъ. Путешествіе его, любопытное во многихъ отношеніяхъ, было жестоко раскритиковано нѣкоторыми російскими Нѣмцами. «За что это такъ на васъ нападаютъ?» спросилъ я у него. «Какъ за что? Я пристыдилъ этихъ господъ, что они, живя въ Россіи лѣтъ двадцать, тридцать, не знаютъ русскаго языка, не понимаютъ русскаго народа, и все воображаютъ, что сидятъ въ тѣсномъ своемъ кабинетѣ, въ Галлѣ или въ Іенѣ. Ваша Россія — цѣлый міръ! Стоитъ труда пристально разсмотрѣть и изучить ее!» Вслѣдъ за этимъ Эрманъ началъ читать наизусть стихи Державина, Жуковского, Пушкина, радуясь, что встрѣтилъ *русское ухо*. Онъ доставлялъ мнѣ большое удовольствіе, пригласивъ меня въ день моего отъѣзда, на обѣдъ, съ тестемъ его, знаменитымъ астрономомъ ненигебертскимъ Бесселемъ, известнымъ своими трудами химикомъ Мичерлихомъ и еще двумя или тремя пріятелями. Я провелъ съ ними время

очень пріятно, и тутъ нашелъ еще одного полу-земляка. Разговаривая съ Мичерлихомъ по-нѣмецки, я замѣтилъ въ его произношеніи что-то не-нѣмецкое, что-то похожее на тотъ языкъ, которымъ говорятъ по-нѣмецки Шведы. На вопросъ мой, откуда онъ родомъ, Мичерлихъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ родился подданнымъ Россійскаго Императора, именно въ Графствѣ Еверъ, доставшемся Императрицѣ Екатеринѣ II по прекращеніи линіи Ангальтъ-Цербстской, и уступленномъ въ 1816 г. Императоромъ Александромъ Герцогу Ольденбургскому. — Сказываютъ, эта земля благоденствовала подъ верховнымъ владѣтельствомъ Русскаго Императора. Честные Нѣмцы строго исполняли свои обязанности, хотя жили безъ всякаго надзора и контроля: придворные служители исправно дежурили; во дворцѣ каждый вечеръ перестилали постель Государя; каждое утро наливали свѣжія чернила въ чернилицу его кабинета. — Кстати о слѣдахъ Русскихъ въ чужихъ краяхъ. Мы обѣдали съ Эрманомъ въ гостиницѣ придворнаго трактирщика, знаменитаго въ Берлинѣ *Ягора*. И кто быть этотъ Ягоръ? Егоръ, бѣглый поваръ русскаго посланника Барона К***, родомъ Латышъ. Оставивъ своего господина, онъ пошелъ въ услуженіе къ одному берлинскому трактирщику, женился на его дочери, наслѣдовалъ заведеніе, и прославилъ свое имя. Впрочемъ, долгъ справедливости побуждаетъ меня сказать, въ наставленіе русскимъ путешественникамъ, что лучшая ресто-

рація въ Берлинѣ не у Ягора, а въ Café Royal, Подъ Липами, № 44.

Я имѣлъ случай познакомиться въ Берлинѣ и съ нѣкоторыми литераторами, къ сожалѣнію, не со многими и на слишкомъ короткое время. При выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, одна бывшая артистка берлинской сцены просила меня отдать въ Берлинѣ два письма. Одно изъ нихъ было на имя извѣстнаго литератора Рельштаба. Я съ удовольствіемъ на это согласился, и вскорѣ, по пріѣздѣ въ Берлинѣ, отыскалъ г. Рельштаба. Онъ принялъ меня очень ласково, и пригласилъ на вечеръ. Г. Р. человекъ умный, образованный, съ необыкновеннымъ талантомъ, пишетъ въ повѣствовательномъ родѣ, и знатокъ въ музыкѣ. Онъ издаетъ музыкальный журналъ *Isis*, еженедѣльную литературную газету: *Берлинъ и Аомы*, и сверхъ того участвуетъ въ изданіи Фоссовой политической газеты, составляя въ ней извѣстія заграничныя. Въ досужее время пишетъ онъ романы и повѣсти. Онъ теперь въ жестокой войнѣ съ знаменитымъ капельмейстеромъ Спонтини, который жестоко надоѣлъ всему берлинскому музыкальному міру. Рельштабъ помѣстилъ въ одной лейпцигской газетѣ критическую статью, въ которой, говоря о подписи подъ новымъ твореніемъ Спонтини, спрашиваетъ: что значить *Sr.*? Спонтини или Spitzbube (мошенникъ)? Спонтини, вмѣсто отвѣта, подалъ на него жалобу въ уголовный судъ, и Рельштабъ, въ то время, какъ я съ нимъ видѣлся, готовился просидѣть шесть мѣся-

цевъ въ тюрьмѣ (Hausvogtei). — «Что жъ?» говорилъ мнѣ одинъ Берлинецъ: «для литератора это не наказаніе, а наслажденіе. Тюрма помѣщается въ прекрасномъ домѣ. Комнаты въ ней теплыя, просторныя, свѣтлыя; книгъ можетъ онъ взять, сколько хочетъ, писать можетъ, что угодно. Сверхъ того ему обѣщано, что молоденькая, миловидная и образованная его жена, въ которую онъ влюбленъ смертельно, получить позволеніе провести съ нимъ все это время. Вообразите, онъ освободится отъ скучныхъ визитовъ, отъ необходимости отдавать ихъ.» — «Правда!» отвѣчалъ я, повертывая въ рукѣ визитную карточку Релльштаба, съ загнутымъ угломъ: «но если бъ это было такое наслажденіе, то не для чего было бы ждать судебного приговора.»

Я провелъ у Релльштаба пріятный вечеръ, и познакомился съ другимъ литераторомъ, г. Герингомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Вилибальда Алексяса. Онъ отличается въ ряду нѣмецкихъ романистовъ, и нынѣ занимается редакціею литературной газеты: *der Freymüthige*. Герингъ прославился своимъ романомъ *Валадморъ*, который нѣсколько времени смылъ твореніемъ Вальтеръ-Скотта. Мнѣ понравился онъ какимъ-то пріятнымъ добродушіемъ, какою-то благородною откровенностію, которая съ перваго взгляда внушаетъ къ нему уваженіе и довѣренность. Либеральные критики издѣваются надъ его прусскимъ патріотизмомъ, а я искренно его за то уважаю. Вообще можно сказать, что берлинскіе ученые и литераторы очень

учтивы и предупредительны. Въ нихъ вовсе нѣтъ той дурацкой сѣбѣ (orgue), которую я замѣчалъ въ нѣкоторыхъ литераторахъ французскихъ. Г. Герингъ пригласилъ меня на другой день (увы! это былъ день моего отъѣзда) въ засѣданіе литературнаго берлинскаго общества. Въ условленное время, въ шесть часовъ послѣ обѣда, г. Герингъ зашелъ за мною, и повелъ въ Café National, Подъ Липами. Тамъ, каждый понедѣльникъ, собираются берлинскіе литераторы и любители словесности, читаютъ другъ другу новыя свои произведенія, сообщаютъ свои замѣчанія и сужденія о новыхъ книгахъ, и т. п. Въ хорошую погоду все собраніе идетъ въ паркъ (Thiergarten), и продолжаетъ литературную бесѣду на прогулкѣ. Въ этотъ разъ они были опечалены извѣстіемъ объ опасной болѣзни сочлена своего, Шамиссо, который занемогъ въ небольшомъ городкѣ, недалеко отъ Берлина. Я нашелъ тутъ нѣсколько умныхъ и любезныхъ людей, изъ которыхъ назову Штрекфуса, переводчика Тасса и Аріоста, и извѣстнаго географа Цейне, директора института слѣпыхъ. Герингъ рекомендовалъ меня, и члены, разумѣется, стали спрашивать о моихъ произведеніяхъ. Назвавъ имъ заглавія книгъ, мною изданныхъ, я просилъ ихъ, ради Бога, не судить о насъ, русскихъ писателяхъ, по тяжелымъ, деревяннымъ переводамъ нашихъ сочиненій, издаваемымъ на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, моя Поездка въ Германію исковеркана какимъ-то псевдонимомъ Гейротомъ, безъ

всякаго милосердія. Нашъ Булгаринъ, сказалъ я мнѣ, однажды такъ разсердился на одного изъ своихъ переводчиковъ, что хотѣлъ было поколотить его. «Хорошо же,» замѣтилъ смѣясь Штрекафусъ: «что Аріоста и Тасса нѣтъ уже на свѣтѣ, а то досталось бы мнѣ отъ нихъ!» Цейне, какъ географъ, сталъ спрашивать меня о Россіи. Это мой конекъ: гдѣ только можно пояснить мнѣнія иностранцевъ о нашемъ отечествѣ, тамъ я забываю, что говорю не по-русски, и нѣмецкія фразы очень свободно ложатся у меня подъ языкъ. Я такъ заговорился, что Герингъ долженъ былъ напомнить мнѣ о наступленіи времени нашего отъѣзда. Уже было восемь часовъ, а гамбургскій дилижансъ отправляется въ девять. Я простился съ добрыми, почтенными людьми, которые приняли меня такъ ласково и радушно. Они отправились въ паркъ, а я домой, и оттуда на почту, гдѣ уже прошелъ срокъ, назначенный для пріема пассажирскихъ вещей. Одно мнѣ спасеніе было въ рускомъ паспортѣ, а то бы я за пріятную бесѣду потерялъ свое мѣсто въ дилижансѣ.

Я видѣлъ въ Берлинѣ еще одного литератора, пріобрѣтшаго потомъ незавидную себѣ славу. Одинъ почтенный человекъ, въ Петербургѣ, обѣщалъ дать мнѣ письма къ берлинскимъ литераторамъ, и дѣйствительно прислалъ въ день моего отъѣзда одно, подъ адресомъ: *Herrn Dr. Mundt, Schönhäuserstrasse, № 11.* Это письмо, вмѣстѣ съ другими, лежало, на другой день послѣ моего пріѣзда, на письменномъ

моемъ столѣ. Г. Ш., увидѣвъ его невзначай, сказалъ мнѣ: «Вы найдете въ Мундтѣ одного изъ представителей Юной Германіи.» Это возбудило мое любопытство. Я послѣдилъ съ письмомъ къ г. Мундту, и нашелъ въ немъ молодаго чедовѣка пріятной наружности, учтиваго, скромнаго, почти застѣнчиваго. А я думалъ было встрѣтить какого нибудь брамарбаса! Онъ обошелся со мною очень вѣжливо, и на вопросъ, чѣмъ онъ теперь занимается, отвѣчалъ, что пишетъ біографію несчастной Шарлоты Шт., которая, за полгода до того, въ какомъ-то странномъ изступленіи, лишила себя жизни книжаломъ. Миніатюрный портретъ ея висѣлъ надъ софою. Мужъ этой несчастной мечтательницы, другъ Мундта, убѣдилъ его написать біографію молодой женщины, которая, своими дарованіями, умомъ и образованностью, достойна была лучшей участи, и тѣмъ избавить ея память отъ нареканій клеветы и злорадства. Г. Мундтъ занимался этимъ дѣломъ усердно и добросовѣстно. Вообще мнѣ казалось, что онъ чедовѣкъ съ умомъ, познаніями и душою, но огорченъ препятствіями въ жизни, и питаетъ ненависть къ людямъ. Въ бесѣдѣ его было какое-то безпокойство, какая-то нетерпѣливость. Въ послѣдствіи нашелъ я его имя въ спискѣ тѣхъ полоумныхъ молодыхъ писателей нѣмецкихъ, которые, въ пылу разгоряченнаго воображенія, задумали составить союзъ Юной Германіи по примѣру пресловутой Юной Франціи, написали нѣсколько вздорныхъ книжонокъ, но были усмирены мѣрами, принятыми на Германскомъ Сеймѣ. Кроткое

прусское правительство, сожалѣя о нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ, вовлеченныхъ въ это общество обманомъ и коварствомъ, образумило ихъ отеческою снисходительностью, и обратило на путь полезныхъ гражданъ. Сказываютъ, что молодые люди охотно воспользовались указаніями благоразумія и кротости, и оставили стезю, которая могла ихъ вести только къ несчастію и безславію. Въ числѣ ихъ былъ и г. Мундтъ, какъ я читалъ потомъ въ газетахъ. Эта Юная Германія, надѣлавшая много шуму въ журналахъ, въ самомъ дѣлѣ не стоила большого вниманія. Главными представителями ея были Бёрне и Гейне. Бёрне, родомъ Еврей, человекъ съ отличными дарованіями и быстрымъ умомъ, выросъ подъ гнетомъ жестокаго, унижительнаго ига, которымъ были обременены его соплеменники въ Германіи. Онъ крестился; но это не освободило его отъ нареканій: вездѣ встрѣчались ему непреодолимые преліяствія, горькія униженія, смертельныя обиды. Единовѣрцы его ищутъ спасенія и отрады въ пріобрѣтеніи богатства, и потомъ съ самодовольнымъ презрѣніемъ смотрятъ, какъ нынѣ пресмыкаются у ногъ ихъ тѣ самые, которые прежде того ихъ обижали. Бёрне не умѣлъ или не хотѣлъ употребить этого средства. Въ душѣ его затаилась глубокая ненависть къ людямъ. Она излилась въ смѣлыхъ и дерзкихъ сочиненіяхъ. Его стали преслѣдовать; онъ удался въ Парижъ, и живетъ тамъ — больной, глухой, оставленный всѣми — даже прежними своими друзьями и сотоварищами. — Гейне, племянникъ богатѣйшаго

гамбургскаго банкира, обратилъ на себя вниманіе германской публики своими остроумными юмористическими сочиненіями и прекрасными стихами. Орывки изъ его *Reisebilder*, были напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ (1832 г.), а *Флорентинскія Ночи* въ Московскомъ Наблюдателѣ. Успѣхъ блистательный и, можетъ быть, неожиданный избаловалъ молодого чело-вѣка. Онъ сталъ писать смѣлѣе и смѣлѣе, особенно послѣ июльской революціи, отъ которой Нѣмцы ждали себѣ не вѣсь чего. За нимъ начали присматривать; онъ улизнулъ въ Парижъ, думая найти себѣ тамъ пріютъ и раздолье. Но между тѣмъ мода демагогіи прошла во Франціи. Гейне не нашелъ во французскихъ литера-торахъ отзыва на свои возгласы; его увѣрили, что разглагольствія о правахъ народа, о равенствѣ и сво-бодѣ принадлежать уже къ древней исторіи, что хо-рошій тонъ парижскаго общества предписываетъ хва-лить благоустройство и повиновеніе, вспоминать съ сожалѣніемъ о временахъ старшихъ Бурбоновъ, и по-сылать вслѣдъ за удалившеюся королевскою фамі-ліею искренніе вздохи. Гейне образумился, и повер-нулъ направо кругомъ, взбилъ себѣ тупей, разду-шился, надѣлъ лощенныя перчатки, взялъ въ руки тросточку съ золотымъ набалдашникомъ, и явился въ гостинныхъ. Съ тѣхъ поръ онъ работаетъ для фран-цузскихъ первоклассныхъ журналовъ: переводы его статей печатаются въ *Revue des deux Mondes*, а под-линники въ *Morgenblatt*. Роль писателя-демагога край-не ему надоѣла. Недавно писалъ онъ къ одному прія-

тедю своему, служащему медикомъ въ Россіи: «Ты счастливъ въ службѣ царской. Я обрекъ себя на служеніе самому неблагодарному монарху — народу, и сто разъ въ этомъ раскапвался.» Съ Бёрне онъ совершенно разошелся. Однажды, когда у Гейне сидѣли нѣсколько Французовъ свѣтскихъ, опрятныхъ, нарядныхъ, ввалился къ нему въ комнату неуклюжій Бёрне, съ атмосферою кнастеру и чесноку, растрепанный и немытый, и съ перваго слова, самымъ дружескимъ тономъ, потребовалъ пива и трубки. Молодые Парижане расхохотались, а Гейне приведенъ былъ въ величайшее смущеніе. Потомъ выговаривалъ онъ земляку своему его неопрятность, невѣжливость и неумѣнье жить въ свѣтѣ. Бёрне разсердился, назвалъ его ренегатомъ и разбранилъ въ газетахъ.

Между тѣмъ какъ эти корифеи юной словесности слагали съ себя оружіе, и отрекались отъ дальнѣйшей службы — каждый по своей причинѣ, — подражатели и послѣдователи ихъ продолжали пѣть прежнюю пѣсню. Это были Винбаргъ, Генрихъ Лаубе и Гуцковъ. Самый гнусный изъ нихъ послѣдній. Сначала былъ онъ сотрудникомъ Менцеля въ изданіи литературнаго листка въ Morgenblatt, а потомъ сталъ писать на свою руку. Прошлаго года умеръ въ Берлинѣ профессоръ богословія и пасторъ Шлейермахеръ, просвѣщенный и благочестивый пастырь, краснорѣчивый ораторъ. Весь Берлинъ сожалѣлъ о его потерѣ, искреннія слезы орошали его могилу. Среди этого справедливаго стѣнованія вдругъ появляется въ печати сочиненіе

Шлейермахера: *Письма о Шлегелевой Луциндѣ*.
Надобно знать, что Фридрихъ Шлегель, лѣтъ за тридцать слишкомъ, написалъ романъ Луцинда, въ которомъ не очень строго соблюдены были правила благопристойности. Старики, разумѣется, негодовали на эту смѣлость; молодые люди ея восхищались. Шлейермахеръ, бывший въ то время, кажется, студентомъ, написалъ нѣсколько журнальныхъ статей въ защиту Луцинды. Гуцковъ выкопалъ эти забытыя статьи, и напечаталъ съ предисловіемъ, въ которомъ обругалъ всѣхъ берлинскихъ пасторовъ, и наконецъ явно признался, что самъ онъ атеистъ. Противъ него возсталъ Менцель и обнаружилъ всю низость этого поступка, всю гнусность излагаемыхъ Гуцковымъ правилъ. Этотъ не унялся, и напечаталъ еще нечестивый романъ *Валли*, который, сказываютъ, цинизмомъ и презрѣніемъ ко всему святому, превосходить все прочее. Терпѣніе правительства лопнуло. Гуцкова предали суду въ Баденскомъ Великомъ Герцогствѣ, и приговорили къ трехмѣсячному аресту! Онъ высидитъ урочное время, а потомъ опять начнетъ свои подвиги. Кажется, на это должно бѣ было употребить средства дѣйствительнѣйшія. Впрочемъ излишекъ зла, какъ обыкновенно, повредилъ самому злу. Многіе друзья и приверженцы новой школы, увидѣвъ, къ чему она ведетъ, наконецъ, какъ мы сказали, ужаснулись и отреклись отъ нея. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что эти уродливыя и безумныя вралей умрутъ своею смертію, и литература вновь обратится на свою благо-

родную стезю. Объ этомъ господствуетъ въ Германіи одинъ голосъ: Это сдѣлается тѣмъ легче, что сіи жалкія произведенія суть творенія отнюдь не германскія, а только отголосокъ революціонной школы французской. Къ счастью, политическія мнѣнія Германіи, взволнованныя іюльскою революціею, примѣтно успокоились. Нѣмцы увидѣли на опытѣ, что насильственные перемѣны въ правленіи не ведутъ ни къ чему хорошему; что репрезентативный образъ правленія не служитъ порукою въ счастіи народовъ, и что всякій быстрый переходъ сопряженъ съ потерями, бѣдствиями и страданіями. При тщательномъ наблюденіи образа мыслей въ Германіи, дѣйствія, производимыя волненіями Франціи и Испаніи, и кротости, правдолюбія и благоразумія большей части Нѣмцевъ, я увѣрился, что спокойствіе въ Германіи будетъ укрѣпляться со дня на день, и вскорѣ возобновится то счастливое время, въ которое возникла нѣмецкая литература. Этотъ періодъ продолжался отъ конца Семилѣтней Войны до начала французской революціи. Науки и словесность процвѣтали въ Германіи подъ кровомъ мира и тишины. Веймаръ, гдѣ жили Гёте, Гердеръ, Виландъ, Шиллеръ, прозванъ былъ Нѣмецкими Афинами. Берлинъ сдѣлался средоточіемъ умственного движенія Германіи. Волненія французской революціи и послѣдовавшія за тѣмъ войны все восколебали, разрушили, ниспровергли. Съ тѣмъ поръ нѣмецкая литература не можетъ устояться. Еще нѣсколько опытовъ разочарованія въ избыточныхъ мечта-

вѣяхъ, — политика лишится правъ своихъ на умы, и все придетъ въ свой порядокъ. Дай Богъ!

Впрочемъ и въ нынѣшней нѣмецкой литературѣ немало произведеній превосходныхъ и заслуживающихъ уваженіе. Больше всего обрабатывается теперь, сколько я могъ замѣтить, поле поэзіи лирической, или лучше сказать, пѣсенной. Лирическія стихотворенія Уланда, Шваба, Рюккерта, Шамиссо, Грина, Бехштейна, Зедлица, не говоря уже о прекрасныхъ мелкихъ пѣсахъ Гейне, могутъ стать на ряду съ лучшими произведеніями всѣхъ народовъ. Въ Петербургѣ, рѣдко бывая въ обществахъ нѣмецкихъ, я не могъ познакомиться съ этою частью литературы, поддерживающею все общественную жизнь и прекрасную культуру; но здѣсь, въ сердцѣ Германіи, узналъ много прелестныхъ мелкихъ стихотвореній, которыя отнюдь не уступаютъ знаменитымъ произведеніямъ Беранже. Особенно хороши въ нихъ картины семейной жизни. Нѣмцы несносны мнѣ только, когда они хотятъ садиться въ чужія сани — умничать и остриться: это должны они предоставить Французамъ. Съ наслажденіемъ читая германскихъ поэтовъ въ ихъ изліяніяхъ душевныхъ, я не въ состояніи постигнуть ихъ юмористовъ, не могу понять, что они находятъ въ своемъ Жанъ-Полѣ Тюммелѣ и другихъ пресловутыхъ острякахъ германскихъ: натянуто, тяжело, темно, скучно. Вѣра моему свое. *Es lebe die deutsche Gemüthlichkeit, и vive l'esprit français!*

Мнѣ кажется, что въ Германіи много препятствуетъ

возвышенію литературы на приличную ей степень — непомѣрное размноженіе числа пишущихъ: въ тысячахъ нѣмецкихъ писателей, гении не могутъ считаться десятками, а люди съ талантомъ сотнями. Писательство состоитъ изъ цеховыхъ поставщиковъ, пишущихъ насущнаго хлѣба ради, передѣлывающихъ старыя вещи на новый ладъ, ухищряющихъ, какъ бы изъ девяноста девяти черствыхъ книгъ составить сотую свѣжую. Эти несчастные писатели, большею частію, состоятъ на жалованьи книгопродавцевъ, и пишутъ не то, что знаютъ и чувствуютъ, къ чему влечетъ ихъ врожденная склонность и собственное занятіе — а то, что закажетъ благоразумный фабрикантъ. «Благоволите-де къ Пасхальной Ярмаркѣ (Eiermesse) написать *Руководство къ винодѣланию*! На одномъ томѣ, въ осьмушку, листовъ въ двадцать, съ тремя картинками, не болѣе!» гласитъ приказаніе: и голодный скрибентъ, который отъ роду не пивалъ вина, довольствуясь ужасною бурдою (ее въ Берлинѣ величаютъ Weisslagerbier), который никогда не видалъ винограду на стеблѣ — пишетъ требуемое! Отъ этого, когда я въ концѣ объявленій читаю: Herr N. N. (книгопродавецъ) gedenkt einen mässigen Octavband zu liefern, меня всегда морозъ по кожѣ подираетъ! Германскіе книгопродавцы составляютъ особое, достойное вниманія и уваженія сословіе: въ числѣ ихъ есть люди весьма образованные, ученые, ревнители просвѣщенія; таковы были или суть: Котта, Брокгаузъ, Бартъ, Ганъ, Рейхеръ, Пертесъ, и многіе другіе. Механизмъ

книжной торговли доведенъ въ Германіи до высшей степени совершенства. Въ Гамбургѣ простоялъ я битый часъ въ лавкѣ Пертеса и Бессера, любуясь на одного прикащика, который разбиралъ кипы новыхъ книгъ, привезенныхъ изъ Лейпцига, въ листахъ: по упаковкѣ, или по веревочкамъ, онъ угадывалъ, отъ какого книгопродавца онѣ присланы, мигомъ схватывалъ фактуру (роспись съ обозначеніемъ цѣнъ), и ставилъ карандашемъ на каждомъ экземплярѣ цѣну его шифрами, разговаривая между тѣмъ со мною, и давая оцѣнку, очень справедливую, и издателямъ и авторамъ. Дѣло мастера боится! Но, какъ въ семьѣ не безъ уroda, такъ и въ числѣ нѣмецкихъ книгопродавцевъ есть корыстолюбцы и негодяи. Не говорю уже о тѣхъ, которые перепечатаваютъ чужія сочиненія: они давно заклеены печатью общаго отверженія. Есть изъ нихъ такіе, которые плутуютъ, не подвергаясь взысканію по словамъ и существу законовъ. Напримѣръ, затѣявъ большія изданія, въ нѣсколько томовъ, долженствующія продолжаться известное число лѣтъ, они начинаютъ ихъ при помощи лицъ, пріобрѣтшихъ общую довѣренность и знаменитость въ Германіи, и по напечатаніи двухъ или трехъ томовъ, принимаются оскорблять авторовъ разными придирками, грубостями, нелѣпыми требованіями. Писатели народъ рьяный и нетерпѣливый. Надѣясь на цѣну и важность своего имени, редакторъ или сотрудникъ подобнаго творенія отказывается отъ участія въ изданіи, а этого книгопродавцу и надобно. При

извѣстности первоначальнаго редактора и его сотрудниковъ, собрано значительное число подписчиковъ; заведены важныя и необходимыя связи, устранены препятствія и затрудненія, сопряженныя съ началомъ всякаго большаго труда. Книгопродавецъ нанимаетъ какого нибудь поденщика, беретъ въ помощники ему разстриженныхъ пасторовъ, бѣглыхъ жидовъ, изгнанныхъ студентовъ, и продолжаетъ начатое. Пойдетъ — хорошо, не пойдетъ — издатель-книгопродавецъ удаляется отъ изданія (*zieht sich zurück*), то есть, объявляетъ себя банкротомъ, и дѣло или совершенно останавливается, или продолжается другими спекулянтами. Теряетъ одна публика. Такъ, я не могу смотрѣть безъ горестнаго чувства на недоконченное изданіе *Общей Нѣмецкой Энциклопедіи*: оно начато, въ 1819 году, Эршемъ и Груберомъ, и теперь продолжается Богъ знаетъ кѣмъ, и врядъ ли кончится въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Я слышалъ однако, что за эту книгу взялся знаменитый Брокгаузъ: авось-либо воскреснетъ.

Впрочемъ, гдѣ зло, тамъ и лекарство. Въ Лейпцигѣ издается книгопродавческая газета, въ которой раскрываются всѣ штуки и продѣлки книжныхъ торговцевъ. Нерѣдко видишь въ ней презабавныя объявленія, какъ, напримѣръ, слѣдующее: «Г. книгопродавецъ N. въ N. N. (имена всѣ выписаны) взялъ у меня книгъ на 500 талеровъ, и не заплатилъ ни гроша въ теченіе пяти лѣтъ. О чемъ, къ должному свѣдѣнію, симъ объявляется. Книгопродавецъ ***». — Или вотъ

еще какія: «Сочинительница *Переписки Гёте съ ребенкомъ*, изволить разглашать, что я взялъ съ нея лишніе проценты за продажу этой книги. Не желая имѣть дѣла съ людьми несправедливыми и съ безтолковыми бабами, объявляю, что отнынѣ не стану ни печатать, ни продавать ея сочиненій. Книгопродавецъ N.»

Что, если бъ у насъ издавалась такая газета? Матеріаловъ нашлось бы довольно.

XI.

БЕРЛИНЪ.

Во все время пребыванія моего въ Берлинѣ погода стояла прекрасная. Только 2-го Іюля было пасмурно, сыро, что-то по-нашему, по-петербургскому, и этотъ день я, какъ на зло, назначилъ по расписанію, на поѣздку въ Потсдамъ. Отъ того всѣ предметы, на этой прогулкѣ, казались мнѣ подернутыми какою-то сѣрою тѣнью. Насъ поѣхало трое, А. А. III., подполковникъ Сл. и я. Дорога въ Потсдамъ протекаетъ по песчанымъ полямъ и угрюмымъ рощамъ. При выѣздѣ изъ города, по лѣвой рукѣ, на самой возвышенной точкѣ окрестностей Берлина, такъ называемой Крестовой Горѣ, возвышается памятникъ освобожденія Пруссіи отъ Наполеонова ига, въ 1813 и 1814 го-

дахъ. Памятникъ этотъ состоитъ изъ готической башни, вылитой изъ чугуна, по рисункамъ Шинкеля. Въ срединѣ башни находятся аллегорическія изваянія въ двѣнадцать нишахъ, надъ которыми начертаны наименованія двѣнадцати побѣдъ, одержанныхъ союзниками. На главномъ фронтонѣ монумента надпись: *Король народу, жертвовавшему, по его воззванію, достояніемъ и кровію для отечества; падшимъ въ память, живымъ въ признательность, трудящимъ въ камъ въ соревнованіе.* — Съ этого возвышенія представляется страннику прекрасный видъ: въ ясную погоду, говорятъ, видны отсюда двѣнадцать городовъ и болѣе пятидесяти деревень.

На половинѣ дороги въ Потсдамъ, лежитъ на рѣкѣ Гавелѣ небольшой островъ, называемый *Павлиньимъ* (Pfaueninsel), длиною въ 2000, шириною въ 500 шаговъ. Въ концѣ XVII столѣтія жилъ тутъ знаменитый алхимикъ Кункель фонъ-Левенштернъ, и варилъ золото въ своей лабораторіи. Потомъ этотъ островъ отошелъ въ казенное вѣдомство, и съ 1794 по 1797 годъ превращенъ въ прекраснѣйшій садъ. Мы перѣѣхали туда, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, на лодкѣ и нагулялись досыта. Королевскій домъ выстроенъ въ видѣ римской виллы, разрушающейся отъ ветхости — оригинально и прекрасно! Особенно любовались мы прекрасною оранжереею, въ которой собраны самыя рѣдкія растенія. Удовольствіе наше усугубилось еще тѣмъ, что въ числѣ посѣтителей случился здѣсь инспекторъ Королевскаго Ботаническаго

Сада, г. Отто: онъ указывалъ и объяснялъ намъ самыя рѣдкія растенія. И внѣ теплицъ, есть на этомъ острову множество разнородныхъ деревъ — удивительно, какъ они принялись въ такомъ песчаномъ грунтѣ! На этомъ острову Король проводитъ время съ своимъ семействомъ, въ удаленіи отъ свѣтскаго шума. Здѣсь все тихо, просто, уютно. — Мы хотѣли было посѣтить русскую усадьбу, Никольское, но намъ напомнили, что уже поздно, что пора ѣхать въ Потсдамъ, и успокоили патріотическій порывъ увѣдомленіемъ, что въ Потсдамѣ есть цѣлая русская деревня. Не что! Поѣдемъ.

Потсдамъ — городъ довольно обширный, прекрасно выстроенный, имѣетъ слишкомъ 30 тысячъ жителей, но удивительно тихъ, молчаливъ и — скученъ. Самое любопытное мѣсто въ Потсдамѣ есть тамошняя гарнизонная церковь, въ которой хранятся смертные останки двухъ Королей Прусскихъ. Церковь снаружи величественна и имѣетъ высокую башню, на которую ведутъ 365 ступеней, но внутреннее ея убранство просто, по требованіямъ вѣроисповѣданія протестантскаго. Король, его фамилія и знатнѣйшіе сановники садятся на простыхъ старинныхъ стульяхъ. По стѣнамъ висятъ изображенія изъ земной жизни Спасителя, трудовъ знаменитѣйшихъ артистовъ берлинскихъ. Великолѣпная кафедра изваяна изъ бѣлаго мрамора. За нею, въ просторной нишѣ, стоятъ на полу два гроба — одинъ величины колоссальной, другой гораздо меньше: въ первомъ покойся Фрид-

рихъ Вильгельмъ I, въ другомъ великій сынъ его, Фридрихъ II. Снаружи гробы обшиты деревомъ темнаго цвѣта; на нихъ нѣтъ ни какихъ украшеній, ни надписи. Гробъ отца выложенъ внутри мраморомъ, и отъ того такъ огроменъ; тѣло Фридриха лежитъ въ простомъ свинцовомъ гробу. Всегдашній полусвѣтъ господствуетъ въ этомъ пріютѣ усопшаго величія. Тѣни минувшаго вѣка носятъ во мракѣ надъ бранными останками одного изъ величайшихъ Государей, когда либо царствовавшихъ въ мірѣ. — Подлѣ каведры висятъ французскіе орлы и знамена, взятые Пруссакими въ 1813—1815 годахъ. Подъ ними хранится мундиръ, который носилъ Императоръ Александръ Павловичъ, въ званіи шефа прусскаго гренадерскаго полка своего имени. На черной мраморной доскѣ начертаны имена офицеровъ прусской гвардіи, павшихъ въ брани за независимость и честь отечества.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ видѣть знаменитый дворецъ *Самъ-Суси*, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ Фридрихъ. Строеніе, въ одинъ этажъ, возвышается надъ садомъ, расположеннымъ шестью уступами по косогору. Съ другой стороны дворецъ окруженъ открытою колоннадою, подъ которою, на старости Короля, бывали разводы въ дурную погоду. Всѣ комнаты передѣланы при его преемникѣ; въ прежнемъ видѣ осталась только его библіотека, круглая комната, обставленная по сторонамъ до самаго потолка шкапами. На столѣ лежитъ большая книга въ лѣстѣ,

въ священномъ переплетѣ: *Военное Искусство* (l'art de la guerre) Пювсегюра. Говорятъ, что великій Государь читалъ ее за нѣсколько дней предъ своею кончиною. Въ другой комнатѣ показываютъ кресла, въ которыхъ онъ испустилъ духъ свой; далѣе столовые часы, остановившіеся въ минуту его смерти. Вотъ галерея, великолѣпно украшенная во вкусѣ XVIII вѣка, по которой онъ прогуливался, играя на флейтѣ. Я выглянулъ въ окно: вотъ мельница, которой не уступилъ хозяинъ тому, кто не уступалъ Европѣ. — — Вотъ тамъ, на уступѣ террасы, подъ небольшими плитами, зарыты любимыя его собаки: Алмена, Филлида, Тизбе, Пансъ, Діана, Амуретта, Бишь, Сюпербъ и пр. Вотъ за ручку этихъ дверей хватались Вольтеръ, Даржансъ и другіе французскіе любезники, забавлявшіе Короля въ часы отдохновенія. Здѣсь сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, и занимался дѣлами государственными: все читалъ, во все вникалъ, все рѣшалъ мудро, справедливо (сколько человѣкъ справедливъ быть можетъ) и остроумно. Онъ отправлялъ должность государя, какъ чиновникъ, обязанный присягою и получающій жалованье, и не рѣдко говорилъ: «я только первый слуга государства». — Наканунъ смерти его, камердинеръ сказалъ врачамъ: «Видно плохъ въ здоровьѣ нашъ Король: сегодня, въ первый разъ въ сорокъ шесть лѣтъ, онъ забылъ о дѣлахъ кабинетныхъ.» — Фридрихъ былъ истинно великъ умомъ и душею. Одно чувство, кажется мнѣ, въ немъ преобладало — это

было презрѣніе къ людямъ: тѣ самые люди, отъ которыхъ онъ терпѣлъ въ своей молодости, вдругъ превратились въ самыхъ низкихъ рабовъ и льстецовъ, лишь только увидѣли его на престолѣ. Онъ видѣлъ, какъ люди продаютъ честь, совѣсть, душу для удовлетворенія своей жадности къ деньгамъ и мишурнымъ почестямъ; видѣлъ слабости, низость, раболѣпство, коварство, клевету, доносы, — но терпѣлъ людей — и благодворилъ имъ. Если находилъ человѣка, отличнаго по нравственнымъ и умственнымъ отношеніямъ, то привязывался къ нему на всю жизнь, но какъ рѣдки были такіе люди! Первымъ его неизмѣннымъ другомъ была достойная сестра его, умная Маркграфиня Байрейтская. Опъ уважалъ и любилъ Фельдмаршаловъ Шверина и Кита (Keith), Цитена, Алгаротти, котораго называлъ италіянскимъ лебедемъ, Гишара, котораго прозвалъ по имени адъютанта Цесарева, Квинтомъ Ицилемъ, и съ которымъ часто ссорился какъ съ равнымъ себѣ, Герцберга, ле-Канта и нѣкоторыхъ другихъ. Многихъ остряковъ и умниковъ держалъ онъ при себѣ для забавы, тѣшилъ ихъ спорами, шутками, самъ дразнилъ ихъ, но не уважалъ въ душѣ, и при первой дерзости высылалъ за границу. Онъ привязанъ былъ къ своимъ собакамъ: онъ его любили искренно, безкорыстно, не требуя ни денегъ, ни чиновъ. Бишь доказала ему всю свою вѣрность въ одномъ критическомъ случаѣ. Въ Семилѣтнюю Войну, послѣ одного проиграннаго сраженія, Фридрихъ спасался на усталой лошади отъ преслѣдованія непріа-

телей, и видя, что венгерскіе гусары настигаютъ его, спрятался подъ мостомъ. Тутъ, откуда ни взялась, Бишь — бросилась къ своему господину, стала къ нему ласкаться, визжать, лаять на лошадь. Конскій топотъ приближался. Фридрихъ, боясь, чтобъ Бишь не измѣнила ему, приказалъ ей лечь. Смышленое животное поняло мысль своего господина, прилегло къ ногамъ его, и не шевелилось, доколѣ гусары не проскакали по мосту.... Одинъ иностранный министръ сказалъ ему однажды, что эта привязанность къ собакамъ очень удивительна въ такомъ великомъ Государѣ. — «Что тутъ удивительнаго?» возразилъ онъ: «Алкмена обходится мнѣ гораздо дешевле, нежели Графиня Помпадуръ Королю Французскому, а любить меня нѣжнѣе и вѣрнѣе!»

Тысячи разнородныхъ мыслей толпились у меня въ головѣ, когда я ходилъ по опустѣвшимъ заламъ Санъ-Суси: я воспоминалъ о галереѣ Версальской, о Сень-Клу, о Мальмезонѣ, о Царскомъ Селѣ, о Петергофѣ, сравнивалъ, мечталъ. Весь осьмнадцатый вѣкъ носился въ моемъ воображеніи. Воля ваша, а этотъ вѣкъ имѣлъ свои достоинства — великія, неотъемлемыя. Начатый Петромъ Великимъ, продолжаемый крестникомъ его, Фридрихомъ *), Екатериною II, Юсифомъ, Густавомъ III, Георгіемъ III, Карломъ III

*) Восприемниками Фридриха были: Римскій Императоръ Карлъ VI, Царь Петръ Алексѣевичъ, Республика Голландская и Каптонъ Бернъ.

въ которомъ вставлены оловянные часы, дѣтская игрушка, съ грубою тесемкою, вмѣсто цѣпочки. Принцъ Вильгельмъ купилъ за два гроша эту игрушку на дорогѣ въ Шарлоттенгофъ, куда ѣхалъ въ первый разъ, и поднесъ ее своей невѣсткѣ, Наслѣдной Принцессѣ, на новоселье. При общемъ смѣхѣ всей фамиліи, принцесса вложила эти часы въ великолѣпный футляръ, и хранить какъ самый драгоценный подарокъ. Такія черты семейственной добродѣтели, братской любви, довѣренности, откровенности, между особами царственныхъ семействъ — лучшая конституція для народовъ, самое прочное ручательство въ ихъ счастіи и благоденствіи. Добрый сынъ, добрый братъ, добрый отецъ — не можетъ не быть добрымъ государемъ.

Впрочемъ не все въ этотъ пріятный день было намъ истинно пріятно. Мы испытали жестокое разочарованіе. Распирывая въ потсдамскомъ трактирѣ о достопамятностяхъ города и окрестностей, мы узнали, что верстахъ въ двухъ отъ Потсдама лежитъ русская деревня, населенная нашими пѣсенниками 1-го прусскаго гренадерскаго полка, переведенными, по желанію Короля Прусскаго, въ его службу, въ 1814 году. Какъ не поглядѣть земляковъ! Какъ отказаться отъ удовольствія — побесѣдовать по-русски! Мы отправились туда пѣшкомъ. Дорогою сталъ перепадать дождикъ, и мы спрятались подъ парусинный навѣсъ, гдѣ милосердная дѣвушка продавала вишни. «Далеко ли до деревни Александровки!» спросилъ я. — «Нѣтъ!» от-

вѣчала она: «шаговъ двѣсти — не болѣе.» — «Что, любите ли вы нашихъ земляковъ!» спросилъ я далѣе. «Почему жъ нѣтъ?» возразила она улыбаясь: «они люди предобрые; только жаль, что они еще болѣе любятъ *шнапсъ*.»

Дождь пересталъ. Мы пошли далѣе, и вскорѣ очутились посреди тринадцати русскихъ крестьянскихъ домовъ, бревенчатыхъ съ рѣзными украшеніями, — словно на московской дорогѣ. Мило, весело, любо! Мы постучались у первыхъ воротъ. Калитка отворилась, и оттуда вышло разочарованіе въ видѣ низенькаго русскаго солдатика, уже на второмъ взводѣ. Увидѣвъ русскія ленточки въ петлицахъ, услышавъ русскія слова, онъ всеусердно старался вытянуться и промолвить: «здравія желаю, ваше....» но слова замирали на устахъ его, и весь станъ колебался — не знаю, отъ радости ли, что видитъ земляковъ, или отъ бренденбургскаго шнапсу. На вопросъ нашъ, гдѣ можно бѣ было намъ найти людей потрезвѣе, онъ отвѣчалъ, собравшись съ духомъ: «Вотъ здѣсь, въ трактирѣ, ваше....» Мы подошли къ одному домику, подъ вывѣскою русскаго орла, съ надписью: *Zum Kaiser von Russland*, и были встрѣчены французскимъ привѣтствіемъ хозяйки: «*Qu'est-ce qui est à votre service, messieurs?*» — Вотъ-те на! Этотъ домъ принадлежитъ унтеръ-офицеру, который женился во Франціи, и мадамъ его завела здѣсь гостиницу. Къ сожалѣнію нашему, мужа ея не было дома. Она позвала троихъ мальчиковъ, лѣтъ отъ десяти до четырнадцати.

Ихъ звали Николай, Александръ и Михаилъ; крещены они были по-русски, но не знали ни одного русскаго слова. Представительницею Россіи въ этомъ домѣ была толстая дѣвка, ярославская уроженка, родственница унтеръ-офицера, выписанная имъ на подмогу. «*Ça travaille comme quatre!*» говорила намъ съ удовольствіемъ хозяйка. На распросы наши, всѣ ли жители этой деревни такіе пьяницы, какъ первый попавшійся намъ навстрѣчу, она отвѣчала, что большая часть изъ нихъ люди трезвые и порядочные, теперь они на работѣ или въ городѣ, по своимъ дѣламъ, и что нѣкоторые изъ нихъ конечно, отъ праздности, отъ воли и отъ дешевизны водки, утѣшаются съ горя по отчизнѣ! — — Мы хотѣли зайти въ русскую церковь, прекрасное зданіе на возвышеніи, но она была заперта, священникъ уѣхалъ въ Берлинъ, а дьячка не могли отыскать.

Мы простились съ хозяйкою по-французски, побранили пьяницу по-русски, и, съ горемъ пополамъ, отправились обратно — Подъ-Липы.

ХІІ.

БЕРЛИНЪ.

Изъ перемѣнъ, найденныхъ мною въ Берлинѣ съ 1817 года, болѣе всего поразило меня зданіе музея, воздвигнутаго насупротивъ королевскаго дворца, гдѣ

прежде сего было пустое обсаженное деревьями мѣсто, называвшееся увеселительнымъ садомъ (Lustgarten). Это прекрасное зданіе построено въ 1824—28 годахъ, по рисункамъ Шинкеля. Огромное крыльцо, въ 21 ступень, ведетъ въ открытую колоннаду. Оттуда входяшь въ ротонду, или круглую залу, уставленную древними статуями, и получающую свѣтъ сверху, изъ купола. По сторонамъ ротонды находятся залы для помѣщенія произведеній ваянія. Въ залахъ второго яруса хранятся картины. Надъ фронтономъ надпись: *Fridericus Guilielmus III studio antiquitatis omnigenae et artium liberalium Museum constituit, MDCCCXXVIII*. Музей открытъ 3 Августа 1829 г., въ день рожденія Короля. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) картины, 2) древнія произведенія ваянія, 3) вазы, 4) рѣзные камни, 5) древнія и новыя монеты, 6) древнія бронзы, 7) маджолики, или глиняные сосуды среднихъ вѣковъ. Для наполненія его достойными храненія произведеніями искусствъ и древностями, наряжена была особенная коммиссія, которой позволено было, для пополненія этого хранилища, брать статуи, картины и прочее, не только изъ дворцевъ въ Потсдамѣ и въ Санъ-Суси, но и изъ собственныхъ комнатъ королевскихъ. Сверхъ того куплены были двѣ превосходныя картинныя галереи, Джустиниани и Солли. Такимъ образомъ составила единственная въ своемъ родѣ картинная галерея, въ которой можно слѣдовать за исторіею искусствъ съ самаго ихъ возрожденія. Произведенія итальянскихъ

живописцевъ XIII, XIV и XV столѣтій принадлежать болѣею частью къ собранію Англичанина Эдуарда Солли. Этотъ страстный любитель искусствъ торговалъ въ Лондонѣ дровами, и наскучивъ этимъ прозаическимъ ремесломъ, уступилъ свою контору брату, а самъ переехалъ на жительство въ Берлинъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ искусствъ, Гиртомъ, который сообщилъ ему подробный списокъ всѣхъ произведеній живописи, хранящихся въ Италіи въ церквахъ, монастыряхъ, всенародныхъ зданіяхъ и частныхъ домахъ. Солли, впрочемъ самъ незнавшій толку въ картинахъ, посылалъ въ Италію своихъ коммисіонеровъ, и содержалъ тамъ агентовъ, которые должны были закупать для него поименованныя Гиртомъ произведенія, не стѣсняясь цѣною. Равнымъ образомъ покупалъ онъ рѣдкія картины въ Германіи и Нидерландахъ. Владѣлецъ знаменитыхъ шести мѣстныхъ образовъ Іоанна и Губерта ванъ-Эйковъ, привезъ ихъ въ 1818 г. въ Аахенъ, надѣясь найти покупателей между собравшимися на тамошнемъ конгрессѣ монархами; но никто изъ нихъ не рѣшался дать требуемыхъ двухъ сотъ тысячъ франковъ. Солли вошелъ въ аукціонную залу, услыпалъ, въ чемъ дѣло; не глядя на картины, заплатилъ требуемыя деньги, и приказалъ тутъ же заколотить ящики, въ которомъ онѣ лежали. Такія покупки его разорили: онъ нашелся принужденнымъ уступить свою галерею Королю Прусскому за 700 т. галеревъ; она стоила ему самому болѣе милліона.

Въ этой галереѣ достойны особеннаго замѣчанія: Рафаэлева Богородица со Христомъ (*Madonna della Colonna*), принадлежавшая фамиліи Колонна въ Римѣ, и купленная Королемъ Прусскимъ за 10,000 талеровъ. Двѣ картины Корреджіа достойны вниманія своимъ превосходствомъ и любопытными приключеніями. Онѣ представляютъ Іо въ объятіяхъ Юпитера, и Леду съ лебедемъ. Эти картины, во время Тридцатилѣтней Войны, попали изъ Италіи въ Швецію, и служили тамъ ширмою въ окнѣ королевской конюшни. Королева Христина увезла ихъ съ собою въ Италію, а послѣ ея смерти онѣ достались Герцогу Орлеанскому, Регенту Франціи. Сынъ его, человѣкъ набожный и суевѣрный, хотѣлъ сжечь эти соблазнительныя изображенія, но духовникъ удовольствовался тѣмъ, что Герцогъ приказалъ только вырѣзать головы Іо и Леды. По смерти Герцога (1752), купилъ ихъ Фридрихъ Великій, и украсилъ ими галерею въ Санъ-Суси. Наполеонъ увезъ ихъ въ Парижъ, а оттуда онѣ возвращены въ 1814 году. Не могу сообщить подробнѣйшаго свѣдѣнія обо всѣхъ превосходныхъ произведеніяхъ живописи, которыми глаза мои и душа наслаждались въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Это надобно видѣть: каталогъ ничего вамъ не скажетъ.

Не менѣе замѣчательны произведенія скульптуры. Въ 18 нишахъ ротонды стоитъ такое же число молодыхъ древнихъ статуй, изображающихъ разныхъ божества. Меня восхищаетъ въ древнихъ статуяхъ

тотъ видъ мягкости, который (временемъ ли, искусствомъ ли) приданъ мрамору: кажется, это живое тѣло человѣческое, которое уступить легкому давленію пальцемъ. Въ произведеніяхъ Кановы, Торвальдсена, Даннекера, вижу прекрасный *мраморъ*. — Изъ ротонды входишь въ большую залу, въ которой помѣщено 148 статуй и бюстовъ. Между ими отличается бронзовая статуя мальчика, найденная въ Тибрѣ при Климентѣ IX, и купленная Фридрихомъ II за 10,000 талеровъ. Въ другой, меньшей залѣ выставлены статуи знаменитыхъ Грековъ: Софокла, Ксенофонта, Геродота, Фемистокла, Сократа, Перикла, Демосфена и пр.; въ третьей — статуи безсмертныхъ Римлянъ. Насупротивъ статуи Юлія Цесаря поставлена, по приказанію Короля, статуя Наполеона, работы Шодэ. — Не распространяюсь о вазахъ, бронзахъ, медаляхъ, геммахъ.... Странное чувство какого-то благоговѣйнаго трепета проникаетъ въ душу посреди этихъ вѣковыхъ обломковъ генія, посреди этихъ произведеній искусствъ, пережившихъ, на землѣ, творцевъ своихъ. Великое дѣло жить въ потомствѣ!

Еще достоинъ вниманія египетскій музей, во дворцѣ Монбизу, но для меня въ немъ не было ничего новаго: мнѣ кажется, что египетскій музей нашей Академіи Наукъ не уступить берлинскому. Монбизу небольшой одноэтажный дворецъ, посреди сада, любопытень мнѣ былъ потому, что въ немъ останавливался Петръ Великій во время пребыванія своего въ Берлинѣ.

Отъ произведеній древняго, или по крайней мѣрѣ *постояннаго* искусства, обратимся къ дѣйствіямъ музы животрепещущей настоящимъ, измѣнчивой и разнообразной.

Однимъ изъ главныхъ желаній моихъ, при нынѣшнемъ посѣщеніи Берлина, было — увидѣть хорошій нѣмецкій театръ. Оно исполнилось.

Въ Берлинѣ три театра: оперный, драматическій и кенигшtedтскій.

Оперный театръ, построенный Подъ-Ливами, насупротивъ зданія университета, сооруженъ въ первые годы царствованія Фридриха II, и отличается простою, благородною архитектурою. На фронтонѣ его надпись: *Fridericus Rex Apollini et Musis*. Внутренность его очень проста: стѣны и перила ложъ и галерей сдѣланы изъ дерева, и выкрашены зеленою краскою, съ позолоченными рамочками. Зала величиною и красотою не можетъ выдержать ни какого сравненія съ театрами петербургскими. Мѣста для зрителей очень неудобны: ложи узки, такъ, что не болѣе двухъ чело-вѣкъ могутъ сѣсть рядомъ; за то онѣ очень глубоки, рядовъ въ пять скамеекъ, но сидящіе на третьей уже ничего не видятъ. Въ креслахъ неудобство еще большее. Здѣсь нѣтъ, какъ у насъ, широкаго прохода между рядами кресель; сидящіе во второмъ ряду упрутся плотно колѣнами въ спину кресель перваго ряда, такъ, что по поднятіи завѣсы нѣтъ никому прохода. Этимъ, разумѣется, выиграно мѣсто, на счетъ удобства. Притомъ это и не кресла, а отдѣль-

ныя, на каждого человѣка, лавочки, приподнимаемыя къ спинѣ (Spergsitze), когда должно проходить. Декораціи прекрасныя. Я видѣлъ на этомъ театрѣ Фиделію, Бронзоваго Коня и Оберона съ балетомъ. Оперы здѣшней похвалить нельзя. Въ ней нѣтъ хорошаго тенора. Бадеръ устарѣлъ. Недавно поступилъ на театръ молодой докторъ философіи Манціусъ: крошечная фигурка, съ жиденькимъ, хотя и пріятнымъ голоскомъ. Пѣвцы отличныхъ не имѣется. Но оркестръ чрезвычайно хорошъ. Въ числѣ танцоровъ отличается Таліони, братъ знаменитой артистки парижской. Я не знатокъ въ хореграфіи, но мнѣ показалось, что наши петербургскіе балеты несравненно полнѣе, живѣе, блистательнѣе, изящнѣе.

Гораздо болѣе удовольствія нашелъ я въ театрѣ драматическомъ. Я говорилъ уже о его наружности. Зданіе театра воздвигнуто на Жандармской Площади, Шинкелемъ; оно окончено въ 1821 году. Оно снаружи кажется огромнымъ, но собственный театръ занимаетъ только небольшую его часть; въ остальномъ пространствѣ заключаются концертныя залы, комнаты для репетицій, гардеробныя, бутафорскія и т. п. Зала этого театра выстроена очень странно: она очень неглубока по ширинѣ своей; это не такъ красиво для глазъ, но чрезвычайно выгодно: отсюду можно хорошо видѣть и слышать. Стѣны также обиты деревомъ, темно-желтымъ съ золотыми косячками. На авансценѣ съ боковъ, подъ королевскими ложами, прекрасныя барельефы Тика. Мѣста такъ же тѣсны

и неудобны, какъ и въ оперномъ театрѣ; но всѣ эти неудобства и странности исчезаютъ, лишь только поднимется завѣса. Я никогда не видалъ такой хорошей нѣмецкой труппы для трагедій и комедій, какъ здѣшняя. Леммъ, Крюгеръ и еще нѣкоторые другіе первостепенные артисты были въ отпуску, но и остальные принесли мнѣ большое удовольствіе. Я видѣлъ на здѣшнемъ театрѣ Шекспирова Венеціанскаго Купца, Раупахову трагедію Корона Салуццо, и три небольшія комедіи, данныя въ одинъ вечеръ. Венеціанскій Купецъ, въ русскомъ переводѣ данный въ Петербургѣ, произвелъ недоумѣніе и смѣхъ въ большинствѣ нашей публики, необразованномъ и незнакомомъ съ исторіею и достоинствомъ произведеній изящнаго искусства. Здѣсь, въ Берлинѣ, слушали эту піесу съ вниманіемъ и уваженіемъ къ генію Шекспира, видѣли въ ней не фарсъ, а близкое изображеніе нравовъ среднихъ вѣковъ, и характеровъ, достойныхъ изученія. Главную роль, Жида Шейлока, игралъ Роттъ, актеръ съ умомъ и дарованіемъ, но Берлинцы увѣряли меня, что онъ отстоитъ на тысячу миль отъ покойнаго Девріента, о которомъ вспоминаютъ съ величайшимъ сожалѣніемъ. — Въ Раупаховой трагедіи, которая впрочемъ не заключаетъ въ себѣ ничего отмѣнно хорошаго, отличалась Шарлотта Гагнъ, извѣстная и нашей публикѣ, актриса прекрасная собою, одаренная необыкновеннымъ талантомъ. Но болѣе всего позабавила и утѣшила меня комедія: *die Familie Hellbrandt*, переведенная съ французскаго. Въ ней

играли Шнейдеръ, Рютлингъ и другіе съ неподражаемымъ искусствомъ, веселостью, ловкостью: мнѣ казалось, что я перенесенъ въ Парижъ!

Кенигсшtedтскій театръ содержится частнымъ лицомъ, кажется Евреемъ. Этотъ театръ построенъ на акціяхъ въ 1824 г., въ подражаніе парижскому *des Variétés*, собственно для представленія мелкихъ комическихъ водевилей, народныхъ оперъ, фарсовъ и т. п. Онъ знаменитъ тѣмъ, что на немъ дебютировала и образовалась Генріетта Зонтагъ. Нынѣ играютъ на кенигсшtedтскомъ театрѣ большею частію волшебныя оперы, шутовскіе водевили, и пр. На немъ есть хорошіе артисты, напримѣръ комикъ Шмелька, но все въ немъ носитъ особенный жидовскій характеръ. Вообще берлинскіе Евреи, богатствомъ и вліяніемъ своимъ, играютъ важную роль. Лучшіе загородныя дома въ звѣринцѣ принадлежать Жидамъ. Лѣтъ за двадцать предъ симъ появился на берлинской сценѣ Вурмъ, извѣстный и у насъ, въ Петербургѣ. Онъ игралъ Жидовъ съ неподражаемымъ искусствомъ, исторгалъ у Христіанъ громкія рукоплесканія, а Евреевъ выводилъ изъ терпѣнія. Они рѣшились погубить его, взвели на него обвиненіе въ гнусномъ пороцѣ, представили свидѣтелей. Вурма посадили въ тюрьму, но такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что обвиненіе основано на клеветѣ и подкупленныхъ доводахъ, то его выпустили тайкомъ, съ совѣтомъ не въѣзжать въ прусскія владѣнія. Вскорѣ послѣ этого (осенью 1817) видѣлъ я его на лейпцигскомъ театрѣ

гдѣ онъ забавлялъ Саксонцевъ насмѣшками надъ Берлиномъ и берлинскими Жидами.

Который же изъ этихъ театровъ лучше прочихъ? спросите вы. Не знаю, отвѣчаю я. Лучше всего въ Берлинѣ двѣ вещи. Во-первыхъ, *діорама Гропиуса*. На углу Университетской и Георгіевской Улицъ, представляется вамъ зданіе оригинальное и красивое: это домъ славныхъ братьевъ живописцевъ Гропиусовъ. Въ немъ помѣщаются выставка художественныхъ произведеній (Kunstsaal) и берлинскій кабинетъ, т. е. собранія всего, что относится къ Берлину, описаній его, плановъ, видовъ; тутъ же продаются разныя искусственные и ремесленные издѣлія превосходной работы. Но важнѣйшее отдѣленіе въ этомъ домѣ есть діорама. Меня впустили въ темную комнату. Я дошупался до скамьи и сѣлъ. Поднимается завѣса: вижу предъ собою внутренность огромнаго зданія, въ которомъ устроены лѣса для передѣлки одной его части; на лѣсахъ и внизу работники; подлѣ лежатъ камни, лѣсъ и другіе матеріалы. Вотъ прекрасно! подумалъ я: показываютъ зданіе въ то время, когда оно еще достраивается. — Но эта работа что-то производится безъ стуку; замѣчаю, что и работники неподвижны. Догадываюсь наконецъ, что это картина: я былъ обвороченъ оптическимъ обманомъ въ продолженіе довольно значительнаго времени. На этой картинѣ представлена внутренность знаменитой кордовской кафедральной церкви. Во время Аравитянъ она была магометанскою мечетью; видны еще остатки

мавританскихъ украшеній и позолоты. Сквозь отверстіе въ куполѣ проникаетъ солнечный лучъ, и падаетъ на саркофагъ, въ которомъ схороненъ Герцогъ Альба. Восемьсотъ порфировыхъ столбовъ поддерживаютъ потолокъ. Несравненно! Черезъ нѣсколько минутъ завѣса опускается, и я остаюсь въ совершенной темнотѣ. Слышу вдругъ шумъ моря, плескъ волъ, вой вѣтра; завѣса поднимается, и мнѣ является видъ Средиземнаго Моря, при Сорренто. Вдали острова Искія, Прочада, Капо Мизено. Вечеръ. Послѣдній лучъ солнца догораетъ на горизонтѣ. Влѣво рыбаки разстѣлись въ пещерѣ вокругъ огня. Море кинитъ; волны его гнѣясь: разбиваются объ утесы берега и надъ столбами пещеры. Рыбачья лодка и челнокъ качаются у берега; вдали тихо плыветъ корабль. Очарованіе совершенное! Я перенесся въ Италію: видѣлъ на берегу этотъ Тасса, мечталъ о Плиніи.... Не могу выразить наслажденія этимъ несравненнымъ зрѣлищемъ. Все, что мы видѣли въ этомъ родѣ въ Петербургѣ, можетъ назваться дѣтскою игрушкою въ сравненіи съ діорамю Гропіуса. На обратномъ пути нашѣмъ въ Кронштадтѣ стоялъ я у борта парохода, и любовался гнѣющимися волнами, разсѣкаемыми кораблемъ. «Не правда ли, это прекрасно?» спросилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ. — «Прекрасно!» отвѣчалъ я: «а у Гропіуса море лучше....» Сорренто, Мизенскій Мысъ! Суждено ли мнѣ увидѣть васъ въ натурѣ!

Другая прекрасная вещь въ Берлинѣ — *мороженое* въ кондитерской лавкѣ Кранцлера, Подъ-Липами, на

углу Фридриховой Улицы. Удивительно вкусное! Может быть, это предразсудокъ, но лучшаго я не ѣдалъ и въ Парижѣ. Мы, Русскіе, собирались каждый вечеръ, послѣ театра, на галереѣ предъ кондитерскою, услаждали вкусъ свой мороженымъ, а душу бесѣдою о холодномъ и любезномъ отечествѣ, и забавлялись картиною шумной толпы народной, тѣснившейся Подъ-Липами. Иногда заходилъ я въ другую кондитерскую, подлѣ драматическаго театра; зачѣмъ, вы думаете? читать Сѣверную Пчелу, которую тамъ держать для нашихъ русскихъ студентовъ. Забавно и странно мнѣ было видѣть ее въ Берлинѣ!

Неужели болѣе нѣтъ ничего хорошаго въ Берлинѣ? спросите вы. Какъ не быть! Да въ девять дней всего не разглядишь. На одно, грѣшный человѣкъ, не разъ засматривался, на хорошенькихъ женщинъ. Какія личики! какіе глазки! Однажды вхожу я въ ворота дома оберъ-шенка Барона Арнима (временнаго директора театровъ). Кого вамъ надобно? спрашиваютъ у меня тоненькимъ голоскомъ. Оборачиваюсь влѣво, откуда несется голосъ. Херувимская головка смотритъ на меня изъ форточки. Я разинулъ ротъ и остолебѣлъ. Она засмѣялась и сдѣлалась еще милѣе. Вдругъ кто-то проговорилъ подлѣ меня сицлымъ басомъ: «Да что вы не отвѣчаете? или вы въ жизни вашей женщинъ не видали?» — «Такихъ хорошенькихъ не видалъ!» отвѣчалъ я. «Это дочь моя!» прибавилъ привратникъ, смягчившись комплиментомъ, и съ тѣхъ норъ принималъ меня очень учтиво, и херувимская

головка всегда съ улыбкою привѣтствовала меня, какъ знакомаго. Здѣсь, въ Берлинѣ, я не разъ и сѣтовалъ и радовался, что мнѣ сорокъ восемь лѣтъ отъ роду.

Мужчины здѣсь не такъ милы, какъ женщины. Я разумѣю не высшія, образованныя сословія общества, а среднее состояніе, публику пятнадцатаго класса, въ которой заключаются низшіе чиновники, неважные торгаши, ремесленники и т. д. Здѣсь я узналъ что значить нѣмецкая поговорка *ein Berliner Narr* (берлинскій дуракъ). Изъ пяти человѣкъ, которые вамъ встрѣтятся на улицѣ, конечно трое одѣты шутами: одинъ въ голубомъ фракѣ, другой въ гусарскихъ сапожкахъ съ кистями, третій въ розовомъ галстухѣ, иной вовсе безъ галстука. Я посмотрѣлся на нихъ, въ лѣтнемъ воксалѣ, въ Кенигшtedтской Улицѣ. Тамъ, въ извѣстные дни, даются сельскіе балы. Картина презабавная! Франты берлинскіе описаннаго мною класса уморительны. Счастіе и довольство самими собою выказываются у нихъ во всѣхъ пріемахъ, взглядахъ и словахъ. Самый низкій классъ Берлинцевъ отличается нахальствомъ и грубостью: трактирные слуги, привратники и т. п. несносны своею дерзостью. Въ *Hôtel de Russie* украли у меня дюжину шелковыхъ носовыхъ платковъ, и когда я сталъ жаловаться главному прислужнику (*Oberkellner*), онъ отвѣчалъ мнѣ чрезвычайно грубо *). Впрочемъ нельзя

*) Послѣ того узналъ я, что этотъ самый человѣкъ уличенъ былъ въ воровствѣ, и посаженъ въ Шпандау.

отнять у простолюдиновъ берлинскихъ природнаго ума и какой-то особенной живости въ характеръ, чуждой другимъ Нѣмцамъ. Больше всѣхъ славятся остроуміемъ и скорыми отвѣтами тамошнія рыночныя торговли и носильщики, стоящіе по угламъ улицъ (Eckensteher). Ихъ каламбуры и экспромпты служили пищею многимъ водевилямъ и карикатурамъ. — «Послушай, Фрицъ!» говоритъ одинъ такой носильщикъ своему товарищу: «сходи-ко въ кабакъ, да привеси водки на два гроша.» — «Некогда!» отвѣчаетъ товарищъ. — «Коли на два некогда, такъ привеси хоть на грошъ!»

Въ послѣднее воскресенье пребыванія моего въ Берлинѣ, я сидѣлъ поутру въ своей комнатѣ и думалъ, въ какой театръ, въ какое собраніе пойти мнѣ вечеромъ. Мнѣ приносятъ завтракъ и афишку съ надписью крупными буквами: Sonntag, den 19 Juli, kein Schauspiel (*въ воскресенье, 19 Іюля, нѣтъ зрѣлища*). «Это что?» спросилъ я у слуги. Онъ отвѣчалъ мнѣ тихимъ, печальнымъ голосомъ: «За двадцать пять лѣтъ предъ симъ, 19 Іюля скончалась Королева.» — Въ этотъ день я помирился съ Берлинцами. Во всемъ городѣ господствовала совершенная тишина. Не слышно было ни музыки, ни пѣнія. Многочисленные толпы прогуливались по улицамъ и по звѣриятцу въ глубочайшемъ безмолвіи. И все это дѣлалось не по приказу начальства, а по собственному

Покраденныя вещи конечно были бы мною получены, если бы я былъ еще въ Берлинѣ.

внутреннему влеченію народа. Я думаю, если бы театры были открыты, въ нихъ не было бы въ этотъ день ни одного зрителя. Это прекрасно! Прекрасно, за предѣлами гроба, по истеченіи четверти столѣтія, жить въ благодарныхъ сердцахъ милліоновъ! Не смотря на необыкновенно сильный жаръ, жители Берлина тысячами ѣхали и шли, на поклоненіе драгоценному праху возлюбленной Государыни, въ Шарлоттенбургъ. Я присоединился къ одному такому каравану, съ любимымъ Шам., моимъ путеводителемъ по Берлину.

Шарлоттенбургъ есть загородный дворецъ королевскій, построенный въ концѣ XVII столѣтія, и названный такъ въ честь Курфирстины Софіи Шарлотты. Онъ лежитъ на берегу Шпре, въ одной милѣ отъ Берлина. Вокругъ дворца выстроился мало по малу городокъ, въ которомъ нынѣ слишкомъ 450 домовъ и 6000 жителей. Всѣ Государя Пруссіи украшали и распространяли этотъ дворецъ. Въ немъ жила до кончины своей, супруга Фридриха II. Король, сопряженный съ нею бракомъ, основаннымъ на политикѣ, а не на взаимной склонности, чтилъ и уважалъ ее искренно, и въ день рожденія ея всегда являлся къ ней съ поздравленіемъ; въ одинъ этотъ день въ году, онъ надѣвалъ башмаки и черныя шелковые чулки — великое съ его стороны пожертвованіе! Въ новыя времена, Шарлоттенбургъ былъ любимымъ мѣстомъ пребыванія покойной Королевы Луизы, супруги нынѣ царствующаго Короля: здѣсь родилась Императрица Александра Феодоровна. При дворцѣ разведенъ пре-

красный садъ въ англійскомъ вкусѣ съ тѣнистыми аллеями. На одномъ изъ острововъ, образуемыхъ каналами, прокопанными изъ Шпре, называемомъ Луизинимъ, воздвигнуть бронзовый бюстъ Королевы, отлитый по модели Рауха. Далѣе, среди густой рощи, возвышается гранитный мавзолей, въ которомъ хранятся смертные останки Незабвенной. На фронтонѣ, поддерживаемомъ четырьмя дорическими колоннами, изображены альфа и омега, символъ начала и конца всѣхъ дѣлъ земныхъ. Во внутренности мавзолея дверь, вѣкогда не отворяемая для посѣтителей, ведетъ въ склепъ, гдѣ покоится тѣло Королевы, въ свинцовомъ гробѣ. Въ самомъ мавзолеѣ возвышается мраморный саркофагъ. На немъ представлена, изъ бѣлаго мрамора, Королева, лежащая на одрѣ покоя. Сходство лица ея поразительное. На стѣнахъ мавзолея висятъ четыре поблекшіе вѣнка, сплетенные ея дочерьми. Въ этотъ день весь помостъ мавзолея и саркофагъ устланы были свѣжими цвѣтами. Народъ толпился вокругъ него въ безмолвіи, и проливалъ слезы....

XIII.

Обратный путь.

8-го Іюля вечеромъ выѣхалъ я изъ Берлина. Опытъ научилъ меня: я взялъ заблаговременно мѣсто въ кабриолетѣ, № 5. Кабриолетомъ берлинскаго дилижанса называется передняя его часть, то есть наша двумѣстная карета, раздѣленная на три мѣста. Одно

изъ нихъ занимаетъ кондукторъ, два остаются для пассажировъ. Лучше такого мѣста нельзя найти. Во-первыхъ, видишь, куда ѣдешь. Во-вторыхъ, имѣешь только одного товарища, слѣдственно менѣе подверженъ неудобствамъ, капризамъ, сигаркамъ и т. п. помѣхамъ отъ своихъ спутниковъ. Да и общество кондуктора не такъ непріятно, какъ вообще можно бы было предполагать. Эти люди обыкновенно выбираются изъ хорошихъ, заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ, и если съ ними обходишься учтиво и привѣтливо, то очень легко ужиться. Вообще я замѣтилъ, что Пруссаки, въ первыя минуты бесѣды или дѣла, кажутся упрямыми, неласковыми, спесивыми, но лишь только увидать, что съ ними обходишься хорошо, перемѣняютъ обращеніе, и сами дѣлаются вѣжливыми, услужливыми и словоохотными. Другой пассажиръ въ кабріолетѣ былъ молодой французскій купецъ, г. Кюрсіаль, племянникъ товарищъ знаменитаго винопродавца Флорентина Фора, въ Сенъ-Пере. Г. Кюрсіаль понравился мнѣ своею учтивостью, скромностью и пріятнымъ обращеніемъ. Дорогою узналъ я отъ него статистику всѣхъ французскихъ винъ, способъ ихъ выдѣлки, развозки, продажи и т. п. Это общество было мнѣ вдвое пріятнѣе отъ того, что всѣ остальные мѣста дилижанса наполнены были разношерстными Жидами, которыхъ бесѣда не могла быть усладительна. На третій день, съ ударомъ девяти часовъ до полудня, дилижансъ остановился предъ прусскимъ почтовымъ дворомъ въ любезномъ

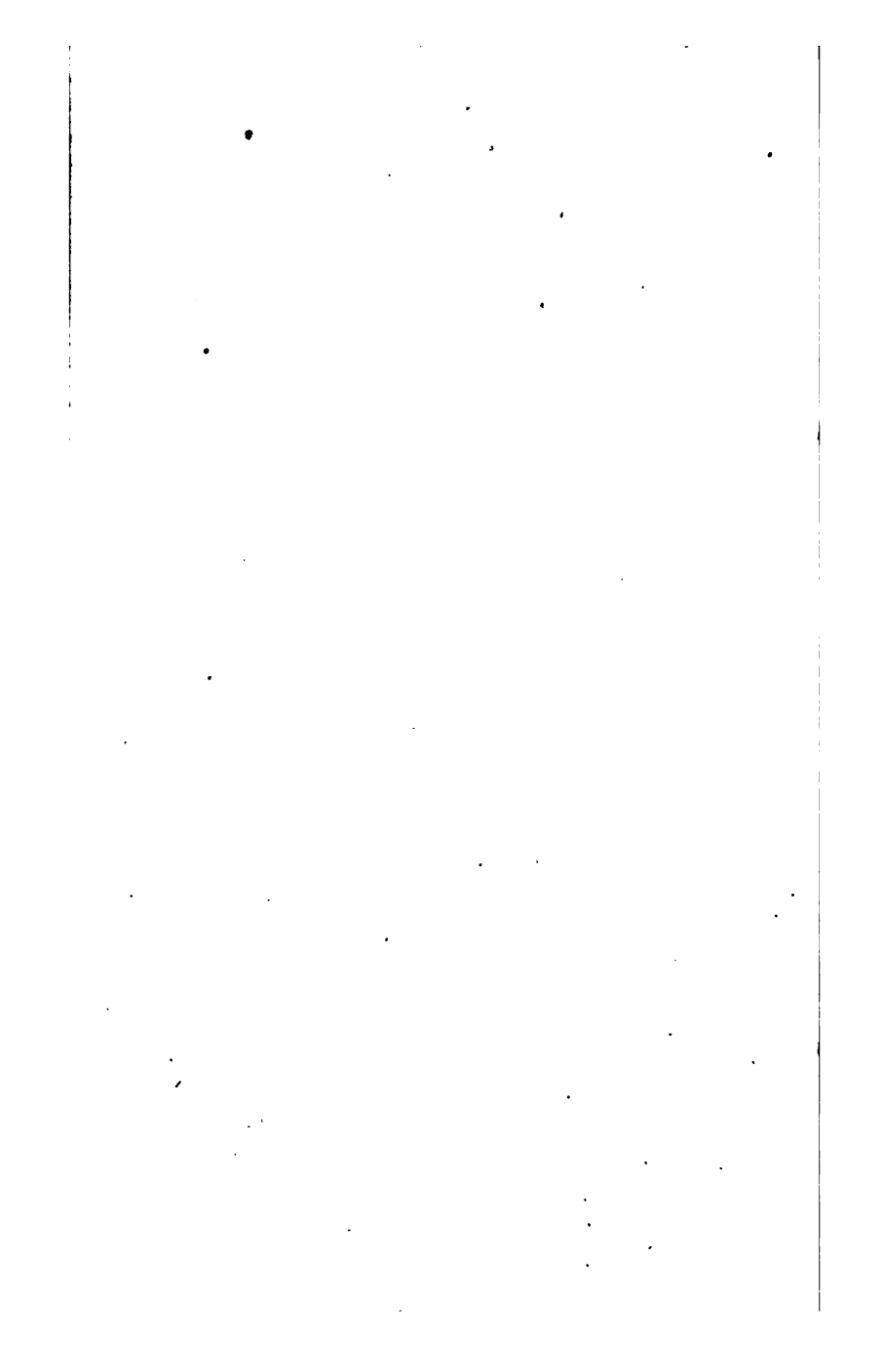
моемъ Гамбургѣ. Г. Кюрсіаль пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ, и тутъ, на практикѣ, показала, какія вина добываются у его дяди. — Я провела въ Гамбургѣ пять дней: похождения мои въ теченіе этого времени описаны мною выше. 15-го Іюля, въ часъ по-полудни, отправился я въ Любекъ, по ужасной дорогѣ, и прибылъ туда уже ночью. На другой день посѣтилъ г. Шлепера, получалъ отъ него, по обѣщанію, портретъ отца его, и на легкомъ рѣчнѣмъ пароходѣ поплылъ по рѣкѣ Траверъ къ ея устью. Тамъ, на рейдѣ, стояла уже наша Александра, готовая везти насъ обратно въ милое отечество.

Въ нынѣшній рейсъ общество наше было такъ же пріятно, какъ и въ первый. Въ числѣ пассажировъ были: посланникъ нашъ при Минхенскомъ Дворѣ, Князь Г. И. Гагаринъ, баварскій посланникъ при Петербургскомъ Дворѣ, Графъ Лерхенфельдъ, съ молодою прекрасною супругою, семейство знаменитаго нашего врача, лейб-медика Рауха, одинъ путешествующій семидесятилѣтній Англичанинъ, генералъ Дюгальдъ-Стюартъ, жандармскій посмоثرъ въ Россію, и еще нѣсколько человѣкъ умныхъ, любезныхъ и благовоспитанныхъ. Но погода была уже не прежняя. На другой день вечеромъ спустился туманъ на горизонтъ, и въ ночь поднялась буря. Всѣ прилегли въ своихъ койкахъ. Помня, что въ первое путешествіе мое по морю погода меня не укачивала, я бедро вынулъ изъ каюты, и взобрался наверхъ, но радъ, радъ былъ, когда опять дошелъ до своего ложа.

Въ бурю, налетѣвъ мнѣ, пароходъ неспоспѣе всякаго другаго корабля: качка на немъ происходитъ тройная: одна вдоль судна, другая боковая, и третья — подергиваніе отъ колѣсъ паровой машины. Въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего лучше, какъ лежать въ своей укрывной шинели, и въ воображеніи сочинять романы. Къ полудню качка и вѣтеръ пріутихли, и мы сѣли завтракать, но колебаніе все еще продолжалось, и мы естественнѣе придерживались за столъ. Каютъ-компанія тапчала, если не назурку, то польской. «*Voilà un déjeuner d'amiant!*» сказалъ одинъ пассажиръ, Французъ, ухватъ съ вилкою въ рукахъ подъ столъ.

Въ среду отъѣхали. Четвертокъ, пятница — все это цѣлыя вѣтхости; наконецъ, въ субботу, возникла надежда на скорое освобожденіе изъ плевучей тюрьмы, и дѣйствительно, въ восемь часовъ вечера мы оставились на кронштадтскомъ рейдѣ. Тутъ надобно было видѣть расторопность и усердіе къ службѣ нашей кронштадтской таможни! Въ минуту явились смотрители, помощники, досмотрщики. — «*Tout les liés imaginables!*» сказалъ прежній Французъ. У портовъ поставили часовыхъ, у люковъ, или сходень, другихъ. Прибыли чиновники кронштадтской полиціи, взяли наши паспорта и стали ихъ отгибать и поверять. Нѣтъ! ужъ тутъ, я думаю, ничтожнѣ запрещенной не провезешь — это будь сказано въ утѣшеніе господамъ московскимъ фабрикантамъ.

Въ четыре часа утра опять застучала машина, зашумѣли колеса, пароходъ двинулся. Мы всѣ вышли

БЮГРАФІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Александръ I, Императоръ Всероссійскій, сынъ Императора Павла Петровича и Императрицы Маріи Теодоровны, урожденной Принцессы Вуртембергской, родился въ Санктпетербургѣ 12 Декабря 1777; сочетался бракомъ съ Принцессою Баденскою Луизою Маріею Августою, по святомъ миропомазаніи Великою Княжною Елисаветою Алексѣвною, 28 Сентября 1793; по восшествіи на престолъ Родителя его, Императора Павла I, 6 Ноября 1796, объявленъ Цесаревичемъ и Наслѣдникомъ Престола; воцарился 12 Марта, вѣнчанъ на царство 15 Сентября 1801 года; скончался въ Таганрогѣ 19 Ноября 1825 года. Имѣлъ двоихъ дочерей: Марію Александровну (род. 18 Мая 1799, ск. 27 Июля 1800), и Елисавету Александровну (род. 3 Ноября 1806, ск. 30 Апрѣля 1808 года).

Рожденіе Великаго Князя Александра Павловича, послѣдовавшее среди побѣдъ и торжествъ царствованія Великой Екатерины, было для всей Россіи радостнѣйшимъ событіемъ, даровавъ наслѣдника Императорскому Дому, къ утвержденію и распространенію славы и величія Имперіи подѣ владычествомъ сей благословенной Богомъ династіи. Воспитаніе его было однимъ изъ главнѣйшихъ царственныхъ попеченій Августѣйшей его Бабки. Она сама назначала для него занятія и предметы ученія, сама писала книги для развитія его ума и образованія сердца; выбирала ему наставниковъ, учителей и товарищей, предвидя въ младенцѣ и отрокѣ великаго государя. Главнымъ попечителемъ при немъ былъ Графъ (въ послѣдствіи Князь) Н. И. Салтыковъ, а воспитателемъ Швейцарецъ Лагарпъ, къ которымъ Императоръ до конца своей жизни сохранилъ искреннюю любовь и благодарность. Императоръ Павелъ Петровичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, удѣлялъ часть трудовъ царственныхъ своему наслѣднику. Великій Князь Александръ Павловичъ, сверхъ отправленія обязанностей военной службы, былъ санктпетербургскимъ военнымъ губернаторомъ, членомъ Совѣта и Сената, но все свободное время посвящалъ изученію великаго подвига, къ которому былъ призванъ Провидѣніемъ. Онъ вступилъ на престолъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда свѣтъ, его неблагодарность, его неумѣнье наслаждаться настоящимъ счастіемъ, его пустыя сожалѣнія о прошедшемъ, и несбыточные замыслы о буду-

щемъ еще не разочаровали человѣка, обаяннаго великодушными мечтами юныхъ лѣтъ. Александръ покаялся въ душѣ своей быть другомъ, хранителемъ, утѣхою вѣрнѣйшей ему Провидѣніемъ Россіи и всего человѣчества. Въ двадцатипятилѣтнее его царствованіе Россія и человѣчество видѣли подвиги, совершенные имъ для исполненія сего священнаго обѣта.

Исторія царствованія Александра есть исторія Европы въ первой четверти XIX вѣка, обильной великими и грозными происшествіями, какихъ прежде того не случилось и въ цѣлыя столѣтія. Мы не въ состояніи представить нашимъ читателямъ полную картину сего достопамятнаго времени: она не вмѣстилась бы въ тѣсныя рамы этого обозрѣнія, и превзошла бы наши силы. Величественная эта картина можетъ быть начертана тогда только, когда легкій туманъ времени, подернувъ предметъ ея волшебною тѣнью, выставитъ глазамъ художника огромные очерки во всемъ ихъ объемѣ, и удалить отъ нихъ второстепенныя части, ослабляющія теперь блескомъ своимъ взгядъ современника. Ограничимся исчисленіемъ главнѣйшихъ событій этой *Всемирной Исторіи*; удовольствуемся воспоминаніями о тѣхъ великихъ событіяхъ сего царствованія, которыя волновали юношескія сердца наши сладостнымъ восторгомъ, и теперь, по истеченіи многихъ лѣтъ, извлекаютъ у насъ, на закатѣ жизни, слезы умиленнаго благоговѣнія къ великому Государю, избранному Богомъ въ орудіе его правосудія.

Изложеніе наше дѣлится на двѣ главныя части: событія политическія и военныя внѣшнія, и дѣла внутреннія.

Александръ вступилъ на престолъ въ самое бурное время. Императоръ Павелъ, недовольный дѣйствіями своихъ союзниковъ, несоотвѣтствовавшихъ его пламенному усердію къ возстановленію правъ Европы, сблизился съ тогдашнимъ французскимъ правительствомъ, возникшимъ подъ твердою рукою геніальнаго Наполеона Бонапарте, и объявлялъ войну Англіи. Грозный британскій флотъ двинулся въ Балтійское Море, прорвался силою сквозь Зундъ 21 Марта (2 Апрѣля) 1801, и остановился въ виду русскихъ береговъ. Александръ изъявилъ желаніе прекратить войну эту. Англійскій Дворъ съ радостью принялъ слова мира, и 5 (17) Іюня былъ подписанъ мирный трактатъ между обѣими державами. Примиреніе съ Англіею въ этотъ разъ не вело къ войнѣ съ вѣчными ея противницами. 22 Сентября (4 Октября), былъ заключенъ мирный трактатъ съ Испаніею, 26 Сентября (8 Октября) съ Франціею. Со вступленіемъ на престолъ Александра, казалось, звѣзда мира возшла надъ утомленною въ брани Европою. Вскорѣ заключенъ былъ (въ Амьенѣ 15 (27) Марта) миръ между Франціею, Испаніею, Голландіею и Великобританіею. Россія согласилась съ Франціею касательно вознагражденія владѣльцевъ германскихъ. Австрія, Пруссія и прочія державы германскія равнобѣрно къ тому приступили. Все клонилось къ заключенію общаго мира, къ утвер-

жденію спокойствія и благоденствія Европы и свѣта на основаніяхъ прочныхъ. Но въ Кироу владѣчествовалъ Александръ не одинъ. Въ одно время съ благотѣльною и кроткою звѣздою Александра, возникъ на горизонтѣ міра блистательный метеоръ, съ необычайною силою сжавшій въ себя всѣ бурныя стихіи кровавой революціи французской. Наполеонъ Бонапартъ изумилъ величіемъ своего гонія весь тогдашній міръ: онъ устроилъ Францію, побѣдилъ и усмирилъ несметныя враговъ ея, пролилъ рѣку обилія и богатства на свое отечество, озарилъ его блистательною славой, но не долго пользовался безоглястнымъ удаленіемъ современниковъ: безпрестанныя нарушенія чужихъ правъ и своего слова, покушенія на собственность ближняго, жертвованіе благомъ общаго возмущенію своего семейства, и наконецъ незаконное и злодѣйское умерщвленіе невиннаго Герцога Англенскаго, открыли глаза Европѣ. Германъ возстала на него Англія. Россія, Австрія и Швейцарія заключили между собою (въ началѣ 1805 года) союзъ, для остановленія бурнаго потока. Маномфонъ, занимавшійся нѣсколько времени несбыточными планами высадки въ Англію, узнавъ о началѣ военныхъ дѣйствій вступленіемъ Австріи въ Баварію, двинулся противъ нихъ всѣми своими силами, и, прежде нежели русскія войска постигли на помощь къ своимъ союзникамъ, обошелъ австрійскую армию (нарушивъ нейтралитетъ прусскихъ владѣній), и разбилъ ее (2 (14) и 3 (15) Окт.) при Эльхингенѣ и Лангенау, прину-

даль при Ульмъ положить оружіе, перетелъ Интъ, и занялъ (1 (13) Ноября) Вѣну. Русскія войска, не шедъ австрійской арміи, отступили съ величайшимъ трудомъ, выдержавъ блистательное сраженіе при Голлабруннѣ. Французы проникли въ Моравію, и тамъ произошла кровопролитная битва при Аустерлицѣ, 20 Ноября (2 Дек.) 1805, въ которой побѣда склонилась на сторону Наполеона. Императоръ Александръ Павловичъ оказалъ въ сей битвѣ храбрость самую блистательную, но принужденъ былъ покориться величію судьбы, и когда Императоръ Францъ изъявилъ желаніе заключить съ Наполеономъ перемиріе, онъ удалился съ своею арміею въ предѣлы Россіи. Въ слѣдующемъ (1806) году, послѣ тщетныхъ усилій заключить миръ, соотвѣтствующій желаніямъ и требованіямъ Европы, война возгорѣлась съ большимъ жаромъ. Въ этотъ разъ выступила на поле брани Пруссія. Наполеонъ бросился на собирающіяся противъ него прусскія войска: 27 Сентября (9 Октября) начались военные дѣйствія; 2 (14) Октября были разбиты Пруссакъ при Іенѣ и Ауэрштедтѣ; 15 (27) Наполеонъ вступилъ въ Берлинъ; важнѣйшія крѣпости прусскія сдавались одна за другою; 16 (28) Ноября Французы заняли Варшаву, и двинулись къ границамъ Россіи. Здѣсь нашли они твердое сопротивленіе. Послѣ сраженія при Пултускѣ и Голыминѣ, 14 (26) Декабря, въ которомъ Французы въ первый разъ встрѣтили мужественный отпоръ и принуждены были уступить поле сраженія, они заняли зимнія квар-

тиры. Военныя дѣйствія возобновились въ началѣ 1807 года: 27 Января (8 Февраля) произошло одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій въ Новѣйшей Исторіи, подѣ Прейсмигъ-Эйлау. Русскіе удержали напоръ сильнаго врага, но не могли сокрушить огромныхъ его полчищъ. Обѣ арміи нѣсколько мѣсяцевъ стояли въ виду другъ друга. Въ концѣ Мая Русскіе одержали поверхность надѣ Французами, 27 Мая (8 Юня) при Гутштатѣ, 28 (9) при Гейльсбергѣ; но 2 (14) Юня произошла битва при Фридландѣ, въ которой русская армія, поставленная въ невыгодную позицію, принуждена была уступить превосходнѣйшему неприятелю. Слѣдствіемъ потери этой битвы было вступленіе Французовъ въ Кенигсбергъ; Данцигъ былъ взятъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ, и русскія войска отступили къ своимъ границамъ. Императоръ Александръ Павловичъ, находившійся съ 4 Апрелья при главной квартирѣ, но предоставившій командованіе войскомъ генералу Беннигсену, рѣшился испытать, не поведетъ ли къ лучшему для Европы и Россіи, сближеніе его съ сильнымъ и счастливымъ Императоромъ Французовъ. Послѣ свиданія ихъ на рѣкѣ Неманѣ, въ которомъ Александръ требовалъ только сохраненія владѣній союзника своего, Короля Фридриха Вильгельма III, подписанъ былъ 25 Юня (7 Юля) миръ тильзитскій между Пруссіею и Франціею. Изъ составившагося по этому миру новаго Герцогства Варшавскаго, отданнаго Королемъ Саксонскому, Россіи досталась Область Бѣлостокская. Вся

Европа получила новый видъ. Александръ удержалъ ось своихъ владѣнй въ цѣлости, и приступилъ къ континентальной системѣ Наполеона. Союзъ Россіи съ Франціею вскорѣ укрѣпленъ былъ страннымъ поступкомъ Англійскаго Кабинета. Британскій флотъ явился предъ Копенгагеномъ, и потребовалъ выдачи ему датскаго флота; получивъ отказъ, разрушилъ часть Копенгагена бомбами и конгревовыми ракетами. 21 Августа (2 Сентября), и принудилъ Датское Правительство, не подававшее ни малѣйшаго повода къ неприязненнымъ дѣйствіямъ, выдать ему всѣ свои корабли, морскіе и военные запасы, и проч. Слѣдствіемъ этого было объявленіе Россіею войны Англіи 25 Октября (6 Ноября) 1807.

Въ то время, когда русскія войска встрѣчали грудью непріятеля на западной своей границѣ, возникла война на югѣ, съ давнишними ея врагами, Турками. Французы, въ намѣреніи развлечь силы Россіи, воспользовались для того всегдашнимъ своимъ средствомъ, побудили Турокъ объявить ей войну (18 (30) Декабря 1806). Русскія войска, занявшія уже прежде того Молдавію и Валахію, для повужденія Порты къ исполненію обязанностей, принятыхъ ею на себя по трактатамъ кайсардѣйскому и яскскому, сначала дѣйствовали тамъ безъ большихъ усилій. Главныя дѣйствія ихъ происходили въ Архипелагѣ: вице-адмиралъ Севастопольскій явился съ эскадрою на водахъ Греціи, и 19 (31) Іюля 1807 одержалъ значительную побѣду надъ турецкимъ флотомъ при Лепаносѣ. 18 (30) Іюня Гречъ

Гудовичъ разбилъ Турокъ въ Азін, на берегахъ Армачая. По заключеніи мира тильзитскаго, армія, действовавшая на Дунаѣ, была усилена, и послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ въ теченіе 1808 года, съ наступленіемъ весны 1809, начала военныя дѣйствія подъ командою Князя Прозоровскаго; въ концѣ Іюня перешла черезъ Дунай, и взяла небольшія лежащія при немъ крѣпости. По смерти Князя Прозоровскаго (9 (21) Августа) принялъ начальство Князь Багратионъ: онъ взялъ нѣсколько крѣпостей, въ томъ числѣ Измаилъ и Бранловъ, и одержалъ побѣду при Рассеватѣ, но, по наступленіи зимы, перешелъ обратно черезъ Дунай. Въ кампаніи 1810 года командовалъ Графъ Каменскій: онъ взялъ Базарджикъ, Силистрію, Разградъ, храбро сражался подъ Шумлою, однако не могъ покорить ея; не имѣлъ успѣха въ штурмѣ Рушукъ, но одержалъ блистательную побѣду при Батынѣ, 26 Августа; слѣдствіемъ ея было паденіе Рушукъ и Журжи; при всемъ томъ Турки еще не думали о мирѣ. По смерти Графа Каменскаго, генералъ Голенцевъ-Кутузовъ принялъ, въ 1811 году, начальство надъ дунайскою арміею, которая была значительно ослаблена усиленіемъ войскъ на западной границѣ Россіи, а Турція въ то время собрала всѣ свои силы для блистательнаго окончанія кровопролитной брани. Кутузовъ успѣлъ заманить турецкую армію на правый берегъ Дуная, у Слободзен, и окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, выморилъ голодомъ. Заключено было перемиріе, и чрезъ нѣсколько времени

послѣ того (16 (28) Мая 1812), подписать миръ въ Бухарестѣ. Рѣка Прутъ назначена была границею обѣихъ Имперій. Россія приобрѣла Бессарабію съ крѣпостями Хотиномъ, Бендерами, Аккерманомъ, Килією и Измаиломъ, и, что всего важнѣе, армию, дѣйствовавшую дотолѣ на Дунаѣ, могла употребить противъ бурнаго нашествія, угрожавшаго ей съ береговъ Вислы.

Вскорѣ послѣ начатія брани съ Турками, возгорѣлась война съ Швецією. Послѣ тильзитскаго мира, Россія пригласила союзника своего, Короля Густава IV, покориться обстоятельствамъ заключеніемъ мира съ Францією. Въ его волю было не принимать этого предложенія, но отказъ его былъ такъ оскорбителенъ для Россіи, что за нимъ не могло не послѣдовать разрыва. Всѣ старанія нашего кабинета объ удовлетворительномъ соглашеніи были тщетны. Двухлѣтняя война въ Финляндіи принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ войнъ Россіи. 8 (20) Февраля 1808 года обнародована была декларація о разрывѣ съ Швецією, и въ тотъ же день русская армія, подъ начальствомъ Графа Буксгевдена, переступила чрезъ границу. Она шла впередъ безпрепятственно, занимая одинъ городъ за другимъ, 13 (25) Февраля Ловизу и Борго, 18 (30) Гельсингфорсъ, 25 (8 Марта) Тавастгусъ, 5 (17) Марта Біернаборгъ и Шварцгольмъ, 10 (22) Марта Або, 17 (29) Вазу, 31 (12 Апр.) Аландскіе Острова, Гамлекарлебу и Якобштадтъ. Шведы, отступавшіе вродь Русскими, стали защи-

щаться не ближе какъ подъ 64 градусомъ сѣверной широты, и одержали поверхность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но въ то же время, на югѣ Финляндіи, сдѣлась 25 Марта (6 Апр.) знаменитая крѣпость Свеаборгъ. Усилія Шведскаго Короля вытѣснить Русскихъ изъ сѣверныхъ предѣловъ Финляндіи или произвести диверсію высадкою у южныхъ береговъ ея, не имѣли успѣха. Храбрые Шведы видѣли, что всѣ ихъ усилія тщетны. Прекращеніе лѣта не остановило военныхъ дѣйствій, и 17 (29) Ноября шведскія воиска очистили всю Финляндію. Кампанія 1809 года, въ которой главнокомандующимъ былъ генералъ Кноррингъ, началась двумя блистательными подвигами, едва ли имѣющими прамѣръ въ Военной Исторіи. Одинъ отрядъ Русскихъ (генерала Кульнева) перешелъ по льду чрезъ Аландскіе Острова въ Гриссельгамъ, близъ Стокгольма (7 (19) Марта), а другой (Барклай де-Толли) чрезъ самое узкое мѣсто Ботническаго Залива, называемое Кваркенъ, и ваяль Умео (12 Марта). Третій корпусъ (Графа Шувалова) прошелъ чрезъ Торнео въ Западную Ботнію, и принудилъ одинъ шведскій корпусъ положить оружіе. Послѣдствіемъ этихъ успѣховъ, было сначала заключеніе перемирія при Каликсѣ, а потомъ и мира, въ Фридрихсгамѣ, 5 (17) Сентября: по этому миру Швеція навсегда уступила Россіи Финляндію и часть Восточной Ботніи до рѣки Торнео.

Такимъ блистательнымъ образомъ кончились дѣла войны Россіи, на сѣверѣ и на югѣ. Александръ не

участвовалъ въ нихъ лично, но былъ душою и руководителемъ всѣхъ военныхъ и политическихъ дѣйствій. Какъ при Петрѣ Великомъ Русскіе частными побѣдами готовились къ битвѣ подтавской, такъ при Александрѣ войны турецкая и шведская были нашими военными школами, для приготовленія себя къ отраженію величайшаго изъ полководцевъ нынѣшняго вѣка, и арміи, которая дотолѣ считала дни выигранными сраженіями. Тяньзинтскій миръ, по властолюбивому и хищническому нраву Наполеона, не могъ быть продолжителенъ. Императоръ Французовъ не зналъ покоя, доколѣ существовала еще на твердой землѣ Европы держава, могшая спорить съ нимъ о верховной власти. Тщетны были всѣ пожертвованія Россіи, условія эрфуртскія, участіе ея въ достиженіи Наполеономъ вѣснаго мира. Гроза, ужасѣвшая вѣки прежнихъ, собралась черными тучами на горизонтѣ Европы. Наполеонъ, безъ всякаго права, безъ малѣйшаго повода, однимъ почеркомъ пера, лишилъ наследственныхъ владѣній родственника Александрова, Герцога Ольденбургскаго, захватилъ города ганзейскіе, и простеръ границы своей Имперіи до береговъ Балтійскаго Моря. Первымъ выраженіемъ неудовольствія Императора Александра было распоряженіе (19 Декабря 1810), коимъ запрещались къ привозу разныя товары французскаго происхожденія, и позволялся ввозъ многихъ колониальныхъ произведеній: этимъ средствомъ предполагалось отчасти вознаградить потери и убытки, причиненныя continuing

тальною системою, которую самъ Наполеонъ, для выгоды своихъ, нарушалъ безпрестанно. Наполеонъ отозвался объ этомъ распоряженіи въ рѣчи законодательному сословію съ обычною своею дерзостью, и война оказалась неизбежною.

Императоръ Александръ, зная силы, пособія и гонимыя протѣвника своего, неутомимо занимался приготовленіями къ отраженію его неминуемаго нашествія. Армія получила новое устройство, въ особенности была преобразована артиллерія; войска были усилены обращеніемъ въ нихъ гарнизонныхъ и морскихъ полковъ и обученныхъ фронтальной службой матросовъ, и со всѣхъ сторонъ сдѣланы къ западнымъ предѣламъ Россіи. Между тѣмъ, какъ всегдашнія наши союзники, Австрія и Пруссія, принуждены были стать подъ знамена общаго врага, Россія нашла союзника въ державѣ, недавно еще враждебной съ нею. Швеція не могла согласиться на тягостныя условія, предписанныя ей Наполеономъ, и, лишившись въ слѣдствіе этого Помераніи, рѣшилась искать помощи у Россіи: 24 Марта (5 Апрѣля) 1812 заключенъ былъ между Россією и Швецією союзный трактатъ въ Санктпетербургѣ.

Александръ Павловичъ выѣхалъ къ арміи своей изъ Санктпетербурга 9 Апрѣля. Русскія силы, расположенныя были длинною линіею по западной границѣ. Онѣ состояли изъ двухъ Западныхъ Армій, 1-я подъ командою генерала Барклая де-Толли, и 2-я подъ начальствомъ Князя Баграмяна, въ коихъ было всего

не болѣе 200,000 человекъ. Наполеонъ Бонапартъ велъ съ собою 400,000 пѣхоты и до 80,000 кавалеріи. Послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ переговоровъ, громада силъ Наполеона двинулась на Россію (12-го Іюня). Онъ не объявлялъ войны формально, а только провозгласилъ своей арміи, что начинается война съ Россіею, которая увлечена своимъ неизбѣжнымъ рокомъ: планъ его былъ раздѣлить обѣ русскія арміи, разбить ихъ порознь, и открыть себѣ безпрепятственный путь въ сердце Россіи. Александръ возразилъ: «Не положу оружія доколѣ ни одного непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ.... На начинающаго Бога!» Русскія войска, не имѣя возможности отразить непріятеля, начали отступать въ порядкѣ и согласіи, и послѣ нѣсколькихъ частныхъ сраженій, обѣ наши арміи соединились въ Смоленскѣ. Императоръ Александръ находился при Первой Арміи до отступленія ея къ берегамъ Дриссы. Тамъ, убѣдившись въ необходимости дѣйствовать на сильнаго врага не одною арміею, во всю Россію, оставилъ главную квартиру, для принятія дѣйствительнѣйшихъ мѣръ къ обезсилевію, отраженію и уничтоженію непріятеля. Онъ прибылъ (12-го Іюля) въ Москву: Россія встрѣтила Царя своего въ день опыта, недоумѣнія и горести, съ бѣльшимъ восторгомъ, нежели когда либо встрѣчала его въ дни счастья и торжествъ. Воскресла времена Минина и Пожарскаго: милліоны добровольныхъ привошеній явились въ казну царскую; тысячами становились граждане и поселенцы въ ряды воинства;

одна мысль, одно чувство проникли всю необъятную Россию: негнать, истребить врага, или пасть съ честью на развалинахъ отечества, жертвуя послѣднею каплею крови законному своему Государю и свободѣ Русской Земли. Древняя столица, обреченная въ спасеніе отечества жертва, увѣчалась, предъ закланіемъ, цвѣтами радости и надежды.

Государь, возвратясь въ Санктпетербургъ 22-го Іюля, былъ обрадованъ извѣстіемъ объ отраженіи Графомъ Витгенштейномъ маршала Удино, покушавшагося прорваться къ Пскову, и объ успѣхѣ, одержанномъ на лѣвомъ флангѣ арміи генераломъ Торнау-совымъ; но главныя силы непріятеля шли безпрестанно впередъ. Соединившіяся въ Смоленскѣ обѣ арміи наши оставили этотъ городъ послѣ храброй защиты, и продолжали отступленіе по московской дорогѣ. Въ это время назначенъ былъ главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ армій Князь Голицынъ-Кутузовъ, полководецъ убѣленный въ битвахъ и совѣтахъ, недавно еще украсившій покрытое ранами чело свое вѣнкомъ побѣдителя и миротворца. Онъ принялъ начальство надъ арміями при Царевомъ-Займищѣ, и продолжалъ отступленіе по прежнему плану, ища случая и возможности дать выгодное сраженіе. Императоръ Александръ Павловичъ, видя всю важность обезпеченія сѣверныхъ границъ Имперіи, и желая усилить главныя войска свои корпусомъ, стоявшимъ безъ дѣйствія въ Финляндіи, отправился (9-го Августа) въ Або, и выйдъ тамъ съ Шведскимъ На-

сладкимъ Принцемъ свиданіе, на которомъ положено было прочное основаніе существующему донынѣ между обоими государствами согласію, и границы наши ограждены были царственнымъ словомъ. По возвращеніи Государя въ С. Петербургъ, извѣстіе о блистательной битвѣ Бородинской, полученное въ самый Александровъ день, восхитило радостію сердце Государя и подданныхъ; но какая мрачная ночь наступила вслѣдъ за этимъ мгновеннымъ блескомъ! Наполеонъ вошелъ въ Москву. Древняя русская столица испытала участь Амстердама, Вѣны, Берлина, Лиссабона, Мадрида. Европа ждала и отъ этого торжества Наполеонова тѣхъ же послѣдствій, которыя ознаменовали покореніе другихъ столицъ ея; но Александръ, твердостью въ грозномъ опытѣ и благочестивымъ упованіемъ на помощь Вышняго, разстроилъ всѣ замыслы и расчеты враговъ своихъ. Умилительно вспомнить теперь тѣ достопамятныя слова, которыми Императоръ, не царскимъ манифестомъ, но скромнымъ объявленіемъ, возвѣщалъ о потерѣ Москвы: «Непріятель Сентября 3-го числа вступилъ въ Москву, но да не унываетъ отъ этого великій народъ російскій! Напротивъ, да покланяется всякъ и каждый воскипѣтъ новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. — При бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенесъ всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія; наконецъ терпѣ-

ливостью и мужеством своимъ достигнеть до того, что не толико приобрѣтеть самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставить оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюють!»

Петомство сравнить дерзкое предсказаніе неистоваго завоевателя съ этимъ смиреннымъ предчувствіемъ благочестиваго Царя, и рѣшить, на которой сторонѣ были истинное величіе, мудрость и знаніе настоящей минуты. Провидѣніе уже рѣшило. Москва воспылала надъ главою рушителя царствъ. Онъ обратился къ Александру съ предложеніемъ мира и дружбы. Не получивъ отвѣта, бросился на русское войско, обновленное числомъ, силою и духомъ, и встрѣтивъ препоны въ намѣреніи своемъ прорваться на югъ Россіи, принужденъ былъ начать свое бѣдственное отступление по дорогѣ, истощенной и опустошенной имъ самимъ. Русскіе шли за Французами по пятамъ, не давали имъ отдыха, отрѣзывали всѣ сообщенія и пособія, становились на пути ихъ, и брали ихъ цѣлыми отрядами. При Березинѣ стѣснили Наполеона въ одно время, съ сѣвера Витгенштейнъ, съ югозапада Чичаговъ, съ востока Кутузовъ. Счастіе и въ этотъ разъ помогло своему баловню: онъ переправился черезъ Березину; и лично спасся, но значительная часть его арміи погибла на перекравѣ. Остальная выморена была морозомъ, голодомъ и казанами на пути отъ Березины до границы. По словамъ самихъ Французовъ, вышло изъ Россіи 18,800 Французовъ и Ита-

ліянцевъ, и 23,000 Поляковъ и Нѣмцевъ. (*Koch, Tableau de révol. II, 384*). Знаменитыя эти событія были послѣдствіемъ плана, составленнаго самимъ Императоромъ Александромъ, по взятіи непріятелемъ Смоленска: онъ предвидѣлъ, что дерзость Наполеона заведетъ его далеко внутрь Россіи, и предположилъ, поставивъ въ тылу его на берегахъ Березины 120,000 человекъ, отрѣзать его отъ границы, и истребить со всюю арміею. Временныя и мѣстныя обстоятельства, къ несчастію, воспрепятствовали точному исполненію сего великаго предначертанія, но и при несовершенномъ приведеніи его въ дѣйство, послѣдствія кампаніи были велики и изумительны.

Александръ, въ началѣ Декабря мѣсяца, отпра-вился къ побѣдоносной арміи, и посреди торжествующихъ сыновъ своихъ, праздновалъ день своего рожденія, а наступленіе Новаго 1813 Года ознаменовалъ переходомъ русской арміи чрезъ границу, для исполненія возвѣщеннаго имъ Россіи и Европѣ. Если бы намъ предоставлено было сказать, который годъ изъ двадцати пяти славныхъ лѣтъ царствованія Императора Александра есть самый блистательный, мы отвѣчали бы рѣшительно: тысяча восемьсотъ тринадцатый. Въ этомъ году онъ явился тѣмъ, что былъ въ самомъ дѣлѣ: великимъ политикомъ, мудрымъ распорядителемъ, благоразумнымъ и искуснымъ полководцемъ. Кромѣ веденія войны съ величайшимъ воинскимъ гениемъ нашего вѣка, предстояло ему другое, можетъ быть, важнѣйшее дѣло — устранить причину

пораженій, претерпѣнныхъ арміями германскихъ государствъ, состоящими изъ воиновъ храбрыхъ и усердныхъ, имѣющими предводителей искусныхъ и опытныхъ, и безпрестанно подавляемыми врагомъ — отъ недостатка внутренняго единства, отъ совмѣстничества и зависти разнородныхъ частей Германіи. Александръ, своимъ умомъ, сердцемъ и характеромъ; рѣшилъ эту трудную задачу. Послѣдствіемъ этого было дѣло, едва ли слыханное во Всемирной Исторіи: единогласное дѣйствіе войскъ самыхъ разнородныхъ, торжество коалиціи надъ непріятелемъ сильнымъ, нераздѣльнымъ и самовластнымъ. При этомъ невольно сравнишь неудачу союзныхъ армій Наполеона въ 1812 году противъ устранившейся Россіи, и торжество союзниковъ надъ Франціею, имѣвшею въ этотъ разъ на своей сторонѣ выгоды единства. Великія и славныя происшествія въ этомъ году слѣдовали безпрерывно одно за другимъ. Начало его ознаменовано было вступленіемъ Пруссіи въ союзъ съ Россіею. Шесть лѣтъ тягостнаго, унижительнаго ига возбудили въ благородныхъ Пруссакахъ жажду къ завоеванію своей независимости; неудачи и бѣдствія закаляли духъ народа. Посреди приготовленій къ возобновленію военныхъ дѣйствій, скончался Кутузовъ (16-го Апрѣля): съ того времени и явное распоряженіе военными дѣйствіями пало на самого Императора Александра, который, бывъ всегда руководителемъ и, можно сказать, душою во всѣхъ дѣлахъ, по скромности своей, предоставлялъ другимъ исполненіе и славу.

Наполеонъ, употребивъ неслыханныя усилія, выставилъ къ веснѣ многочисленную армію. Союзныя русскія и прусскія войска, сразившись при Дюденѣ, а потомъ при Бауценѣ, отступили въ Силезію, и тамъ заключено было перемиріе. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ шли переговоры о мирѣ, но обѣ стороны вооружались всѣми средствами, для продолженія войны въ случаѣ неуспѣха переговоровъ. Упрямство и странное ослѣпленіе Наполеона содѣйствовали и въ этомъ случаѣ успѣху союзниковъ: подъ самыми ничтожными предлогами замедлялъ онъ ходъ дѣла, старался о продолженіи перемирія, и, какъ видно было по всему, хотѣлъ не заключить миръ, а только выиграть время. Въ началѣ Августа возобновились военныя дѣйствія, но въ этотъ разъ Россія и Пруссія подкрѣплены были союзомъ Австріи, которая, употребивъ всѣ средства для образумленія ослѣпленнаго властолюбца, рѣшилась присоединиться къ его противникамъ. Войска русскія, прусскія, австрійскія, шведскія тѣснили Наполеона со всѣхъ сторонъ; онъ еще нигдѣ успѣхъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, наприимѣръ при нападении на Дрезденъ, но первенство уже перешло на сторону союзниковъ; сраженія при Кульмѣ, при Капбахѣ, при Гросъ-Беранѣ и Денновицѣ, данныя въ теченіе двухъ недѣль (съ 18 (30) Августа по 6 (18) Сентября), и наконецъ общія битва при Лейпцигѣ, 6 (18) Октября, сокрушили армію Наполеона, и прекратили владычество его въ Германіи. Онъ рѣшился отступать во Францію: дорогу засту-

нили ему бывшіе его союзники, Баварцы, и нанесли ему чувствительную потерю.

Надежда Русскаго Государя, основанная на искреннемъ благочестіи и увѣренности въ правотѣ своего дѣла, сбылась во всей точности: обѣщаніе его было исполнено; Германія и Голландія освободились отъ тягостнаго ига. 24 Октября (5 Ноября) побѣдоносный Александръ вступилъ съ войсками своими во Франкфуртъ на Майнѣ, и тамъ получалъ пріятное его сердцу извѣстіе о прекращеніи войны съ Персією заключеніемъ мира въ Гюльштадтѣ 12 Октября того же 1813 года. Союзныя арміи въ теченіе двухъ лѣтъ сичеѣ отдыхали отъ трудовъ и усилій своихъ. Между тѣмъ вновь предлагавъ былъ Императору Наполеону честный и выгодный миръ: онъ сохранилъ Францію, и только обязанъ былъ отречься отъ прежнихъ завоеваній своихъ за Рейномъ, Альпійскими и Пиренейскими Горами. Онъ не согласился, и въ день Нового 1814 Года союзныя войска перешли чрезъ Рейнъ, и начали третью кампанію этой достопамятной войны. Предъ вступленіемъ союзныхъ армій въ предѣлы враждебной имъ Франціи, Александръ отдалъ своимъ русскимъ воинамъ (въ Фрейбургѣ 25 Декабря) достойный бѣзсмертія въ Исторіи приказъ, слѣдующаго, между прочимъ, содержанія: «Воины! Мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступая въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокуую войну. Мы уже

спасли, прославили отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ Земномъ Шарѣ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительства властію и законами благополучно! Да процвѣтають въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человеколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ: понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. — Воины! я несомнѣнно увѣренъ, что вы, кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской, столько же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ приобрѣтенной уже славы мужественнаго и добродѣтельнаго народа!»

Начинавшаяся тогда кампанія требовала отъ союзниковъ большихъ противу прежняго усилій, трудовъ и подвиговъ. Подвергшійся нападению въ своей имперіи, разпаленный жаждою славы и мести, Наполе-

онъ употребилъ всѣ средства для отраженія своихъ враговъ: и дѣйствительно кампанія 1814 года была самая блистательная изъ всѣхъ, веденныхъ имъ въ новое время, и можетъ быть сравнена только съ его же кампаніею 1796 года, въ Италіи. Но тщетны были всѣ способы генія, всѣ труды и пожертвованія его воиновъ, защищавшихъ родныя пепелища: часть его ударила. Отривнувъ скромныя предложенія союзныхъ Державъ на Шатиліонскомъ Конгрессѣ, онъ вздумалъ перенести позорище войны на Рейнъ, и отрѣзать союзниковъ отъ сообщеній ихъ съ Германіею. Союзники догадались о его замыслахъ, и рѣшились уничтожить ихъ дѣйствіемъ не менѣе смѣлымъ: по мнѣнію, изложенному въ военномъ совѣтѣ Императоромъ Александромъ, они двинулись на Парижъ. По одержаніи надъ Французами блистательной побѣды при Феръ-Шампенуазѣ, Александръ взялъ Парижъ, послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя, и 19 (31) марта, съ союзникомъ своимъ, Королемъ Прусскимъ, ввелъ побѣдоносныя войска въ изумленную столицу Наполеона. 10 Апрѣля, въ день Воскресенія Спасителя, совершенно было умилительное священнодѣйствіе: на Площади Согласія, между Тюльерійскимъ Садамъ и Елизейскими Полями, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за двадцать одинъ годъ до того пала подъ гиліотинною головою несчастнаго Лудовика XVI, принесено было Греко-Россійскимъ Духовенствомъ, въ присутствіи Императора Всероссійскаго, Короля Прусскаго, союзныхъ генераловъ и всѣхъ французскихъ марша-

ловъ; посредѣ колѣнопреклоненнаго войска, благодарственное молебствіе Богу, осынившему благословеніемъ своимъ труды и подвиги, подъятыя на спасеніе и примиреніе человѣчества!

Послѣдствіемъ взятія Парижа было отреченіе Наполеона, возведеніе на французскій престолъ древней династіи Бурбоновъ, и заключеніе всеобщаго мира, съ возвращеніемъ законныхъ правъ тѣмъ государямъ и народамъ, которые лишились ихъ въ теченіе французской революціи и владычества Наполеонова.

Императоръ Александръ, возвращаясь изъ Франціи, посетилъ вѣрнаго своего союзника, Принца Регента Великобританскаго (въ послѣдствіи Георгій IV), всѣми силами содѣйствовавшаго успѣхамъ союза, и въ Іюль мѣсяцъ возвратился въ С. Петербургъ, послѣ осьмнадцати-мѣсячнаго отсутствія. Радости, восторга, изступленія Россіи, при событіяхъ того времени, не опишетъ ни какое перо! Важнѣйшія государственныя сословія, Синодъ, Совѣтъ и Сенатъ, положили единодушно просить Государя о принятіи имени Благословеннаго, и о дозволеніи воздвигнуть ему приличный монументъ. Александръ далъ на эту просьбу рѣшительный отказъ, и воспретилъ всякое торжество по случаю возвращенія его въ отечество. Тѣмъ не менѣе усладительны и искренни были изліянія народной къ нему любви и благодарности:

Въ концѣ 1814 года Императоръ отправился на конгрессъ Монарховъ въ Вѣну, для окончательнаго рѣшенія судьбы Европы, для вознагражденія всѣхъ

пострадавшихъ отъ властолюбія Наполеонова, и для упроченія мира и спокойствія навсегда. И здѣсь, какъ вездѣ, былъ онъ душою всѣхъ дѣйствій, и здѣсь, какъ вездѣ, своимъ умомъ, кротостью, вѣжливостью, умѣлъ примирять, согласовать и направлять къ одной цѣли самыя противоположныя желанія и замыслы другихъ; и здѣсь, какъ вездѣ, въ смиреніи своемъ, уступалъ другимъ наружное первенство, и дѣйствительно, какъ душа въ тѣлѣ, былъ видѣнъ только своими добрыми и благородными дѣлами.

Многочисленные и разнообразныя дѣла, подлежащія разсмотрѣнію Вѣнскаго Конгресса, занимали его нѣсколько мѣсяцевъ. Внезапно получена была вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы: онъ оставилъ Порто-Ферраіо 24 Февраля (6 Марта), и 1 (13) Марта вышелъ на берегъ во Франціи, при Каннѣ. Тѣ самые Французы, отъ которыхъ онъ за годъ предъ тѣмъ скрывался въ прусскомъ мундирномъ сюртукѣ и въ австрійской шляпѣ, приняли его съ восторгомъ. Встрѣчавшіяся съ нимъ войска, и тѣ самыя, которыя были высланы для того, чтобъ схватить его, перешли на его сторону. Всѣ принятыя королевскимъ правительствомъ мѣры были напрасны, и 8 (20) Марта онъ прибылъ въ Парижъ; откуда наканунѣ удалился Король Людовикъ XVIII съ своею фамиліею и Дворомъ. Лишь только въ Вѣнѣ узнали о высадкѣ Наполеона во Франціи, восемь союзныхъ державъ (Россія, Австрія, Англія, Пруссія, Франція, Испанія, Португалія и Швеція) обнародовали декларацію, коею объ-

являли, что Наполеонъ Бонапарте, нарушивъ условіи, по которымъ получилъ во владѣніе островъ Эльбу, «исключилъ себя изъ числа людей, охраняемыхъ шимъ гражданскихъ и политическихъ установленій; что онъ, какъ открытый врагъ и возмутитель всемірнаго спокойствія, предается праведной мести общество.»

Сверхъ того обнародованъ былъ протоколъ засѣданія конгресса 30 Апрѣля (12 Мая), конимъ участвовавшія въ немъ державы объявляли войну Наполеону. Наконецъ, 27 Мая (8 Іюня), подписанъ былъ актъ Вѣнскаго Конгресса, которымъ спокойствіе, безопасность и самостоятельность Европы утверждались на прочныхъ основаніяхъ, уничтожался торгъ неграми, постановлялись правила судоходства по рѣкамъ, и опредѣлялись степени и права агентовъ дипломатическихъ.

По сему акту присоединено было къ Россіи Герцогство Варшавское, подъ наименованіемъ Царства Польскаго. — Союзники, довершивъ такимъ образомъ предпринятое ими дѣло мира, обратились къ прекращенію непрерывныхъ дотолѣ войнъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Россія, на основаніи заключеннаго ею съ прочими державами трактата, отправила къ берегамъ Рейна, подъ командою Графа Барклая де-Толли, армію въ 168 т.; но она не успѣла сразиться съ общимъ врагомъ. Соединенныя англійскія и прусскія войска одержали (6 (18) Іюня) при Ватерлоо рѣшительную побѣду надъ арміею Наполеона Бонапарте: армія разсѣялась, а самъ онъ поспѣвшимъ въ Парижъ, въ надеждѣ получить новыя пособія, но

принужденъ былъ вторично отказаться отъ престола, и послѣ тщетныхъ усилій пробраться въ Америку, сдался Англичанамъ, которые, въ слѣдствіе заключенной ими съ союзными дворами конвенціи, отправили его въ заточеніе, на пустынный островъ Св. Елены.

Императоръ Александръ, не успѣвшій, по отдаленности мѣстъ, изъ которыхъ должны были прійти русскія войска, принять участіе въ дѣйствіяхъ военныхъ, былъ за то главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ святомъ дѣлѣ примиренія. Ему, ему одному обязанъ Парижъ сохраненіемъ своихъ памятниковъ: послѣ бѣгства и плѣненія Наполеона, по отступленіи арміи французской, когда отчаяніе, страданіе оскорбленной чести и жажда мщенія волновали жителей Парижа и всей Франціи, когда первыя вступившія въ Парижъ, союзныя войска, движимыя неотвратимымъ чувствомъ ненависти къ своимъ давнишнимъ притѣснителямъ, хотѣли воспользоваться побѣдою, и поднять на воздухъ монументы славы своего врага, Александръ, взявъ моленію побѣжденныхъ, явился среди ихъ какъ ангелъ мира и утѣшенія, и единымъ словомъ своимъ, свято чтимымъ въ рядахъ воиновъ всей Европы, остановилъ совершеніе праведной, но жестокой мести, и тѣмъ прекратилъ недоумѣніе, ужасъ и отчаяніе вторично покоренной столицы. — Миръ съ Франціею возстановленъ былъ трактатомъ 8 (20) Ноября, и сверхъ того положено было, какъ для облегченія уматы, возложенной на Францію контрибуціи, такъ

и для подворенія въ ней спомощей, занять союзными войсками нѣкоторыя ея провинціи. Въ тотъ же день между Россією, Австрією, Англією и Пруссією заключенъ былъ трактатъ о подтвержденіи прежнихъ условій, и о наблюденіи спокойствія во Франціи искорененіемъ всякихъ началъ революціи. Всѣ эти условія, акты, трактаты довершены и, можно сказать, освящены были заключеніемъ, по мысли и желанію Императора Александра, между нимъ, Императоромъ Австрійскимъ и Королемъ Прусскимъ, Братскаго и Христіанскаго Союза. Актомъ этого союза Монархи обязывались руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣлахъ заповѣдями христіанской вѣры, приносить другъ другу услуги, почитать всѣхъ себя, какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поставленными отъ Провидѣнія для управленія тремя отраслями одного семейства, и наконецъ изъявляли готовность принимать въ этотъ союзъ всѣ державы, желающія торжественно принять изложенныя въ актѣ союза правила. Въ послѣдствіе времени всѣ державы Европы приступили къ этому союзу, кромѣ Великобританіи. Король Англіійскій, признавая и уважая изложенныя въ актѣ правила, не могъ подписать его формально, по той причинѣ, что, на основаніи законовъ англійскихъ, всякій актъ, подписанный Королемъ, долженъ быть контрасигнированъ отвѣтственнымъ министромъ.

Императоръ Александръ, сдѣлавъ предъ союзными монархами и ихъ представителями смотръ вступившимъ во Францію войскамъ своимъ на равнинахъ

Шампани, бывшихъ уже за 14 вѣковъ до того поощреніемъ пораженія одного грознаго завоевателя, вернулись въ С. Петербургъ въ концѣ 1815 года.

Съ 1816 года до конца жизни Императора, Россія наслаждалась миромъ. Всѣ дѣйствія русской дипломатіи съ того времени клонились къ одной цѣли: къ сохраненію, поддержанію и упроченію мирныхъ отношеній между Державами Европы, и къ уничтоженію зловерднхъ революціонныхъ замысловъ, поволабавшихъ смущеніе и благоденствіе нѣкоторыхъ странъ ея. Для эти рѣшены были личными свиданіями Монарховъ Европы на конгрессахъ, изъ которыхъ важнѣйшіе были слѣдующіе: Ахенскій, въ Октябрѣ и Ноябрь 1818 года, которымъ рѣшено было вывести союзныя войска изъ Франціи; Троицкаускій, въ Октябрѣ до Декабря 1820 года, переведенный потомъ, для рѣшенія дѣлъ Италіи, въ Лейбахъ (въ слѣдствіе этого конгресса союзныя Монархи рѣшили, занятіемъ Неаполя, Сициліи и Ціементы, прекратить возникшее въ этихъ странахъ безначаліе), и наконецъ Веронскій, продолжавшійся съ Октябра до Декабря 1822 года. Этими конгрессами возложено было на Францію, объявить войну Испаніи, возстановить въ ней прежнее законное правленіе.

Исполненіемъ выше возложенныи и политическимъ помыслимъ, Россія, въ царствованіе Императора Александра, приобрѣла значительное приращеніе землями. При вступленіи его на престолъ, Россія заключала въ себѣ пространство въ 349,472 квадратныя геогра-

фическія мѣли. Пріобрѣтеніемъ Финляндіи, Аландскихъ Острововъ, части Лапландіи (4,977 кв. м.), Бессарабіи и части Молдавіи (1,129 кв. м.), Царства Польскаго (2,292 кв. м.), земель, уступленныхъ Персіею (2,356 кв. м.), утвержденіемъ за Россіею Земли Черкесской (1,553 кв. м.), распространена она на 362,890 географическихъ мѣль.

Подвиги Александра въ дѣлахъ внутренняго, гражданскаго управленія были не менѣе многочисленны, разнообразны, велики и благотворительны. Нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, которая не была бы преобразована, исправлена, дополнена въ его царствованіе; многія части созданы имъ совершенно. Въ самомъ началѣ своего царствованія подтвердилъ онъ уничтоженіе Тайной Канцеляріи; возвратилъ свободу, честь и имущество многимъ невинно пострадавшимъ; возстановилъ права духовенства, дворянства и всѣхъ прочихъ сословій; учредилъ министерства для управленія дѣлами государственными, возобновилъ и распространилъ права Сената; въ послѣдствіи учредилъ Государственный Совѣтъ; привелъ въ лучшее устройство управленіе провинціальное; прилагалъ попеченіе объ изданіи уложенія законовъ; старался о водвореніи повсюду порядка, правосудія, благоустройства, о прекращеніи лихоимства и злоупотребленій. Человѣколюбивый Монархъ отмѣнилъ наказанія нещадныя и жестокую казнь вырыванія поздравей. Мы уже упоминали о преобразованіи имъ военной части: всѣ отрасли ея были приведены въ общую

стройную систему; части артиллерійская и инженерная получили совершенно новый видъ. Военная часть преобразована была не только по наружности: кротость и великодушіе Александра измѣнили нравственность арміи и образъ веденія войны. Примѣромъ своимъ, наставленіями и строгимъ наблюденіемъ дисциплины, вселилъ онъ въ воиновъ своихъ, храбрыхъ на полѣ брани, снисходительность и состраданіе къ побѣжденнымъ, уваженіе къ безоружнымъ и мирнымъ гражданамъ. Въ войнахъ, веденныхъ въ его царствованіе, не было примѣровъ истребленія мирныхъ жителей и безоружныхъ плѣнныхъ послѣ кровопролитнаго штурма; напротивъ того, русскія войска къ славѣ мужества и неустранимости своей присоединили славу не менѣе блистательную — воиновъ-христіанъ, чловѣколюбивыхъ и великодушныхъ. Это свидѣтельство дано имъ всею Европою, и друзьями и врагами. — Управление Путей Сообщенія создано вновь, и возвысилось на отличную степень совершенства. — Финансы Имперіи, посреди продолжительныхъ войнъ, достигли неслыханнаго дотола развитія. Земледѣіе, ремесла, фабрики, мануфактуры, торговля внѣшняя и внутренняя вознеслись на высокую степенъ. Внутреннее спокойствіе государства обезпечено составленіемъ Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Но блистательнѣйшій алмазъ въ нетлѣнномъ вѣницѣ царствованія Императора Александра, есть ревностное и великодушное попеченіе его о просвѣщеніи своей неизмѣримой Имперіи. Въ самомъ началѣ царствованія

своего учредилъ онъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, преобразоваль, распространяль, обогатилъ существовавшіе до него университеты, основаль три новыя (Санктпетербургскій, Казанскій и Харьковскій), раздѣляль всю Россію на учебныя округа, и въ каждомъ изъ нихъ учредилъ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. . Сверхъ того учреждены въ его царствованіе: Царскосельскій Лицей, Институтъ Корпуса Путей Сообщенія, Училища Инженерное, Артиллерійское и Кораблестроительное, Школа Гвардейскихъ Подпоручиковъ, военныя училища въ Тулѣ и Тамбовѣ, институты и кафедры восточныхъ языковъ, и проч. Академіи Наукъ, Художествъ, Россійская, Медико-Хирургическая, и вообще всѣ ученныя и учебныя заведенія были при немъ преобразованы и усовершенствованы. Институты для воспитанія женскаго пола процвѣтали подъ благодѣтельнымъ покровомъ Августѣйшихъ Императрицъ, Маріи Феодоровны и Елисаветы Алексѣевны. — При Императорѣ Александрѣ, Русскіе не довольствовались заимствованіемъ познаній и опытовъ у иностранцевъ: они и сами расширили область наукъ. Въ 1803 — 1806 годахъ совершено первое путешествіе Русскихъ во кругъ свѣта, подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго, на корабляхъ Надеждѣ и Невѣ. Потомъ совершены еще нѣсколько другихъ Головиннымъ, Беллингсгаузеномъ, Васильевымъ, Коцебу, и проч., значительно обогатившими свѣдѣнія о земномъ шарѣ. Открыта Новая Сибирь, обозрѣна Новая Земля, и

ми. др. — Благородные подвиги на пользу просвѣщенія увѣнчаны были вожделѣннымъ успѣхомъ, и принесли отечеству неоцѣненные плоды. Возникли, образовались, прославились отличные таланты: Карамзинъ написалъ Исторію Россійскаго Государства; Дмитріевъ, Озеровъ, Крыловъ, Жуковский, Батюшковъ, Пушкинъ воскресили русскую поэзію; Мартосъ, Графъ Толстой, Егоровъ, Шебуевъ, Варникъ, Воробьевъ, Кипренскій, Уткинъ, Захаровъ, Воронихинъ, Стасовъ прославились произведеніями художественными. Размножилось число издаваемыхъ въ Россіи книгъ; распространилась любовь къ чтенію и къ благороднымъ занятіямъ науками и искусствами.

Александръ, великій и мудрый между государями, былъ и человѣкъ необыкновенный: прекрасная его наружность, благородная осанка, величественный взглядъ являли душу возвышенную. Основаніемъ его чувствованій, помысловъ и дѣяній было благочестіе самое чистое и искреннее, а слѣдствіемъ этого освященія души его огнемъ небеснымъ — были твердость въ бѣдствіяхъ, смиреніе въ счастіи, кротость къ побѣжденнымъ, снисхожденіе къ преступнымъ, любовь къ правосудію, порядку, тишинѣ и благоустройству. Онъ былъ врагъ всякой пышности, всякихъ торжественныхъ встрѣчъ, похвальныхъ словъ и льстивыхъ выраженій. Каждого человѣка считалъ своимъ ближнимъ, котораго, по заповѣди Божіей, обязанъ былъ любить, какъ самого себя: онъ, одинъ изъ всѣхъ государей земныхъ, получилъ, какъ человѣкъ, на-

граду за спасеніе чловѣка. Это было въ 1807 году, на пути въ Бѣлоруссію: Государь, увидѣвъ лежащаго на дорогѣ въ безпамятствѣ крестьянина, съ неимоверными усиліями возвратилъ его къ жизни. Англійское Общество Человѣколюбія поднесло ему, въ ознаменованіе этого подвига, золотую медаль. Въ Декабрѣ 1812 года, прибывъ въ Вильно къ побѣдоносной своей арміи, онъ отправился не въ торжественное собраніе, не на великолѣпное, уготованное ему шествіе, а въ госпитали, гдѣ томились больные и раненые непріатели, ободралъ, утѣшилъ, оживилъ несчастныхъ словами любви и милости, и извлекъ слезы благодарности изъ глазъ закоснѣлыхъ враговъ своихъ. Въ войнѣ 1813 и 1814 года являлся онъ всюду ангеломъ мира и спасенія: мы упоминали уже о великодушномъ его посредничествѣ для охраненія столицы народа, который за полтора года до того былъ виновникомъ разрушенія первопрестольнаго города Россіи. — За годъ до его кончины, мы, жители Петербурга, видѣли нашего незабвеннаго Государя геніемъ-хранителемъ нашимъ, посреди бѣдствій, причиненныхъ грознымъ явленіемъ природы. И эта благость душевная проявлялась во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ жизни его необыкновенною кротостью, вѣжливостью и предупредительностію. Обращеніе его было самое пріятное и привлекательное. Люди, предубѣжденные противъ него, послѣ самой короткой съ нимъ бесѣды становились его друзьями и поборниками. Ничто не могло противиться очарованію его обворожительной улыбки.

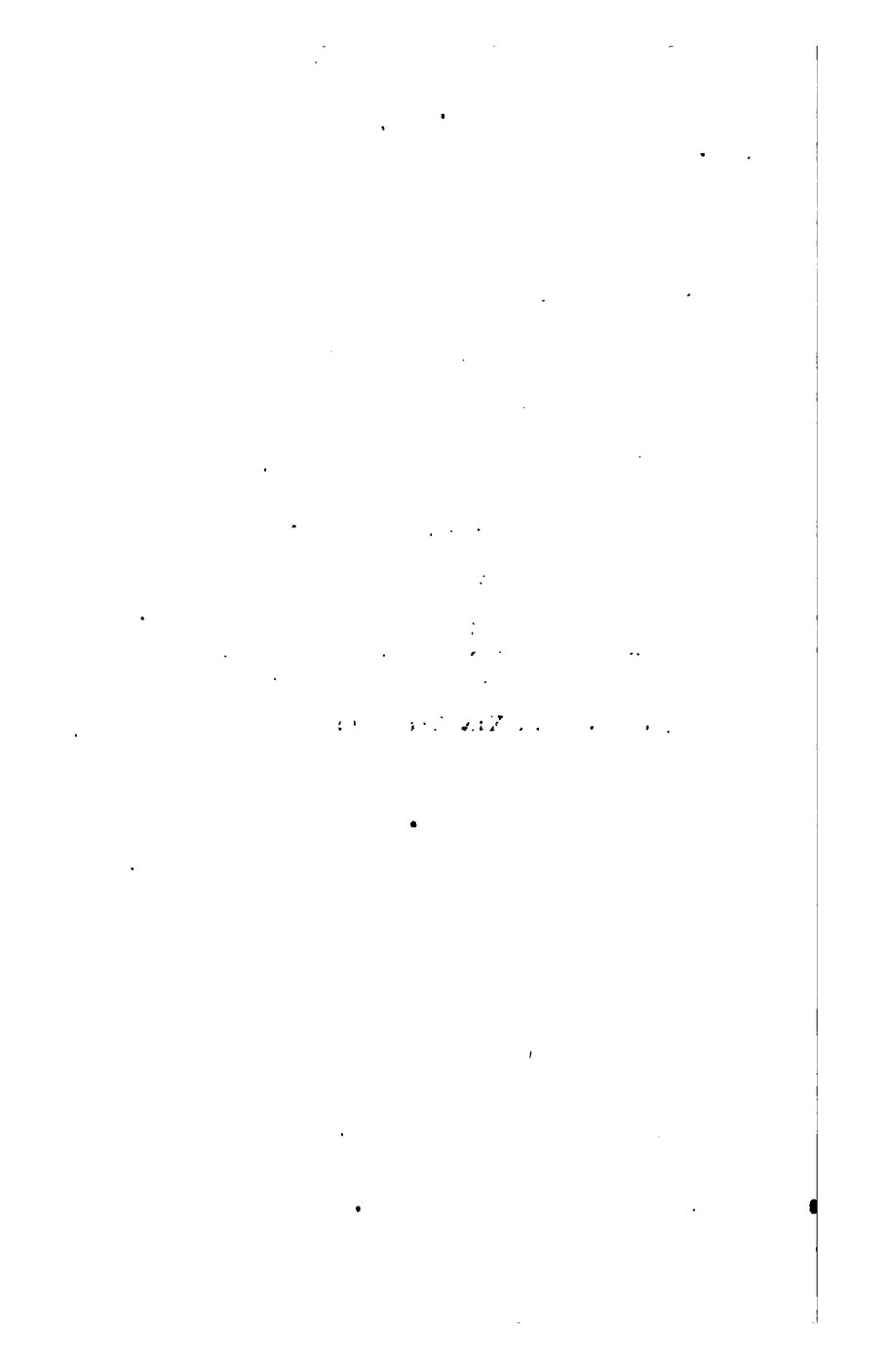
Въ 1825 году, отправился онъ на югъ Россіи, для сопровожденія туда своей супруги, искавшей исцѣленія въ полуденномъ климатѣ. Онъ оставилъ Петербургъ 1 Сентября, совершивъ съ благоговѣніемъ молебствіе въ соборѣ Александроневской Лавры. Какое-то горестное предчувствіе томило его душу. Выѣхавъ изъ города, онъ нѣсколько разъ въ тяжкомъ раздумѣ оглядывался на любезную свою столицу. По прибытіи въ Таганрогъ, онъ встрѣтилъ тамъ Государыню, и сдѣлавъ всѣ приготовленія къ удобству и спокойствію больной, отправился въ Крымъ; осмотрѣвъ нѣкоторыя мѣста этой живописной страны, и посѣтивъ Севастополь, возвратился въ Таганрогъ 5 Ноября съ разстроеннымъ здоровьемъ. Болѣзнь его, причиненная простудою въ дорогѣ, со дня на день усиливалась опасно, и чрезъ двѣ недѣли, 19 Ноября, въ 10 часовъ и 50 минутъ до полудня, Александра не стало. Кончина его была тиха, какъ отшествіе на покой по тяжкихъ трудахъ жизни. Послѣдній взоръ его обратился къ свѣтлому небу, потомъ встрѣтился съ взглядомъ добродѣтельной супруги, — и глаза его закрылись навѣки.

Провидѣнію угодно было положить конецъ днямъ его въ полуденномъ краю Россіи, далеко отъ мѣста уноженія Царей Русскихъ, какъ бы для того, чтобъ Россія, при плачевномъ перенесеніи останковъ его, могла выразить надъ хладнымъ его прахомъ чувствованія, которыми была преисполнена къ великому и добродѣтельному своему Императору. Шестіе тѣла

Государева, отъ Таганрога до С. Петербурга, было величественнѣйшимъ торжествомъ для усопшаго, принимавшаго за гробомъ дань благоговѣнія, отъ которой смиреніе его отказывалось въ жизни. Смертные останки его преданы землѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ 13 Марта 1826 года, ровно черезъ двадцать пять лѣтъ по принятіи имъ престола.

Истекаетъ десятый годъ со времени его кончины. Россія наслаждается всѣми благами земными, счастьемъ, довольствомъ, славой, любить и благословляетъ Государя своего; но священное воспоминаніе объ Александрѣ все еще извлекаетъ искреннія слезы изъ очей его вѣрныхъ подданныхъ, вѣрныхъ его незабвенной памяти и за предѣлами могилы.

ВЗГЛЯДЪ
НА
ИСТОРИЮ РУССКАГО ТЕАТРА
ДО НАЧАЛА XIX СТОЛѢТІЯ.

ВЗГЛЯДЪ
НА
ИСТОРИЮ РУССКАГО ТЕАТРА
ДО НАЧАЛА XIX СТОЛѢТІЯ.

Вознамерившись представить читателямъ нашимъ обзоръ исторіи отечественнаго театра, не имѣемъ надобности углубляться въ изысканія съдой старины. Драматическое искусство въ Россіи есть цвѣтокъ временъ новѣйшихъ, недавно пересаженный изъ со-
сѣдственныхъ странъ, и взлелѣянный не народомъ, а благотворными лучами свѣтлаго царскаго престола. Россіяне древнихъ и среднихъ временъ не знали театральныхъ представленій. Въ числѣ искусствъ, вывезенныхъ изъ Греціи, не находимъ драматическаго; оно и въ Византіи было въ упадкѣ: правильныя трагедіи и комедіи замѣнены были плясками; народъ и

вельможи забавлялись на ипподромѣ, забывъ Эсхилова и Аристофанова. Притомъ же Россіяне того вѣка, воинственные и необразованные, не могли бы находить удовольствія въ этихъ чуждыхъ для нихъ забавахъ. Если бъ Россія не утратила своего имуществва, если бъ не была отторгнута варварами отъ Греціи, колыбели наукъ и художествъ, если бъ не подпала подъ желѣзное иго Батыевъ, то, можетъ быть, въ ней возникли бы изящныя искусства ранѣе нежели въ западной Европѣ; можетъ быть, она сдѣлалась бы не ученицею, а учительницею странъ сосѣдственныхъ. Но судьбою назначено ей было блистать и благоденствовать не въ средніе вѣки....

Вспомогательныя части искусства драматическаго процвѣтали у насъ искони: Славяне въ глубокой еще древности любили музыку и пляску. Народныя пѣсни наши восходятъ къ временамъ Владиміра, но, вѣроятно, сочинены позже: Россіяне, томясь подъ игомъ Татаръ, услаждали горестъ свою воспоминаніями о дняхъ славы и величія. Мало по малу Россія пробуждалась отъ двухъ-вѣковаго усыпленія; но, освободясь изъ оковъ, нашла уже не тотъ міръ, который существовалъ дотогѣ. Греческая Имперія пала. Науки и искусства скрылись на Западъ. Россіяне невольно привлекаемы были силою просвѣщенія и гражданственности къ сосѣдямъ своимъ, Полякамъ. Мы заимствовали у Литвы и Польши устройство учебныхъ заведеній, мѣру языка стихотворнаго и начала театра. Польша, стоявшая въ XVI столѣтіи на ряду со всѣми просвѣ-

ценными державами по части математических наук, красноречіи и поэзіи, не обращала вниманія на возвышеніе драматическаго искусства. Въ XVII вѣкѣ власть іезуитовъ возымѣла пагубное вліяніе на всѣ отрасли просвѣщенія, и Польша, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за общими успѣхами въ наукахъ, отстала отъ прочихъ западныхъ государствъ. Англія имѣла Шекспира, Франція Корнеля: у насъ представляемы были въ Кіевѣ священныя драмы, или, лучше сказать, разговоры на польскомъ языкѣ, студентами тамошней академіи. Нѣкоторые ученые архипастыри того времени, желая обратить это увеселеніе въ пользу нравовъ и словесности, начали сочинять поэмы для школьныхъ представленій на языкѣ славянскомъ, заимствуя предметы изъ Священной Исторіи и Дѣяній Святыхъ, какъ было во всей западной Европѣ въ младенчествѣ драматическаго искусства. Св. Димитрій въ молодости своей написалъ (силлабическими стихами) нѣсколько духовныхъ драмъ: *Рождество Христово, Грѣшникъ кающійся, Эсфирь и Атасферъ, Воскресеніе Христово*, и проч. Въ послѣдствіи драмы эти были представляемы у него въ Ростовѣ. Феоданъ Прокоповичъ сочинилъ также нѣсколько подобныхъ піесъ, гораздо свободнѣе и замысловатѣе, нежели его предшественники. Между тѣмъ студенты кіевскіе не довольствовались представленіями въ стѣнахъ своей академіи: во время вакацій и о святкахъ ходили они по Украинѣ съ вертепами (подвижными кукольными театрами), и притомъ играли

разныя сцены, отчасти духовнаго, отчасти же свѣтскаго и комическаго содержанія. Обыкновеніе это продолжалось въ тѣхъ странахъ и по введеніи въ Россіи правильнаго драматическаго искусства. У нихъ переняты эти забавы крестьянами *); но происхожденіе представленій этого рода сохранилось въ наименованіи ихъ *польскими жартами* (шутками).

Вскорѣ подобныя игрища завелись и въ Москвѣ. При Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, бояре московскіе заставляли своихъ служителей и служительницъ представлять разныя сцены, большею частію комическія, сочиняемыя самими актерами, во время игры. Иногда бывали подобныя увеселенія и при Дворѣ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, любившій изящныя искусства, и непренятствовавшій введенію иноземныхъ обычаевъ, забавлялся о святкахъ, на масляницѣ и въ послѣдніе дни Свѣтлой Недѣли театральными играми. Сначала даваемы были эти игрища у царскаго тестя, боярина Ильи Данидовича Милославскаго, и домъ его получилъ отъ того названіе *По-*

*) Замѣчательны маски, употребляемыя малороссійскими и литовскими поселянами о святкахъ. Маски эти дѣлаются изъ бересты, волосы изъ льну, носъ изъ бураковъ, а зубы изъ перьевъ. Для произведенія ужаса въ зрителяхъ, актеры иногда берутъ въ зубы раскаленный уголь. Обыкновенныя дѣйствующія лица на такихъ зрѣлищахъ суть жидъ, цыганъ, управитель, которые стараются обмануть простодушнаго поселянина, и русскій солдатъ, защищающій его.

тѣмънаго. — По кончинѣ Царицы Маріи Ильиничны, увеселенія эти переведены были въ Село Преображенское, и поступили въ вѣдомство Посольскаго Приказа, которымъ тогда завѣдывалъ знаменитый бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Изъ Германіи вызваны были комедіанты, музыканты и танцовщики: знаменитѣе прочихъ была въ числѣ ихъ копенгагенская актриса Анна Паульсонъ. Русскій народъ перемичивъ: вскорѣ и дворовые люди боярина Матвѣева, научась у иностранцевъ, стали участвовать въ ихъ представленіяхъ. Въ Разрядныхъ Запискахъ 1679 года упоминается о тогдашнихъ театральныхъ представленіяхъ слѣдующими словами: «Была комедія въ Преображенскомъ. Тѣшили великаго Государя иностранцы, какъ Алаферна царица, царю голову отсѣкла (т. е. Юдию царю Олоферну) и на органахъ играли Нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. — Того жъ года другая комедія тамъ же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли и на фіолахъ и въ струменты и танцовали. Въ третіе тамъ же тѣшили великаго Государя на заговѣнъ, Нѣмцы и люди Артемона Сергѣевича на органахъ и на фіолахъ и на струментахъ, и всякими потѣхами¹разными.» — Представляемы были и аллегорическіе балеты: въ одномъ изъ нихъ появился Орфей, пропѣлъ похвальную пѣснь Царю, и протанцовалъ между двумя движущимися пирамидами.

При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, любителѣ поэзіи и музыки, появились въ Москвѣ первыя славяно-

русскія драмы, сочиненныя отчасти въ Кіевѣ, а отчасти уже въ Москвѣ. Первымъ пѣтою того времени слылъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій *), а актерами были студенты новоучрежденной въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи.

Царевна Софія Алексѣевна, презрѣвъ старинный, азійскій обычай, коимъ женскій полъ осужденъ былъ на вѣчное затворничество, завела у себя комнатный театръ, и сама играла на немъ съ благородными дѣвицами и знатными царедворцами. Извѣстно, что на этомъ театрѣ представлена была первая въ Россіи не духовная комедія: *Врачъ противу воли*, изъ Мольера. Царевна сама сочинила одну драму, которая, какъ говорятъ читавшіе ее, свидѣтельствуешь о необыкновенномъ ея умѣ и пылкомъ воображеніи, но воображеніе это, къ сожалѣнію, не было управляемо очищеннымъ вкусомъ.

Въ концѣ XVII столѣтія началось преобразованіе Россіи. Великій Петръ, употреблявшій всѣ средства для сближенія своихъ подданныхъ съ прочими Европейцами, покровительствовалъ и учрежденію театра, но самъ не слишкомъ жаловалъ увеселенія сего рода, и это не удивительно: въ Германіи и Голландіи, которыя доставляли ему средства къ просвѣщенію русскаго народа, драматическое искусство было во младенче-

*) Драмы Полоцкаго хранятся понынѣ въ библіотекѣ Святѣйшаго Синода; двѣ изъ нихъ (*О Блудномъ сынѣ* и *О Царѣ Навуходоносорѣ*) напечатаны въ VIII томѣ Древней Россійской Вилліоеники.

ствѣ, и ограничивалось нелѣпыми и не всегда благопристойными фарсами. Притомъ же театръ принадлежить къ росноши просвѣщенія, а Петръ преимущественно смотрѣлъ на предметы полезные и необходимые. Изъ всенародныхъ увеселеній любилъ онъ большіе и великолѣпные маскарады: они доставляли болѣе пищи уму и воображенію, представленіемъ различныхъ народовъ, ихъ характеровъ, обычаевъ и т. п. Впрочемъ, доказательствомъ уваженія его къ актерамъ съ истиннымъ талантомъ можетъ послужить то, что онъ, въ бытность свою въ Парижѣ, часто посѣщалъ театры, и подарилъ золотую шпагу знаменитому актеру Барону.

Въ 1701 году выписано было изъ Данцига общество нѣмецкихъ актеровъ, состоявшее изъ десяти чело-вѣкъ, подъ начальствомъ Ягана Куншта. Для нихъ построили въ Москвѣ, въ Китаѣ Городѣ, на Красной Площади, деревянную комедіальную *сценику*, длиною въ 20, шириною въ 12, вышиною въ 6 сажень. Кунштъ былъ не только актеръ, но и авторъ: онъ сочинилъ приличный прологъ на случай торжественнаго вшествія Государева въ Москву послѣ знаменитыхъ побѣдъ надъ Шведами: — Въсѣмъ извѣстно, какъ онъ поднималъ 1 Апрѣля надъ московскою публикою. Пригласивъ на невиданное дотоѣ представленіе, онъ выставилъ поподняти завѣсы прозрачную картину, на которой написано было: *Первое Апрѣля*. Самъ Государь былъ обманутъ вмѣстѣ съ прочими, однако жъ не прогнѣвался, и только сказалъ; улыбаясь:

есть вольность комедіитовъ! — Куншту отданы были въ обученіе двѣнадцать мальчиковъ изъ дѣтей подьячихъ и посадскихъ. Представленія даваемы были дважды въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четверткамъ. Въ эти дни не запирали воротъ въ Кремль, Китаѣ и Бѣломъ Городѣ до девятого часу вечера, для свободного проѣзда въ театръ.

Въ 1705 году заступилъ мѣсто Куншта другой комедіантъ, Отто Фирштъ. Труппа его представляла нѣмецкія комедіи и оперы, а выученные Кунштомъ русскіе актеры играли переводы этихъ піесъ, и нѣкоторые, сочиненныя на русскомъ языкѣ. Въ литературномъ отношеніи эти піесы не заслуживали вниманія: онѣ были написаны въ подражаніе нѣмецкимъ драмамъ того времени, и притомъ варварскимъ языкомъ, составленнымъ изъ славянскаго, русскаго, польскаго и нѣмецкаго. Для образца предлагаемъ оглавленіе нѣкоторыхъ тогдашнихъ драматическихъ сочиненій.

*«Описаніе комедіамъ, что какихъ есть въ Посольскомъ Приказѣ Мая по 30—е число 1709 года. 1. О Франталпѣ, Королѣ Эпирскомъ, и о Мирандонѣ, сынѣ его, и о прочихъ. 2. О честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона арцухъ (герцогъ) Фридрихъ фонъ Поппей. 3. Донъ Педро, почитанной шляхта, и Амариллисъ, дочь его. 4. Прельщенный любящій. 5. Тюрьмой заключенникъ или принцъ Пикель-Гарингъ *).*

*) Эта піеса, вѣроятно, переведена была съ голландскаго. Jan Pikelharing называется, въ голландскихъ на-

6. О крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, Царь Македонскій. 7. Сципій Африканскій, погубленіе Королевы Софонизбы. 8. О Графинѣ Триерской Геновевѣ. 9. Два завоеванные города, въ ней же первая персона Юлій Цесарь. 10. Постоянный Папиньянусъ. 11. Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитерь. 12. О Баязетѣ и Тамерланѣ. 13. Докторъ принужденный.»

Нѣкоторыя драмы состояли изъ 8, 10 и 12-ти дѣйствій, и представлялись иногда въ продолженіе трехъ вечеровъ сряду. Между актами комическихъ и даже трагическихъ піесъ выбѣгалъ на сцену шутъ, и забавлялъ зрителей площадными остротами, которыя иногда оканчивались дракою между актерами, къ крайнему удовольствію тогдашней публики.

По перенесеніи столицы и важнѣйшихъ государственныхъ мѣстъ въ С. Петербургъ, переведенъ былъ туда и театръ. Онъ устроенъ былъ, попеченіемъ Царевны Наталіи Алексѣевны, сестры Петра Великаго, въ особомъ деревянномъ домѣ. Первая игранная на немъ піеса была трагедія, въ коей представлены были нѣкоторыя сцены, заимствованныя изъ мятежей недавно потушенныхъ правительствомъ; но и это зрѣ-

родныхъ фарсахъ, шутъ, или арлекинъ. Должно замѣтить, что лице шута у многихъ народовъ именуется *Иваномъ*, съ прибавленіемъ прозвища, заимствованнаго отъ любимого блюда того народа, какъ то: у Нѣмцевъ *Hanns-Wurst*, у Французовъ *Jean Potage*, у Англичанъ *John Pudding*, у Италіянцевъ *Giovanni Macaroni*.

лище не обошлось безъ арлекина. Акторовъ было десять, а музыкантовъ шестнадцать человекъ; въ числѣ ихъ не было уже ни одного иностранца.

Съ той поры не находимъ свѣдѣній о театральныхъ представленіяхъ въ Россіи до времени Императрицы Анны Іоанновны. Только извѣстно, что воспитанники нѣкоторыхъ училищъ духовныхъ, медицинскихъ и военныхъ заводи́ли игрища, и забавляли въ праздничные дни жадную къ увеселеніямъ публику. Профессоръ Штелинь пишетъ, что онъ видѣлъ на масляницѣ комедію, игранную придворными конюшенными служителями въ С. Петербургѣ. Сцена помѣщалась на чердакѣ недостроеннаго дома, завѣшанномъ отъ непогоды рогожами. Висѣвшій въ слуховомъ окнѣ фонарь показывалъ зрителямъ, куда имъ надлежало взбираться. Оркестръ состоялъ изъ двухъ сильныхъ рожковъ. За входъ платили по копѣйкѣ и по грошу.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Первой, господствовала при Дворѣ простота временъ Петровыхъ. Петръ Второй любилъ преимущественно звѣриную ловлю, и не помышлялъ о другихъ увеселеніяхъ.

Въ 1730 году вступила на російскій престолъ Императрица Анна Іоанновна, и съ того времени увеличилась пышность и великолѣпіе Двора С. Петербургскаго. Въ 1730 году выписана была изъ Дрездена труппа италіянскихъ актеровъ, для представленія интермедій. Въ числѣ ихъ находились актриса Казанова, мать извѣстнаго путешественника, и знаменитый въ то

время бутфонъ Педрилло. Въ 1738 году заведена была большая италіянская опера. — Съ 1738 до 1740 года были въ С. Петербургѣ нѣмецкіе актеры, вызванные изъ Лейпцига. Императрица не обращала вниманія на большую оперу; она любила преимущѣннѣе забавные и смѣшныя фарсы. Въ 1740 году вызвано было въ Санктпетербургъ общество французскихъ актеровъ изъ Касселя, подъ дирекцію Сериньи, который, за 25,000 рублей въ годъ, обязался представлять еженедѣльно комедіи и трагедіи. Сперва театръ былъ устроенъ въ Зимнемъ Дворцѣ: всякій порядочно одѣтый человекъ могъ входить туда безъ платы; мѣста распределяемы были по чинамъ зрителей *).

*) Въ послѣдствіи передѣлывали, для помѣщенія театровъ, манежи; сперва въ домѣ Герцога Курляндскаго, потомъ у Казанскаго Моста; послѣдній сгорѣлъ въ 1749 году. Въ 1750 году выстроенъ былъ большой деревянный театръ у Лѣтнаго Дворца, гдѣ нынѣ домъ Принца Ольденбургскаго. Съ 1745 до 1778 г. былъ еще небольшой театръ въ Новоисакиевской Улицѣ, въ зданіяхъ нынѣшняго Почтамта. Въ 1779 году построенъ былъ небольшой деревянный театръ на Царицыномъ Лугу; на томъ мѣстѣ въ послѣдствіи стоялъ памятникъ Суворова. Этотъ театръ сломанъ въ 1797 г., потому что пренятствовалъ движеніямъ войскъ на парадномъ мѣстѣ. Послѣ бывшаго въ 1766 году большаго каруселя, перенесенъ былъ построенный для того большой амфитеатръ въ Коломну; на немъ представлялись тамъ разныя народныя игрища (эти игрища начинались въ четыре часа по полудни. Актерами были типографскіе наборщики, переплетчики и другіе мастеровые люди. Наканунѣ представленія они сговари-

Первые въ Россіи балеты даваны были танцмейстеромъ Ланде, обучавшимъ танцованію воспитанниковъ Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса (что нынѣ 1-й Корпусъ). Повѣрять ли, что это ничтожное, повидимому, обстоятельство подало поводъ къ основанію перваго правильнаго русскаго театра! Кадетъ Сумароковъ, воспламененный чтеніемъ Расина, Корнеля и Вольтера, изумленный прелестію сценической игры иностранныхъ актеровъ, началъ писать русскія трагедіи правильными ямбическими стихами, и восхитилъ своихъ

вались между собою о содержаніи и ходѣ піесъ. За каждое представленіе получали они отъ полиціи по полтинѣ на челоуѣка. Зрителей всегда было множество, не только простаго народа, но и порядочныхъ людей. За входъ не платили ничего; за то иногда случалось, что дождь разгонялъ и дѣйствующихъ и зрителей). Въ 1783 году амтеатръ былъ сломанъ, и на мѣстѣ его построенъ, архитекторомъ Тишбейномъ, нынѣшній Большой Каменный Театръ. Послѣдній былъ возобновленъ архитекторомъ Томономъ въ 1802 году; сгорѣлъ въ ночи на 1-е Января 1811 года, и въ 1818 году вновь построенъ архитекторомъ Модюи. Въ 1836 году перестроенъ онъ вновь, въ нынѣшнемъ блистательномъ видѣ, архитекторомъ Кавосомъ. Малый Театръ на Невскомъ Проспектѣ, близъ Анничковскаго Дворца, построенъ былъ въ 1801 году для итальянскаго труппы г-мъ Казасси, и потомъ купленъ въ казну. Онъ сломанъ въ 1832 г., и на мѣстѣ его выстроенъ, архитекторомъ Росси, великолѣпный Театръ Александринскій. Нѣмецкій театръ долгое время былъ въ домѣ Графа Кутелева, противъ Зимняго Дворца, гдѣ нынѣ Главный Штабъ. Въ 1835 году открытъ прекрасный Театръ Михайловскій, построенный архитекторомъ Брюловымъ.

современниковъ. Политическія обстоятельства благопріятствовали тогда возвышенію отечественныхъ талантовъ: по восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, прекратилось вліяніе иностранцевъ, окружавшихъ Бирона, Миниха и другихъ вельможъ того времени; но это торжество было еще не совершенно: мѣсто господствовавшего дотолѣ языка нѣмецкаго заступилъ французскій. Вліяніе этого послѣдняго было безъ сомнѣнія полезнѣе, ибо французская литература представляла гораздо болѣе изящныхъ образцовъ, нежели нѣмецкая того времени, но и въ этомъ случаѣ трудно было удержаться въ предѣлахъ, а въ послѣдствіи еще труднѣе освободиться отъ оковъ, которыя сначала казались легкими и даже пріятными.

Въ 1750 году, уже по выходѣ Сумарокова изъ корпуса, кадеты Свистуновъ, Мелиссино и Бекетовъ, съ нѣкоторыми своими товарищами, вздумали сыграть его Семиру, и пригласили на спектакль самого автора. Сумароковъ, восхищенный ихъ талантами и искусствомъ, донесъ объ этой новости Графу Разумовскому. Императрица, узнавъ о томъ отъ графа, приказала кадетамъ представить Хорея во дворцѣ. Богатыя одежды были выданы изъ царской кладовой. Государыня сама убирала Оснельду, которую представлялъ кадетъ Свистуновъ. Зрители были приведены въ неописанный восторгъ этимъ новымъ, благороднымъ увеселеніемъ. Сумароковъ, удостоенный благоволенія Императрицы, осыпанный общими похвалами публики, вскорѣ потомъ

написалъ Сивава, Артистопу и Семиру. Всѣ эти пьесы представлены были кадетами въ корпусѣ и при Дворѣ. — Хотя, въ послѣдствіе времени, по учрежденіи всенароднаго театра, кадетскія представленія прекратились, но гений драматической поэзіи не оставлялъ перваго своего поприща въ Россіи: достойно замѣчанія, что многіе наши драматическіе писатели (Херасковъ, Озеровъ, Крюковской, Ефимьевъ); воспитывались въ Сухопутномъ Корпусѣ. Княжнинъ былъ тамъ учителемъ *).

Около того времени русскій театръ образовался въ удаленіи отъ столицы, трудами и талантами одного необыкновеннаго человека. Фадоръ Григорьевичъ Волковъ, пасынокъ ярославскаго кожевеннаго заводчика Полушкина, бывая по коммерческимъ дѣламъ въ Петербургъ, посѣщалъ тамошній нѣмецкій театръ, полюбилъ драматическое искусство, познакомился съ содержателями и актерами, снялъ планы и рисунки

*) При Императорѣ Екатеринѣ II кадеты занимались представленіемъ трагедій французскихъ подъ руководствомъ бывшаго здѣсь, знаменитаго актера Офрена. Государыня сама нерѣдко посѣщала эти представленія, и всегда приказывала наставнику, почтенному старцу, страстно любившему свое искусство, садиться въ первомъ ряду креселъ. Офрень, въ восторгъ, нерѣдко забывалъ, гдѣ сидитъ, и забавлялъ Государыню своими восклицаніями. Сказываютъ, что онъ однажды, слушая монологъ въ Магометѣ (котораго игралъ покойный П. С. Желѣзниковъ), говорилъ отрывисто, но довольно громко: *bien! très bien! comme un dieu! comme un ange! presque comme moi!*

всего устройства сценъ, машинъ, декораций и т. п.; и наконецъ рѣшился завести театръ въ Ярославль. Для этого устроилъ онъ одинъ изъ кожевенныхъ амбаровъ своего отца, и съ помощію двухъ братьевъ своихъ и фабричныхъ прикащиковъ, въ день именинъ его, сыгралъ драму Эсфирь. Это увеселеніе восхитило всѣхъ зрителей. Волковъ продолжалъ представленія свои по праздничнымъ днямъ, къ удовольствію всей ярославской публики, и сдѣлавшись, по смерти Полушкина, хозяиномъ, построилъ настоящій деревянный театръ, принявъ въ свою труппу для женскихъ ролей двухъ молодыхъ семинаристовъ, Нарыкова (Дмитревскаго) и Попова, и еще нѣсколько молодыхъ людей изъ приказныхъ. При покровительствѣ воеводы Мусина-Пушкина и при пособіи г. Майкова, предложившаго на устройство театра домъ отца своего, Волковъ имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Въ то время началъ онъ брать за входъ плату: въ кресла по 25, въ партеръ по 10, въ галерею по 5; въ раекъ по 3 копейки. Театръ всегда былъ полонъ. — Вскорѣ слухъ объ этихъ зрѣлищахъ дошелъ до Императрицы, давно уже помышлявшей объ учрежденіи русскаго театра въ С. Петербургѣ. Въ 1725 году былъ отправленъ въ Ярославль сенатскій экзекуторъ Дашковъ съ повелѣніемъ привезти всѣхъ тамошнихъ актеровъ ко Двору. Труппа состояла тогда изъ трехъ братьевъ Волковыхъ, Дмитревскаго, регистраторовъ Попова и Иконникова, купеческаго сына Скочкова, дырюльника Шумскаго, двухъ братьевъ Егоровыхъ и Михайлова. Они приве-

зены были прямо въ Царское Село, и на другой день представили предъ Императрицею Хорева. Ѳедоръ Волковъ игралъ Кія, Поповъ Хорева, Дмитревскій Оснелду, и Григорій Волковъ Астраду. Игра ихъ понравилась, и они дали еще четыре представленія, въ которыхъ играли во второй разъ Семиру, Синава, Артистону и Гамлета. Послѣ этого отличившіе актеры этой труппы, Ѳедоръ Волковъ, Дмитревскій, Поповъ и Шумскій, были отданы въ кадетскій корпусъ для обученія ихъ иностраннымъ языкамъ и наукамъ, а прочіе отпущены съ награжденіемъ обратно въ Ярославль. Къ избраннымъ четверымъ актерамъ присовокуплено было восьмеро спадшихъ съ голосовъ придворныхъ пѣвчихъ. Каждый изъ нихъ получалъ въ годъ по 60 рублей и по парѣ суконнаго платья. Они находились подъ начальствомъ оберъ-штабмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова, и пользовались столомъ наравнѣ съ кадетами. Корпусные офицеры, Мелиссино, Остервальдъ и Свистуновъ, преподавали имъ правила декламации. Въ 1754 году, для празднованія рожденія Великаго Князя Павла Петровича, даны были русскою труппою нѣсколько представлений при Дворѣ. Въ то же время приняты на театръ и женщины: изъ танцовщицъ Зорина, двѣ сестры, офицерскія дочери Марія и Ольга Ананьины, Пушкина, и знаменитая въ то время Авдотья *).

*) Балетмейстеръ Ланде обязался, при вступленіи своемъ въ службу въ 1738 году, составить балетъ изъ

30 Августа 1756 года состоялся именной указъ объ учрежденіи Россійскаго Театра. Директоромъ назначенъ былъ Александръ Петровичъ Сумароковъ, а первымъ актеромъ Волковъ. Прочіе актеры были: Дмитревскій, Поповъ, Шумскій, Сѣчкаревъ (изъ придворныхъ пѣвчихъ); дѣвица Пушкина (вышедшая потомъ замужъ за Дмитревскаго) и сестры Ананьины, вышедшія за Григорія Волкова и за Шумскаго. — Два раза въ недѣлю даваемы были русскія представленія на деревянномъ театрѣ близъ Лѣтняго Сада. Отъ казны отпускалось на содержаніе театра по 5000 рублей въ годъ. Въ 1749 году театръ переведенъ въ Лѣтній Дворецъ (у нынѣшняго Полицейскаго Моста; гдѣ теперь домъ Косиковскаго). Императрица приходила почти на каждое представленіе, черезъ корридоры, прямо изъ своихъ апартаментовъ. Репертуаръ тогдашняго театра состоялъ изъ трагедій и комедій

русскихъ танцовщиковъ и танцовщицъ. Для этого избрали онѣ двѣнадцать мальчиковъ и столько же дѣвочекъ, сиротъ и бѣдныхъ. Воспитанники были называемы по именамъ, а не по прозвищамъ; искуснѣйшіе изъ нихъ были: Аксинья, Елисавета, Варвара и Авдотья; Аѳанасій, Андрей, Петръ, Вавила и Тимофеев. Послѣдній изъ нихъ не уступалъ лучшимъ иностраннымъ танцовщикамъ; но его иногда не называли по прозвищу (Бубликовымъ): онъ славился подъ именемъ Тимошки. Обыкновеніе это продолжалось до конца XVIII вѣка. Лучшую пѣвицу того времени, госпожу Сандунову, называли *Лизанькою* (см. журналы того времени). Танцовщица Берилова (ум. въ 1804 году) извѣстна была подъ именемъ *Настеньки*.

Сумаронова, и изъ переводовъ нѣкоторыхъ пьесъ Мольера, какъ-то: Скупой, Лекаръ по неволѣ, Скапинины обманы, Мѣщанинъ во дворянствѣ, Тартюфъ, Ученныя женщины, и т. д. Изъ переводныхъ трагедій представляемы были Поліевкъ и Андромаха. Первая представленная въ Россіи русская опера (1755) была Цесаль и Прокрисъ, соч. Сумарокова. Музыку сочинилъ тогдашній придворный капельмейстеръ Араія: онъ получилъ въ награду за трудъ свой богатую соболѣю шубу и сто полуимперіалей. Первые роли играли дочь лютиста Елисавета Бѣлоградская и пѣвчіе Графа Разумовскаго, Гаврила Марценковичъ (отличный вѣрецъ, славившійся подъ именемъ Гаврилушки), Николай Клуцаревъ, Степанъ Ромевскій и Степанъ Евстафьевъ.

Въ 1759 г. позволила Государыня учредить театръ и въ Москвѣ: на немъ играли Троепольскій съ женою, Пушкинъ и нѣкоторые студенты Московскаго Университета. Этотъ театръ былъ упраздненъ чрезъ два года, и двѣ первыя актрисы, Троепольская и Михайлова, переведены въ Петербургъ. Въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Сумароковъ уволенъ былъ отъ званія директора театра съ пенсіономъ 2000 рублей. Къ штату театральному прибавлено было еще три тысячи рублей въ годъ, и съ тѣхъ поръ прекратился впускъ публики за деньги. Театръ поступилъ въ вѣдѣніе оберъ-гофмаршала, и мѣста были раздаваемы по чинамъ зрителей.

Осенью 1762 года, по случаю коронаванія Импе-

ратрицы Екатерины II, придворные актеры отправлялись въ Москву, и играли по два раза въ недѣлю при Дворѣ. Тамъ потерѣлъ раждающійся русскій театръ чувствительную потерю смертію Федора Григорьевича Волкова ¹⁾. Братья его, вскорѣ потомъ оставилъ театръ, и вступилъ въ статскую службу.

Государыня, по случаю коронованія своего, наградила актеровъ и актрисъ новыми великолѣпными костюмами и увеличила ихъ жалованье. Театры поручены были тогда кабинетъ-секретарю Ивану Перфильевичу Елагину ²⁾.

Въ 1765 году Дмитревскій получилъ позволеніе отправиться въ чужіе краи, для усовершенствованія

¹⁾ См. біографію его въ приложеніяхъ.

²⁾ Послѣ того составленъ былъ театральнѣй комитетъ, въ которомъ засѣдали: дѣйствительный тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ, артиллеріи генералъ-поручикъ П. И. Мелиссино, генералъ-маіоръ П. А. Соймоновъ, камергеры А. И. Дивовъ, Князь Н. А. Голицынъ и камеръ-юнкеръ П. В. Мятлевъ; послѣдній былъ главнымъ директоромъ. Въ осьмидесятыхъ годахъ части театральнаго управленія раздѣлены были между членами: русскій театръ порученъ былъ П. А. Соймонову; французскій А. И. Дивову, италіанскій и балетъ Кн. Н. А. Голицыну, немецкій П. И. Мелиссино. Вскорѣ оказалось неудобство этого раздѣленія, и тогда, по прежнему, опредѣлены были общіе директоры, сначала А. В. Хриповицкій, и потомъ Князь Н. Б. Юсуповъ. Преемникомъ его, въ царствованіе Императора Павла I, былъ оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ.

себя въ драматическомъ искусствѣ. Въ 1768 году ѣздилъ онъ въ Парижъ вторично, для принятія въ службу нѣкоторыхъ французскихъ актеровъ. По возвращеніи его, Россійскій Придворный Театръ получилъ надлежащее устройство, и быстрыми шагами пошелъ къ совершенству *). — Мы нашли слѣдующій штатъ актеровъ 1767 года.

*) Въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II, придворныя увеселенія распределены были по днямъ недѣли, и именно: въ воскресенье, былъ балъ при Дворѣ; въ понедѣльникъ, французская комедія; во вторникъ, отдохновеніе; въ среду, русская комедія; въ четвертокъ, французская опера или трагедія (въ этотъ день зрители могли являться въ маскахъ, чтобъ изъ театра ѣхать прямо въ вольный маскарадъ); въ пятницу, маскарадъ при Дворѣ; въ субботу, отдохновеніе. — Иногда представляемы были при Дворѣ французскія и русскія піесы придворными кавалерами и дамами. На масленицѣ 1763 года, во время пребыванія Двора въ Москвѣ, представляли трагедію Семира, и небольшую комедію, переведенную изъ Мольера. Роль Семиры играла Графиня Брюсъ, урожденная Графиня Румянцова, а прочія роли Графъ Г. Г. Орловъ, Графъ А. П. Шуваловъ, майоръ Измайловскаго полку Рославлевъ, и супруга оберъ-шенка, Анна Никитична Нарышкина. Въ комедіи играли главные роли италмейстеръ А. А. Нарышкинъ и Князь Гагаринъ. Въ балетѣ отличались старшая дочь оберъ-гофмаршала Графа Сиверса, Графиня Анна Михайловна Строганова, урожденная Графиня Воронцова, супруга оберъ-егермейстера Марія Павловна Нарышкина и камергеръ Графъ Бутурлинъ. Оркестръ былъ составленъ также изъ знатныхъ любителей музыки. Въ слѣдующемъ году играли

- 1) *Иванъ Дмитревскій*, играетъ первыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ, и получаетъ жалованья 860 р.
- 2) *Алексѣй Поповъ*, первыхъ любовниковъ въ комедіяхъ *) 600 р.

при Дворѣ Молиерова Мнимо-больнаго и Всесвѣтчаго Друга: обѣ комедіи переведены были на русскій языкъ гвардіи капитаномъ Волковымъ. Въ числѣ актеровъ отличались гвардіи капитанъ Кропотовъ, игравшій роль кучера, и три сестры дѣвицы Бибиковы. Младшая изъ нихъ, по десятому году, играла превосходно роль дочери мнимо-больнаго. Въ другой піесѣ главныя роли играны были гвардіи капитаномъ Титовымъ и его супругою. Въ балетѣ осыпаны были, рукоплесканіями Графиня Анна Петровна Шереметева и фрейлина Хитрова. — Въ домѣ обер-каммергера Графа Шереметева былъ также устроенъ, прекрасный театръ, на которомъ, въ присутствіи Государыни, представляемы были любителями французскія комедіи. Лучшими актерами и актрисами были двѣ дочери и сынъ самого графа, три сестры Графини Чернышевы, Князь Бѣлосельскій, камергеръ Графъ Строгановъ, подполковникъ Князь Щербатовъ и прусскій посланникъ Графъ Сольмсъ. Въ послѣдствіе времени составилъ особый эрмитажный театръ, на которомъ представляемы были комедіи, сочиненныя самою Государынею и приближенными къ ней особами. На эрмитажномъ театрѣ отличались: австрійскій посолъ Графъ Кобенцель, французскій министръ Графъ Сегюръ, Графъ А. С. Строгановъ и др.

*) Поповъ былъ и литераторомъ: онъ перевелъ Освожденный Иерусалимъ Тасса, комедію Нѣмой и пр., и сочинилъ нѣсколько хорошихъ пѣсень.

- 3) *Яковъ Шумскій*, слугъ въ комедіяхъ *) 600 р.
- 4) *Евстафій Спичкаревъ*, играетъ резонеровъ и крестьянъ въ комедіяхъ, и небольшія трагическія роли 400 р.
- 5) *Гаврила Волковъ*, стариковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ 400 р.
- 6) *Иванъ Лапинъ*, воспитаникъ Академіи Художествъ, любовниковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ 350 р.
- 7) *Иванъ Соколовъ*, московскій уроженецъ, стариковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ . . 350 р.
- 8) *Николай Бахтуринъ*, любовниковъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ 300 р.
- 9) *Петръ Кожеевниковъ*, комическія роли, преимущественно подъячихъ 250 р.
- 10) *Николай Михайловъ*, небольшія роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ 200 р.
- 11) *Кузьма Бигорскій*, тоже 150 р.
- 12) *Павелъ Умановъ*, суетеръ 180 р.

-
- 13) *Татьяна Михайловна Тропольская*, жена регистратора сенатской типографіи,

*) Шумскій былъ неподражаемъ въ роляхъ слугъ, жидовъ и т. п. Въ старости своей игралъ онъ съ великимъ успѣхомъ Бремъдену въ Недорослѣ. Преемникомъ его былъ Макаровъ.

- играетъ первыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ *) 700 р.
- 14) *Аирафена Михайловна Дмитревская*, роли первыхъ субретокъ въ комедіяхъ, и королевъ въ трагедіяхъ 600 р.
- 15) *Авдотья Михайловна Михайлова*, вторыхъ субретокъ и другія комическія роли 450 р.
- 16) *Марія Даниловна Соколова*, вторыхъ любовницъ въ комедіяхъ, невинныхъ дѣвушекъ и т. п. 350 р.
- 17) *Матрена Ивановна Пазова*, любовницъ въ комедіяхъ и иногда въ трагедіяхъ . . 300 р.
- 18) *Лукерья Михайловна Кусова*, матерей въ комедіяхъ, и наперстницъ въ трагедіяхъ. 250 р.
- 19) *Ульяна Федоровна Чурбанова*, малыя роли въ трагедіяхъ и комедіяхъ 200 р.

Послѣднія три дѣвицы жили подъ надзоромъ смотрительницы изъ Цѣмокъ. Сверхъ того воспитывались три мальчика и три дѣвочки подъ смотрѣніемъ Дмитревскаго. На содержаніе каждаго отпускалось по сту рублей въ годъ.

*) Превосходная эта актриса скончалась отъ чахотки въ 1767 году. Знатки, и въ числѣ ихъ самъ Дмитревскій, полагали, что она не уступаетъ знаменитѣйшимъ своимъ современницамъ: Лекувреръ, Клеронъ и Дюмениль. Мѣсто ея заступила Елисавета Федоровна Иванова.

Отечественный театр недолго ограничивался этим небольшим штатомъ. При покровительствѣ Государя, любившей придворныя и всенародныя увеселенія, въ которыхъ богатство и великолѣпіе соединялись съ умомъ и вкусомъ, русская сцена озарилась новымъ блескомъ. Дмитревскій усердно старался о образованіи актеровъ и о обогащеніи репертуара. При трудахъ и попеченіяхъ его, составила русская комическая опера; самъ онъ перевелъ множество оперъ и комедій съ италіанскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Князьнинъ обогатилъ нашу трагедію. Фонтъ-Визинъ создалъ комедію. До осьмидесятихъ годовъ театръ все еще находился во дворцѣ, и чиновные зрители имѣли входъ безденежно. — Въ 1783 году открытъ былъ Большой Каменный Театръ, и вся публика получила, за умѣренную плату, возможность пользоваться симъ благороднымъ увеселеніемъ. Съ того времени начали давать великолѣпныя народныя представленія, заимствованныя изъ Русской Исторіи и изъ сказокъ: Начальное правленіе Олега, Рюрикъ, Иванъ Царевичъ и т. п. Сама Императрица сочиняла ихъ. — Вскорѣ потомъ (въ 1785 г.) учреждено было Театральное Училище, которому публика наша обязана образованіемъ превосходѣйшихъ артистовъ.

Въ числѣ актеровъ, украшавшихъ санктпетербургскую сцену въ исходѣ XVIII столѣтія, кромѣ Дмитревскаго ²⁾, были: *Крутицкій* ³⁾, *Плавильщикъ*

²⁾, ³⁾ Біографіи ихъ помѣщены ниже.

козъ ⁴⁾, *Черныковъ* (отецъ госпожи Самойловой), игравшій превосходно роли слугъ въ комедіяхъ и операхъ, прекрасный собою, и пріятный пѣвецъ; *Сандуновъ*, отличавшійся въ тѣхъ же роляхъ острою и замысловатостію игры своею; *Рахмановъ*, неподражаемая въ роляхъ сварливыхъ и простыхъ женщинъ; *Воробьевъ*, ученикъ Дмитревскаго, хорошій пѣвецъ и превосходный актеръ въ роляхъ буфоновъ италянскихъ; онъ былъ любимцемъ нашей публики, которая, при каждомъ появленіи на сцену, встрѣчала его громкимъ рукоплесканіемъ. Но самый отличный талантъ достался въ удѣлъ *Яковлеву*, который при большемъ образованіи и меньшей пылкости самыхъ противоположныхъ страстей, могъ бы сдѣлаться первымъ артистомъ въ свѣтъ ⁵⁾.

Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, С. Петербургскій Театръ, едва возникавшій при вступленіи ея на престолъ, состоялъ изъ двухъ надзирателей (гг. Дмитревскаго и Плавильщикова), двадцати одного актера и двадцати двухъ актрисъ; изъ нихъ одиннадцать актеровъ и тринадцать актрисъ играли и въ операхъ.

Театръ, заведенный въ шестидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, украшался отличными талантами Калиграфа, Лапина, Шумерина и преимущественно Померанцева, которому, сказываютъ, въ роляхъ чувствительныхъ и несчастныхъ отцевъ, не было подобнаго на русской

⁴⁾ и ⁵⁾ Біографіи ихъ помѣщены ниже.

спектъ. Шумерини видѣли мы долгое время въ Петербургѣ: его представленія Христіерна, Ярба, Заруцкаго, а болѣе всего Эдипа и Леара, навсегда останутся въ памяти любителей драматическаго искусства.

Обозрѣніе успѣховъ русскаго театра въ XIX столѣтіи, когда новые образцовые писатели твореніями своими оживили нашу сцену, когда появились на ней невиданные дотошѣ, преимущественно въ женскихъ роляхъ, таланты, предоставляемъ будущему времени. Теперь взглянемъ на иностранные театры, существовавшіе въ С. Петербургѣ.

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, языкъ французскій, какъ сказано выше, одѣвался господствующимъ при нашемъ Дворѣ, слѣдовательно и въ публикѣ. Пребываніе блистательнаго дипломатическаго сословія, частыя посѣщенія иностранныхъ принцевъ и государей — требовали учрежденія зрѣлищъ на языкѣ общеупотребительномъ въ Европѣ. Французскій театръ при Екаторинѣ былъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ того времени. Въ трагедіяхъ отличались актеры: Оренъ, Флоридоръ; актрисы: Лесаажъ и Гюсъ; въ комедіяхъ, актеры: Дорсевиль, Бурде, Дельпи, Фастье; актрисы: Добкуръ, Мишленъ, Дюфуа. Знаменитый Декенъ и актриса Клеронъ согласились было, по убѣжденію Дмитревокаго, вступить на сѣнктпетербургскій театръ; но Французское Правительство имъ въ томъ воспротивилось.

Италянская опера, существовавшая у насъ съ тридцатыхъ годовъ, часто измѣнялась, но имѣла также

опытныхъ актеровъ и пѣльцовъ: старики съ восторгомъ воспоминають о Давин, Тоди, Жолетти, Маркеси, Мандани, Ненчини.

Нѣмецкій театръ принадлежитъ къ необходимымъ города, въ которомъ Нѣмцы составляютъ едва ли не пятую часть жителей. Въ 1763 году захлѣбъ въ Петербургъ труппа нѣмецкихъ актеровъ, странствовавшихъ по Пруссіи и Ливондіи. Они играли въ недостроенномъ домѣ Князя Голицына, въ Малой Морской, на бѣдномъ театрѣ, въ жалкихъ костюмахъ, комедіи и оперы. Нѣкоторые придворныя особы, для смѣху, посѣщали эти зрѣлища. Сама Государыня однажды изволила быть въ этомъ театрѣ, въ закрытой ложѣ, и объявила, что нѣмецкіе актеры лучше всѣхъ прочихъ: они заставляютъ зрителей смѣяться съ начала до конца представленія надъ самими собою. Имъ отведенъ былъ безъ платы оставленный деревянный театръ у Лѣтняго Саду, и выданъ гардеробъ: такъ играли они, сначала одни, потомъ попеременно съ французскими актерами, и веселили публику средняго состоянія, которая не имѣла входа въ придворные театры. Въ 1783 году тогдашній директоръ театровъ, Петръ Ивановичъ Меллсисно, выписалъ изъ Германіи превосходѣйшихъ актеровъ (Оница, Кантпера, Кронштейна, Фіалу, актрису Теллѣръ и др.); но такъ какъ зрѣлища эти обходились для казны слишкомъ дорого, то труппа нѣмецкая въ 1791 году была распущена. Въ то время молодые люди средняго состоянія составили въ Петербургѣ два театра изъ лю-

бителей драматическаго искусства, и представляли комедіи и небольшія оперы на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1794 году прибыло въ Петербургъ общество нѣмецкихъ актеровъ, подъ дирекцію актрисы Тили; изъ этого общества, принятаго потомъ въ службу дирекціи, составились разными катастрофами нынѣшній Нѣмецкій Театръ. На этомъ театрѣ было нѣсколько отличныхъ талантовъ, какъ-то, актрисы: Миллеръ, Леве, актеры Аресто, Линденштейнъ, и и. др. Въ 1800 году директоромъ его былъ Коцебу.

Въ продолженіе зимы 1767 года открытъ былъ Англійскій Театръ на Галерномъ Дворѣ, въ домѣ купца Рея. Г. Бруксъ съ женою, мистрисъ Рей и мисъ Кукъ восхищали зрителей превосходною игрою, какъ и шестъ профессоръ Штедлингъ; но сколько времени эти спектакли продолжались, и отъ чего они прекратились, намъ неизвѣстно.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) *Федоръ Григорьевичъ Волковъ* родился въ Костромѣ, 9-го Февраля 1729 года. Отецъ его былъ въ этомъ городѣ кунцемъ. По смерти его, вдова вышла за ярославскаго заводчика Полушкина; и переселилась съ дѣтьми своими въ Ярославль. Федоръ Григорьевичъ выучился въ Москвѣ нѣмецкому языку и музыкѣ. Къ ремеслу отца своего не имѣлъ онъ ни малѣйшей склонности; но страстно любилъ всякія художества. Рисованію, живописи и скульптурѣ выучился онъ въ малолѣтствѣ безъ наставниковъ: донынѣ показываютъ въ ярославской приходской церкви произведеніе его рѣзной работы: Тайную Вечерю на царскихъ вратахъ. Но главная страсть его обращена была на искусство драматическое, въ которомъ онъ находилъ соединеніе всѣхъ изящныхъ и благородныхъ художествъ. Выше сего изложено основаніе Русскаго Театра, сперва въ Ярославлѣ, а потомъ въ С. Петербургѣ, трудами и талантами Волкова. Онъ былъ, при первомъ заведеніи театра, архитекторомъ, машинистомъ, живописцемъ, директоромъ, режиссеромъ и первымъ актеромъ. Волковъ былъ превосходенъ въ роляхъ героевъ: съ чувствомъ и жаромъ соединялъ онъ необыкновенное величіе и благородство; лице его было прекрасное и выразительное, голосъ чистый и звучный. Онъ былъ и хорошій стихотворецъ: въ не-

доконченной одѣ его Петру Великому сверкають искры истиннаго таланта; пѣсни его въ свое время считались образцовыми. Фонъ-Визинъ говоритъ, что «онъ былъ мужъ глубокаго разума, наполненный достоинствами, имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ.» При вступленіи на престолъ Екатерины II, возведенъ онъ былъ въ дворянское достоинство, и получилъ 700 душъ, но не хотѣлъ оставить своего искусства. Въ началѣ 1763 года, данъ былъ въ Москвѣ, по его начертанію, великолѣпный всенародный маскарадъ, подъ названіемъ: *Торжествующая Минерва*, продолжавшійся три дня (30 Января, 1 и 2 Февраля). Волковъ, разъѣзжая верхомъ по улицамъ для наблюденія за устройствомъ и порядкомъ зрѣлищъ, простудился, впалъ въ гнилую горячку, и скончался 4 Апрѣля 1763 года. Тѣло его погребено было съ великолѣпною церемоніею, въ присутствіи знатнѣйшихъ особъ, вмѣнявшихъ себѣ въ честь быть его друзьями, въ Андроньевѣ Монастырѣ. Сумароковъ написалъ на случай его смерти элегію, посвященную Дмитревскому.

2) *Иванъ Аванасьевичъ Нарыковъ* родился 23 Февраля 1736 года въ Ярославской Губерніи; обучался сперва въ ярославской семинаріи, а потомъ у пастора, находившагося при Курляндскомъ Герцогѣ Биронѣ, который тогда жилъ въ Ярославлѣ. Познакомившись съ Волковымъ, вступилъ онъ на его театръ, и игралъ сначала женскія роли. По прибытіи ихъ въ С. Петербургъ, онъ въ первый разъ игралъ Оснелду

въ трагедіи *Хоревъ*. Сама Государыня Елисавета Петровна изволила убирать его къ этой роли. При этомъ случаѣ, спросила она объ имени трагической героини. «Нарыковъ,» отвѣчалъ онъ. «Нѣтъ,» сказала Государыня: «ты похожъ на польскаго Графа Дмитревскаго, и потому я хочу, чтобъ ты принялъ его фамилію.» — По смерти Волкова, Дмитревскій получилъ званіе перваго актера, и въ 1765 году отправленъ былъ во Францію и въ Англію. При посредствѣ И. И. Шувалова, познакомился онъ съ первыми лицами тогдашняго Французскаго Театра, и свелъ тѣсную дружбу съ Лекенемъ, у котораго и жилъ въ домѣ. Они вмѣстѣ ѣздили въ Лондонъ, и пять мѣсяцевъ прожили неразлучно съ Гаррикомъ, который хотя уже былъ боленъ, но нѣсколько разъ показывалъ гостямъ свое искусство въ комедіяхъ и трагедіяхъ. На одной изъ частыхъ дружескихъ вечеринокъ, за ужиномъ, Гаррикъ удивлялъ всѣхъ разными измѣненіями лица своего, которое онъ умѣлъ заставить съ одной стороны смѣяться, а съ другой плакать. Вдругъ Дмитревскій поблѣднѣлъ, задрожалъ и безъ чувствъ упалъ на кресла. Всѣ бросились къ нему на помощь, но аскортъ выведены были изъ заблужденія громкимъ смѣхомъ притворно-больнаго. — Возвратившись въ Парижъ, игралъ онъ роль Замора въ Альзирѣ, на тогдашнемъ театрѣ Герцогини Вилльруа. Лекенъ представлялъ Гусмана. Въ другой разъ игралъ онъ тамъ же Оросмана, а Лекенъ Шатильона въ Заирѣ. — По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Дмитревскій вышелъ въ

первый разъ на придворномъ театрѣ въ роли Синава, и восхитилъ всѣхъ зрителей своимъ необыкновеннымъ талантомъ, усовершенствованнымъ примѣрами и представленіями великихъ артистовъ. — Императрица, послѣ представленія, изволила призвать его къ себѣ въ ложу, и изъявила ему свое благоволеніе предъ всею публикою. Съ тѣхъ поръ оставался онъ украшеніемъ и славою русской сцены: восхитилъ зрителей искусною своею игрою, образовалъ молодыхъ актеровъ, обогащалъ Русскій Театръ переводами, помогалъ драматическимъ писателямъ своими совѣтами, и пользовался общимъ уваженіемъ, довѣренностію и любовію. Россійская Академія приняла его въ свои члены, и поручила ему написать исторію Россійскаго Театра. Въ торжественномъ ея собраніи читалъ онъ похвальное слово Сумарокову. Въ 1787 году уволенъ онъ былъ (послѣ 38 лѣтней службы) отъ должности актера, съ пенсіономъ по 2000 р. въ годъ. Послѣ того оставался онъ еще восемь лѣтъ инспекторомъ театральной школы, и игралъ неоднократно въ Эрмитажѣ и для дирекціи. Въ 1797 году представлялъ онъ, по волѣ Императора Павла I, на придворномъ театрѣ Дмитрія Самозванца, и, въ знакъ Монаршаго благоволенія, получилъ дорогую, осыпанную брилліантами табакерку. Въ послѣдній разъ вышелъ онъ на сцену 30 Августа 1812 года въ драмѣ: *Всѣобщее ополченіе*, сочиненной С. И. Висковатовымъ, въ роли отставнаго унтеръ-офицера, приносящаго въ жертву отечеству единственное свое достояніе — заслуженныя имъ се-

ребриные медали. Публика приняла почтенного старца съ восторгомъ; самъ онъ такъ сильно былъ растроганъ и ролью своею, и приѣмомъ зрителей, что съ трудомъ могъ проговорить нѣсколько благодарныхъ словъ. Въ концѣ 1817 года хотѣлъ онъ выйти на сцену въ представленіи, назначенномъ въ пользу семейства славнаго питомца его Яковлева, въ роли стараго управителя (нарочно сочиненной для него Княземъ А. А. Шаховскимъ въ водевилѣ: *Встрѣча незваныхъ*); но внезапная болѣзнь, причиненная сильнымъ волненіемъ чувствъ, воспрепятствовала ему исполнить нетерпѣливое ожиданіе публики. — Въ послѣдніе годы жизни своей чувствовалъ онъ слабость въ ногахъ, и лишился зрѣнія, но сохранилъ память, бодрость ума и силу воображенія. Скончался тихо 27-го Октября 1821 года, въ С. Петербургѣ. Императорская Россійская Академія воздвигла надъ прахомъ его памятникъ, изъ суммы, вырученной съ представленія, даннаго для этой цѣли театальною дирекцію. О талантѣ Дмитревскаго пишетъ П. И. Сумароковъ: «Въ трагедіяхъ лучшими ролями Дмитревскаго почитались Самозванецъ, Ярбъ и Сивавъ. Онъ постигалъ во всей силѣ характеръ представляемыхъ имъ лицъ, и дополнял игрою свою недостатки автора. Напримѣръ, въ Димитріи Самозванцѣ, онъ явился глазамъ зрителей облокотившимся на тронъ, и закрытымъ мантиею: этимъ мрачнымъ положеніемъ освѣщалъ онъ, такъ сказать, темныя мысли перваго монолога. Въ Сивавѣ читалъ онъ длинный монологъ (когда

представляется ему тѣнь брата), подвигаясь со стуломъ своимъ назадъ, какъ будто преслѣдуемый ею, и оканчивалъ, приподнимаясь на цыпочки. Это простое движеніе производило удивительное дѣйствіе на зрителей: всѣ трепетали отъ ужаса. — Многіе современники Дмитревскаго полагають, что въ драмахъ и комедіяхъ онъ былъ еще превосходнѣе, и съ восхищеніемъ вспоминають, что въ *Амфитріонѣ*, переимѣнивъ красный платокъ на бѣлый, онъ такъ измѣнялся, что его не узнавали, и во все время поддерживалъ свое превращеніе. — Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстны разныя мелкія стихотворенія, напечатанныя въ *Трудолюбивой Пчелѣ* и *Похвальное Слово А. П. Сумарокову*, помѣщенное во второй части *Сочиненій и переводовъ Россійской Академіи*. Онъ перевелъ на русскій языкъ нѣсколько театральныхъ шедъ: трагедію *Беверлей*, оперы: *Рѣдкая вещь*, *Діанино древо*, и передалъ на русскіе нравы комедіи: *Раздумчивый*, *Демокритъ*, *Лунатикъ* и проч.

3) *Антонъ Михайловичъ Крутицкій*, сынъ отставнаго гарнизоннаго сержанта, родился въ Москвѣ въ 1754 году, и на шестомъ году отданъ былъ въ сиротскій домъ. Нѣкто, г. Книперъ, вздумалъ составить, изъ воспитанниковъ сиротскаго дома, театральную труппу, и довольно хорошо успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Московскій актеръ Калиграфъ, взявшійся обучать сиротъ декламации, вскорѣ открылъ въ молодомъ Крутицкомъ необыкновенныя дарованія,

и родительски пекся о его образованіи. Книшерь привезъ свою труппу (состоявшую изъ 50 актеровъ и актрисъ) въ С. Петербургъ. Крутицкій явился въ роли Мельника, и сыгралъ ее въ совершенствѣ. Ему единственно обязана была эта опера своимъ блистательнымъ успѣхомъ: ее представляли, по требованію публики, двадцать семь разъ сряду. Крутицкій не имѣлъ выгодной наружности: росту онъ былъ малаго, лицомъ рябъ, глаза имѣлъ небольшіе, сѣрые; но все это закрывалъ живостію, огнемъ, натуральностію игры своей. Одинъ вельможа (Л. А. Н.), восхищенный его игрою, бросилъ на сцену кошелекъ, наполненный золотомъ, съ приколотою къ нему бумажкою, на которой написано было: *Мельнику*. Въ 1783 году, по распушеніи Книшеровой труппы, вступилъ онъ на придворный театръ, и тамъ равномѣрно восхищалъ всѣхъ своею игрою. Императрица, послѣ перваго представленія Мельника, приказала ему явиться въ царскую ложу въ костюмъ Мельника, осыпала его похвалами и подарила ему часы. Торжествомъ Крутицкаго были комедіи Молиера: *Мъщанинъ во дворянствѣ* и *Гарпагонъ*. Покойный Императоръ Павелъ, бывъ еще Великимъ Княземъ, никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобъ Крутицкій не былъ самъ въ высочайшей степени зараженъ скупостію, и неоднократно о томъ его спрашивалъ. — Въ 1797 году, по окончаніи этой комедіи, Государь призвалъ его въ свой кабинетъ, разговаривалъ съ нимъ около получаса, и пожаловалъ ему собственные свои часы. Последнимъ тор-

жествомъ его таланта была роль Старосты въ драмѣ: *Лиза, или Торжество благодарности*, г. Ильина (представленной въ первый разъ въ Юнѣ 1802 года). Вскорѣ послѣ того онъ занемогъ, поѣхалъ лечиться въ Ревель, и скончался тамъ 21-го Юля 1803 года. Государь Императоръ пожаловалъ четыремъ малолѣтнимъ его дѣтямъ по тысячѣ рублей въ годъ пенсіона до совершеннаго ихъ возраста. Крутицкій былъ не только великій артистъ, но и человекъ умный, благородный, добрый и образованный. Онъ зналъ очень хорошо французскій и нѣмецкій языки, искусство рисовалъ и игралъ на сиринкѣ. — Изъ литературныхъ его произведеній извѣстны комедіи: *Медими* и *Лука*, и *Обмѣна двухъ шланъ*, сочиненныя имъ въ подражаніе двумъ піесамъ, французской и нѣмецкой.

4) *Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ*, сынъ московскаго купца, родился въ 1760 году, учился въ Московскомъ Университетѣ, и на двадцатомъ году отъ роду вступилъ въ званіе актера при Санктпетербургскомъ Придворномъ Театрѣ. Онъ игралъ съ успѣхомъ роли первыхъ героевъ и любовниковъ въ трагедіяхъ, комедіяхъ и драмахъ, въ послѣдствіи роли старцевъ, Эдипа, Леара, и т. п. Отличныя его дарованія обратили на него вниманіе Императрицы Екатерины II; неоднократно изъявлявшей ему Высочайшее свое благоволеніе похвалами и подарками. Съ 1791 года былъ онъ, съ г. Дмитревскимъ, надзирателемъ Санктпетербургскаго Театра; въ 1793

году перешелъ на Московскій, и пользовался отличнымъ одобреніемъ публики. Въ 1810 году былъ онъ принятъ въ члены Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности. Скончался 18 Октября 1812 года на бѣгствѣ изъ разоренной Москвы. Этотъ искусный актеръ былъ и сочинителемъ. Изъ произведеній его извѣстны трагедіи: *Рюрикъ*, *Тохмасть-Кулы-Ханъ*, и *Ермакъ*; первыя двѣ въ стихахъ, послѣдняя въ прозѣ; комедіи въ прозѣ: *Братья Своелазовы*, *Бобыль*, *Сидѣлецъ*, *Мельникъ и Сбитеньщикъ соперники*, *Сговоръ Кутейкина*; драма: *Графъ Вальтронъ* (подражаніе нѣмецкой драмѣ того же имени), и *Ленса, или Дикіе въ Америкѣ*. — Плавильщиковъ писалъ, сверхъ того, лирическія и другія стихотворенія, и прозаическія статьи, изъ коихъ заслуживаетъ особенное вниманіе отвѣтъ на задачу Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности: *О свойствахъ древняго Греческаго Театра*.

5) *Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ*, сынъ костромскаго купца, потерявшаго значительное имѣніе при пожарѣ Гостинаго Двора въ Санктпетербургѣ, родился въ 1773 году. Черезъ два года послѣ его рожденія, умеръ отецъ его; на седьмомъ году лишился онъ матери, и съ небольшимъ остаткомъ отцовскаго имущества отданъ былъ въ опеку зятю своему, купцу Шаночникову. Онъ учился грамотѣ сперва у старушки просвири Вознесенской Церкви, а потомъ отданъ былъ въ народное училище: тамъ съ необык-

новеннымъ прилежаніемъ началъ онъ учиться грамматикѣ, ариметикѣ, нѣмецкому и французскому языкамъ и рисованію; но на тринадцатомъ году эти упражненія были прерваны: опекунъ посадилъ его въ галантерейную свою лавку сидѣльцемъ. Въ 1791 году познакомился онъ съ Жебелевымъ, который былъ сидѣльцемъ въ шляпной лавкѣ брата своего, неподалеку отъ Шапочниковой. Оба они равно ненавидѣли ремесло свое, оба равно любили ученіе, и сдѣлались искренними друзьями. Въ досужное время читали они книги, и учили наизусть лучшія изъ нихъ мѣста, къ крайней досадѣ Шапочникова, который притомъ негодовалъ на Яковлева за то, что онъ никакъ не могъ запрашивать за товары двойной цѣны, считая это обманомъ. Жебелеву удалось однажды быть въ театрѣ, и видѣть Димитрія Самозванца. Новый міръ ему открылся: онъ сообщилъ свой восторгъ товарищу, и оба начали заниматься театральными представленіями, взявъ себѣ въ помощь младшаго брата Жебелева. Втроемъ выучили они наизусть Димитрія, и представляли по праздникамъ предъ домашними своими, когда строгій опекунъ уѣзжалъ въ гости. Потомъ играли они Магомета; но при этихъ игрищахъ не обходилось безъ бѣды. Однажды Магометъ, въ жару игры, кинувшись на Зомира, разбилъ деревяннымъ мечемъ въ кровь лице Пальмиры; въ другой разъ, декламируя за прилавкомъ, онъ такъ неосторожно размахнулъ руками, что разбилъ стекла у ящиковъ и перерѣзалъ себѣ пальцы. — Наконецъ удалось и ему побывать въ

театръ: тогда еще болѣе распалился онъ страстью къ поэзіи и къ драматическому искусству, и началъ самъ писать трагедію въ стихахъ. Въ это время Жебелевъ уѣхалъ въ Москву. Яковлевъ, оставшись безъ друга, не могъ сносить притѣсненій зятя; взялъ у него свой капиталъ (1800 рублей), снялъ окошко въ Гостиномъ Дворѣ подъ № 67, и началъ торговать галантерейнымъ товаромъ; потомъ перенесъ свой торгъ на биржу, и занялъ тамъ небольшой шкапикъ съ мелочными товарами и картинками. Но онъ не былъ рожденъ для коммерціи: сидя въ окошкѣ своемъ, занимался онъ только чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ стиховъ, не заботясь о покупателяхъ. Одинъ любитель словесности, Н. И. Перепечинъ, замѣтилъ странныя занятія молодаго сидѣльца, познакомился съ нимъ, и увидѣвъ въ немъ необыкновенный умъ и рѣдкіе таланты, пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Яковлевъ воспользовался этимъ приглашеніемъ: писалъ у г. Перепечина, подъ его руководствомъ, стихи на разные случаи, декламировалъ монологи изъ трагедій. Тамъ узналъ его И. А. Дмитревскій: прекрасная наружность Яковлева, пріятный и громкій органъ, острый умъ, воображеніе пламенное, страсть къ поэзіи и театру плѣнили почтеннаго старца: онъ сдѣлался покровителемъ, наставникомъ, другомъ Яковлева, и убѣдилъ его вступить на театръ. Яковлевъ безъ труда разстался съ своимъ шкапикомъ, и явился на театрѣ 1-го Іюня 1794 года, въ роли Оскольда, и во второй разъ, 2-го Іюля, въ роли Доранта въ комедіи:

Ревниковъ. Въ третій разъ, 29 Юля, игралъ онъ Синава. Публика встрѣтила его единогласнымъ одобреніемъ, и Яковлевъ былъ принятъ въ придворные актеры. Съ тѣхъ поръ игралъ онъ въ трагедіяхъ первыя роли героевъ, царей и т. д., въ комедіяхъ и драмахъ первыхъ любовниковъ, съ равнымъ успѣхомъ, и сдѣлался любимцемъ публики, изъявлявшей ему, при каждомъ появленіи его на сцену, громкими рукоплесканіями свое удовольствіе. Торжествомъ его таланта были роли Синава, Рослава, Фингала, Дмитрія Донскаго, Пожарскаго, Гамлета, Лавидона, Танкреда, Отелла, а эпохою величайшей его славы — время появленія трагедій Озерова (1803 — 1809 года). Природа осыпала Яковлева всѣми дарами, необходимыми трагическому артисту: ростъ прекрасный, стройный, лице правильное, выразительное, голосъ громкій, способный ко всѣмъ измѣненіямъ, воображеніе пламенное, чувство сильное, природный умъ и страсть къ поэзіи — все соединялось въ немъ для составленія великаго актера. Если бъ эти способности были образованы въ его молодости, если бъ онъ въ послѣдствіи могъ усовершенить ихъ примѣромъ великихъ образцовъ, собственнымъ размышленіемъ и руководствомъ строгой критики, то конечно сталъ бы наряду съ Гаррикомъ, Ифландомъ, Тальмою, Дмитревскимъ, корифеями драматическаго искусства; но, увлеченный первыми, блистательными своими успѣхами, и безпрестаннымъ рукоплесканіемъ большинства зрителей, онъ полагалъ уже, что достигъ крайней точки

искусства, и не слушался знатоковъ, которые вездѣ и всегда бывають въ маломъ числѣ. Пламенное чувство, пылкость страстей, безъ которыхъ актеръ не можетъ быть актеромъ, поэтъ поэтомъ, не образованныя воспитаніемъ, не ограниченные строгостью холоднаго разсудка, ускорили его кончину. Жестокая, изнурительная болѣзнь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мало по малу истощала его силы. Въ послѣдній разъ вышелъ онъ на сцену 4 Октября 1817 года, и тогда уже, сказываютъ, можно было предвидѣть близкій конецъ его. На другой день слегъ онъ въ постель, и 3-го Ноября скончался. Изъ литературныхъ произведеній Яковлева извѣстны нѣкоторыя лирическія и драматическія стихотворенія: 1) *Отчаянный любовникъ*, трагедія въ 1 дѣйствіи, С. П. б. 1793. — 2) *Ода на коронованіе Императора Павла I*, 1797. — 3) *Торжество Вѣры*, лирическое стихотвореніе, 1814. — 4) *На победы, одержанныя российскими воинами*, 1812. — 5) *На открытіе новой биржи*, 1816. — 6) *На бракосочетаніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великою Князю Николаемъ Павловичемъ и Великою Княгини Александры Теодоровны*, 1817. Разныя мелкія его стихотворенія помѣщаются были въ журналахъ. Съ необыкновеннымъ талантомъ и пламенною душею соединялъ онъ доброе, благородное сердце, свято чтить дружбу, строго исполнять данное слово, охотно дѣлать добро, страстно любилъ отечество и славу его, и былъ истинный христіанинъ. Онъ щедро раздавалъ

милостыню, дѣлился съ бѣдными послѣднимъ, воспитывалъ сиротъ, искупалъ заключенныхъ. — Последнія его слова, на смертномъ одрѣ, за нѣсколько минутъ предъ кончиною, были:

Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ!

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

мил
ты
вля
нут

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

I.

ДРОЗДА.

Ахъ! дайте отдохнуть и съ силами собраться!

В. Пушкинъ.

Идете въ Москву-съ? на долго ли-съ? въ кото-
въ? Позвольте спросить, зачѣмъ именно-съ?
въ литературныя соображенія-съ? Или есть
и дѣла-съ? Напрасно не зимою-съ изволите
б.

Нѣсколько изъ тысячи вопросовъ, которыми
меня въ теченіе всего Мая мѣсяца въ друзья,
знакомые и полузнакомые, встрѣчные и по-
и. И вотъ, что я имъ отвѣчалъ: «Бду-съ, не
-съ, беру отпускъ только на двадцать на

восемь дней. Їду въ Москву, къ стыду моему, въ первый разъ. Вся жизнь моя протекла въ Петербургѣ (за исключеніемъ пятимѣсячной поѣздки, для леченія, за границу) въ непрерывной, ежедневной дѣятельности, чему свидѣтелями служатъ около тысячи книжекъ Сына Отечества, тысяча семьсотъ листовъ Сѣверной Пчелы, да еще нѣсколько полновѣсныхъ нумеровъ въ каталогѣ Смирдина. Была ли тутъ возможность отлучиться не только за семьсотъ, но и за семьдесятъ верстъ? Наконецъ я рѣшился прибѣгнуть къ пособію добрыхъ пріятелей, взявшихъ кормить мою Пчелку въ теченіе трехъ недѣль, получилъ отпускъ, взявъ мѣсто въ дилижансѣ.» — Теперь вопросъ: зачѣмъ я їду, объясняется самъ собою. Їду отдохнуть отъ выписокъ, переводовъ, корректуръ и прочихъ продѣлокъ, относящихся къ фронтальной литературной службѣ; їду полѣниться, позѣвать, уладить глаза и душу картиною Москвы, которая донынѣ жила только въ глубинѣ моего сердца, какъ идеалъ невиданной красавицы въ воображеніи пламеннаго юноши. Послѣ этого, удивительно ли, что їду не эжюмоу?

Я выѣхалъ изъ Петербурга во вторникъ, 23 Мая, въ дилижансѣ (№ 1) первоначальнаго заведенія. Экипажъ новый, чистый, красивый и весьма удобный, Карета внутри раздѣлена небольшою перегородкою; передніе пассажиры сидятъ синною къ заднимъ, но не совершенно отдѣлены отъ нихъ: посреди перегородки есть дверцы, которыхъ можно и не заперать.

Смотрителемъ случился молодой, ловкій, усердный и
учтивый человѣкъ, который всячески старался о по-
сѣщенности и удобствѣ пути. Въ благодарность обѣ-
щаль я отдать ему справедливость въ Сѣверной Пче-
лѣ, и охотно исполняю обѣщаніе: его зовутъ Иванъ
Михайловичъ Розинъ. Лошадей перемѣняли мигомъ,
и мы, какъ изъ лука стрѣла, летѣли по прекрасному
шоссе. *Московское шоссе* — эти слова произносимъ
мы, доможды петербургскіе, холодно и равнодушно;
но должно съѣздить въ Москву, чтобъ вполне почув-
ствовать всю цѣну этого великаго дѣла, можно ска-
зать, этого благодѣянія, оказаннаго Александромъ
Первымъ своему народу. Сообщенія между обѣими
столицами теперь облегчены и сокращены самымъ
чувствительнымъ образомъ, и плата за провозъ тяже-
стей значительно понижалась, слѣдственно произвела
пониженіе и въ цѣнахъ продуктовъ и товаровъ. Со-
кращены средства сообщенія, во-первыхъ, выигры-
шемъ времени отъ поспѣвнѣйшей ѣзды; во-вторыхъ,
и прѣложеніемъ дороги прямѣйшими линіями: уже
нынѣ изъ прежанхъ 728 верстъ осталось только 681;
со временемъ, когда шоссе будетъ довершено, со-
кращеніе сдѣлается еще значительнѣе. Выгоды и не-
выгоды прежней дороги особенно ощутительны между
Вышнимъ Волочкомъ и Тверью (четыре станицы, на
пространствѣ 134 $\frac{1}{2}$ версты), гдѣ шоссе еще не кон-
чено. Лошади вязнуть въ глубокомъ песку, и карета
едва движется, какъ минутная стрѣлка на часахъ.
И эти четыре станицы, въ прежнее время, считались

лучшими по всей дорогѣ! — На этомъ протяженіи шоссе будетъ кончено, какъ говорятъ, въ нынѣшнемъ году. По дорогѣ отъ Твери до Москвы не построены еще мосты, и замѣняются временными; деревянными. — Желательно, чтобъ по окончаніи этого шоссе, устроены были такимъ же образомъ дороги изъ Москвы въ Нижній Новгородъ и въ Тулу: послѣдняя, говорятъ, въ извѣстное время года, бываетъ вовсе непроходима.

Что сказать о странѣ, по которой я проѣхалъ? Дорога отъ Твери до Петербурга есть, такъ сказать, искусственная, проложенная по заложеніи послѣдняго изъ этихъ городовъ, почти по прямой чертѣ, а не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, отъ одного города или селенія къ другому, близлежащему. По этой причинѣ она пуста и единообразна. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ по обѣимъ сторонамъ шоссе тянется мелкій лѣсъ, березовый и еловый. Только тамъ, гдѣ какой набудъ ручеекъ перестѣкаетъ дорогу, построены деревни и усадьбы. Не прежде Яжедницкой станціи появляются возвышенія, рытвины, въ которыхъ мѣются ручьи, и вся страна получаетъ видъ одушевленный, разнообразный. Подъѣзжая къ Валдаю, видишь великое озеро, и на острову его, посреди темнозеленаго лѣса, утомленнымъ взорамъ странника представляются стѣны Иверскаго Монастыря. Въ Петербургской Губерніи пахатныхъ полей очень мало; въ Новгородской немного болѣе: въ Тверской они занимаютъ значительное пространство, а Московская населена и водѣ-

лана, какъ самыя благословенныя земли. Лѣсу мало. Отдѣльныя рощи начинаются за Тверью. Говорятъ, что здѣшніе лѣса истреблены на лапти. Очень можетъ быть. А сколько портится лѣсу близъ городовъ на берегахъ въ Семикъ и въ Троицынъ День *)! Сельская промышленность также мало по малу измѣняется: въ Тверской Губерніи начинаютъ показываться во всѣхъ избахъ ткацкіе станки, а въ Московской всѣ молодые люди, и мальчики и дѣвушки, вяжутъ чулки. По мѣрѣ приближенія къ югу, къ сердцу Россіи, кажется, и лица обитателей становятся пріятнѣе, выразительнѣе. Женщины въ окрестностяхъ Вышняго Волочка, Торжка и т. д. казались мнѣ гораздо привлекательнѣе поселянокъ Новгородской и Петербургской Губерній; только онѣ безобразятъ себя нарядами. Не говорю о сумѣнномъ, островерхомъ головномъ уборѣ: поясъ носятъ онѣ гораздо выше *пола*, и прелестнѣйшій удѣлъ женственности, *поддерживаемый* красавицами во всѣхъ странахъ, отъ Лиссабона до Константинополя, здѣсь перестѣкается и приплющивается узенькимъ кушакомъ. — Жительницы подмосковныхъ деревень очень милы. Всѣ дѣ-

*) Подѣзжая къ Москвѣ, увидѣлъ я, вѣдь отъ дороги, громады древесныхъ вѣтвей на большомъ пространствѣ, и между ими кучи дровъ. «Это что?» спросилъ я. — «Здѣсь,» отвѣчали мнѣ, «стояла до нынѣшняго года запоевѣдая роща, принадлежавшая къ подмосковному селенію Петровскому-Разумовскому. Помѣщикъ продалъ ее какому-то Жиду, и варваръ вырубилъ ее на дрова!!!»

вушки ходять въ красныхъ платочкахъ. Въ селѣ Чашниковѣ видѣлъ я потѣздъ свадебный: двѣ девушки шли въ чистенькихъ сарафанахъ, въ новенькихъ платочкахъ; лихіе парни ѣхали на телѣгахъ, и гѣли во все горло à la Воротниковъ *)! Я здѣсь вполне удовлетворилъ охотѣ своей бесѣдовать и шутить съ добрыми мужичками. Въ Выдропускѣ, пока перекладывали экипажъ, я вмѣшался въ толпу молодыхъ ямщиковъ, и далъ бездѣлицу на водку тому, который насъ привезъ съ прежней станціи. «За что, баринъ,» спросилъ другой ямщикъ, красавецъ собою, «изволите жаловать? вѣдь вы въ дилижансѣ ѣдете.» — «За то,» отвѣчалъ я, «что онъ ѣхалъ скоро, и притомъ бережно, былъ учтивъ, а не нахаленъ.» — «За то, сударь, мы ему и прекрасную невѣсту выбрали,» возразилъ прежній, «не правда ли? Что жъ ты краснѣешь?» — Я взглянулъ на ямщика, а онъ и подлинно покраснѣлся, какъ молодая дѣвушка. — «Ну, братъ,» продолжалъ прежній: «скажи жъ твоей Матрешѣ, что и господа тебя жалуютъ за учтивость.» Молодой ямщикъ стоялъ, потупивъ глаза, улыбался, и не зналъ что отвѣчать. Впрочемъ эти идиллическія сцены могутъ случаться только тогда, когда лошади уже впряжены. Съ самаго же прибытія на станцію до упряжки, происходитъ между собирающимися въ толпѣ ямщиками ужаснѣйшій споръ, кому ѣхать, чья

*) Петербургскій актеръ, отличающійся въ роляхъ Филатки и т. п.

очередь, не уступить ли кто своей, и т. д. Странное дѣло, что это возобновляется на каждой станціи, при каждой повоприбывшей повозкѣ. Кажется, будто эти люди случайно, въ первый разъ столкнулись на станціи, и спорять о дѣлѣ совершенно новомъ и очень затруднительномъ. Но для ѣдущихъ въ diligencѣ эти сцены только забавны. Лошадей, при безпре-
станномъ спорѣ и прежней брани, впрягутъ мигомъ, и полетятъ. Ямщикъ, желая отдичиться, лишь только выѣдетъ изъ виду почтоваго дома, мышкою лѣвой руки сниметъ рукавицу съ правой, поведетъ этою рукою надъ лошадьми, какъ будто магнитизируя ихъ, потомъ проворно надѣнетъ рукавицу, привскочитъ, гаркнетъ: «ну, соколки! али забыли!» взмахнетъ плетью, и свѣту божьего не взвидишь! — Путешествіе въ diligencѣ пріятно еще и потому, что освобождаетъ отъ необходимости имѣть сношенія съ особами, пользующимися правомъ 14-го класса, и извѣстными своею учтивостью, безкорыстіемъ и трезвостью.

Что сказать о городахъ, чрезъ которые мы проѣхали? Мало новаго. Въ Новгородъ вѣхали мы въ пять часовъ прекраснѣйшаго утра. Въ домахъ все спало. На улицахъ двигались немногіе пріѣзжіе крестьяне, солдаты и т. п. Вѣхавъ въ Кремль, мы вышли изъ кареты, и отпустили ее впередъ, а сами пошли въ Софійскій Соборъ. Въ находящейся подлѣ онаго церкви, Входа въ Іерусалимъ, служили заутреню. Одинъ церковникъ, увидѣвъ пріѣзжихъ, догадался, чего мы хотимъ, и когда мы еще разсуждали,

кого бы попросить о впускѣ насъ въ соборъ, онъ уже воротился съ извѣщеніемъ, что двери собора отперты. Мы вошли боковыми дверьми въ это древнѣйшее въ Россіи зданіе, мимо котораго вѣки пренеслись съ трескомъ и громомъ, не коснувшись его святыни. Съ благоговѣніемъ остановился я предъ царскими вратами, между мѣстами царскимъ и патріаршимъ, пробуждая въ душѣ своей великія воспоминанія. Здѣсь, на этомъ самомъ помостѣ, преклонялъ колѣни Александръ Невскій; здѣсь Марѳа Борецкая молила Святую Софію вступиться за градъ свой; Іоаннъ III приносилъ благодареніе Богу за приращеніе Россійской Державы присовокупленіемъ къ ней Новагорода. Зданіе храма тѣсное, темное — какъ древняя лѣтопись. У западныхъ вратъ разсматривали мы достопамятныя мѣдныя двери съ обронными изображениями. — Нынѣ храмъ внутри поправляютъ, строятъ обрушившіеся столпы, скрѣпляютъ другіе и т. д.; но, сколько я могъ замѣтить, починка эта производится съ точнымъ сохраненіемъ древняго характера этого зданія, съ благоговѣніемъ къ святынѣ, вѣками уважаемой. Вновь сооружаемыя стѣны во всемъ будутъ подобны прежнимъ; украшения, живопись и прочее, передаются во всей точности. Счастье, что передѣлка собора не попала въ руки нѣкоторыхъ поправщиковъ древности: они забѣлили бы всѣ старинныя изображенія чистою извѣстью, и вмѣсто древнихъ столбовъ, по ихъ мнѣнію безобразныхъ, поставили бы, такъ называемыхъ, готическихъ столби-

ковъ. Во Франціи называютъ этихъ истребителей старины *la bande noire* (черная шайка); у насъ можно было бы назвать ихъ *la bande blanche*: ломаютъ все, что можно, а что оставлять, то выбѣлять. — Изъ новыхъ построекъ въ Новѣгородѣ достоинъ преимущественнаго вниманія прекраснѣйшій мостъ чрезъ быстрый Волховъ. Но что значить нынѣшній Новгородъ въ сравненіи съ стариннымъ? На пространствѣ трехъ верстъ, по дорогѣ, представляются взорамъ путешественника развалины церквей, находившихся нѣкогда въ срединѣ города.

О Твери не могу сказать ни слова. Мы вѣхали туда ровно въ полночь, утомленные песчаною станціею, и выѣхали до разсвѣта. Жаль! Мнѣ жалелось бы посмотрѣть на мѣсто жительства незабвенной Великой Княгини Екатерины Павловны.

Валдай, Торжокъ, Вышній Волочекъ, съ ихъ баранками, колокольчиками и сафьяннымъ товаромъ, не очень занимаютъ путешественника: длинными улицами тянутся деревянные дома; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показываются и каменные. Лучшія гражданскія зданія суть дома присутственныхъ мѣстъ. Церкви вездѣ каменные — даже въ самомъ нпчтожномъ яму. Въ деревняхъ дома, по близости къ Петербургу, двухэтажные, но, по мѣрѣ удаленія оттуда, чаще появляются одноэтажные, имѣющіе внизу амбаръ, со входомъ съ улицы. Опрятные крестьяне моютъ свои жилища и снаружи, только не весь домъ, а одни простѣнки между окнами. Курныхъ избъ не видалъ я на

всей дорогѣ. — Во всѣхъ городахъ, замѣтилъ я, строится много новыхъ домовъ.

«Что это за рѣка?» спросилъ я за Тверью, взглянувъ налѣво отъ дороги. — «Волга,» отвѣчали мнѣ. Волга! повторилъ я съ восторгомъ:

Россійскихъ рѣкъ, озеръ краса,
О Волга пышна, величава!

Я глядѣлъ жаднымъ взоромъ на величественную рѣку, еще не широкую въ сихъ мѣстахъ, но уже несущую на хребтѣ своемъ *благословеніе земли*. Близъ Москвы видѣлъ я работы канала, проводимаго для соединенія Волги съ Москвою. Сказываютъ, что осталось прорыть не болѣе тридцати верстъ. Довершеніе этого канала будетъ великимъ для Москвы *благодѣяніемъ*.

Посмотримъ на маршрутъ: Городня, Завидово, Клинь, Подсолнечная, Черная Грязь — Москва! Москва! Уже не далеко.

Я совершилъ этотъ путь очень пріятно. Со мною ѣхалъ Н. С. С., молодой, любезный, образованный чело^вѣкъ, сынъ стариннаго пріятеля, пригласившаго меня остановиться въ Москвѣ у него въ домѣ. Другой пассажиръ былъ почтенный дворянинъ, возвращавшійся въ свое помѣстье, по окончаніи дѣлъ своихъ въ Петербургѣ, чело^вѣкъ очень добрый, скромный и образованный. Четвертое мѣсто было не занято, и мы *жили* въ подвижной нашей тюрьмѣ на просторѣ. Говорятъ, что путешествовать пріятно. Опредѣлимъ

точнѣе: да, дѣйствительно пріятно видѣть новые предметы, наблюдать на дѣлѣ и своимъ глазомъ то, что прежде зналъ только по наслышкѣ; но *путешествовать, ѣхать* въ собственномъ смыслѣ — воля ваша — скучно и утомительно, хотя бы и въ лучшемъ обществѣ, какъ нынѣ случилось со мною. Дни *пъзды* должно непременно исключить изъ числа дней *жизни*. Къ тому должно прибавить плохое устройство провіантской части на дорогѣ. Говорятъ: «на московской дорогѣ можно найти *все* что угодно.» Да каково это *все*? *Все* существуетъ здѣсь только въ *названіи*: супы, жаркія, соусы на здѣшнихъ станціяхъ то же самое, что представленіе Федры по переводу И. И. Сярякова, и Скупаго, по переводу С. Т. Аксакова. Жирно, по большей части недосолено, жестко, безвкусно и не питательно. Вино здѣсь кандидатъ 10-го класса въ *уксусы*. — Лучше всего спросить щей, и если посреди плавающего въ нихъ жиру какъ нибудь откроешь признакъ мяса, поблагодари судьбу, запей квасомъ, и спроси: «готовы ли лошади?» — Въ Торжкѣ славится ресторація Пожарскаго. Мы хотѣли было завернуть туда, но, по совѣту нашего зрителя, остановились въ другомъ трактирѣ, и я тамъ, въ ломтѣ жесткаго бифтексу (или, какъ его называютъ по дорогѣ, *биштики*), оставилъ свой предпоследній зубъ.

Правительство сдѣлало и дѣлаетъ въ пользу *проѣзжихъ* все что можно; но улучшенія, требуемая удобствомъ и прихотями роскоши, зависятъ отъ уси-

ленія проѣзду, и отъ соревнованія промышляющихъ. И это будетъ сдѣлано силою времени, по умноженіи потребностей житейскихъ. Россія находится въ періодѣ возрастанія, и нынѣшнее *посредственное* гораздо выше *лучшаго*, бывшаго въ употребленіи лѣтъ за двадцать предъ симъ.

И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ!

II.

МОСКВА.

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Князевій, царствъ российскихъ мать,
Москва! Россія дщерь любима!
Гдѣ равную тебѣ смекать?

И. И. Дмитріевъ.

При послѣдней перемѣнѣ лошадей (въ Черной Грязи) помѣстился я, съ спутникомъ своимъ, въ переднемъ кабриолетѣ дилижанса. Проливной дождь освѣжилъ предъ тѣмъ воздухъ; большая часть горизонта прояснилась; только на востокѣ чернѣлись тучи, служа полемъ той картинѣ, которая вскорѣ должна была открыться нетерпѣливымъ моимъ глазамъ. Впрочемъ, говорятъ, это не самая выгодная сторона для перваго взгляда на Москву; съ другихъ дорогъ она представляется въѣзжающему гораздо

великолѣпнѣе. Не прежде, какъ за три версты начали показываться на горизонтѣ главы московскихъ церквей и колоколни. Въ срединѣ возвышавшагося предъ нами *палисада* башень и шпицовъ, золотились верхи Ивана Великаго и соборовъ кремлевскихъ, а вправѣ, въ густой зелени, колокольня Новодевичьяго Монастыря. Мы въѣхали въ Село *Всесвятское*, известное на всей Руси, по пѣснѣ:

Во селѣ, Селѣ Всесвятскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгрались расплясались
Красны дѣвицы весной.

Вскорѣ за тѣмъ открылся влѣвъ, среди густой рощи, *Дворецъ Петровский*, прекрасное полу-готическое, полу-фантастическое зданіе, въ которомъ Наполеонъ сталъ на верхнюю точку своего мнимаго счастья, своей славы: отсюда покатился онъ стремглавъ въ пучину, и очнулся — на Островѣ Св. Елены. Теперь устраиваютъ большой, великолѣпный паркъ, отъ Петровскаго до самаго города. Гульбище это будетъ прекрасно и въ Москвѣ, изобилующей живописными окрестностями.

У Тверской Заставы сооружаются триумфальныя ворота. Молодецъ, унтеръ-офицеръ полка Князя Сакена, подхватилъ заготовленный нашимъ зрителемъ списокъ прѣзжихъ. «Подвысь!» Шлагбаумъ взлетѣлъ къ верху; нашъ дилижансъ быстро двинулся въ городъ.

Это Тверская Ямская. По лѣвую сторону улицы идутъ дома ветхіе деревянные, по правую новые каменные, выстроенные для московскихъ ямщиковъ щедротами Государя Императора. Пріятно и усладительно находить по лицу всей Русской Земли живые памятники благотворительности и милосердія Государя нашего. Самъ чувствуешь при этомъ: «и здѣсь я подъ его кровомъ; и здѣсь, въ удаленіи отъ свѣтлаго трона, онъ промыслительно своею волею хранить, бережеть, счастливить меня!» — Да и какъ любятъ его въ Москвѣ! Подите куда угодно: вездѣ второе, третье слово: «здѣсь былъ Государь съ Государынею и Наслѣдникомъ; здѣсь онъ былъ доволенъ; здѣсь похвалилъ, а тутъ замѣтилъ то-то и то-то.»

Любви лишь можетъ быть одна любовь наградой.

Вотъ Москва! Улицы, бульвары, церкви разныхъ временъ и разной архитектуры, дома и обыкновенные и странные, и великолѣпные и смиренные, мелькали, какъ сонныя видѣнія, предъ моими глазами. Дилижансъ остановился. Мы съ спутникомъ своимъ вышли и отправились къ нему въ домъ, гдѣ любовь родительская встрѣтила новоприбывшаго искреннимъ изліяніемъ благороднѣйшаго чувства.

Отдохнувъ съ полчаса, я съ нетерпѣніемъ отправился изъ дому, чтобъ взглянуть на Кремль. Миновавъ Большой Петровскій Театръ, очутились мы на просторной площади, кипящей народомъ. Посреди ея, въ центрѣ огромнаго водоема, бьетъ пальмою фонтанъ.

Надъ нею сверкають верхи кремлевскихъ соборовъ. Мы проѣхали мимо великолѣпной рѣшетки, ограждающей Кремлевскій Садъ, далѣе, мимо всего сада, и миновавъ Спасскія Ворота, въ которыхъ что-то починивали, вѣхали въ Кремль Никольскими. Напрасно сталъ бы я изображать, описывать, изъяснять то чувство, которымъ стѣснилась въ эту незабвенную минуту грудь моя. Это Кремль! Вотъ три вѣнца Русскаго Царства: Успенскій Соборъ, въ которомъ Россійскіе Монархи вѣнчаются на царство и помазываются мѣромъ; Благовѣщенскій, гдѣ Цари Русскіе вѣнчались на бракъ; Архангельскій, въ которомъ они принимали *последній* вѣнецъ! И здѣсь ихъ гробницы: въ Архангельскомъ Соборѣ покоятся Цари, въ Успенскомъ Патріархи, въ Вознесенскомъ Монастырѣ Царицы. — Вотъ Красное Крыльце! Вотъ древняя Москва! Вотъ Россія во всемъ величій своей простодушной старины! — Глаза мои наполнились слезами благоговѣнія къ святынѣ, поразившей ихъ въ первый разъ. Благодарю судьбу, подарившую меня въ тѣ лѣта, когда исчезаютъ обаянія чувствъ и воображенія, сими драгоценными мгновеніями сладостнаго юношескаго восторга. Мгновенія эти миновали, но благодатный лучъ ихъ зажегъ въ памяти моей лампаду, которая будетъ въ ней теплиться до конца жизни.

Не думаю, чтобъ кто нибудь могъ усомниться въ дѣйствительности и искренности этого восторга. Жители московскіе привыкли съ младенчества своего созерцать эти картины, почитать эти живые памятники

древняго русскаго быта, ходить по стогнамъ, гдѣ каждый камень орошенъ русскою кровью, пролитую за Вѣру и Отечество; но прїѣзжій въ семь случаевъ походить на человѣка, который родился, выросъ и возмужалъ въ темномъ рудникѣ, освѣщаемомъ тусклою лампадою, и вдругъ, вышедъ на поверхность земли, видитъ въ первый разъ вѣчное солнце.

Послѣ того я неоднократно посѣщалъ Кремль, въ сопровожденіи толковыхъ путеводителей, и всегда находилъ въ немъ новые предметы для созерцанія, для возбужденія великихъ воспоминаній о древнихъ событіяхъ Россіи. И въ одномъ ли Кремлѣ можно здѣсь найти пищу любви своей къ Русской Исторіи? Взгляните на Церковь Василія Блаженнаго, построенную Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ память завоеванія Казани: о ней нельзя имѣть понятія по гравированнымъ ея изображеніямъ; надобно видѣть и цвѣта, которыми испещрена она снаружи, и замысловатость въ разнообразіи граней на главахъ ея. — Обративъ потомъ глаза на Казанскій Соборъ, вспомните, что онъ построенъ Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ. Взгляните на Лѣбное Мѣсто, съ котораго Василій Іоанновичъ Шуйскій говорилъ народу. Отыщите въ Китаѣ Городъ домъ боярина Матвѣева. Посмотрите на небольшую древнюю церковь, стоящую въ недалекомъ разстояніи отъ однихъ изъ кремлевскихъ воротъ — это Церковь Николая Чудотворца *въ Подкопалхъ*, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ выходилъ тайный подкопъ изъ Кремля во

время осадъ татарскихъ. — «Знаете ли, какъ называется это мѣсто?» спросилъ у меня спутникъ мой, когда мы, возвращаясь изъ Нескучнаго Саду, перѣзжали Москву рѣку, по деревянному мосту: «это Крымскій Бродъ. Здѣсь Крымскіе Татары переходили рѣку, нападая на русскую столицу.» — Съ высотъ, гдѣ построенъ Симоновъ Монастырь, видно за Москвою рѣкою большое пространство, очень мало застроенное: это Котлы, гдѣ разсыянъ прахъ Лжедмитрія!

Въ этихъ немногихъ строкахъ хотѣлъ я только показать, какимъ образомъ Москва дѣйствуетъ на небывалаго въ ней пришельца. Странно и дерзко было бы, если бъ я, послѣ бѣглаго, цѣрехностнаго взгляда, вздумалъ изображать ее, описывать, спорить, и т. п. Это дѣло *самородныхъ* Москвичей. На ихъ обязанности и совѣсти лежитъ изображеніе и описаніе тѣхъ древностей, которыя уцѣлѣли въ Москвѣ послѣ татарскихъ нашествій Батыя, Тохтамыша и Наполеона. Живописное путешествіе по Москвѣ было бы живописнымъ путешествіемъ по Древней и Средней Россіи. Но этого не должно отлагать надолго: время, истребительною силою своею, сглаживаетъ слѣды древности.

III.

Многіе спрашиваютъ у меня, какъ понравилась мнѣ Москва вообще, и какое различіе замѣтилъ я въ ней

всей дорогѣ. — Во всѣхъ
строится много новыхъ до

«Что это за рѣка?»
нужь налѣво отъ дорогѣ
Волга! повторилъ я сѣ

Россійск
О Волга

Я глядѣлъ ж
рѣку, еще не
несущую на
Близъ Моск
для соедин
осталось
шеніе эт
годѣян

Ц

Кли

М

МОСКВА.

Въ какомъ ты блескѣ имѣешь званіе,
Княженій, царствъ Россійскихъ мѣть,
Москва! Россіи дщерь любима!
Гдѣ равную тебѣ смекать?

Н. Н. ДМИТРИЙ.

Въ послѣдней перемѣнѣ лошадей (въ Черной
бри) помѣстился я, съ спутникомъ своимъ, въ пе-
реднемъ кабріолетѣ дилижанса. Проливной дождь
освѣжилъ предъ тѣмъ воздухъ; большая часть гори-
зонта прояснилась; только на востокъ чернѣлись
тучи, служа полемъ той картинѣ, которая вскорѣ дол-
женствовала открыться нетерпѣливымъ моимъ взо-
рамъ. Впрочемъ, говорятъ, это не самая выгодная
сторона для перваго взгляда на Москву; съ другихъ
дорогъ она представляется въѣзжающему гораздо

же. Не пр

а го

Знаете ли, какъ назы-

меня спутникъ мой,

учнаго Саду, пере-

тому мосту: «это

ары переходили

Съ высотъ,

за Москвою

застроен-

итрія!

Во селѣ, Селѣ Всесвятѣ

Среди улицы большой,

Разыгрались расплясались

Красны дѣвицы весной.

только

ъ на

зко

то

Вскорѣ за тѣмъ открылся влѣвъ, среди густо-
рощи, *Дворецъ Петровскій*, прекрасное полу-готи-
ческое, полу-фантастическое зданіе, въ которомъ
Наполеонъ сталъ на верхнюю точку своего мнимаго
счастья, своей славы: отсюда покатился онъ стрем-
главъ въ пучину, и очнулся — на Островѣ Св. Елены.
Теперь устраиваютъ большой, великолѣпный паркъ,
отъ Петровскаго до самаго города. Гульбище это бу-
детъ прекрасно и въ Москвѣ, изобилующей живопис-
ными окрестностями.

У Тверской Заставы сооружаются триумфальныя
ворота. Молодецъ, унтеръ-офицеръ полка Князя Са-
кена, подхватилъ заготовленный нашимъ смотре-
лемъ списокъ пріѣзжихъ. «Подвыезъ!» Шлагбаумъ
взлетѣлъ къверху; нашъ дилижансъ быстро двинулся
въ городъ.

ления проѣзду, и отъ
И это будетъ сдѣла
потребностей жите
дѣ возрастанія,
выше *лучшаго*
двадцать пре

ую сторону
правую
ски

и отъ
ею волею хр
иеня!» — Да и какъ
дите куда угодно: вездѣ второе,
дѣсь былъ Государь съ Государынею и
икомъ; здѣсь онъ былъ доволенъ; здѣсь похва
илъ, а тутъ замѣтилъ то-то и то-то.»

Любови лишь можетъ быть одна любовь наградою.

Вотъ Москва! Улицы, бульвары, церкви разныхъ
временъ и разной архитектуры, дома и обыкновен-
ные и странные, и великолѣпные и смиренныя, мель-
кали, какъ сонныя видѣнія, предъ моими глазами.
Дилижансъ остановился. Мы съ спутникомъ своимъ
вышли и отправились къ нему въ домъ, гдѣ любовь
родительская встрѣтила новоприбывшаго искреннимъ
изліяніемъ благороднѣйшаго чувства.

Отдохнувъ съ полчаса, я съ нетерпѣніемъ отпра-
вился изъ дому, чтобъ взглянуть на Кремль. Минувъ
Большой Петровскій Театръ, очутились мы на про-
сторной площади, кипящей народомъ. Посреди ея, въ
центръ огромнаго водоема, бьетъ пальмою фонтанъ.

Надъ нею све-
тло
проѣхали
косятъ

груда
наго Царства:
сѣйскіе Монархи вѣн-
чались на бракъ; Архангельскіе
внимали послѣдній вѣнецъ! И
въ Архангельскомъ Соборѣ покоя-
лись Патріархи, въ Вознесенскомъ
рицы. — Вотъ Красное Крыльце! Вотъ дровъ.
Вотъ Россія во всемъ величій своей прост-
оты! — Глаза мои наполнились слезами
говѣнія къ святынь, поразившей ихъ въ первый разъ.
Благодарю судьбу, подарившую меня въ тѣ лѣта,
когда исчезаютъ обаянія чувствъ и воображенія, сими
драгоценными мгновеньями сладостнаго юношескаго
восторга. Мгновенья эти миновали, но благодатный
лучъ ихъ зажегъ въ памяти моей лампаду, которая
будетъ въ ней теплиться до конца жизни.

Не думаю, чтобъ кто нибудь могъ усомниться въ
дѣйствительности и искренности этого восторга. Жи-
тели московскіе привыкли съ младенчества своего
созерцать эти картины, почитать эти живые памятники

— «Знаете ли, какъ назы-
вается у меня спутникъ мой,
Нескучнаго Саду, пере-
звѣстному мосту: «это
Татары переходили
въ.» — Съ высотъ,
видно за Москвою
мало застроен-
наго кедимитрія!
Тѣ я только
существуетъ на
и дерзко
остнаго
драть,
ихъ
за-
вѣ

древняго русскаго
каменнаго моста
за Валу и Ор-
востокъ и
моста и
моста и
моста и

какъ города *приморскаго*. Какая картина искус-
ственной мѣры можетъ быть прелестнѣе зрѣлища
кораблей, которые густымъ лѣсомъ мачтъ осѣняютъ
набережную Биржи! Вамъ этого недовольно: вы хо-
тите видѣть море? Пойдемте въ Екатерингофъ: это
ближе Дѣвичьего Поля. Вотъ оно, вотъ часть того
огромнаго пространства воды, которое, облекая шаръ
земной, не раздѣляетъ, а соединяетъ между собою
разныя части суши! Видите ли, на краю горизонта
трехмачтовый корабль, летящій на всехъ парусахъ?
А вотъ навстрѣчу ему, такъ же быстро, хотя и
противъ вѣтру, идетъ плоскодонное судно, имѣю-
щее, въѣсо мачты, дымящуюся трубу: это паро-
ходъ — превосходнѣйшее изобрѣтеніе девятнадцатаго
вѣка.

А внутри города? Зимній Дворецъ, съ возвышаю-
щеюся предъ нимъ единственною на земномъ шарѣ
колонною Александра; наоупротивъ его зданіе мини-
стерствъ военнаго, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ —
величественное, огромное, стройное и сообразное въ
частяхъ своихъ. Вправо отъ дворца зданіе Адмирал-
тейства, окруженное зеленѣющимъ бульваромъ; на-
оупротивъ его громада великолѣпнѣйшихъ палатъ,
разрѣзанныхъ тремя расходящимися улицами, Nev-
скимъ Проспектомъ, Гороховою и Вознесенскою;
далье рядъ исполинскихъ столповъ Исакиевскаго Со-
бора; манежъ конной гвардіи, выстроенный наподобіе
партеона афинскаго; за статуею Петра новое зданіе
Синода и Сената, раздѣленное аркою, въ которой, какъ

на театальной джорации, рѣшается Галерная Улица, съ олагомъ, развѣвающимся въ концѣ ея, на Новомъ Адмиралтействѣ; далѣе Невы: по лѣвому берегу ея тянется Набережная Англійская, уставленная рядомъ великолѣпнѣйшихъ домовъ; по правому набережная Васильевского Острова; гдѣ дома, по уклону рѣки, идутъ уступами, какъ на кулисахъ сцены; гдѣ зданія Академій Художествъ, Морскаго Корпуса и Горнаго Института прерываютъ *гражданское* равенство этой купеческой части города! Надобно родиться посреди этихъ чудесъ искусства, надобно видѣть ихъ ежедневно, чтобъ смотрѣть на нихъ равнодушно; но стоитъ съѣздить куда нибудь недѣлю на двѣ, чтобъ почувствовать все ихъ превосходство.

Москва драгоценна воспоминаніями историческими: но чувство народной гордости, кажется мнѣ, находитъ болѣе пищи въ С. Петербургѣ, памятникъ новой, просвѣщенной, могущественной Россіи, воздвигнутомъ на землѣ чуждой, прибрѣтенной и огражденной силою русскаго меча и гениемъ ея Государей.

Безразсудно было бы съ моей стороны произнести рѣшительный судъ о Москвѣ, о нравахъ, обычаяхъ, отгѣнахъ тамошнихъ жителей, послѣ двухнедѣльнаго тамъ пребыванія — притомъ же лѣтомъ; когда половина *благородной* Москвы разлилась по разнымъ сторонамъ. Сообщу немногія отгѣтки изъ записной моей книжки!

Мнѣ понравился въ Москвѣ простой народъ: своимъ смирительствомъ, оригинальностью и учтивостію. Заговоривъ съ простымъ человекомъ на улицѣ, вы можете быть увѣрены, что онъ будетъ отвѣчать привѣтливо и вѣжливо, будетъ отвѣчать порусски; что вы не услышите грубаго: эй жидыш. Простого народу, кажется мнѣ, въ Москвѣ гораздо болѣе, нежели въ Петербургѣ; особенно въ предмѣстіяхъ, — или онъ тамъ болѣе движется по улицамъ. Сидѣльцы въ рядахъ также очень услужливы и учтивы. Роскоши въ нарядахъ замѣтилъ я тамъ гораздо менѣе: здѣсь, въ Петербургѣ, напримѣръ, всякая горничная въ воскресенье и праздникъ щеголяетъ въ шляпкѣ; въ Москвѣ молоденькія дѣвицы, одѣтыя опрятно и нарядно, ходятъ въ скромныхъ чепчикахъ. Кстати о дѣвицахъ: въ Москвѣ видѣлъ я обрядъ, неизвѣстный въ Петербургѣ. На другой день по прѣздѣ моемъ, встрѣтились мнѣ на улицѣ похороны: за розовымъ гробомъ шло множество женщинъ и дѣвицъ въ бѣломъ и цвѣтномъ платьѣ, какъ на какомъ нибудь праздникѣ; никого не было въ траурѣ. На вопросъ мой, что бы это значило, мнѣ отвѣчали, что хоронятъ дѣвицу, и что на погребеніи Христовой невесты никогда не носятъ печальной одежды.

Въ Петербургѣ преимуществуетъ тѣснотное чиновное и служебное. Подслушайте мелькомъ разговоры на улицахъ: «доставось въ подковники; произведенья ассессоры безъ аттестата; махнулъ въ начальническое отдѣленіе, третьей Анны, четвертаго Сидорова.»

Въ Москвѣ господствуетъ аристократія патриархальная, семейная; слышите ли: «женится на племянникѣ Князя Спиридона Матвѣевича; схоронилъ тетюшку Акулину Елизаровну; отдаетъ домъ за воспитанницу; старикъ-отъ заупрямился, не умираетъ.» — Услышите ли вы въ Петербургѣ фразу, подобную слѣдующей: «свихнулся было, да потомъ поправился чрезъ женщинъ и дворовыхъ людей!» — Однажды, въ театрѣ, спросилъ я у сосѣда моего: «кто этотъ человѣкъ почтеннаго вида въ орденахъ?» — «Какъ? вы его не знаете? Это племянникъ Прасковьи Полухотовны!» —

Въ Петербургѣ болѣе толкуютъ о политикѣ, о наукахъ, о художествахъ; въ Москвѣ о домоводствѣ, о собакахъ, о лошадяхъ. Меринъ Протекторъ, которому достался первый призъ на скачкѣ 6-го Іюня, леталъ въ Москвѣ съ устъ на уста, какъ Лордъ Бейронъ. Но мнѣ кажется, что въ Москвѣ болѣе хотятъ и болѣе имѣютъ наслаждаться и веселиться, нежели въ Петербургѣ. Здѣсь, напримѣръ, въ театрѣ, большая часть зрителей зѣваетъ, жалуется на скуку, на неимѣніе другихъ забавъ, и какъ будто стыдится находить удовольствіе. Въ Москвѣ тѣшатся отъ души, глазъ не сводятъ со сцены, бояся проронить слово; когда же наскучить, уходятъ изъ театра туда, гдѣ повеселѣе. И литературою русскою (впрочемъ, сколько я замѣтилъ) въ Москвѣ занимаются усерднѣе, нежели у насъ. — Москвичи имѣютъ болѣе патриотизма московскаго, болѣе дорожатъ Москвою, не-

жели мы Петербургомъ. У насъ начини бранить Петербургъ, всѣ хоромъ пристанутъ. Въ Москвѣ задѣнь бѣлокаменную, ногъ не увесешь. Иной хвалить, хвалить Москву, а ъсегда кончить восклицаніемъ: «Ахъ! если бѣ удалось опять побывать въ Петербургъ!»

НЕБРОЛОГИ.

1001.092111

КАРАМЗИНЪ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Симбирской Губерніи, 1-го Декабря 1765 года; воспитывался въ Москвѣ въ домѣ профессора Шадена, а потомъ учился въ тамошнемъ университетѣ. Въ молодости своей служилъ въ гвардіи, и съ 1789 по 1791 годъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы. Съ того времени жилъ въ Москвѣ, занимаясь литературою. Въ 1803 году пожалованъ въ Императорскіе исторіографы; въ слѣдующемъ году награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника; въ 1810 получилъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ 1812 пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, а въ 1816, по поднесеніи имъ Государю Императору Александру Павловичу первыхъ восьми томовъ Исторіи Государства Россійскаго, награжденъ чиномъ статскаго совѣтника и орденомъ Св. Анны 1-го класса. Съ того времени поселился онъ въ С. Петербургѣ. Въ 1824

году награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Кончина Государя Благодѣтеля поразила благодарнаго Карамзина жестокимъ ударомъ: онъ впалъ въ изнурительную чахотку. Всѣ старанія врачей, всѣ попеченія родныхъ и друзей, великодушное участіе Государя, пламенные желанія признательныхъ соотчичей — были тщетны. Покойный, чувствуя постепенное исчезаніе силъ своихъ, пожелалъ отправиться въ теплый климатъ Италіи, и надѣялся, на благословенныхъ берегахъ Арно, возстановить свое здоровье. Государь Императоръ, узнавъ о томъ, всемилоостивѣйше пожаловалъ ему на дорогу 50 т. рублей, и повелѣлъ, для отправления его, снарядить фрегатъ, Елену, подъ команду капитана Епанчина. Но Карамзинъ не могъ уже симъ воспользоваться: извѣстіе о кончинѣ Императрицы Елисаветы Алексѣевны погрузило его въ новую скорбь, отъ которой увеличились болѣзненные его припадки. Полученный имъ въ послѣдніе дни жизни знакъ Монаршей милости, успокоившей его въ разсужденіи будущей участи вѣрно любимаго имъ семейства, возбудилъ потухавшую въ немъ искру жизни, но не надолго. Въ четвертокъ, 20-го числа утромъ, онъ еще говорилъ объ Италіи, но вскорѣ впалъ въ совершенное разслабленіе и безпамятство, и тихо скончался 22-го Мая (1826), во второмъ часу по полудни, на рукахъ родныхъ и друзей своихъ....

Карамзинъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, началъ упражняться въ отечественной словесности, и все

время, которое другіе употребляютъ на пріобрѣтеніе чиновъ или богатства, посвятить благороднымъ занятіямъ науки и литературы. Но исключительныя занятія эти не лишили его наградъ и выгодъ, сопряженныхъ съ дѣйствительною службою. Правосудные и великодушные Государи награждали его труды и заслуги самымъ отличнымъ образомъ: онъ былъ одинъ изъ первыхъ, получившихъ орденъ Св. Владиміра 3-й степени въ чинѣ надворнаго совѣтника; онъ одинъ въ Россіи имѣлъ орденъ Св. Анны 1-го класса въ чинѣ статскаго совѣтника, и получилъ оный вмѣстѣ съ самъ чиномъ. Всѣмъ извѣстна послѣдняя, истинно царская награда, которой онъ удостоился; извѣстно и то, какую сугубую цѣну получила, въ глазахъ его и всѣхъ благомыслящихъ людей, сія награда отъ выраженій, коими благолюбивый Монархъ извѣстилъ объ оной самого Карамзина.

Первые переводы Карамзина помѣщены были въ журналъ *Дѣтское Чтеніе*. Онъ издалъ въ Москвѣ: 1) *Московский Журналъ*, 8 томовъ, 1792 и 1793. 2) *Азѣлъ*, 2 книжки, 1794. 3) *Аониды*, или собраніе разныхъ стихотвореній, 3 части (1797, 1798 и 1799 г.). 4) *Пантеонъ иностранной словесности*, 3 книжки, 1798. 5) *Вѣстникъ Европы*, журналъ политическій и литературный, 12 частей, 1802 и 1803 годовъ. — Сочиненія свои, напечатанныя въ *Московскомъ Журналѣ*, издалъ онъ особо, въ 1794 году, подъ названіемъ: *Мои бездѣлки*. Въ 1804 г. напечатано въ Москвѣ полное собраніе его сочиненій

(съ 1815 г. вторымъ, въ 1820 третьимъ тисненіемъ, въ девяти томахъ). Въ немъ заключаются: 1) *Смѣхотворенія*, болѣею частію лирическія. 2) *Письма Русскаго Путешественника*, 4 тома. 3) Повѣсти: *Бѣдная Лиза*, *Прекрасная царица и счастливый карла*, *Юлія*, *Дремучій лѣсъ*, *Наталья*, *боярская дочь*, *Сіерра-Морена*, *Острова Борнгольмъ и Марса Посадница*, или *покореніе Новгорода*. 4) *Историческое похвальное слово Екатерины II*. 5) *Разговоръ о счастіи*. 6) *О Бюдановскихъ и его сочиненіяхъ*. 7) Историческіе отрывки: *О московскомъ мятежѣ въ царствованіи Алексѣя Михайловича*; *Пантеонъ русскихъ авторовъ*; *Русская старина*; *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ*. 8) *Рѣчь*, произнесенная въ собраніи Россійской Академіи, и проч. Сверхъ того напечатаны въ семь собраній мелкія прозаическія статьи разнаго содержанія, помѣщенные въ издаваемыхъ имъ журналахъ. Изъ переводовъ напечатаны въ тѣхъ же журналахъ и особо: *Повѣсти Мармонтеля* (М. 1794 и 1815), *Повѣсти господина Жанлиса* (М. 1816), и еще *Повѣсти разныхъ сочинителей* (М. 1816). Но важнѣйшее твореніе, которому онъ посвящалъ съ 1803 года до кончины своей, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, всѣ свои труды, есть: *Исторія Государства Россійскаго*, 8 томовъ, напечатанная въ Санктпетербургѣ 1816—18 годовъ, вторымъ тисненіемъ, тамъ же, 1819—20 годовъ; девятый томъ 1821; десятый и одиннадцатый 1823 г.

Карамзинъ занимался, въ теченіе двухъ лѣтъ, сочиненіемъ двѣнадцатаго тома, заключающагося восшествіемъ на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича: не знаемъ, кончатъ ли этотъ трудъ совершенно. Твореніе его переведено на французскій, нѣмецкій и итальянскій языки.

Исторія Государства Россійскаго есть одно изъ важнѣйшихъ твореній на рускомъ языкѣ, по предмету, изложенію и слогу. Карамзинъ воздвигъ онымъ незыблемый памятникъ героямъ и подвигамъ древности русской, и своему трудолюбію, уму и талантамъ. Но если онъ, въ званіи историка, достоинъ хвалы и благодарности соотечичей и потомства, то не менѣе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ славы въ качествѣ литератора и прозаика. Карамзинъ сотворилъ новую, правильную, чистую, легкую, благородную русскую прозу. Произведенія его, казавшіяся легкими, потому что нашли многихъ подражателей, и въ томъ числѣ много удачныхъ, сначала возбудили противорѣчіе въ литераторахъ, привыкшихъ къ прозѣ Ломоносова и его современниковъ; но въ послѣдствіе времени общій голосъ истинно просвѣщенной публики призналъ, что слогъ Карамзина не есть прихотливое подражаніе иностраннымъ примѣрамъ, а основанъ на глубокомъ познаніи свойствъ русскаго языка, очищенъ благороднымъ вкусомъ и утвержденъ на правилахъ всеобщей грамматики. Въ первыхъ его сочиненіяхъ, особенно въ Письмахъ Русскаго Путешественника, встрѣчались иностранныя слова; но слогъ послѣдовавшихъ его

творений, преимущественно Россійской Исторіи, может назваться образцовымъ. Не снѣмъ утверждать, что Карамзинъ достигъ уже послѣдней степени совершенства: языкъ нашъ еще можетъ обогатиться выраженіями и формами, приобрести большую правильность, возвыситься надъ нынѣшнюю свою степенью; но имя и труды Карамзина будутъ сіять въ потомствѣ подлѣ имени Кантемира и Ломоносова. Сочиненія Карамзина дѣйствовали примѣтно на его современниковъ: пріохотивъ и женскій полъ въ Россіи къ занятіямъ отечественною словесностію, они предуготовили образованіе вкуса въ возрастающемъ поколѣніи. Рѣшительно можемъ сказать, что легкостію, ясностію и правильностію русской прозы въ нынѣшнее время, обязаны мы трудамъ Карамзина. Нельзя исчислить благодѣтельныхъ послѣдствій, произтекающихъ въ обществѣ и литературѣ отъ трудовъ *одного* образцоваго писателя: умъ и вкусъ его проникаютъ повсюду — и въ кабинетъ ученаго, и въ будуаръ модной женщины, и въ палатку воина, и въ палату судейскую: читая произведенія хорошаго автора, иногда внутренно досадуя на непривычную новизну, иногда и явно возставая на то, чего не было прежде, люди мало по малу привыкаютъ къ лучшему, нечувствительно увлекаются силою ума и изящества, и невольно становятся его послѣдователями и подражателями, сами того не примѣчая. — Стихотворенія Карамзина суть выраженіе мыслей умнаго человека, облеченное въ форму поэзіи иѣжной и привлекательной.

Творенія Карамзина, въ которыхъ отзывались необыкновенный умъ, чистый вкусъ, ясная душа и доброе сердце; доставили ему множество друзей и читателей во всей русской публикѣ. Нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы, въ теченіе тридцати слѣдующихъ лѣтъ, не читали Карамзина, не восхищались его трудами, не любили заочно автора. Нѣкоторые писатели, издали восхищающіе публику, въ личномъ обхожденіи разочаровываютъ своихъ читателей; съ Карамзиннымъ было противное: личное съ нимъ знакомство увеличивало и укрѣпляло почтеніе и любовь, внушаемыя его произведеніями. «Въ слогѣ заключается весь человѣкъ *)», говоритъ Бюффонъ. Это въ точности можно было отнести къ Карамзину. Основательность, спокойствіе, ясность, чистота, правильность, благо-разумная бережливость, гармонія его слога — видны были въ его дѣлахъ и обращеніи; но качества эти получали новый блескъ и неотъемлемую прелесть отъ нѣжности сердца, отъ душевной теплоты, кроткой сострадательности и трогательнаго человеколюбія, коими оживлялись всѣ его помысленія, слова и поступки. Онъ былъ вѣрный другъ, нѣжный супругъ, чадолюбивый отецъ; находилъ услажденіе въ пособіи и благотвореніи ближнимъ (сколько облагодѣтельствованныхъ имъ орошаютъ горячими слезами его могилу!); чувствуя свое достоинство, былъ скромень и невзыскателенъ, не зналъ недоброжелательности, за-

*) Le style est tout l'homme.

исти и мѣненія; былъ благочестивъ и приобщенъ къ Богу; пламенно любилъ Россію и добрыхъ своихъ Государей — былъ человекъ великій и добродѣтельный во всемъ значеніи этихъ словъ.

И уже нѣтъ его! И мы сокрыли смертные останки нашего Карамзина въ хладную землю! — Горестныя помышленія толпились въ душѣ моей, когда опускали прахъ его въ могилу: я слѣдовалъ глазами за гробомъ, желая еще нѣсколько мгновеній наслаждаться мыслию, что онъ посреди насъ, и съ умиленнымъ сердцемъ прочиталъ божественныя слова, начертанныя на крышѣ гроба: *Блаженн чистѣмъ сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрятъ!*

ШУБЕРТЬ.

Федоръ Ивановичъ Шубертъ (Friedrich Theodor Schubert) родился въ Гельмштедтѣ ^{30/19} Октября 1758 года. Отецъ его, вскорѣ послѣ того, переселился въ Грейфсвальдъ (въ Помераніи), и тамъ началось ученіе сына, сперва въ гимназій, а потомъ въ университетъ этого города. Съ 1776 по 1779 годъ, учился онъ въ Геттингенѣ восточнымъ языкамъ и богословію; въ 1779 совершилъ путешествіе въ Швецію; а съ 1780 по 1783 занимался окончательнымъ образованіемъ молодыхъ людей. Для преподаванія питомцамъ своимъ высшей математики, нашелся онъ принужденнымъ повторить немногіе уроки, полученные имъ въ юности по этой части, и безъ наставника, собственнымъ изученіемъ и наблюденіемъ пойти далѣе. Вскорѣ онъ полюбилъ эту науку, и совершенно посвятилъ себя занятіямъ математикою, въ которой оказалъ въ послѣдствіи столь блистательные успѣхи. Въ 1783

году переселился онъ въ Ревель, и былъ опредѣленъ ревизоромъ Гапсальскаго Уѣзда; притомъ занимался онъ обученіемъ молодыхъ ливонскихъ дворянъ, готовившихся вступить въ военную службу. — Въ 1785 году опредѣленъ онъ былъ въ географы при Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ: первымъ дѣломъ его, по пріѣздѣ въ столицу, было устройство большого готторпскаго глобуса, который былъ поврежденъ пожаромъ. — Въ 1786 году произведенъ онъ въ адъюнкты математическаго класса; съ этимъ вмѣстѣ сдѣлался онъ членомъ конференціи академіи, и занималъ это мѣсто 39 лѣтъ, до своей кончины. Въ 1789 году, произведенъ онъ въ настоящіе академики. Въ 1791, занялся сочиненіемъ *Теоретической Астрономіи*, которая напечатана на нѣмецкомъ языкѣ въ 1798 году. — Въ 1799, произведенъ въ коллежскіе совѣтники. — Въ 1800, поручена ему должность бібліотекаря и смотрителя милиціи-кабинета академіи. — Съ 1803 года, преподавалъ онъ офицерамъ генеральнаго штаба лекціи въ практической астрономіи: изданное имъ для этой цѣли, на нѣмецкомъ языкѣ, *Руководство къ астрономическимъ наблюденіямъ, служащимъ къ опредѣленію долготы и широты мѣстъ*, переведенное на русскій языкъ академикомъ С. Я. Румовскимъ, печатано съ 1803 года нѣсколько разъ въ подлинникѣ и въ переводѣ. — Въ 1804 году произведенъ онъ въ статскіе совѣтники. — Въ 1805, отправился при посольствѣ въ Китай, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, возвратился уже изъ Ир-

кутска. Въ 1813 году принять въ почетные члены Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента. — Въ 1819, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. — Въ продолженіе службы своей награжденъ онъ былъ орденами Св. Владиміра, сперва 4-й, потомъ 3-й степени, и Св. Анны 2-го класса, съ алмазными украшеніями. — Въ 1819 году сложилъ онъ съ себя должность библіотекаря академіи, чтобъ заняться исключительно вторымъ изданіемъ своей Теоретической Астрономіи. По желанію многихъ ученыхъ, особенно же друга его, Лапласа, который жаловался, что не можетъ пользоваться нѣмецкими книгами, это второе изданіе (напечатанное въ трехъ томахъ въ 4, въ 1822 г.) написано имъ на французскомъ языкѣ. — Съ 1788 года издавалъ онъ ежегодно ординарный *Санктпетербургскій Мѣсяцословъ*, а съ 1810 занимался редакцію Нѣмецкихъ *Академическихъ Вѣдомостей*, которыя, выборомъ предметовъ, полнотою, расположеніемъ и слогомъ, не уступаютъ ни какой другой оффиціальной газетѣ въ Европѣ. — Съ 1808 по 1818 годъ, издавалъ онъ на нѣмецкомъ языкѣ *Санктпетербургскій Карманный Мѣсяцословъ*, (St. Petersburgischer Taschen-Kalender), отличавшійся учеными, умными и пріятными статьями отъ всѣхъ альманаховъ Германіи и Франціи. (Этотъ мѣсяцословъ выходилъ съ 1812 по 1818 годъ и на русскомъ языкѣ, въ переводѣ покойнаго академика А. Ѳ. Севастьянова). — Многія ученые статьи Шуберта помѣщаемы были въ Актахъ Академіи и въ иностран-

ныхъ ученыхъ журналахъ. — Сверхъ упомянутой Теоретической Астрономіи, издалъ онъ въ 1803 году, на нѣмецкомъ языкѣ, въ трехъ томахъ *Общепонятную Астрономію* (Populäre Astronomie), и въ этомъ твореніи рѣшилъ трудную задачу: изложить точно, ясно и съ надлежащими доказательствами, чудесную систему міроздаія, безъ высшихъ математическихъ выкладокъ, приступныхъ однимъ ученымъ. Переводомъ этой книги на русскій языкъ, можно бы было оказать великую услугу любителямъ наукъ въ отечествѣ нашемъ. Одинъ другъ и читатель покойнаго сообщилъ намъ мнѣніе свое о этомъ трудѣ Шуберта въ слѣдующихъ словахъ: «Желая почтить память Сократа, древніе говорили, что онъ своими уроками нравственности низводилъ философію своего времени съ неба на землю: такимъ же образомъ, въ память Шуберта можно сказать, что онъ, общепонятными уроками о міроздаіи, знакомя людей съ таинствами и чудесами вселенной, достойнымъ образомъ возвѣщалъ на земли славу Божію, и хвалою Творца въ дѣлахъ видимаго міра, побуждалъ людей къ созерцанію столь же чудеснаго и непостижимаго промысла Божія въ дѣлахъ міра духовнаго.» — Года за три вѣдь сямъ, рѣшидся онъ, по неоднократнымъ убѣжденіямъ друзей своихъ, издать въ Германіи *разныя сочиненія* свои о предметахъ астрономіи, физики и другихъ наукъ, нравственности, общежитія и др., помѣщенныя отчасти въ его Карманномъ Мѣсяцесловѣ, который не былъ весьма извѣстенъ за границею. Двѣ вышедшія понынѣ

части этихъ сочиненій (*Vermischte Schriften*) возбуждали общее вниманіе и единогласную хвалу всего ученаго и литературнаго германскаго свѣта. (Нѣкоторыя статьи изъ нихъ: *О скорости, О смыслѣ животныхъ, Исторія зеркалъ* и пр. напечатаны въ Вѣстникѣ Европы.) Шубертъ находился въ непрерывной перепискѣ съ первостепенными учеными Европы и Америки. Академіи Стокгольмская, Копенгагенская, Бостонская и многія другія ученые общества сдѣлали его участникомъ въ трудахъ своихъ. — Онъ сохранилъ дѣятельность, бодрость и присутствіе духа до самой своей кончины. 2-го Октября (1825) заболѣлъ онъ желчною горячкою, которая вскорѣ превратилась въ нервическую. Друзья и родственники не видѣли опасности; самъ онъ жаловался только на то, что спучаетъ въ постели, не имѣя возможности попрежнему заниматься дѣломъ, и просилъ ихъ развлекать бездѣйствіе его своею бесѣдою. Въ четвертокъ, 8-го Октября, онъ занимался еще редакціею академическихъ газетъ: не могъ самъ держать въ рукахъ корректуры, но замѣтилъ нѣсколько негладкостей въ слогѣ. Вдругъ болѣзнь усилась, и въ ночи съ 9-го на 10-е Октября прекратила жизнь, драгоцѣнную для науки, безцѣнную для его друзей, родственниковъ и читателей. — Тѣло его предано землѣ 15-го Октября на Смоленскомъ Инозѣрческомъ Кладбищѣ. Сынъ, достойный отца, пятеро дочерей, пятеро внучатъ и многіе друзья покойнаго, въ безмолвномъ уныніи, проводили брѣнные останки въ жилище вѣчнаго покоя.

Духъ, парившій въ тѣсной храмѣ къ Вѣчному Началу, постигавшій законы чудеснаго мірозданія, и толковавшій намъ таинства величія и мудрости Всевышняго, вознесся къ Источнику Свѣта, и возрожденіемъ своимъ довершилъ начатое на землѣ.

Мы желали бы оцѣнить и прилично восхвалять достоинства и заслуги сего великаго мужа, но для этого надлежитъ быть посвященнымъ въ глубокія тайны науки, имъ изученной, объясненной и распространенной. Этотъ трудъ принадлежитъ достойнымъ его со товарищамъ. Академія Наукъ возвѣстила о своей потерѣ слѣдующими словами: «Кончина его есть невосвратимая потеря для академіи и для наукъ, особенно для умозрительной астрономіи, которой онъ болѣе тридцати лѣтъ преимущественно посвящалъ свои великія душевныя силы, и которую обогатилъ онъ классическими твореніями, пріобрѣтшими уваженіе отъ астрономовъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй. Высшая аналитика также обязана ему разными остроумными рѣшеніями многихъ трудныхъ задачъ.»

Не одна математика была предметомъ его занятій: онъ имѣлъ глубокія познанія во всѣхъ частяхъ наукъ естественныхъ; зналъ основательно языки восточные, греческій и латинскій; по-французски и по-англійски говорилъ и писалъ, какъ на природномъ языкѣ, а по знанію и искусству въ языкѣ нѣмецкомъ равнялся съ классическими писателями Германіи. Онъ опровергъ, примѣромъ своимъ, мнѣніе, будто занятія на-

тематическою ступать и охлаждають душу: этотъ глубокомысленный мужъ былъ и великій поэтъ. Толкуя, объясняя и доказывая законы, по коимъ движутся свѣтила небесныя, онъ мыслію возносилъ читателей и слушателей своихъ надъ мертвою буквою, въ страны вѣчнаго свѣта и безконечной мудрости; въ устройствѣ міра видѣлъ не механическую, ломкую машину, а стройное цѣлое, движущееся по манію Всевышняго. Находя во всѣхъ частяхъ безпредѣльнаго міра чудесную гармонію, онъ былъ любитель и земной гармоніи. Музыка составляла отдохновеніе и услажденіе его души послѣ занятій умственныхъ. За мѣсяцъ до кончины своей сказалъ онъ сочинителю этихъ строкъ: «музыка есть единственная страсть, которая во мнѣ еще осталась!»

Нравственный характеръ его составляли неутомимое трудолюбіе, примѣрная честность, любовь къ истинѣ, ненависть ко всякому пороку, къ лести, неправдѣ и коварству. Привыкнувъ искать истины и провозглашать ее въ наукахъ, онъ и въ обществѣ былъ прямодушенъ, откровенъ и неуклончивъ. Бесѣда его была бесѣда мудраго. Въ большомъ обществѣ сохранялъ онъ нѣкоторую важность, но въ тѣсномъ, пріятельскомъ кругу людей, умѣвшихъ его понимать и чувствовать, открывалъ всѣ богатства души своей — ученость, глубокомысліе, необыкновенное остроуміе и любовь ко всему изящному. И наружностью былъ онъ человѣкъ необыкновенный: стройный, высокій ростъ, твердая поступь, возвышенное

чело, носъ орлиный, быстрый взглядъ, умная усмѣшка — все показывало въ немъ высокую душу, проницательный умъ, сильное чувство и твердый характеръ.

Память его останется въ уваженіи, доколѣ науки, таланты и добродѣтель будутъ имѣть читателей въ этомъ мірѣ.

ФЕДОРОВЪ.

Коллежскій совѣтникъ *Николай Ильичъ Федоровъ* родился въ 1790 году въ Уфѣ, гдѣ родитель его находился на службѣ. Онъ воспитывался и обучался дома. Въ 1811 году явился въ Казанскій Университетъ, и выдержалъ отличный экзаменъ по словеснымъ наукамъ и правовѣдѣнію. Сперва записанъ онъ былъ, въ 1802 г., въ службу въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ Оренбургской Губерніи; въ началѣ 1812 года пріѣхалъ въ Санктпетербургъ, и опредѣлился въ Экспедицію о Государственныхъ Доходахъ, что нынѣ Департаментъ Государственнаго Казначейства. Занятія науками и словесностію, прилежное чтеніе хорошихъ авторовъ, и знакомство съ отличными литераторами (онъ былъ другомъ поэта Милонова, и долгое время жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ) родили и питали въ немъ любовь къ литературѣ. Онъ перевелъ очень удачно нѣсколько одъ

Горация (одна напечатана въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ 1812 г.), писалъ остроумныя критики (печатанныя тамъ же), басни и т. п. Санктпетербургское Вольное Общество Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ приняло его тогда же въ число своихъ членовъ, также и Казанское Общество Любителей Отечества Словесности, вскорѣ по его учрежденіи. — Оедоровъ, и въ жизни и въ литературѣ, имѣлъ наклонность преслѣдовать пороки, низость, любостыжаніе; но вскорѣ предѣлы словесности сдѣлались для него тѣсны: онъ сталъ искать поприща обширнѣйшаго. Въ 1815 году, въ чинѣ коллежскаго ассессора, оставилъ онъ службу по счетной части, и поступилъ столоначальникомъ въ Департаментъ Министра Юстиціи: здѣсь открылось его дѣятельности, его страсти къ добру и къ правосудію, его неависти къ злу и къ притѣсненіямъ — обширное поле. Оставивъ пріятныя занятія словесностію, онъ посвятилъ себя совершенно службѣ, и умѣлъ снискать довѣренность, благосклонность и уваженіе своего начальства. Въ непродолжительномъ времени получилъ онъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени, и въ 1818 году управлялъ учрежденнымъ при департаментѣ отдѣленіемъ для частныхъ просьбъ, на правѣ и съ отвѣтственностью экспедитора. Неутомимые труды изнурили его здорově: онъ искалъ мѣста въ благопріятнѣйшемъ климатѣ, и въ концѣ 1818 года опредѣленъ былъ въ Симбирскую Губернію губернскимъ прокуроромъ; за отличную тамъ службу получилъ чинъ надворнаго

совѣтника и орденъ Св. Анны 2-й степени. Въ 1822 году, по желанію и приглашенію начальства, переведенъ былъ вновь въ Санктпетербургъ, экспедиторомъ въ Департаментъ Министра Юстиціи, а въ 1823, по Высочайшему указу, опредѣленъ начальникомъ суднаго отдѣленія Департамента Государственныхъ Имуществъ. Въ этомъ важномъ мѣстѣ, коему подвѣдомы всѣ иски и тяжбы о казенномъ имуществѣ во всемъ государствѣ, успѣлъ онъ оказать свою дѣятельность, правдолюбіе, честность и безкорыстіе. Въ Іюнь 1824 года опредѣленъ онъ былъ, сверхъ этой должности, юрисконсультomъ въ Правленіе Государственнаго Заемнаго Банка; въ Ноябрь, по Высочайшему указу, пожалованъ въ коллежскіе совѣтники. Безпрерывные труды по должности наконецъ совершенно разстроили слабое его отъ природы сложение: въ началѣ 1825 года впалъ онъ въ неизлечимую чахотку, и скончался 7 Марта. — Оедоровъ имѣлъ основательныя познанія въ Правахъ, усовершенствованныя собственнымъ размышленіемъ и опытностью. Онъ занимался правовѣдѣніемъ, какъ поэтъ стихотворствомъ, а историкъ бытіями народными, съ охотою и любовію, можно сказать, со страстію. Но познанія эти не оставались у него въ одной теоріи: онъ самъ строжайшимъ образомъ исполнялъ на дѣлѣ трудныя обязанности юриста, умѣющаго сочетать пользу казны съ неприкосновенностію правъ частныхъ людей—и память его останется равно драгоценною какъ для начальства, умѣвшаго цѣнить за-

слуги и достоинства, такъ и для особъ, конкъ дѣла были на его рукахъ. Имѣемъ ли надобность говорить послѣ этого, что онъ, въ продолженіе всей службы своей, жилъ однимъ жалованьемъ, и неутишной, достойной его супругъ и трехлѣтнему сыну своему оставилъ въ наслѣдство одну память своихъ талантовъ, чести, пламенной любви къ благу человечества и безпредѣльнаго усердія къ службѣ? Наслѣдство завидное и неотъемлемое!

Въ кругу друзей, оплакивающихъ нынѣ рановременную его кончину, былъ онъ веселъ, откровененъ, шутивъ, искусно замѣчалъ въ людяхъ странности и смѣшныя стороны, но всегда былъ добръ, терпѣливъ, кротокъ и снисходителенъ: одни пороки находили въ немъ явнаго, непримиримаго врага.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

и

ВОСПОМИНАНІЯ.

THE JOURNAL OF THE

AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION

I.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

въ 1814 году *).

Приступая къ обзорѣнью произведеній Русской Словесности 1814 года, считаю неизлишнимъ изложить въ началѣ нѣкоторыя мысли о существѣ и важности литературы въ просвѣщенномъ государствѣ, о пособіяхъ, которыя она имѣетъ въ нашемъ отечествѣ, и объ успѣхахъ ея въ продолженіе минувшаго и нынѣшняго столѣтій.

Народы, или многочисленныя семейства людей, имѣющихъ одно происхожденіе, обитающихъ въ од-

*) Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки, 2-го Января 1815 года.

ной землѣ, и говорящихъ однимъ языкомъ, различествуютъ между собою, какъ одинъ человекъ отличается отъ другаго. Каждое изъ этихъ семействъ, подобно каждому человеку, имѣетъ свой характеръ, свой образъ чувствованія и наблюденія, и особенныя качества, которыя отличаютъ его отъ другихъ, какъ бы впрочемъ ни было велико разнообразіе нераздѣльных или людей, составляющихъ эти семейства. Отъ этого характера и этихъ особенныхъ умственныхъ качествъ народа, происходятъ его обычаи, мнѣнія и вкусъ. Эти отличительныя свойства всякаго народа являются преимущественно въ его исторіи и литературѣ, точно такъ, какъ характеръ человека является въ его дѣлахъ и мысляхъ. Въ обществѣ, для узнанія свойствъ человека, должны мы приобрѣсть понятіе о его дѣлахъ и мысляхъ, а въ отношеніи къ народамъ, должны сначала отвѣчать на вопросы: какія происшествія и подвиги ознаменовали его исторію? въ какомъ состояніи находится его литература?— и потомъ уже произнести мнѣніе о его свойствахъ, добродѣтеляхъ и недостаткахъ.

Исторія народа, безъ сомнѣнія, важнѣе его литературы: ибо всякой народъ имѣетъ исторію, а литературу находятъ у однихъ націй просвѣщенныхъ. Такъ и всякій человекъ извѣстенъ *дѣлами*, но *мыслями*, своими, незамѣшанными отличается только человекъ образованный.

Народы, уподобляющіеся разнообразіемъ характеровъ нераздѣльнымъ частямъ своимъ, людямъ, и въ

жизни, и въ цвѣтѣ, въ увяданіи и кончинѣ, имѣютъ съ ними великое сходство. Молодой человѣкъ дѣйствуетъ и чувствуетъ прежде нежели мыслить: такъ и народъ прежде возвѣщаетъ о бытіи своемъ дѣлами и чувствованіями, нежели мыслями. Человѣкъ, образованный воспитаніемъ, наученный опытомъ, приходя въ зрѣлый возрастъ, излагаетъ свои мысли; на закатѣ же дней своихъ живетъ воспоминаніями и послѣдствіями опытовъ, живетъ тѣмъ долѣе, чѣмъ рачительноѣ сберегалъ и образовалъ душевныя и тѣлесныя свои способности. Юношествующій народъ быстро стремится по предлагающему ему поприщу; встрѣчая препятствія, усугубляетъ силы и преодолагаетъ преграды; приходя въ зрѣлость, производитъ писателей, сначала поэтовъ, потомъ витій, историковъ и философовъ, утверждаетъ бытіе свое на незыблемомъ основаніи истиннаго народнаго богатства: благочестія, добродѣтелей и просвѣщенія; благоденствуетъ и творить счастье сосѣдей своихъ, старѣется посреди новыхъ, возрастающихъ поколѣній, заимствующихъ его просвѣщеніе и опытность, и переходитъ чреду свою въ міръ, оставляя на велиценпріятныхъ скрижаляхъ исторіи память своихъ подвиговъ, заслугъ и добродѣтелей. — Вотъ исторія всякаго народа, истинно просвѣщеннаго, — но сколько народовъ до сего времени заслужили имя это въ точномъ смыслѣ? — Одни, обремененные игомъ рабства, влачатъ все бытіе свое для услугъ сильнѣйшему, не знаютъ ни подвиговъ, ни мыслей — и только въ унылыхъ змѣгіняхъ поютъ

свои горести и наслажденія природою, которыхъ ни какая власть отнять не можетъ! Эти народы не имѣютъ собственной исторіи и литературы. Таковы природные жители Америки, таковы Негры въ колоніяхъ Европейцевъ, и — странно вымолвить! — таковыми стали нынѣ Греки, учителя наши, старшій изъ народовъ Европы — подъ игомъ иновѣрцевъ и варваровъ. — Другіе народы ознаменовали начало бытія своего громкими подвигами, но, не утвержденные нравственностію и религіею, на которыхъ основываются истинная любовь къ отечеству и истинное просвѣщеніе, исчезли съ лица земли. Гунны, Вандалы и всѣ тмочисленные полчища, потрясшія юношескою силою свою ветхую Имперію Римскую, пали отъ недостатка истиннаго внутренняго могущества: религіи, нравственности, любви къ отечеству и просвѣщенія. Эти народы имѣютъ исторію, но не знаютъ литературы: они подобны сильному, но не образованному, не обузданному человѣку, который, не умѣя употреблять физическихъ силъ своихъ, падаетъ подъ ударами слабѣйшаго, но просвѣщеннаго наблюденіемъ и опытомъ. — Другіе народы, подобно древнимъ Финиціанамъ и нынѣшнимъ Голландцамъ, бѣдные, малочисленные, жившіе на тѣсномъ, каменистомъ берегу, обогатились всѣми сокровищами природы и искусства, ибо имѣли средства развить умственные свои собственности. Мы видимъ государства, которыя, послѣ долговременныхъ періодовъ величія и силы, не утративъ богатства своего, не бывъ стѣснены границами,

впали въ бѣдность и безсиліе, потому что обитатели ихъ лишены были свободы мыслить, а съ нею и способности дѣйствовать; видимъ другія земли, которыя изъ слабыхъ и бѣдныхъ вознеслись на отличную степень силы и богатства, потому что эти оковы спали съ ихъ подданныхъ; видимъ небольшіе народы, которые противились и становились страшными сильнѣйшимъ государствамъ, даже покоряли ихъ, потому что были единодушны въ чувствованіяхъ, мысляхъ и дѣлахъ своихъ, и наконецъ видимъ многочисленные народы, содѣлавшіеся легкою добычею дерзкаго завоевателя, потому что не имѣли единства въ чувствованіяхъ, мысляхъ, слѣдственно и въ дѣлахъ. Еще есть народы, которые имѣютъ блистательную исторію, обширную литературу, но не могутъ и не должны служить образцами другимъ. Дѣла и мысли ихъ не основаны на твердомъ камени вѣры, правды и благо-разумія: тщеславіе и безпокойное стремленіе къ новостямъ ими управляютъ. Исторія ихъ есть непрерывный рядъ бореній и переменъ. Литература ихъ есть плодъ ума, а не сердца, плодъ ума быстрого, прона-цательнаго, смѣлаго, но холоднаго, вреднаго, не утвержденнаго на правилахъ нравственности и рели-гіи. Такой народъ, подобно Алкивіаду между Аѳиня-нами, блеститъ нѣкоторое время, какъ яркій метеоръ; потомъ впадаетъ въ разслабленіе тѣлесное и душев-ное; притупляясь умомъ, не имѣетъ средства возна-градить его чувствомъ, и умираетъ, оставляя воспо-минаніе о своихъ отличныхъ качествахъ, и сожалѣ-

ше, что они въ самомъ началѣ не были направлены къ доброй цѣли.

Эти немногіе примѣры, извлеченные изъ наблюдений исторіи, свидѣтельствуютъ, что народы сильны и велики не числомъ своимъ, не произведеніями земли, а вѣрою, добродѣтелію и просвѣщеніемъ, единствомъ чувствованій и помышленій; что воспитаніе народное есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей правительства; что оно даетъ народу истинное его достоинство, замѣняетъ число, вознаграждаетъ недостатки, обуздываетъ бурные порывы юношеской силы, и усугубляетъ его способности и средства, когда онъ начнетъ приближаться къ старости. Въ чувствованіи силы и крѣпости юныхъ лѣтъ народъ непросвѣщенный можетъ совершить великія дѣла, но если сила и крѣпость эта не утверждены опытностію и образованіемъ, по приближеніи лѣтъ зрѣлыхъ наступаетъ слабость, тѣмъ болѣе прихвѣтная и вредная, чѣмъ сильнѣе были порывы первыхъ лѣтъ.

Русскій народъ подобенъ юношѣ, получившему въ наслѣдіе отъ отцевъ своихъ начала всѣхъ добродѣтелей—вѣру, вѣрность и любовь къ отечеству. Онъ заимствовалъ образованіе ума у иноплеменныхъ наставниковъ; скоро перенялъ полезное, и, въ полномъ чувствѣ силы своей, превзошелъ своихъ учителей дѣлами: хитрости противопоставилъ правду, коварству—вѣрность, нечестію—вѣру, и утвердилъ бытіе свое навсегда. За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, въ юношескихъ лѣтахъ непримѣтная, скоро-

преходящая. Народъ опять почувствуетъ стремленіе къ подвигамъ и трудамъ. Гдѣ найти ему удовлетвореніе? Въ дѣлахъ мирныхъ, въ подвигахъ гражданскихъ, въ наукахъ, художествахъ, словесности; въ приготовленіи запаса къ тому времени, когда, не имѣя болѣе силы юношеской, тѣлесной, долженъ онъ будетъ превосходить другихъ качествами ума и сердца! — Для этого должно наблюдать ходъ его литературы; способствовать ея успѣхамъ, замѣчать встрѣчающіяся ей препятствія, и отвращать ихъ, усматривать уклоненія народнаго образа мыслей съ пути истины и добродѣтели, и стараться о направленіи его вновь на этотъ путь, но безъ всякаго принужденія и стѣсненія, которыя производятъ дѣйствія, совершенно противныя предполагаемымъ. Вотъ воспитаніе народное, вотъ истинныя средства обезпечить бытіе, цѣлость и силу государства на столѣтія!

Великій Государь нашъ въ полной мѣрѣ чувствуетъ истину этихъ наблюденій. Пожиная одною рукою лавры войны и славы, онъ насаждаетъ другою древа, приносящія благодѣтельные плоды просвѣщенія и нравственности. Исторія явила Россіянъ народомъ великимъ, сильнымъ, могущественнымъ, горящимъ любовію къ отечеству и вѣрою въ Бога; — Александръ довершилъ начатое Петромъ и Екатериною. Литература наша также являетъ отличныя способности народа. Попеченіями Александра, она возвысилась и доказала; что Русскіе всѣми качествами ума и сердца достойны занимать мѣсто на первой степени земныхъ народовъ.

Литература, утвержденная на началахъ истинной учености, просвѣщенная Вѣрою, сравнится съ исторіею нашею.

Мы имѣемъ всѣ средства и пособія для достиженія этой важной цѣли.

Главное изъ этихъ средствъ есть языкъ нашъ, который, смѣло можно сказать, превосходить всѣ новѣйшіе европейскіе. — Языкъ эллинскій превратился въ нарѣчіе рабствующаго народа. Языки племени латинскаго по большой части не знаютъ стопосложенія, окованы приемами, стѣснены единообразнымъ ходомъ словъ, и такъ удалены отъ своихъ источниковъ, что не могутъ почерпнуть изъ нихъ. Они образовались, при великихъ трудахъ, изъ простыхъ, жесткихъ и нынѣ невразумительныхъ народныхъ нарѣчій. Языки германскіе, кромѣ скандинавскихъ, равномерно носятъ признаки того, что были нѣкогда подъ желѣзнымъ скипетромъ Рима: они долгое время стѣснены были тяжелымъ, единообразнымъ ходомъ словъ, и слишкомъ легко принимаютъ слова иностранныя. Эти языки также имѣютъ грубыя, народныя нарѣчія. — Языки Поляковъ и Богемцевъ, отъ смѣшенія этихъ народовъ съ племенами германскими и латинскими, и отъ принятія ими католической религіи, лишились оригинальности, силы, богатства и благородства. Первый изъ нихъ, сверхъ того, окованъ симлабическимъ стихосложеніемъ. Въ какомъ же величій является посреди всѣхъ этихъ языковъ — русскій! Онъ состоитъ изъ чистаго, правильнаго, богатаго народнаго нарѣчія,

пользующагося всѣми сокровищами древняго богослужебнаго языка, образовавшагося по греческому, но близкаго къ народному. Онъ составился изъ самого себя, безъ всякой чуждой примѣси, обилень въ всѣхъ грамматическихъ формахъ, способенъ къ подражанію древнимъ метрамъ, выразителенъ, свободенъ въ теченіи своемъ, благороденъ, важенъ, и въ то же время нѣженъ и пріятенъ. Въ другихъ языкахъ должно избѣгать выраженій и оборотовъ простонародныхъ: у насъ можно и должно ихъ искать, ими пользоваться. Во многихъ земляхъ выраженія чуждаго языка, введеннаго въ богослуженіе, повторяются народомъ, его непонимающимъ, и потому не могутъ обогащать языка общеупотребительнаго: у насъ языкъ богослужебный одними уже звуками внушаетъ благоговѣніе, ибо эти звуки, понятные для народа, возбуждаютъ въ немъ мысли обо всемъ, что велико и священно! Если языки французскій, англійскій и нѣмецкій, доведенные до отличной степени совершенства, уступаютъ русскому, въ сравненіи съ ними бѣдному писателями и образцами, въ какомъ разстояніи будутъ они находиться отъ него, когда отличные писатели придадутъ ему опредѣленность, точность, ясность языковъ, образованныхъ литературою! Мы рассматриваемъ здѣсь языкъ русскій единственно въ видѣ *средства* къ образованію насъ литературою, и повторяемъ, что онъ въ этомъ отношеніи и теперь занимаетъ первое мѣсто между всѣми европейскими.

Сверхъ этого главнаго пособія къ образованію

народной литературы, Россія представляет многія другія. Она обширна, могущественна и безопасна. Если, какъ нѣкоторые думаютъ, всякой климатъ имѣетъ различное вліяніе на характеръ народа, слѣдственно и на литературу его, то Россія можетъ произвести писателей и художниковъ во всѣхъ родахъ. Предметы, представляемые испытателю исторіи и природы, землеописателю, стихотворцу, живописцу, безпредѣльною, такъ сказать, Россією, могутъ и должны возбудить вниманіе и соревнованіе Русскихъ болѣе нежели изысканія въ странахъ чуждыхъ. Могущество и безопасность государства также необходимы для процвѣтанія литературы. Аѳины при Периклѣ, Римъ при Августѣ, Франція при Лудовикѣ XIV были знамениты въ одно и то же время успѣхами литературы, политическимъ перевѣсомъ и воинскою славою. Истребленіе Испанской Армады подало знакъ къ началу Англійской Словесности. Нѣмецкая Литература процвѣла, когда Фридерихъ II, Семилѣтнею Войною, утвердилъ безопасность и силу сѣверной Германіи. — Музы могутъ избрать благоденствующую Россію себѣ въ жилище; онѣ не устроятся грозными твердынями на ея границахъ: курганы, возносящіеся надъ костями нашихъ враговъ на Дону, вокругъ Троицкаго Монастыря, при Полтавѣ, Бородинѣ и на берегахъ Березины, ограждаютъ ее лучше сильнѣйшихъ крѣпостей. Литературѣ нашей не угрожаетъ раздробленіе на секты, какъ, напримѣръ, въ Германіи, уклоненіе писателей съ пути, начертаннаго разсудкомъ и опы-

ностію: она принадлежит русскому народу, исповѣ-
дующему одну религію, живущему подъ скипетромъ
одного Государя, говорящаго однимъ языкомъ. Она
не можетъ впасть и въ противоположную крайность:
единообразіе, односторонность, принужденіе и не-
естественность, ствойственныя Литературѣ Француз-
ской, въ которой одинъ Парижъ предписываетъ за-
коны языка и вкуса. У насъ нѣтъ такого средоточія:
у насъ двѣ точки, вокругъ которыхъ обращается сло-
весность — Петербургъ и Москва. Соревнованіе пи-
сателей двухъ столицъ російскихъ препятствуетъ
введенію въ словесность нашу заблужденій, подра-
женій дурнымъ примѣрамъ, и уклоненію языка съ
истиннаго пути, поддерживаетъ равенство въ ученой
республикѣ, и не допускаетъ самоуправства партій.

Присовокупимъ къ этимъ различнымъ выгодамъ
образъ и духъ нашего правительства, способст-
вующаго всѣмъ трудамъ и стараніямъ ученыхъ и
литераторовъ, позволяющаго свободно мыслить и го-
ворить обо всѣхъ предметахъ, не выходя только изъ
предѣловъ благочестія и нравственности; — прави-
тельства, удѣляющаго важную часть доходовъ госу-
дарственныхъ на учрежденіе и содержаніе всякаго
рода училищъ, и на поощреніе дарованій. Присово-
купимъ, что Россійское Духовенство, сохранившее,
презъ бурныя столѣтія вышнихъ и внутреннихъ
войнъ, залогъ Вѣры и языка чистъ и невредимъ, тру-
дами своими въ наукахъ и словесности много содѣй-
ствуетъ успѣхамъ истиннаго просвѣщенія и распро-

страненію здравой литературы. Почему жъ, спросятъ послѣ этого, почему жъ литература наша, при всѣхъ этихъ неосцѣненныхъ выгодахъ, при способностяхъ Россіянъ ко всѣмъ родамъ упражненій, при цвѣтущей юношеской силѣ всего народа, не приноситъ еще тѣхъ плодовъ, которыхъ свѣтъ въ правѣ ожидать отъ ней? — Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ прошлогоднемъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки. Причины, замедляющія успѣхи словесности нашей, суть: малое стараніе образовать юношество истинною ученостію, и пагубное пристрастіе къ употребленію чужаго, бѣднаго языка. Когда большая часть согражданъ нашихъ увѣрится въ истинѣ этихъ наблюденій, когда почувствуетъ необходимость посвящать лучшіе годы юношества на образованіе его древними языками и примѣрами изящнаго, когда изгонять изъ общества нашихъ ненавидимый вредными дѣйствіями своимъ языкъ французскій: — тогда возникнетъ наша литература, и, при необыкновенныхъ способностяхъ русскаго народа, при попеченіи мудраго правительства, сравнится съ литературами истинно просвѣщенныхъ народовъ.

Исторія нынѣшней Русской Литературы начинается въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Петръ Великій могъ, волшебнымъ жезломъ своего генія, заводитъ арміи и флоты, побѣждать непріятелей, учреждать суды и училища, но не могъ произвестъ писателей и стихотворцевъ. Онъ слышалъ въ царствованіе свое поученія Стефана и Гавріила, восхищался краснорѣ-

чиемъ Θεοφана, пользовался трудами Димитрія, но эти мужи получили образованіе въ царствованіе его родителя. По смерти великаго Монарха, съмена, имъ посяянныя, не могли принести скорыхъ плодовъ. Кантемиръ получилъ воспитаніе иностранное, и, по произведеніямъ своимъ, принадлежитъ къ ХVІІ вѣку. Со времени кончины Петра до вступленія на престолъ дщери его, при Дворѣ нашемъ и въ академіи имѣли первое мѣсто иностранцы или Русскіе, воспитанные въ чужихъ краяхъ, и не постигавшіе способностей русскаго народа. Въ царствованіе Елисаветы вдругъ возникла Русская Словесность, оживленная лучемъ отечественнаго солнца. Явился Ломоносовъ, возвысилъ слухъ и сердца соотечественниковъ громкою поэзіею, изумилъ ихъ первыми и еще доннынѣ единственными образцами русскаго свѣтскаго краснорѣчія, опредѣлялъ механическіе законы языка грамматикою, и произвелъ многихъ соревнователей и подражателей. Въ то же время родился отечественный театръ. Сумароковъ написалъ первыя правильныя трагедіи. Незабвенный русскій меценатъ, Шуваловъ, ободряя таланты и снискивая имъ покровительство Двора, тогда же положилъ начало послѣдовавшимъ успѣхамъ нашей словесности основаніемъ Московскаго Университета. При семъ волненіи умовъ, при сихъ быстрыхъ успѣхахъ нашей словесности, вступила на престолъ Екатерина. Подробное изложеніе хода литературы нашей въ ея благословенное царствованіе увлекло бы насъ далеко отъ предположенной нами цѣли. Скажемъ

только, что исторія сего періода имѣетъ двѣ эпохи. Первая есть продолженіе эпохи прежняго царствованія, но въ бѣльшемъ видѣ, съ лучшими и быстрѣйшими успѣхами. Въ эту эпоху появились Петровъ, Херасковъ, Державинъ, Хемницеръ, Фонъ-Визинъ, Богдановичъ, Капнистъ, Княжнинъ, Костровъ, Майковъ. Стихотворенія того времени будутъ жить съ русскимъ языкомъ. Вторая эпоха есть плодъ учрежденія въ царствованіе Елисаветы Московскаго Университета, и начинается въ исходѣ предпослѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка. Въ это время образовались русская проза и механизмъ легкихъ стихотвореній. Карамзинъ, Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Муравьевъ показали въ прозѣ и стихахъ, что русскій языкъ способенъ не только къ громкой поэзіи и къ ораторскимъ рѣчамъ, но и къ сочиненіямъ въ слогъ простомъ, разговорномъ и гнѣжномъ. Они доказали, что если для высокаго и важнаго слога надлежитъ заимствовать выраженія и обороты богослужебнаго языка, то для слога простаго, яснаго, необходимо должно наблюдать языкъ народный, и подчинять ходъ его правиламъ логики, управляющей словосочиненіемъ новѣйшихъ языковъ.

Послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка ознаменовано было революціею, приведшею въ ужасъ и уныніе всю Европу, а съ нею и любезное наше отечество. Настала XIX вѣкъ, и Александръ, съ зарею мира, вступилъ на Всероссійскій Престолъ. Науки, художества, словесность восприняли подъ благотворнымъ его влія-

ніемъ; возникли новые университеты, академіи и училища. Необыкновенное и до того невиданное въ Россіи стремленіе къ познаніямъ и усовершенію овладѣло всѣми умами. На поприщѣ словесности явились отличные мужи. Начали издаваться литературные и политическіе журналы. Русскій Театръ, осиротѣвшій по смерти Фонъ-Визина и Княжнина, обогатился новыми произведеніями, въ числѣ которыхъ трагедіи Озерова преимущественно содѣйствовали успѣхамъ драматической поэзіи. Въ это же время, съ появленіемъ произведеній, отличающихся прелестью стихосложенія и цѣтущей поэзіи, публика приняла участіе въ словесности. Вельможи—патріоты поставили славою поощрять ласками и ободреніями всѣхъ занимающихся изящною словесностью, науками и художествами, и литература отечественная сдѣлалась однимъ изъ важнейшихъ предметовъ занятія свѣтскихъ обществъ. — Вообще, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ XIX вѣка, вышло болѣе сочиненій, нежели прежде того въ теченіе десяти лѣтъ, но въ концѣ 1805 года вновь поднялись мрачныя облака на горизонтѣ Европы. Въ 1806 и въ первой половинѣ 1807 года вниманіе всѣхъ устремлено было на брань со врагомъ общаго спокойствія. Война прекратилась; но миръ не возстановился. Въ теченіе пяти лѣтъ грозныя тучи носились надъ нашими главами. Народъ понималъ чувства и мысли своего Монарха, готовившагося отвести бурю, когда она разразится. Съ 1808 по 1812 годъ господствовало въ нашей литературѣ какое-то недоумѣніе. Казалось,

что писатели наши отлагали занятія свои до другаго времени. Тѣмъ бѣльшей чести заслуживали тогда старанія объ успѣхахъ литературы. Почтенные любители и покровители словесности, въ С. Петербургѣ, учредили, для сближенія отечественной литературы съ публикою, Бесѣду Любителей Русскаго Слова, а въ Москвѣ составились Общества Наукъ Историческихъ и Словесныхъ. Хвала патріотамъ, которые и въ безпокойныя, грозныя времена не теряли изъ виду священной цѣли всякаго гражданина — пещись объ успѣхахъ просвѣщенія! — Между тѣмъ, тучи подходили ближе и ближе; наконецъ, въ половинѣ 1812 года, грянулъ скрываавшійся въ нихъ громъ — и литература наша сначала остановилась совершенно, а потомъ обратилась къ одной цѣли, споспѣшествованію отечественной войнѣ. Въ продолженіе второй половины 1812 и первой 1813 годовъ не только не вышло въ свѣтъ, но и не написано ни одной страницы, которая не была бы предметомъ тогдашнихъ происшествій. Это единодушіе приносить великую честь нашимъ литераторамъ, и доказываетъ, что они службу въ ученой республикѣ подчиняютъ должностямъ своимъ къ отечеству. Въ семъ случаѣ видно было дѣйствительно, что литература есть изъясненіе мыслей народа. Въ послѣдней половинѣ 1813 года всѣ помысленія и чувствованія нашихъ соотечественниковъ также обращены были на поприще войны и славы, но уже начали появляться произведенія словесности, неотнесшіяся прямо къ современнымъ происшествіямъ.

Наконецъ, въ 1814 году, увѣнчавшемъ всѣ напряженія и труды истекшихъ лѣтъ, Русская Литература, посвящая поэзію и краснорѣчіе въ честь и славу великаго Монарха своего, обратилась снова на путь мирный, уравненный, огражденный навсегда. Въ теченіе сего года вышли многіе сочиненія и переводы, которые остаются незабвенными въ лѣтописяхъ нашей литературы. Они показываютъ, что отнынѣ, по утвержденіи политической независимости и безопасности государства, словесность, наука и искусства устремятся безпрепятственно къ совершенству. Подробное исчисленіе произведеній литературныхъ по разнымъ отдѣленіямъ библіографической системы, докажетъ истину сихъ наблюденій. Присемъ должно замѣтить, что, сверхъ Русской Литературы, есть въ Россіи часть Литературы Нѣмецкой, Французской, Польской и Шведской. Въ каждомъ отдѣленіи упоминаемо будетъ, послѣ отличныхъ чѣмъ либо русскихъ книгъ, о сочиненіяхъ на прочихъ европейскихъ языкахъ, которыя у насъ напечатаны.

1. Богословіе.

По части догматическаго учебнаго Богословія должно замѣтить: *Обозрѣніе Богословскихъ Наукъ, для преподаванія въ высшихъ духовныхъ училищахъ, напечатанное по опредѣленію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ.* Сіе обозрѣніе есть плодъ трудовъ дѣятельныхъ членовъ С. Петербургской Духовной

Академіи, которая въ истекшемъ году, учрежденіемъ степени докторовъ Православнаго Богословія, и возведеніемъ на эту степень мужей отличнаго благочестія и учености, проложила новый путь распространенію священныхъ истинъ Вѣры въ любезномъ отечествѣ.

Въ герменевтическомъ разрядѣ отличается: *Обозрѣніе книги псалмовъ, сочиненное Гер. Павскимъ, студентомъ С. П. б. Духовной Академіи*. Это сочиненіе, сколько приноситъ чести молодому автору, столько свидѣтельствуеть, съ какимъ успѣхомъ почтенные наставники сего высшаго училища пекутся о образованіи науками вѣрннаго имъ юношества.

По части проповѣднаго Богословія изданы въ этомъ году многія слова и рѣчи знаменитѣйшихъ пастырей и служителей Церкви, преосвященныхъ митрополита *Амвросія*, епископовъ *Августина*, *Евгенія*, *Амвросія*, архимандритовъ *Филарета*, *Иннокентія*, *Оеопана*, оберъ-священника *Державина*, и многихъ другихъ. Почти всѣ эти слова имѣють цѣлю принесеніе благодарности Творцу за прославленіе Русской Земли и Русскаго Государя, за прекращеніе брани, и возстановленіе славнаго міра — какъ въ 1812 и 1813 годахъ предметомъ пастырскихъ поученій было возбужденіе надежды на торжество праваго дѣла, теплою вѣрой въ помощь Всевышняго и любви къ Помазаннику его на земли. Не угасъ въ Россіи духъ Гермогеновъ и Аврааміевъ! Онъ оживляетъ и будетъ оживать пастырей Православныя Церкви. Пусть въ другихъ странахъ возбуждаютъ народъ къ труднымъ

подвигамъ въ театрахъ, напоминая ему о предписаніяхъ тшеславія. У насъ подвигается народъ къ дѣламъ во храмахъ божіихъ, устами святителей, проповѣдниковъ истинной Вѣры, подвигается не въ воображеніи и умѣ, а въ сердцѣ и душѣ — не пустымъ призракомъ оскорбленной чести, а любовью къ отечеству и Государю, вѣрою въ Бога, защитника правыхъ. Которое изъ этихъ наставленій успѣшнѣе и вѣрнѣе — доназаль 1812 годъ.

На нѣмецкомъ языкѣ напечатано нѣсколько превосходныхъ духовныхъ словъ на современныя происшествія, произнесенныхъ въ нѣмецкихъ областяхъ Россіи служителями Протестантской Церкви, ревностно и успѣшно содѣйствовавшими въ теченіе народной войны нашей въ возбужденіи любви и признательности жителей тѣхъ странъ къ преславному Россійскому Престолу.

Въ правоучительномъ Богословіи должно заимѣть отличное сочиненіе: *Училище Благочестія или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ Житій Святыхъ священникомъ Мансфельдомъ.*

2. ПРАВОУЧЕНІЕ.

Теорія Правовѣдѣнія сдѣлалась важнымъ предметомъ упражненія нашихъ соотечественниковъ, по изданіи Высочайшаго Указа объ испытаніяхъ гражданскимъ чиновникамъ, неучившимся въ русскіихъ

университетахъ. Съ того времени появилось у насъ нѣсколько учебныхъ книгъ по этой части, написанныхъ профессорами, которымъ поручено было публичное преподаваніе оной. Въ 1814 году вышло, между прочимъ, подробное, ясное и хорошо написанное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Опытъ Россійскаго частнаго Гражданскаго Права*, соч. Вл. Вельяминова Зернова.

По отдѣленію Политики, или общественнаго Права, лучшее сочиненіе было: *Разсужденіе о системѣ конскрипціи по правиламъ Государственнаго Хозяйства, съ предварительными историческими изслѣдованіями о рекрутскихъ наборахъ у народовъ древнихъ и среднихъ вѣковъ*. Сочиненіе Карла Шульца. Эта книга не потеряетъ цѣны своей отъ перемѣны обстоятельствъ, уничтожившей пагубную систему, въ ней изложенную. Она есть плодъ основательнаго ученія и собственныхъ наблюденій автора.

Сверхъ того напечатано нѣсколько отдѣльных сочиненій и переводовъ о современной политикѣ, о дворянствѣ, учрежденномъ Бонапартомъ, и тому подобныхъ предметахъ. Историческія и политическія статьи помѣщаются были въ разныхъ журналахъ.

Объ Экономіи Политической, на русскомъ языкѣ, не напечатано ни одной книги.

3. ФИЛОСОФІЯ.

Въ Умозрительной Философіи изданы только учебныя книги, переведенныя съ нѣмецкаго.

По части Опытной Философіи, сверхъ нѣкоторыхъ небольшихъ сочиненій и переводовъ, издана книга: *Essai sur l'intelligence humaine, par Effimovitch*. При этомъ случаѣ неизлишнимъ почитаю сказать нѣчто о сочиненіяхъ, издаваемыхъ Русскими на иностранныхъ языкахъ. Если сочиненія имѣютъ предметъ русскую исторію, географію, языкъ или поэзію, то непременно должны быть написаны по-русски, ибо назначены для употребленія въ Россіи и Русскими. Когда же они относятся къ предметамъ общимъ, какъ-то къ философическимъ, математическимъ, естественнымъ наукамъ, древней и всеобщей исторіи, то могутъ быть писаны на общепонятныхъ древнихъ или новыхъ языкахъ: ибо предлагаются на сужденіе ученымъ и не въ одной Россіи, но во всей Европѣ, во всемъ свѣтѣ. Сочиненія, важныя, какъ для Россіи, такъ и для прочихъ земель, должны быть издаваемы вдвойнѣ, на русскомъ и на какомъ нибудь иностранномъ языкѣ. Такъ г. Крузенштернъ издалъ описаніе своего Путешествія на русскомъ и нѣмецкомъ, а г. Лисянскій на русскомъ и англійскомъ языкахъ. При этомъ можно замѣтить, что въ Россіи распродано едва ли двѣсти экземпляровъ каждаго изъ этихъ описаній перваго путешествія Россіянъ вокругъ земнаго шара; между тѣмъ какъ въ Германіи вышли три изданія путешествія г. Крузенштерна, а въ Лондонѣ, не смотря на жестокую и несправедливую критику англійскихъ журналистовъ, продана въ двѣ недѣли половина экземпляровъ книги г. Лисянскаго.

Къ разряду философiи принадлежать книги, которыя могутъ назваться антиподами философическихъ: Астрологи, Сонники, Гадательныя Книги и т. п. Въ 1814 году вышло только два такіа сочиненiя, между тѣмъ какъ въ прежніе годы издавались они гораздо въ большемъ числѣ. Издатель одного нѣмецкаго журнала, прочитавъ въ Сынѣ Отечества извѣстіе объ изданіи Древняго Астролога, или Оракула, въ трехъ томахъ, заключилъ, что появленіе такихъ книгъ показываетъ, сколь велико у насъ суевѣріе; но заключеніе его несправедливо. Наши простолюдины покупають эти книги не для дѣйствительныхъ гаданій, а для забавы; притомъ же и сочинители подобныхъ книгъ такъ нескусно прикрываютъ истинную цѣль свою мантией кабалистики, что едва ли повѣрить ихъ предсказаніямъ человекъ самый необразованный и суевѣрный.

4. ИСТОРІЯ.

Эта часть у насъ обильнѣе и важнѣе всѣхъ прочихъ.

а) Всемирная и Древняя Исторія.

По Всемирной Исторіи изданы переводы хорошихъ учебныхъ книгъ для училищъ Московскаго и Санкт-петербургскаго Учебныхъ Округовъ.

Древняя Исторія, на рускомъ языкѣ, обогащена переводомъ *Плутарховыхъ Жизнеописаній* г. Достуниса, напечатаннымъ по Высочайшему повелѣнію

на счетъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Г. Дестунисъ, посвятивъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на преложеніе безсмертнаго греческаго біографа, издалъ года за четыре предъ симъ опытъ своего перевода, который былъ рассмотрѣнъ въ Вѣстникѣ Европы г. Каченовскимъ. Переводчикъ, при новомъ изданіи книги, воспользовался между прочимъ этою критикою, и доказалъ, что благоразумный писатель, ни мало не оскорбляясь справедливыми замѣчаніями критики, пользуется ими, и съ признательностію имъ слѣдуетъ. Труды г. Дестуниса достойны вниманія и уваженія въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онъ доставилъ намъ одно изъ важнѣйшихъ сочиненій о Древней Исторіи, а во-вторыхъ, обогатилъ русскій языкъ хорошимъ переводомъ классическаго писателя, и тѣмъ въ полной мѣрѣ оправдалъ оказанное ему правительствомъ при изданіи этой книги вспоможеніе.

в) Россійская Исторія.

Занимающіеся исторіею раздѣляются на три класса: на анналистовъ, или лѣтописцевъ, критиковъ и собственно такъ называемыхъ историковъ. Первые описываютъ современныя или дошедшія до нихъ по преданію происшествія, и собираютъ памятники историческіе и дипломатическіе. Другіе приводятъ въ порядокъ труды ихъ, очищаютъ книги и рукописи отъ ошибокъ и вставокъ, толкуютъ невразумительныя мѣста, дополняютъ недостатки, и тѣмъ облегчаютъ труды историковъ, которые представляютъ лѣтописи, очищен-

ныя и исправленныя искусными и учеными критиками, въ самомъ ясномъ, вразумительномъ и пріятномъ для читателя видѣ. Россія изобилуетъ временниками и другими историческими памятниками, имѣла и имѣетъ многихъ прилежныхъ и остроумныхъ критиковъ, но въ собственныхъ историкахъ еще не можетъ назваться богатою. Она ожидаетъ съ любопытствомъ и надеждою историческаго творенія знаменитаго нашего прозаика, который принялъ на себя трудное, но полезное, славное дѣло — написать Русскую Исторію.

Важнѣйшее изъ напечатанныхъ въ Россіи 1814 года историческихъ сочиненій есть *Исторія Медицины въ Россіи*, 1. *Рихтера*, плодъ рачительныхъ изысканій и многолѣтнихъ трудовъ. Хотя предметъ этотъ не можетъ быть равно занимателенъ для всей публики, но сочинитель умѣлъ сдѣлать его поучительнымъ и пріятнымъ для читателей всякаго состоянія. Нѣкоторыя главы, напримѣръ описаніе чумы, свирѣпствовавшей въ XIV вѣкѣ, и извѣстной подъ названіемъ Черной Смерти, написаны превосходно. Это сочиненіе издано на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Въ этомъ же году вышло въ свѣтъ *Собраніе государственныхъ російскихъ грамматъ и договоровъ*, изданное иждивеніемъ и стараніями Графа Николая Петровича Румянцова, ревностнаго любителя отечественной исторіи. Сверхъ того назначено его сіятельствомъ болѣе 30,000 рублей на изданіе древнихъ російскихъ лѣтописей. Честь и слава зна-

менитымъ патриотамъ, которые употребляютъ избытки свои на дѣла, истинно полезныя отечеству! Великодушныя ихъ пожертвованія будутъ жить въ потомствѣ.

Изъ учебныхъ книгъ для Русской Исторіи издана: *Краткая Россійская Исторія* 1. *Строева*. Эта книга заслуживаетъ вниманіе и похвалу. На французскомъ языкѣ напечатано: *Précis de l'histoire de Russie à l'usage de la jeunesse, par Mr. de Fonvent*. Кажется впрочемъ, что русское юношество не изгѣтъ нужды въ исторіи своего отечества, написанной на французскомъ языкѣ.

По біографической части должно замѣтить напечатанную въ 1812, но вышедшую въ свѣтъ въ 1814 году, достойную особаго вниманія книгу: *Дѣянія полководцевъ и министровъ Петра Великаго. Сочиненіе Дмитрія Бактыша-Каменскаго*.

е) *Современная Исторія Россіи и всей Европы.*

Изъ многихъ сочиненій и переводовъ по этой части отличаются преимущественно слѣдующія пять книгъ:

- 1) *Записки о составленіи и походѣ С. П. б. Ополченія, изданныя капит-лейт. Барономъ Штейнелемъ.*
- 2) *Краткое обозрѣніе похода Россійскихъ войскъ противъ Французовъ въ 1812 году.*
- 3) *Императоръ Всероссийскій и Бонапарте, сочиненіе 1. Уварова, съ французскимъ переводомъ.*
- 4) *Darstellung des französisch-russischen Vertilgungskrieges, соч. 1. Козеартена* и 5) *Dernières heures*

de Louis XVI par Edgévorth de Firmond, переведенная и на русскій языкъ. — Прочія книги, по этому отдѣленію, кромѣ нѣкоторыхъ переводовъ, не заслуживаютъ вниманія: онѣ выписаны, и притомъ не весьма искусно, изъ вѣдомостей, журналовъ и реляцій.

Г. *Дестунисъ* издалъ на новомъ греческомъ языкѣ, въ пользу обитателей Греціи, описанія великихъ современныхъ происшествій.

Къ отдѣленію исторіи должно отнести рѣдкое въ своемъ родѣ сочиненіе: *Жизнь Артемія Араратскаго, уроженца селенія Вагаршападъ въ Арменіи*.

д) Географія.

Землеописаніе Россіи обогащается тщательнымъ исполненіемъ статьи Устава объ училищахъ, которою поручено учителямъ губернскимъ и уѣзднымъ дѣлать топографическія наблюденія по предписанной формѣ, и доставлять оныя Министерству Народнаго Просвѣщенія. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ напечатаны. Черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ области неизмѣримой Имперіи Россійской будутъ описаны самымъ подробнымъ и вѣрнымъ образомъ, и георафія Россія доведена будетъ до возможнаго совершенства.

5. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Ботаника Россійская обогащена прекраснымъ и у насъ донинѣ единственнымъ твореніемъ: *Flora Cau-*

сависа. Латинскій текстъ сочиненъ г. *Маршаломъ Биберштейномъ*, а изображенія растений нарисованы, выгравированы и раскрашены учителемъ рисованія при Харьковскомъ Университетѣ, г. *Матесомъ*. Вѣрность, чистота и тонкость отдѣлки поставляютъ эту Флору на степень лучшихъ изданій въ этомъ родѣ, вышедшихъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Не нужно упоминать при этомъ, что правительство значительнымъ вспоможеніемъ доставило издателямъ средства достигнуть съ успѣхомъ предположенной ими цѣли. Частные люди у насъ еще не могутъ отваживаться на подобныя предпріятія.

6. МЕДИЦИНА.

Императорская Медико-Хирургическая Академія издавала въ этомъ году *Всеобщій Журналъ Врачебной Науки*, и сверхъ того напечатано нѣсколько переводовъ медицинскихъ книгъ и разсужденій о разныхъ предметахъ медицины на русскомъ, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

7. ФИЗИКА, ХИМІЯ И МАТЕМАТИКА.

По первымъ изъ этихъ двухъ наукъ изданы нѣкоторыя учебныя книги и разсужденія, а по части математики не вышло ни какихъ сочиненій и переводовъ кромѣ обыкновенныхъ календарей, *Морскаго Мясцослова* и *Санктпетербургскаго Карманнаго*

Мыслицслова, издаваемого на нѣмецкомъ языкѣ г. академикомъ *Шубертомъ*, съ русскимъ переводомъ г. академика *Севастьянова*. Въ Германіи и во Франціи издается много такихъ карманныхъ календарей или альманаховъ, но нашъ, Санктпетербургскій, безспорно долженъ занять между ними первое мѣсто.

8. ЭКОНОМІЯ.

По части Экономіи издаваемы были на русскомъ языкѣ два журнала, а на нѣмецкомъ одинъ. Въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ изданы на русскомъ, а въ остъ-зейскихъ провинціяхъ на нѣмецкомъ языкѣ разные экономическія сочиненія. — Санктпетербургская Академія Наукъ продолжала изданіе *Технологическаго Журнала*. Нѣкоторые технологическія сочиненія изданы Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

9. СЛОВЕСНАЯ ИСКУССТВА.

а) Поэзія.

Лирическая поэзія въ истекшемъ году посвящена была прославленію знаменитыхъ подвиговъ Александра, побѣдителя и миротворца. Сверхъ разныхъ русскихъ одъ и пѣсней, изъ коихъ нѣкоторыя сочинены первыми нашими стихотворцами, вышли стихотворенія на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, латинскомъ,

и даже на греческомъ — *Гимнъ Немецкдъ*, сочиненный г. *Грефе*, профессоромъ Санктпетербургскаго Педагогическаго Института. — Мы сказали уже, что въ числѣ лирическихъ стихотвореній 1814 года находятся произведенія первыхъ нашихъ поэтовъ. О прочихъ публика должна судить снисходительно, и уважать восторгъ усердія и любви подданныхъ при великихъ подвигахъ Государя. Никто, напримѣръ, не станетъ требовать, чтобъ *народъ*, обрадованный приѣздомъ благотворителя, изъяслялъ свое веселіе разнообразными, правильными восклицаніями: чѣмъ они разнообразіе, чѣмъ *непринужденіе*, тѣмъ удачнѣе выражаютъ восторгъ народный.

Въ родѣ эпическомъ не было произведеній, достойныхъ вниманія.

Въ драматическомъ родѣ, кромѣ одной трагедіи въ прозѣ, одной комедіи и одной переведенной оперы (которыя всѣ не заслуживаютъ большаго вниманія) не напечатано на русскомъ языкѣ ничего. На нѣмецкомъ языкѣ вышло въ Санктпетербургѣ драматическое стихотвореніе г. *Раупаха*, подъ заглавіемъ: *Timoleon, der Befreier*, посвященное Его Императорскому Величеству, и заслужившее похвалу многихъ нѣмецкихъ литераторовъ въ Россіи.

Изъ описательныхъ поэмъ напечатаны: переводъ Делилевыхъ Садовъ, г. *Палицына*, и *Сельскій житель*, *Князя Шихматова*. Въ родѣ дидактическомъ вышли: *Христосъ*, стихотвореніе *Гавріила Романовича Державина*, *Ночь на размышленія*,

Князя Шихматова, и Размышленіе о судьбѣ, Князя И. М. Долморукова. Басни и сказки Александра Измайлова и Басни новаго стихотворца Александра Алафи напечатаны особо. Басни Крылова помѣщаемы были въ журналахъ.

Если бѣдность нѣкоторыхъ разрядовъ этого библіографическаго обзорѣнія возбуждаетъ сожалѣніе, то нельзя не порадоваться бѣдности другихъ, напримѣръ разряда романовъ. Въ 1814 году напечатано въ Москвѣ и Петербургѣ по одному переведенному съ нѣмецкаго роману, и еще вышли двѣ историческія повѣсти. За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, одинъ почтенный литераторъ, разсматривая успѣхи книжной торговли и любви къ чтенію въ Россіи, сказалъ: хорошо, что наша публика и романы читаетъ — сказалъ въ томъ смыслѣ, что чтеніе есть занятіе безардное, и что начинающій чтеніемъ романовъ доходитъ потомъ до стихотвореній, до исторій, до философіи. Кажется, что публика наша въ самомъ дѣлѣ наскучила чтеніемъ пустыхъ сказокъ, и принимается за книги истинно полезныя и поучительныя.

б) *Краснорѣчіе.*

О духовномъ краснорѣчіи упомянуто нами выше, въ статьѣ Богословіе.

Свѣтское равномѣрно имѣло предметомъ прославленіе незабвенныхъ подвиговъ великаго Россійскаго Монарха.

10. ИЗЫСКАНИЯ.

Для изученія русскаго языка напечатано нѣсколько грамматикъ и руководствъ къ словесности, которыя (за исключеніемъ *Правилъ Словесности*, г. Толмачева, и третьяго изданія *Основаній Русской Словесности*, г. Никольскаго) мало способствуютъ успѣхамъ теоріи языка и литературы, и вообще изданы для преподаванія по нимъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя не пожелать, чтобъ наши писатели прилежно занялись разсмотрѣніемъ и изысканіемъ правилъ Русской Грамматики, которая находится еще во младенчествѣ, и послѣ безсмертнаго Ломоносова имѣла весьма мало успѣховъ.

Между тѣмъ, въ 1814 году, важный филологическій вопросъ занималъ нашихъ литераторовъ: о переводѣ древнихъ стихотвореній размѣромъ подлинника, именно о переводѣ Гомеровыхъ поэмъ эксаметрами. Этотъ ученый споръ происходилъ въ собраніяхъ Бесѣды Любителей Русскаго Слова. — Русскій языкъ въ двухъ преимуществахъ подходитъ къ древнимъ: онъ имѣетъ свободу въ расположеніи словъ, и способность подражать количественной поэзіи. Въ превосходствѣ перваго изъ этихъ свойствъ никто не спорить, хотя свобода эта непремѣнно должна быть подчинена правиламъ въ нѣкоторыхъ родахъ слога. Удивительно, что второе изъ этихъ отличительныхъ

качествъ не принято всѣми любителями и знатоками отечественной поэзіи, хотя ихъ впрочемъ нельзя укорить въ излишнемъ пристрастіи къ новымъ языкамъ, у которыхъ русская поэзія заимствовала ограниченныя свои формы.

Приступаемъ къ послѣднему отдѣленію библиографической системы.

II. ПОЛИГРАФИЯ.

Сверхъ шестнадцати разныхъ официальныхъ и партикулярныхъ газетъ, издававшихся въ 1814 году на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, польскомъ и шведскомъ языкахъ, выходили разные историческіе, политическіе и литературные журналы, въ Санкт-Петербургѣ три на русскомъ и два на нѣмецкомъ языкахъ, въ Москвѣ четыре на русскомъ, а въ Ригѣ четыре же, но на нѣмецкомъ языкѣ. — Одинъ писатель сказалъ весьма удачно, что періодическія изданія въ литературѣ то же, что каналы и дороги въ торговлѣ: они способствуютъ скорому сообщенію между учеными и литераторами, доставляютъ публикѣ свѣденія о новыхъ произведеніяхъ, и вообще придаютъ современной литературѣ живость и дѣятельность, особливо когда этимъ сообщеніямъ дана надлежащая свобода. Сверхъ того нельзя не замѣтить, что наши журналы имѣютъ свойство, общее съ характеромъ народа — благотворительность. Въ доказательство сего довольно было бы назвать одно изданіе — *Рус-*

скій Инвалидъ. При неусыпныхъ трудахъ издателя и благородномъ участіи всей российской публики, собрано до четырехъ сотъ тысячъ рублей въ пользу страждущихъ защитниковъ отечества, которымъ, сверхъ того, раздаются ежегодно и ежемѣсячно важныя пособія. — Съ *Сына Отечества* Санктпетербургская Губернская Гимназія получаетъ ежегодно, на воспитаніе сиротъ военныхъ чиновниковъ, по три тысячи рублей. Посредствомъ этого же журнала, *Вѣстника Европы* и *Русскаго Вѣстника* получаютъ вспоможенія благотворительныхъ особъ многие бѣдные люди, достойные лучшей участи. Рижскій директоръ училищъ, г. *Албанусъ*, издаетъ педагогическій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ, и сборъ съ него посвящаетъ въ пользу неимущихъ учениковъ рижскихъ училищъ.

Въ заключеніе этого обзорѣнія повторимъ изложенное нами выше сего мнѣніе о духѣ 1814 года въ отношеніи къ Русской Литературѣ. — Кровавопролитная и упорная брань за свободу и отечество, обративъ на тебя все вниманіе русскаго народа въ 1812 и 1813 годахъ, остановила на время ходъ его литературы, но въ 1814 году, при благотворномъ вліяніи славы и мира, науки, художества и словесность ожили съ новою силою, и обѣщаютъ принести отечеству со временемъ вождѣлѣнные плоды. — Сверхъ того нельзя не замѣтить, въ каждомъ изъ библиографическихъ отдѣленій, что всѣ полезныя дѣла, всѣ важныя предпріятія произведены стараніемъ или при дѣя-

тельной помощи правительства, которое, чувствуя всю цѣну истиннаго народнаго просвѣщенія, въ распространеніи его полагаетъ свою славу. Остается пожелать, чтобъ всѣ сословія государственныя, познавъ благія его намѣренія, твердо рѣшились, единодушнымъ участіемъ въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, способствовать великимъ и благотворнымъ трудамъ мудраго своего Монарха.

II.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1815 и 1816 годовъ *).

За два года предъ симъ, по изложеніи успѣховъ Русской Литературы въ 1814 году, изъявлено было предъ почтеннымъ собраніемъ посѣтителей Императорской Публичной Библіотеки общее желаніе, чтобъ мирныя упражненія въ наукахъ, художествахъ и словесности, по окончаніи славной и грозной брани за свободу Россіи и Европы, распространились между всѣми сословіями отечества, чтобъ благія попеченія правительства о водвореніи просвѣщенія среди под-

*) Читано въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной Библіотеки 2-го Января 1817 года.

данныхъ Россіи, нашли содѣйствіе и пособія въ самомъ народѣ. Немного прошло времени — и уже исполняется это ревностное желаніе. Какъ на тучной землѣ, при благопріятной погодѣ, раждаются тысячи растений и травъ, такъ на полѣ словесности русской возникаютъ произведенія всѣхъ родовъ. Конечно должно сказать по справедливости, что многія изъ сихъ растений родятся для того, чтобы исчезнуть, едва обративъ на себя взоръ прохожаго, но въ числѣ ихъ есть и первые отпрыскъ, предстатки цвѣтовъ, обещающихъ украсить со временемъ богатый вертоградъ, и высокіе деревъ, который, возрастая: подъ благотворнымъ вліяніемъ всеоживляющаго свѣтила, и укореняясь въ землѣ отечественной, устоятъ отъ порывовъ бури и хлада въ продолженіе вѣковъ.

Это быстрое размноженіе произведеній литературы, это общее стремленіе къ упражненіямъ въ наукахъ, художествахъ и словесности есть неминуемое послѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Цвѣты и плоды ума человѣческаго имѣютъ столь близкое сходство съ произведеніями царства растений, что я осмѣлюсь продолжать начатое сравненіе. Въ умственномъ мірѣ, какъ и въ физическомъ, произведенія природы, для достиженія зрѣлости и принесенія плодовъ, требуютъ пищи: для растений пища эта есть воздухъ и свѣтъ, для произведеній духа — благоразумная свобода и вниманіе правительства. Всѣ старанія объ удобреніи земли и порученія нѣдрамъ ея плодоносныхъ сѣмянъ напрасны, если возникшіи изъ сихъ сѣмянъ стебель не

•

будетъ освѣщаемъ вѣяніемъ чистаго воздуха, если не озаритъ его животворный лучъ солнца. Хотя бѣ изъ тысячи отростковъ и удалось одному преодолѣть внутреннюю силою сарою всѣхъ пріятствій, но онъ ни когда не достигнетъ той зрѣлости, того цвѣта, къ которымъ предопредѣленъ природою: онъ не осянеть благотворными вѣтвями окрестностей, не произведетъ плодовъ пріятныхъ и питательныхъ... Воспитаніе или просвѣщеніе народное есть дѣло великое, одна изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей правительства, тѣмъ болѣе достойная уваженія и хвалы, что занимающіеся имъ сами рѣдко наслаждаются плодами своихъ трудовъ, предоставляя ихъ въ пользу всѣхъ частей управленія государственнаго; но всѣ полеченія и ревность занимающихся образованіемъ юношества становятся тщетными и безполевыми, если, по вступленіи молодыхъ людей въ свѣтъ, имъ нельзя будетъ употребить талантовъ, въ нихъ открытыхъ или имъ сообщенныхъ. Въ рааныхъ земляхъ Европы, гдѣ издревле заведены хорошія училища, гдѣ юношество получаетъ классическое образованіе, и гдѣ бы надлежало ожидать непрерывныхъ и важныхъ плодовъ этого образованія, — видимъ мы совершенно тому противное. Словесность этихъ странъ находится въ вѣчной посредственности, и только въ тѣхъ наукахъ и искусствахъ жители ихъ упражняются съ успѣхомъ, которыя, не требуя отличныхъ дарованій, необходимы только для общежитія. Отъ чего это происходитъ? Оттого, что въ тѣхъ странахъ нѣтъ,

въротеріи, позволяющаго каждому гражданину, какова бы онъ исповѣданія ни былъ, трудиться въ пользу общества, оттого, что въ нихъ господствуетъ пагубное мѣстничество, заграждающее истиннымъ талантамъ путь къ отличіямъ и наградамъ; оттого, что умственная сила народа, въ тѣхъ странахъ обитающаго, драгоценнѣйшее достояніе человѣка, важнѣйшій, если смѣю сказать, капиталъ государства, окочана цѣпями предрасудковъ, подозрительности и недовѣрчивости правительства. Таланты гибнутъ тамъ, какъ весенніе цвѣты отъ дыханія бурь и стужи!

Въ Россіи нѣтъ этихъ препятствій: мудрые ея законодатели, Петръ, Екатерина и Александръ, основали благоденствіе своихъ подданныхъ на благоразумной свободѣ и прилично каждому званію проsvщеніи.

Петръ Великій утверждалъ правило терпимости всѣхъ вѣроисповѣданій — и люди съ познаніями успѣвали изъ всѣхъ странъ принести ихъ въ даръ юношествующему государству: всѣ они увѣрены были, что подъ сѣнію Престола Россійскаго найдутъ совершенную свободу отправлять богослуженіе по своему исповѣданію, и возможность приносить новому отечеству пользу своими трудами.

Незнатность и бѣдность породы не препятствуютъ возвышаться людямъ съ способностями и познаніями. Преграды положены только тѣмъ состояніямъ, которыя не могутъ имѣть способовъ и средствъ для пріобрѣтенія свѣдѣній, требуемыхъ въ высшихъ званіяхъ

государственныхъ, но если люди, въ сихъ состояніяхъ рожденные, получили надлежащее образованіе, всѣ преграды упадаютъ, и сынъ земледѣльца, воспитанный въ высшемъ училищѣ, наравнѣ съ сыномъ вельможи имѣетъ право на первыя въ государствѣ званія и отличія.

Екатерина даровала подданнымъ своимъ свободу изъяснять свои мысли изустно и во всенародныхъ писаніяхъ — и восприяла отечественные таланты! Державинъ, языкомъ божественной поэзіи, Фонъ-Визинъ, слогомъ здраваго и сильнаго разсудка, смѣло говорили предъ трономъ истины, которыхъ обнародованіе доказало твердость трона сего, на любви подданныхъ къ Вѣрѣ и отечеству основаннаго. Александръ довершилъ начатое ею, и то, что въ царствованіе Екатерины было временною царскою миностью, въ правленіе Александра, съ утвержденіемъ Устава о Ценсурѣ, сдѣлалось твердымъ государственнымъ закономъ. Изданіе этого устава, признаннаго всею просвѣщенною Европою превосходнымъ въ своемъ родѣ, ознаменовало возобновленіе отечественной словесности. Исторія русской литературы въ царствованіе Александра свидѣтельствуетъ о его важности и благотѣльности. Писателямъ русскимъ остается, благоразумнымъ употребленіемъ данной имъ свободы, доказать великому своему Монарху, что они достойны этого дара.

Теперь слѣдовало бы, почтеннѣйшіе посѣтители, изложить предъ вами другую причину быстрыхъ

успѣховъ словесности отечественной: вниманіе и поощреніе правительства, но въ семъ случаѣ довольно будетъ привести слова знаменитаго проповѣдника: *еще мы умолчимъ, возопіетъ каменіе, возопіютъ стѣны дома сего!* Благотворное дѣйствіе монархическаго правленія, въ распространеніи просвѣщенія, ощутительно и очевидно. Народу должно дойти до отличной степени зрѣлости и просвѣщенія, чтобъ, постигнувъ и оцѣнивъ важность образованія юношества, пожертвовать для него частію своего достоянія. Александръ же изрекъ одно слово — и лучи живо-творнаго свѣтила озарили всѣ концы пространнаго Русскаго Царства. Не говорю о столицахъ: и въ отдаленныхъ краяхъ отечества ощутительно послѣдствіе благихъ его начинаній; и тѣ страны, которыя обречены природою въ удѣлъ вѣчному хладу, согрѣваются благотворнымъ жаромъ просвѣщенія, и въ пустынныхъ степяхъ, гдѣ жители едва начинаютъ еще привыкать къ воздѣланію земли, есть уже любители произведеній ума человѣческаго!

Переходя къ доказательству изложенныхъ мною мыслей, повторяю сказанное въ началѣ: благоразумная свобода и вниманіе правительства производить тѣ плоды, которые мы видимъ; подданнымъ предлежитъ оцѣнить ихъ, и содѣйствовать съ своей стороны ихъ умноженію. Писатели должны увѣриться, что труды ихъ важны и полезны только тогда, когда посвящены утвержденію въ соотчичахъ ихъ правилъ Вѣры, нравственности, любви къ отечеству, распространенію

истиннаго просвѣщенія, здраваго вкуса и охоты къ полезнымъ занятіямъ. Родители должны наконецъ познать, что величайшее благо дѣтей ихъ состоитъ въ приобрѣтеніи основательнаго, благоразумнаго просвѣщенія. Вотъ чего желаетъ Монархъ нашъ! вотъ чего требуетъ благодарность обязанныхъ имъ подданныхъ! — и изъявленіе этой самой благодарности сдѣлается новымъ благотвореніемъ для обязанныхъ ею.

Надлежало бы теперь исчислить всѣ произведенія Русской Литературы, изданныя въ 1815 и 1816 гг., чтобъ подтвердить сказанное выше о быстромъ ихъ размноженіи, но подобное исчисленіе было бы неудовлетворительно, и утомило бы вниманіе слушателей. Вѣсто сего рѣшились мы наименовать, по всѣмъ отраслямъ наукъ и словесности, только тѣ книги, которыя достойны, почему либо, особеннаго вниманія, и могутъ показать нынѣшнее состояніе, направленіе и успѣхи просвѣщенія въ Россіи.

1. Богословіе.

Въ 1815 и 1816 годахъ вышли въ свѣтъ многія богословскія книги; между прочимъ поучительныя и торжественныя слова знаменитѣйшихъ пастырей и служителей Церкви. Изъ всѣхъ отличаются преимущественно труды почтеннаго ректора С. Петербургской Духовной Академіи, архимандрита *Филарета*. Сверхъ разныхъ словъ и рѣчей, произнесенныхъ имъ, занимался онъ сочиненіемъ и изданіемъ книгъ по

всѣмъ почти частіямъ Богословія. Его *Разговоры между испытующими и увѣренными о православіи Греко-Россійской Церкви*, его *Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи*, его *Записки на книгу Бытія*, дадутъ ему почетное мѣсто между писателями вообще, и особенно богословами Греко-россійской Церкви.

Сверхъ того напечатано великое число назидательныхъ книгъ, переведенныхъ болѣею частію съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ.

2. ПРАВОУДІЕ.

Религія есть первое основаніе всякаго общества, закономъ второе. Откровеніе религіи было важнѣйшимъ благодѣяніемъ Всевышняго, а изъ людей на первой степени благодѣателей человѣческаго рода стоятъ законодатели. Съ благоговѣнною признательностію къ мудрому правительству, должны мы упомянуть, что Коммиссіею Составленія Законовъ напечатаны, въ продолженіе 1815 и 1816 годовъ, три тома *Свода Россійскихъ Законовъ*, въ которыхъ представлены будутъ всѣ многочисленные и разновременныя постановленія Монарховъ Россійскихъ въ одномъ цѣломъ составѣ. Въ этихъ трехъ томахъ заключается одна первая часть Гражданскаго Уложенія. Никогда еще законы русскіе не были представлены въ такомъ систематическомъ порядкѣ. Благословеніе несчастныхъ современниковъ и потомства будетъ слад-

чайшею наградою виновникамъ и совершителямъ этого великаго подвига!

Въ теоріи Правовѣдѣнія должно замѣтить труды г. профессоровъ *Кукольника* и *Цеттла*, а въ практической его части первое въ своемъ родѣ русское сочиненіе: *Опытъ Уголовнаго Права*, написанный г. *Горелладомъ*, и достойное особеннаго вниманія разсужденіе: *О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи*, г. *Грибовскаго*, доктора правъ Харьковскаго Университета. Въ этомъ университетѣ, несмотря на недавнее его учрежденіе, успѣли уже образоваться многіе достойные люди, обѣщающіе принести отечеству важную пользу своими познаніями и трудами.

За два года предъ симъ не могли мы назвать ни одного сочиненія о государственномъ хозяйствѣ. Въ 1815 же году вышелъ *Курсъ Политической Экономіи*, изданный на французскомъ языкѣ г. академикомъ *Шторхомъ*: съ одной стороны обогащаетъ онъ науку новымъ важнымъ сочиненіемъ, а съ другой представляетъ какъ бы отчетъ, на какихъ твердыхъ началахъ основывается воспитаніе юныхъ Великихъ Князей Россійскихъ. — На русскомъ языкѣ издаю было нѣсколько мелкихъ сочиненій о системѣ мануфактуръ и торговли; статьи о томъ же предметѣ помѣщаемы были въ журналахъ.

3. ФИЛОСОФІА.

Въ умозрительной Философіи надлежитъ упомянуть о *Логикѣ*, профессора *Лади*, а въ опытной *О начер-*

такім думисловія, г. Любоєвскія. Въ нравственной Философіи любитель словесности съ удовольствіемъ останавливаетъ взоръ свой на сочиненіи незабвеннаго Михайла Никитича Муравьева: Обитатель предѣлъствія, и Эмилиевы киста, которое, по правоучительной цѣли, прекраснымъ, новымъ мыслямъ и образцовому слогу, должно занять отличное мѣсто между произведеніями русской прозы.

4. ИСТОРИЯ.

И въ нынѣшнемъ обозрѣніи часть исторіи и поэзи обильнѣе всѣхъ прочихъ. Явленіе пріятное! Исторіи и поэты преимущественно даютъ цѣну отечественной литературѣ, и болѣе всѣхъ другихъ писателей дѣйствуютъ на своихъ современниковъ и потомство. Состояніе наукъ историческихъ и изящной словесности одно можетъ подать мѣру настоящей степени просвѣщенія народа: оно возвышается и падаетъ съ процвѣтаніемъ и увяданіемъ націй.

1) *Всемирная и Древняя Исторія.*

По части Исторіи Всемирной, должно упомянуть съ уваженіемъ объ *Основахъ Всобщей Исторіи*, г. профессора Кайданова. *Памятникъ событій въ Церквѣ и Отецествѣ*, г. профессора Орлова, болѣе приличенъ для чтенія, нежели для преподаванія. Изданіе многотомнаго творенія на счетъ книгопродавца доказываетъ, какъ у насъ распространяется охота

къ чтенію полезныхъ книгъ, особенно въ среднихъ состояніяхъ.

2) *Россійская Исторія.*

Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, котораго мирныя занятія прерваны были вторженіемъ непріятеля въ древнюю столицу, съ новымъ рвеніемъ и успѣхами возобновило свои общепользныя упражненія. Плодомъ ихъ было изданіе *Записокъ и трудовъ Общества* и первой части *Русскихъ Достопамятностей*. Оба собранія заключаютъ въ себѣ преважные матеріалы для русскаго бытописанія.

Лучшимъ сочиненіемъ о Русской Исторіи, изъ вышедшихъ въ 1815 и 1816 годахъ, должно безспорно назваться: *Изысканія* покойнаго академика *Лерберга*, которыя вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ и въ русскомъ переводѣ. Лербергъ оставилъ намъ въ этой книгѣ драгоценный памятникъ своихъ познаній, талантовъ и трудолюбія, прекращенныхъ, къ сожалѣнію всѣхъ любителей наукъ, преждевременною его смертію.

Изъ занимающихся нынѣ Русскою Исторіею, достойны особеннаго вниманія и уваженія профессоръ *Эверсъ*. Имъ изданы, въ теченіе двухъ лѣтъ: *Критическія изысканія о древностяхъ русскихъ*, и *Учебная книга Русской Исторіи*; сверхъ того начатъ историческій и статистическій журналъ, который служить продолженіемъ Миллерову Собранію записокъ касательно Россійской Исторіи. Изданіе этихъ

книгъ на нѣмецкомъ языкѣ отнюдь не умаляетъ ихъ достоинства. Не должно забывать, что великій Шлецеръ, которому исторія наша обязана успѣхами своими въ новѣйшія времена, также писалъ по-нѣмецки. На русскомъ языкѣ напечатано по этой части, кромѣ нѣкоторыхъ учебныхъ книгъ, *Обозрѣніе Мифологіи Славянъ Россійскихъ*, г. Строева.

Въ заключеніе сего разряда, непременною обязанностию поставляемъ упомянуть, что скоро наступитъ время, когда Европа перестанетъ укорять Русскихъ въ равнодушіи къ ихъ обширной, важной, занимательной исторіи. Труды господина *Карамзина*, который, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, лишалъ произведеній своего пера русскую публику, посвятивъ все это время на сочиненіе Исторіи Россійской, достойно уважены и отличены Государемъ Императоромъ. Чрезъ годъ надѣмся, посреди сего почтеннѣйшаго собранія, сказать о выходѣ въ свѣтъ девяти томовъ сего творенія, и повторить гласъ общей благодарности достойному писателю.

3) Современная Исторія.

Въ теченіе прошедшихъ двухъ лѣтъ вышли нѣкоторыя дополненія къ описаніямъ событій незабвенныхъ годовъ 1812, 13 и 14. Важнѣйшее сочиненіе о семъ времени опасности и славы есть: *Письма Русскаго Офицера, сочиненіе Федора Глинки*. Если не ошибаемся, онъ одинъ изъ всѣхъ участниковъ въ безсмертныхъ походахъ сихъ, издастъ о нихъ особое

твореніе, и потому заслуживаетъ преимущественно вниманіе и благодарность любителей словесности и славы русской. Будущій историкъ сихъ грозныхъ и славныхъ лѣтъ станетъ съ уваженіемъ пользоваться письмами Русскаго Офицера. Какою благодарностію были бы мы обязаны тому изъ сподвижниковъ Минниха, Румянцова и Суворова, который оставилъ бы намъ записки своего времени! Мы съ удовольствіемъ читаемъ Манштейна, де-Ланя, но удовольствіе было бы вдвое сильнѣе, если бъ эти воспоминанія были намъ оставлены Русскими.

4) *Путешествія и Землеописаніе.*

Къ разряду путешествій принадлежатъ *Записки флота капитана Головнина о пребываніи его въ плѣну у Японцевъ, и флота капитана Рикорда объ освобожденіи г. Головнина изъ сего плѣна.* Это происшествіе случилось въ такое время, когда Россія озабочена была важнымъ дѣломъ освобожденія своего отъ нашествія страшнаго врага, и потому тогда не сдѣлалось гласнымъ, но въ послѣдствіи по справедливости обратило на себя вниманіе не только отечества, но и всего просвѣщеннаго міра. На Запискахъ г. *Головнина* наблюдатель отечественнаго просвѣщенія не можетъ не остановить особеннаго вниманія, какого книга эта во всѣхъ отношеніяхъ достойна. И въ самомъ дѣлѣ — сколько положеніе самого сочинителя въ плѣну возбуждаетъ любопытства въ читателѣ, столько необыкновенный своею простотою и

истиною слогъ его — вселяетъ къ нему совершенную довѣренность. Кромѣ этихъ достоинствъ, Записки г. Головинна имѣютъ еще важнѣйшую цѣну въ отношеніи политическомъ. Онѣ служатъ новымъ любопытнымъ поясненіемъ правовъ, обычаевъ и законовъ Японскаго Государства, которое донынѣ почиталось въ числѣ земель малозвѣстныхъ, и въ то же время доказательствомъ, какихъ отличныхъ офицеровъ Россія имѣетъ во всѣхъ родахъ службы. Кромѣ, можетъ быть, путешествія англійскаго капитана Флиндерса, во всей Европѣ въ послѣдніе годы не выходило по сей части книгъ, которыя важностію и занимательностію своею могли бъ сравняться съ этими Записками.

По этой же части должно замѣтить *Опытъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ, г. Семинина*, переведенный на нѣмецкій языкъ и принятый съ похвалою и въ чужихъ краяхъ, и его же, вышедшее на сихъ дняхъ, *Описаніе достопамятностей Санктпетербурга*, которое, вкусомъ, расположеніемъ, отдѣлкою гравировокъ, можетъ стать на ряду съ лучшими изданіями въ семъ родѣ.

5. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

По всѣмъ частямъ Естественныхъ Наукъ изданы многія сочиненія. Съ удовольствіемъ можно замѣтить, по именамъ врачей-сочинителей, что они почти всѣ Русскіе — доказательство успѣшнаго распространенія наукъ врачебныхъ и естественныхъ въ нашемъ оте-

чествъ. — *Химическіе Словари* академика *Северина*, доподлившіе чувствительный недостатокъ въ сей части, должны быть упомянуты съ уваженіемъ и признательностію. — Въ 1815 году изданы послѣднія части *Исторіи Медицины въ Россіи*, г. *Рихтера*. Мы упомянули уже о семъ превосходномъ твореніи въ обзорѣи литературы 1814 года.

6. НАУКИ МАТЕМАТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ.

За два года предъ симъ, когда едва кончена была брань, подъятая за освобожденіе Европы, мы не могли упомянуть ни объ одной книгѣ военной. Весьма естественно: когда требуются подвиги и труды на полѣ брани, нельзя заниматься науками, любящими покой и уединеніе. Нынѣ должны мы упомянуть *О полномъ курсѣ Артиллерійской и Понтонной Науки*, изданномъ Ученымъ Артиллерійскимъ Комитетомъ, и о *Основаніяхъ Фортификаціи*, написанныхъ, по правиламъ г. де Вернона, по порученію инженернаго начальства, г. подполковникомъ *Баженовымъ*. Въ первомъ изъ сихъ твореній представлена во всей полнотѣ теорія устройства россійской артиллеріи, трудами Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева.

7. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Желаніе, изъявленное нами въ прежнемъ обзорѣи, чтобъ питатели наши занялись прилежнымъ раз-

смотрѣніемъ и изысканіемъ правилъ Русской Грамматики, не исполнилось. Кромѣ нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ изданіи Московскаго Общества Любителей Словесности, ничего не сдѣлано въ ея пользу. Труды Линде, Таппе, Фатера посвящены въ пользу иностранцевъ, и знакомя ихъ съ нашимъ языкомъ, при всемъ достоинствѣ своемъ, не приносятъ теоріи сего языка ни какой пользы. Одинъ нѣмецкій сочинитель дурной Русской Грамматики, изданной въ прошломъ году въ Лейпцигѣ, говоритъ въ предисловіи, что ~~онъ~~, по равнодушію Русскихъ къ языку своему, вознамѣрился пойти далѣе ихъ, т. е. выучить ихъ правиламъ этого языка. Намѣреніе смѣшное, но поводъ къ нему поданъ нами самими.

Господинъ *Аделунгъ* издалъ, на нѣмецкомъ языкѣ, книгу, достойную вниманія русскихъ патріотовъ: *Заслуги Екатерины Великой въ сравнительномъ языкознаніи*. При семъ случаѣ должно упомянуть, что эта книга г. Аделунга, творенія покойнаго Лерберга и критическія изысканія г. Эверса напечатаны на изживеніи Государственнаго Канцлера Графа Николая Петровича Румянцова, который въ содѣйствіи истинному благу отечества — просвѣщенію его — находитъ свое удовольствіе и славу. Признательные современники уже назначили ему почетное мѣсто между первыми благотворителями наукъ въ отечествѣ. Потомство подтвердить этотъ справедливый приговоръ.

8. ПОЛИГРАФИЯ.

Въ 1815 году издавалось въ Россіи слишкомъ 40 офиціальныхъ и неофиціальныхъ вѣдомостей и журналовъ на разныхъ языкахъ. Въ 1816 году выходило менѣе, и, къ сожалѣнію, въ числѣ прекратившихся были такіе, которые дѣйствительно приносили пользу словесности и наукамъ.

Въ числѣ періодическихъ изданій, должны занять отличное мѣсто выходящіе повременно труды ученыхъ обществъ, а именно: *Извѣстія Россійской Академіи*, содержащія въ себѣ статьи, полезныя для составленія словаря русскаго и прочихъ славянскихъ языковъ, и изданіе *Московского Общества Любителей Россійской Словесности*, отличающееся важностію и разнообразіемъ своего содержанія.

По части критической надлежитъ назвать: *Опытъ о элевсинскихъ таинствахъ*, написанный г. Уваровымъ на французскомъ языкѣ; *О придѣлкахъ къ древней статуи Купидона*, сочиненіе г. Оленина, изданное съ французскимъ переводомъ, и наконецъ *Письмо о переводѣ и представленіи Ифигеніи*, г. Гильдича.

9. КРАСНОРѢЧІЕ И ПОЭЗІЯ.

По части собственнаго Краснорѣчія напечатаны, сверхъ нѣкоторыхъ рѣчей академическихъ, духовныя слова, о которыхъ упомянуто въ разрядѣ Богословія.

Къ сему отдѣленію надлежитъ присовокупить повѣсти и романы. Въ числѣ первыхъ отличаются изданія повѣстей, переведенныхъ гг. *Жуковскимъ* и *Каченовскимъ*. Мы пишемъ не похвальное слово нашей литературѣ, а обзорѣе ея, и потому должны упомянуть о множествѣ переводныхъ романовъ, напечатанныхъ въ эти два года. Большая часть изъ нихъ перепечатана вновъ, потому что первая ихъ изданія сгорѣли въ Москвѣ.

Лирическая поэзія прославляла величіе и благость Монарха, освободителя Европы.

Посланіе къ Императору Александру, г. *Жуковскаго*, есть одинъ изъ прелестнѣйшихъ цвѣтковъ, возникшихъ въ это время. *Пѣснь на взятіе Парижа*, г. *Лобанова*, *Элегія* его *при гробѣ Князя Смоленскаго* и нѣкоторыя другія лирическія стихотворенія отличаются во множествѣ подобныхъ произведеній двухъ истекшихъ лѣтъ. Должно сказать, что въ Исторіи рѣдко случаются времена, которыя могли бы, подобно нынѣшнимъ годамъ славы Россіи, одушевлять пѣвцовъ отечественныхъ. У насъ есть стихотворенія на происшествія сихъ лѣтъ, которыя мы безъ стыда можемъ предать потомству съ повѣстію о великихъ дѣлахъ Государя и народа.

Въ поэзіи *дидактической* отличаются прекрасныя *Басни* г. *Крылова*, которыя изданы были особо и помѣщались въ журналахъ; также напечатаны два изданія *Басень* и *Сказокъ Александра Измайлова*. Какъ лучи солнечные отбрасываются всякимъ пред-

метомъ, едва имѣющимъ возможность отражать ихъ, такъ произведенія отличныхъ писателей, во все время и у всѣхъ народовъ, производили множество подражателей, особенно когда отличительныя красоты сихъ произведеній состоятъ въ простотѣ и мнимой безыскусственности, и равно дѣйствуютъ на читателей всѣхъ званій. Творенія лучшихъ баснописцевъ нашихъ породили множество подражателей, изъ которыхъ едва ли кто нибудь со временемъ сравнится съ своими образцами, ибо подражаніе, и подражаніе рабское, только развѣ въ младенческихъ лѣтахъ бываетъ упражненіемъ истиннаго таланта.

Поэзія *драматическая* обогащена изданіемъ переводовъ *Ифигеніи*, г. *Лобанова*, *Танкреда*, г. *Гильдича*, и *Эсхиры*, г. *Катенина*. Въ родѣ комическомъ должны быть отличены: *Липецкія Воды*, *Князя Шаховскаго*, и переводъ *Мизантропа*, г. *Кокошкина*. Остальныя произведенія драматической музы состоятъ большею частію изъ драмъ, оперъ, водевилей, балетныхъ программъ и другихъ подобныхъ твореній, въ которыхъ часть собственно пѣстическая есть самая слабая.

При исчисленіи произведеній поэзіи, нельзя не упомянуть о трудахъ *Графа Дмитрія Ивановича Хвостова*, который издалъ сочиненія и переводы почти по всѣмъ частямъ стихотворства.

Съ особеннымъ удовольствіемъ должно замѣтить, что, въ нынѣшнее время, вниманіе публики обращается на произведенія поэзіи и красноречія болѣе нежели

когда нибудь. Это доказывается изданіемъ разныхъ собраній прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій и переводовъ, которые у насъ можно уже печатать съ нѣкоторою роскошью, ибо они находятъ многихъ любителей. Въ продолженіе 1815 и 1816 годовъ изданы, кромѣ исчисленныхъ выше Басень и Сказокъ гг. Крылова, Измайлова и многихъ другихъ, *Собраніе образцовыхъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, Каліона*, или труды воспитанниковъ Московскаго Университета, сочиненія г. *Тучкова*, сочиненія покойнаго *Плавильщикова*, сочиненія въ стихахъ *Жуковскаго*, и наконецъ пятая часть твореній *Державина* и два изданія *Озерова* — *Державина* и *Озерова*, которыхъ смерть похитила у насъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ. Воспоминаніе горестное, едва ли улаждаемое мыслію, что лучшая часть ихъ нетлѣнна и перейдетъ въ наслѣдіе вѣковъ! За годъ предъ симъ пѣвецъ Екатерины присутствовалъ еще въ семь храмъ щедротъ ея, и мы съ благоговѣніемъ взирали на старца, въ лицѣ котораго представлялся намъ первый изъ любимцевъ божественной музы въ наше время. Мы ловили во взорахъ его, въ которыхъ лѣта не могли изгладить юношескаго восторга, искры небеснаго огня великой его души; въ чертахъ лица его искали слѣдовъ тѣхъ вдохновенныхъ минутъ, въ которыя онъ духомъ переносился въ міръ надзвѣздный. Такъ стараемся мы, при закатѣ солнечномъ, удержатъ глазами послѣдніе лучи животворнаго свѣтила, чтобы потомъ, во мракѣ ночи, на-

слаждаться восхитительнымъ о нихъ воспоминаніемъ. Имя и творенія Державина принадлежать потомству, которое одно въ состояніи дать истинную цѣну великому стихотворцу. Когда поэзія есть та рѣдкая способность души, посредствомъ которой человѣкъ видитъ всѣ предметы въ свѣтѣ очаровательномъ, которая даетъ ему возможность, въ обыкновенномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ, обрѣтать слѣды Вышняго Промысла, въ душѣ своей созидать новый, неизвѣстный смертнымъ міръ, постигать глубокимъ чувствомъ красоты природы и величіе Творца ея — всѣ эти впечатлѣнія языкомъ божественнымъ передавать другимъ, и тѣмъ возбуждать въ душахъ ихъ чувство безмертія и назначенія человѣка къ другому, лучшему бытію — то Державинъ есть истинный поэтъ! Дѣйствія великаго стихотворца на современниковъ и потомство не могутъ быть исчислены. Непостижимую силою духа увлекаетъ онъ за собою націю, и переноситъ ее на высшую степень умственного образованія. Лишь Державина будетъ вѣкъ блистать въ храмѣ отечественныхъ музъ: когда иноземцы станутъ исчислять предъ нами имена своихъ поэтовъ — мы укажемъ на русскаго барда, и они умолкнутъ: въ душѣ его виѣщался цѣлый міръ поэзіи!

Вскорѣ по кончинѣ Державина, вѣсть о смерти Озерова поразила насъ новою горестію. Державинъ былъ счастливѣе: до послѣдняго біенія сердца онъ питалъ душу свою восторгомъ поэзіи — и въ минуты разлуки съ земною жизнью переносился еще мыслію

въ область очарованій. Озеровъ угасть въ тишинѣ уединенія, подъ игомъ страданій душевныхъ и тѣлесныхъ. Пламенный пѣвецъ Бога и Фелицы, преплыть бурное море общественной жизни, спокойнымъ окомъ взиралъ съ берегу на его волненіе. Въ творцѣ Момны и Поликсены чувство преодолѣло силу духа; это самое глубокое чувство, которое произвело безсмертныя его творенія, было причиною его страданій и преждевременной кончины. — Творенія Озерова составили новую эпоху въ исторіи русской драматической поэзіи. Читатели и зрители обыкновенные могутъ находить въ его трагедіяхъ одно механическое превосходство стиховъ и слога предъ его предшественниками, но прилежный наблюдатель поэзіи отечественной долженъ видѣть въ нихъ достоинство гораздо важнѣйшее. До Озерова трагедіи наши были не иное что, какъ рабскія, одноцвѣтныя копіи образцовъ иностранныхъ. Озеровъ далъ имъ краски! Онъ оживилъ ихъ истинною поэзіею, которая, не довольствуясь вымысломъ и расположеніемъ происшествій и отдѣлкою слога, находитъ существо и превосходство свое въ красотахъ высшаго рода. Эдигъ, Фингалъ, Дмитрій и Поликсена единственны въ своемъ родѣ, и донынѣ сочинитель ихъ не имѣетъ даже соперниковъ; эти трагедіи останутся украшеніемъ Русскаго Театра. Умъ человѣческій усовершенствуется, познанія людей распространяются, — возникнетъ, можетъ быть, какъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, собственная національная русская трагедія, но гений, водившій

кистию Озерова, будетъ сіять въ потомствѣ, и позднѣе питомцы трагической музы съ восторгомъ и удивленіемъ будутъ взирать на великій образецъ свой!

Императорская Публичная Библіотека приобрѣла два драгоценные памятника этихъ великихъ поэтовъ; первый: экземпляръ Поликсены, писанный собственною рукою Озерова, и второй: аспидную доску, подаренную Библіотекѣ, по усиленной просьбѣ ея начальства, родственниками Державина, на которой поэтъ, за два дни до своей кончины, написалъ слѣдующіе восемь стиховъ:

Рѣка время въ своемъ теченьѣ
Уноситъ всѣ дѣла людей.
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Черезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

Въ этомъ мѣстѣ хладная рука смерти коснулась поэта, и начатая мысль довершилась въ вѣчности. Она возбудится въ душѣ всякаго, кто взглянетъ на эти неоцѣненные черты. Всѣ дѣла смертнаго тлѣнны, но духомъ своимъ великіе люди не умираютъ: этотъ духъ, подобно благотворному гению, возносится надъ разрушеніемъ и прахомъ, живетъ въ душахъ грядущаго вѣка, способныхъ вмѣщать великое и изящное, и укрѣпляетъ ихъ въ вѣрѣ, что отблескъ Вышняго Существа въ этомъ мірѣ не можетъ быть причастенъ тлѣнію.

III.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

въ 1833 году.

(Письмо въ Парижъ, къ Якову Николаевичу Толстому.)

Вы, попрежнему, любите отечественную словесность; вы прилежно ею занимаетесь. Это увидѣлъ я на оберткѣ журнала: *Europe Littéraire*: тамъ сказано, что вы взялись сообщить его издателямъ *Обозрѣніе Русской Литературы*. Я увѣренъ, что вы исполните это намѣреніе достойнымъ сего предмета образомъ, и будете способствовать къ проясненію нынѣшнихъ французскихъ понятій о нашемъ отечествѣ; но такъ, какъ, вѣроятно, не всѣ русскія произведенія до васъ доходятъ, то я и полагаю, что нѣкоторыя подробности о нынѣшнемъ состояніи нашего литературнаго міра будутъ вамъ не излишни, а можетъ быть

•

и пріятны. Надѣюсь, что вы не оставите отплатить за это взаимностію; надѣюсь, что вы сообщите намъ извѣстія изъ того круга, въ которомъ живете нѣсколько лѣтъ. Любопытно было бы намъ узнать нѣкоторыя подробности о нынѣшнихъ герояхъ Французской Словесности: опишите намъ Ламартина, Делавиня, Гюго, Нодье, Дюмаса, Мериме, Герцогиню Абрантскую, Жанена, Бальзака; снимите маску съ библіофила Жакоба и Мишеля-Ремона. Я не могу служить вамъ такимъ обиліемъ матеріаловъ и лицъ, но мои извѣстія, конечно, будутъ доступны вашему сердцу: я буду говорить о Россіи и о Русскихъ. Напрасно думаютъ, что любовь къ отечеству (разумеется, въ человѣкѣ совершеннолѣтнемъ) ослабляется удаленіемъ изъ отечества. Напротивъ: предметы, отдаленные отъ насъ *пространствомъ*, дѣйствуютъ на насъ такъ же, какъ минувшіе во *времени*: вдали исчезаютъ мелкіе ихъ недостатки; они представляются уму и воображенію нашему въ цѣломъ своемъ объемѣ, въ видѣ совершенномъ; они дѣйствуютъ на душу только хорошими, такъ сказать, *казовыми* своими сторонами. И это благородное чувство должно заглядывать въ вашихъ глазахъ скудость моего предмета. Скажу правду: наша литература еще не достигла той степени, на которой всякому доброму патріоту желалось бы ее видѣть. У насъ еще нѣтъ собственнаго міра литературнаго. Рѣдкіе занимаются у насъ литературою исключительно, и для самой литературы. Молодые люди, еще не разочарованные въ своихъ

школьных вѣрованійхъ и мечтанійхъ, вышедъ въ свѣтъ, испытываютъ свои силы; но, не имѣвъ на первомъ шагу блистательнаго успѣха, упадаютъ духомъ, жалуются на равнодушіе и безвкусіе читающей русской публики, и большею частію посвящаютъ труды свои службѣ: ея награды существеннѣе и достаются скорѣе. Другіе изъ этихъ раненыхъ подвижниковъ вступаютъ въ когорту, не письменной, но словесной оппозиціи, браня все, всѣхъ и каждого. Потребны необыкновенная твердость духа, пламенная страсть къ словесности, безотчетная любовь къ наукамъ и искусствамъ, чтобъ долго, не говоря, всегда, трудиться на этомъ поприщѣ, усѣянномъ волчцемъ и терніемъ. Потребно поэту и литератору сильное чувство исполненія своего долга, чтобъ насладиться наградой за свои пожертвованія и успѣхи. Подите въ свѣтъ съ вашею душою, съ вашими твореніями — тамъ васъ не знаютъ. Вамъ скажутъ два, три пріѣтствія, изъ которыхъ увидите, что полурусскій комплиментеръ не читалъ вашихъ твореній, и хвалить васъ наобумъ. Послушайте сужденій и похвалъ ступеню ниже. Васъ хвалятъ въ лице за тѣ мѣста въ сочиненіи вашемъ, которыя вы хотѣли бы навсегда уничтожить и въ книгѣ и въ памяти своей, а тѣ мысли, тѣ картины, тѣ чувства, которыя сотворены, рождены вами въ свѣтлыя минуты вдохновенія, съ которыми вы всю жизнь носились, какъ раковина съ драгоценною жемчужиною — онѣ проскользнули на гладкой поверхности лакированныхъ китайскихъ урод-

цевъ! Изрѣдка, невзначай поэты русскіе слышать отголоски своихъ пѣсней; — изъ какого нибудь темнаго, отдаленнаго уголка отзовется: понимаю, чувствую! И этотъ одинокій голосъ, иногда одна мысль, что *можетъ быть* такой голосъ гдѣ-то раздается — вотъ что должно питать у насъ чувство, воображеніе и талантъ. Какъ послѣ этого не позавидовать литераторамъ другихъ странъ, которые дѣйствуютъ во услышаніе всему отечеству своему, которымъ рукоплещутъ изъ ложъ, изъ партера и — изъ райка: ибо кто знаетъ, куда заберется истинная критика, равно какъ и истинный талантъ! Впрочемъ, въ пользу сихъ опасныхъ совмѣстниковъ, должно сказать и то, что они покупаютъ свои успѣхи, свои лавры, тяжкимъ трудомъ, долговременнымъ ученіемъ, неутомимымъ прилежаніемъ, пожертвованіемъ здоровья, иногда и самой жизни. А мы, грѣшные, трудимся, какъ тѣ изъ нашихъ фабрикантовъ, которые снабжаютъ своими легкими и ломкими произведеніями рынки азіатскіе: сойдетъ-де и такъ съ рукъ! Мы еще не занимались литературою порядочно, серіозно, постоянно, какъ дѣломъ важнымъ, отечественнымъ. Мы играемъ въ словесность, какъ въ когли. Не удалось, надоѣло: пойдемъ въ департаментъ.

Съ недавняго только времени занятія литературою начали давать у насъ выгоды существенныя, то есть, денежныя. Еще не далеки тѣ времена, когда напечатать книгу или предпринять изданіе журнала значило задолжать въ типографію и въ бумажную лавку. Нынѣ

постоянное занятіе по какой либо части словесности и наукъ непремѣнно принесетъ и вѣрную прибыль. Это важно для успѣховъ литературы. Странно, что у насъ считаютъ вещь — не то чтобъ неблагородною или непозволительною — а какъ-то неловкою, трудиться по наукамъ или словесности *изъ платы*. Да кто въ свѣтъ трудится безъ возмездія? И полководецъ и министръ, и прелать и банкиръ, получаютъ плату за труды свои, плату честную и благородную, если она приобрѣтена по мѣрѣ прямыхъ заслугъ! — Установленіемъ вѣрной, соразмѣрной съ трудами выгоды за постоянныя занятія словесностію и науками составится у насъ собственное сословіе ученыхъ и литераторовъ, конихъ вся жизнь будетъ посвящена обработанію какаго либо предмета, важнаго вообще для человечества или для отчины въ особенности. По мѣрѣ распространенія любви къ чтенію, къ занятію науками, родится и уваженіе къ ученому и къ литератору, какъ къ человѣку и гражданину; переставутъ спрашивать: что онъ коллежскій или еще надворный? или: какъ можно дать владимірскій крестъ чиновнику 14-го класса, который побѣдилъ талантомъ Камучини и Жерара! — Правительство наше дѣлаетъ все возможное, чтобъ создать, возвысить, облегчить истинно благородное сословіе производителей во всѣхъ родахъ. Намъ должно понять его намѣренія, и встрѣтить ихъ исполненіемъ на половинѣ пути!

Вотъ, почтеннѣйшій Яковъ Николаевичъ, наши недостатки, наши жалобы, наши желанія и надежды.

Но вы не того отъ меня ожидаете: вы хотите отчета въ новѣйшихъ русскихъ произведеніяхъ. Извольте: напишу что знаю и что могу. Прошу только, послѣ сказаннаго, не жаловаться на скудость матеріаловъ моего отчета, и не требовать у меня той строгости сужденій, къ которой вы привыкли въ своемъ парижскомъ водоворотѣ. Бѣдные не смѣютъ быть слишкомъ разборчивыми. Между тѣмъ, если количествомъ нашихъ произведеній мы не можемъ установить курса русскому уму на европейской биржѣ, то качествомъ нѣкоторыхъ нашъ участокъ не во многомъ уступить трудамъ вашихъ Ротшильдовъ литературы.

Первыя мѣста въ числѣ дѣйствующихъ нашихъ поэтовъ занимаютъ Крыловъ и Пушкинъ. Жаль, что къ нимъ нельзя приложить рецепта Репетилова:

Писать, писать, писать!

Крыловъ изрѣдка выдаетъ свои новыя Басни. Пять было напечатано въ *Новосельѣ*. Надѣмся, что и Библіотека для Чтенія будетъ украшаться ими. Крыловъ, какъ человѣкъ умный, не довѣряетъ самъ себѣ, и на старости боится славы архіепископа гренадскаго. Мнѣ кажется, что это опасеніе напрасное. Не говоря о поэтическомъ талантѣ его, который ни мало не увялъ съ лѣтами, замѣтимъ, что и самый родъ его стихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство, пламя лирическое могутъ потухнуть съ лѣтами, но свѣтская на-

блюдательность, умъ, прелесть разсказа не ветшаютъ въ человѣкѣ съ дарованіемъ.

Пушкинъ, Протей въ словесности, своенравный, прихотливый, какъ сама поэзія, *миралъ* въ этомъ году одні прелюдіи, капризы. Мы ждали увертюры, ждали чего нибудь большаго, важнѣйшаго, но не дождались, и, подобно султану Мустафѣ, восхищавшемуся настройкою инструментовъ своей капелли, повторяли: и это хорошо! и это мило! — Къ Пушкину, болѣе нежели къ кому нибудь другому, можно отнести сказанное нами объ участи нашихъ поэтовъ. О немъ будутъ говорить: онъ былъ въ свѣтѣ, и свѣтъ его не погасъ.

Въ нынѣшнемъ году появились двѣ оригинальныя русскія трагедіи: *Торквато Тассо*, сочиненіе *Нестора Васильевича Кукольника*, названная имъ драматическою фантазією, и *Россія и Баторій*, историческая драма *Барона Егора Ѳедоровича Розена*. Эти два произведенія должны обратить на себя все вниманіе любителей литературы, особенно первое. Тассъ, человѣкъ двухъ міровъ, великій, возвышенный, безсмертный въ мірѣ духовномъ, и слабый, ничтожный, сумасбродный въ глазахъ людей міра земнаго, представляетъ лице истинно поэтическое, созданное для драмы. Нашъ юный поэтъ удачно воспользовался характеромъ и судьбою пѣвца Іерусалима, и представилъ намъ въ своей фантазіи не именно историческаго Тасса, а вообще поэта, чуждаго гости въ здѣшнемъ свѣтѣ, окруживъ его тѣми лицами и

обстоятельствами, которыми судьба какъ бы съ умысломъ окружила своего любимца и страдальца. Вся эта трагедія преисполнена красотъ, но лучшія сцены въ ней суть: бесѣда Тасса съ геніемъ своимъ въ темницѣ, и кончина его въ вѣнцѣ капитолійскомъ. — Трагедія эта не была представлена на театрѣ, и, какъ мнѣ кажется, авторъ ничего не потерялъ при этомъ. Идеальность, поэтическая возвышенность предмета его драмы, несовмѣстна съ дѣйствительностію, осязаемостью, которой требуетъ зрѣлищная публика. Я увѣренъ, что наши зрители, увидѣвъ въ первой сценѣ, что Тасса въ домѣ его сестры принимаютъ за безумнаго, расхохотались бы, какъ въ *Горь отъ ума*, когда прославляютъ сумасшедшимъ Чацкого на балѣ; увѣренъ, что не поняли бы и сцены сумасшедшихъ, въ которой сокрыто высокое значеніе. — Историческая драма Барона Розена отличается другимъ достоинствомъ: это поэтизированная картина русскаго быта въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Онъ взялъ удивительные характеры того времени: Іоанна, Бѣльскаго, Годунова, Баторія, Замойскаго, Курбскаго; срисовалъ ихъ, по возможности, придалъ къ нимъ еще нѣсколько лицъ, счастливо придуманныхъ и созданныхъ (таковъ, напримѣръ, Царевичъ Іоаннъ, котораго мы не можемъ разгадать въ прозаической исторіи), заставилъ ихъ дѣйствовать въ ихъ кругу, на ихъ поприщѣ. Въ этой драмѣ достоинъ преимущественнаго вниманія языкъ дѣйствующихъ лицъ. Авторъ отбросилъ стѣснительные, условные законы

приличія, благородства, нѣжности выраженій: онъ беретъ слова, которыя, по его мнѣнію, ближе, короче, сильнѣе выражаютъ мысль и чувство, располагаетъ ихъ по русскому народному синтаксису, и производитъ этимъ эффектъ удивительный. Можно сказать, онъ *ломаетъ* языкъ (иногда и не совсѣмъ удачно), но какъ, *не поломавшись*, и освободиться отъ оковъ, наложенныхъ на прежній языкъ драматическій и правилами Буало, и примѣромъ Сумарокова, и привычкою въ семинаріяхъ и канцеляріяхъ! Честь и слава младому витязю! Онъ ринулся на фалангу фальшиваго классицизма, какъ Арнольдъ Винкельридь на мѣдную стѣну враговъ. Летите за нимъ въ слѣдъ, молодые поэты, и довершите побѣду истины и природы надъ ложными правилами и неестественностью! Впрочемъ должно сказать, что драма Б. Р., *какъ драма*, не выдержала бы строгой критики, если бъ въ ней не были выведены на сцену лица, важныя для насъ историческимъ своимъ значеніемъ: дѣйствіе и интересъ драмы въ ней двоятся, между Москвою и Псковомъ.

Третье поэтическое произведеніе нынѣшняго года есть умилительное завѣщаніе таланта, увядшаго на зарѣ жизни. Императорская Россійская Академія напечатала стихотворныя произведенія дѣвицы *Елисаветы Кульманъ*, скончавшейся 19 Ноября 1825 года, на осьмнадцатомъ году отъ рожденія. Жизнь и труды ея представляютъ намъ удивительную картину борьбы выспренныхъ душевныхъ силъ съ облекающимъ ихъ земнымъ тлѣніемъ. Дѣвица Кульманъ осно-

вательно знала почти всѣ новые европейскіе языки, латинскій и греческій: любимымъ ея занятіемъ были переводы древнихъ классиковъ и подражанія этимъ великимъ образцамъ. *Кончивъ* жизнь свою въ томъ возрастѣ, когда другіе едва *начинаютъ* учиться, она показала изумленному свѣту что могла бы сдѣлать, если бъ судьба даровала ей еще нѣсколько лѣтъ существованія на земли, для полнаго развитія рѣдкаго поэтического дарованія. Святость памяти такой души удерживаетъ перо критика.

Въ нынѣшнемъ же году изданы стихотворенія молодого поэта *Языкова*, порывы пламенной души, поэтического созерцанія, выраженные прекраснѣйшимъ языкомъ, но, по моему мнѣнію, слишкомъ единообразные вымысломъ. *Иванъ Ивановичъ Козловъ*, котораго жизнь явила намъ великій примѣръ утѣшенія, какое доставляютъ человѣку занятія поэзіею среди самыхъ тяжкихъ лишеній и страданій, также напечаталъ особою книжкою свои мелкія стихотворенія, разбѣянные дотолѣ по разнымъ журналамъ и альманахамъ. Звуки пѣсней этого поэта не суть искусственныя рулады или блистательныя варіаціи виртуоза на драгоцѣнномъ роялѣ: это стоны, исторгаемые изъ гармоникки или золотой арфы!

Перейдемъ къ новымъ твореніямъ въ прозѣ. Первое мѣсто въ числѣ ихъ, и по времени выхода въ нынѣшнемъ году, и по внутреннему достоинству, принадлежитъ *Русскимъ повѣстямъ и рассказамъ Марлинскаго*. Рѣшительно можно сказать, что этотъ

писатель сталъ на первой степени нашихъ прозаиковъ. Вымыселъ, изложеніе, разсказъ, рѣзкія и новыя мысли, прекрасныя характеры, великолѣпныя картины природы, трогательныя и комическія сцены общественной жизни, и свѣтскій умъ, и пламенное чувство, и острая насмѣшливость, и умиленное уныніе души — сверхъ того строжайшая отчетливость въ описаніи мѣстностей разныхъ странъ, сословій, занятій — все это составляетъ достоинство этихъ повѣствованій. Автора упрекаютъ въ излишнемъ остроуміи, въ неестественности и принужденности нѣкоторыхъ его сравненій и описаній. Это, можетъ быть, справедливо тамъ, гдѣ онъ описываетъ жизнь обыкновенную, свѣтскую, *юстиную*; но можно ли сдѣлать ему этотъ упрекъ въ Амалатъ-бекѣ, въ Красномъ Покрывалѣ, въ картинахъ морской жизни и военного быта, въ письмахъ къ доктору Эрману? Недавно читалъ я въ *Journal des Débats* рецензію на переводъ Русскихъ Повѣстей (*Les Conteurs Russes*), напечатанный въ Парижѣ. Нашихъ писателей упрекаютъ въ недостаткѣ оригинальности. Но что сказали бы ваши аристархи, если бъ могли прочесть нѣкоторыя повѣсти Марлинскаго? Впрочемъ, разумѣется, что и переводу надлежало бъ быть сколько нибудь достойнымъ подлинника. Въ этихъ же *Conteurs Russes*, слова: «*Мишка! разбойникъ, подай свѣчей**)!» переведены: *Michinka, fils de chien, apporteras tu des lumières!* съ ученю

*) Въ статьѣ Булгарина: *Судья по выборамъ*.

выноскою, что *fil de chien*, говорится по-русски: *soukine syne*, и съ отиѣткою: *C'est une apellation fort commune, usitée dans les rapports du maitre et des domestiques en Russie*. Вотъ какъ насъ переводятъ, и по этимъ переводамъ судятъ о русской литературѣ, о русскомъ умѣ!

Другой писатель, пріятнымъ образомъ изумившій въ нынѣшнемъ году русскую читающую публику, есть *Баронъ Брамбеусъ*. Вы спрашиваете: откуда явился этотъ баронъ? Изъ русской сказки о Францѣ Венедіанѣ, начинающейся слѣдующими словами: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ шпанскій король, Баронъ Брамбеусъ.» Довольно ли? Первые опыты Барона Брамбеуса напечатаны были въ Новосельѣ. Недавно вышли его *Фантастическія Путешествія*, гениальное произведеніе необыкновеннаго ума и оригинальнаго воображенія. Мысли, картины, изложеніе — все въ этихъ повѣстяхъ поражаетъ читателя новостью и необычайностью. Жаль, что мѣстами проскакиваютъ выраженія, неодобряемыя нашимъ цѣломудреннымъ и чопорнымъ вкусомъ. *On est très chaste ici aux oreilles* — говаривалъ Сень-Моръ, когда ему толковали о неприличности чтенія нѣкоторыхъ французскихъ стихотвореній на его вечерахъ. Что дѣлать? Выраженія, которыя во Франціи слушаетъ, не краснѣя, всякая благовоспитанная дѣвица, у насъ привели бы въ замѣшательство опытную повивальную бабушку.

Изъ романовъ конченъ въ нынѣшнемъ году

изданіемъ четвертаго тома (и напечатанъ вторымъ, исправленнымъ тисненіемъ) *Послѣдній Носикъ*, г. *Лажечникова*, занимательный по содержанію, по дѣйствующимъ въ немъ лицамъ, но слишкомъ *подражательный* Вальтеру Скотту — во всемъ, кромѣ слога. — *Кощей Безсмертный*, г. *Вельмана*, есть удачный опытъ употребленія старинныхъ русскихъ сказокъ, преданій, повѣрій, поговорокъ и другихъ обломковъ любезной старины. Въ этомъ романѣ есть прекраснѣйшіе эпизоды, но въ цѣломъ нѣтъ ни внутренней, ни наружной связи, и герой романа, пошлый дуракъ, не можетъ возбудить участія. — На этихъ дняхъ отпечатается романъ *Мазепа*, соч. *Θ. В. Буларина*, въ которомъ очень близко и живо изображенъ бытъ малороссійскихъ удалцовъ стараго времени, и дѣла ихъ съ Ляхами и Москалями. — *Камчадалка*, романъ г. *Калашникова*, достоинъ вниманія по точному изображенію обычаевъ, нравовъ и нѣкоторыхъ происшествій Камчатки. — Въ нынѣшнемъ же году перепечатанъ романъ *Семейство Холмскихъ*. Если вы хотите узнать его содержаніе, купите, въ Парижѣ, переведенный съ англійскаго романъ: *Le Pour et le Contre*, прибавьте къ нему нѣсколько нашихъ національных сценъ, въ которыхъ играютъ роль взятки, карты, ерофенчъ, и т. п. — и будете имѣть то, что мы читали подъ именемъ произведенія россійскаго. Должно впрочемъ сказать, что слогъ этого подражанія легкій, чистый, пріятный; заморскія происшества и

лица передѣланы въ немъ на русскій ладъ очень искусно.

Изъ числа повѣстей, выходящихъ дюжинами, должно отличить повѣсти Казака *Луианскаго: Нападеніе въ распахъ*, и *Цыганка*. Обѣ написаны прекрасно; но послѣдняя отличается особеннымъ характеромъ мѣстности молдаванской: *Кассандра* есть прелестнѣйшее созданіе поэта!

Заключу обзоръ дѣстопамятныхъ явленій нынѣшней національной литературы сочиненіемъ генералъ-лейтенанта *Ивана Никитича Скобелева: Подарокъ товарищамъ, или Переписка русскихъ солдатъ*. Вы вѣрно читали, и съ удовольствіемъ, повѣствованіе французскаго солдата о жизни Наполеона (въ *Europe Littéraire*, и въ *Médecin de campagne*), Бальзака? У насъ есть такое же, или лучшее произведеніе въ этомъ родѣ: это упомянутая мною Переписка. Книга эта есть не подражаніе, не *поддѣлка* подъ солдатскій слогъ — а просто истинный солдатскій разсказъ, со всѣми повѣрьями, преданіями, прибаутками и оригинальными выраженіями русскаго воина. Сверхъ того, подъ видомъ разсказа, изложены въ этой Перепискѣ всѣ обязанности солдата, какъ человѣка и воина. Это, повѣствіе, первая у насъ народная книга.

По части Исторіи должно упомянуть о двухъ книгахъ: 1) *Сочиненія Князя Курбскаго*, изданныя г. *Устряловымъ*, и 2) *Изслѣдованіе Уложенія Царя Алексѣя Михайловича*, *Вл. М. Строева*. — Г. *Полесовъ* издалъ четвертый томъ *Исторіи Рус-*

скаго Народа. Объ этихъ книгахъ не довольно краткихъ замѣчаній; о нихъ должно или просто упомянуть, или распространиться на нѣсколькихъ страницахъ: избираю первое.

Должно замѣтить, что почти всѣ исчисленные мною новыя книги (именно кромѣ романовъ *Послѣдній Носикъ*, *Кошечей* и *Семейство Холмскихъ*) вышли въ С. Петербургѣ. Это замѣчаніе касается до литературной статистики *внѣшней*. Относительно же *внутренней* характера вывѣшенной нашей словесности, замѣчательно бorenіе, происходящее въ языкѣ. Приращеніе литературы нашей въ разныхъ родахъ, опыты нашихъ стихотворцевъ и прозаиковъ напутяхъ, донинѣ неизвѣданныхъ — все это способствуетъ къ обогащенію матеріальной и формальной части языка. Многія слова принимаютъ иное противъ прежняго значеніе; другія употребляются въ смыслѣ, точнѣйшемъ или обширнѣйшемъ. Разные новые обороты получаютъ право гражданства; особенно, по сближеніи нашихъ писателей въ послѣднее время съ литературою Германіи, водворились у насъ многія нѣмецкія фразы, и къ нѣкоторымъ мы уже привыкли. Есть слова и выраженія *модныя*, безъ которыхъ нельзя показаться въ литературномъ свѣтѣ: таковы, напри- мѣръ, *проявленіе*, *жить жизнью*, и н. др. Очень забавенъ нашъ учено-ораторскій и дидактическій языкъ. Это какое-то натянутое, растянутае, надутае, взбитое разглагольствіе, котораго ни слушатели, ни самъ ораторъ безъ помощи лексикона и комментарій

понять не могут. Округленные, раскрашенные періоды слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ симметрическомъ порядкѣ, какъ разноцвѣтные фонари въ балетѣ Кіа-Кингъ, съ тою разницею, что внутри балетныхъ фонарей свѣча, а въ пузырныхъ періодахъ нѣтъ формально ничего. Я не называю никого, но совѣтую всякому вникнуть въ содержаніе нѣкоторыхъ нашихъ новомодныхъ рѣчей, произносимыхъ иногда предъ многочисленнымъ собраніемъ. А что говоритъ собраніе? Прислушивается, зѣваетъ, морщится, не понимаетъ, но стыдась въ этомъ признаться, и приписывая неностигаемость эту не безтолковщинѣ оратора, а своему тупоумію — восхищается и рукоплещетъ.

Если я не ошибаюсь, нашей словесности, нашей поэзіи и прозѣ, въ непродолжительномъ времени, предстоятъ перемены, и самыя счастливыя. Изъ среды молодыхъ питомцевъ музъ возникнутъ самостоятельные писатели, и вознесутъ нашу литературу и исторію на высшую степень. Эта мысль волновала и радовала меня, когда я, въ нынѣшнемъ году, въ Москвѣ, посѣщалъ аудиторіи тамшняго университета, видѣлъ на лекціяхъ И. И. Давыдова слишкомъ двѣсти чело-вѣкъ, молодыхъ, благородныхъ, благовоспитанныхъ людей, жаждущихъ просвѣщенія; видѣлъ у М. П. Погодина труды учениковъ его по историческому классу, между прочимъ переводы превосходнѣйшихъ историковъ новаго времени. И я увѣренъ, что обогащеніе, преобразование, расширеніе языка нашего должно произойти изъ Москвы, колыбели русскаго просвѣщенія.

Я говорю вамъ только о собственной *словесности* русской. Если бъ я вздумалъ дать вамъ отчетъ въ движеніи наукъ и просвѣщенія въ Россіи вообще, то далеко вышелъ бы за предѣлы моего письма. Эта часть идетъ у насъ быстрыми шагами: въ Кіевѣ учреждается новый университетъ Св. Владиміра: С. Петербургскій обогащается новыми, достойными профессорами; Главный Педагогическій Институтъ въ непродолжительномъ времени выпуститъ значительное число молодыхъ, основательно обученныхъ, отлично образованныхъ кандидатовъ, для занятія учительскихъ должностей; въ Дерптскомъ Университетѣ окончили курсъ двадцать два человѣка воспитанниковъ такъ называемаго Профессорскаго Института, и почти всѣ удостоены степени докторской. Нынѣ отправились они въ чужіе края, для довершенія своего ученаго образованія, и потомъ займутъ должности профессоровъ. Въ Министерствѣ Просвѣщенія начинается съ новаго года изданіе журнала для распространенія свѣдѣній о трудахъ и успѣхахъ по этой важной отрасли государственнаго управленія. Ученыя Записки издаются Университетами Московскимъ и Дерптскимъ. Въ С. Петербургѣ приступаютъ къ постройкѣ обсерваторіи, которая будетъ снабжена превосходѣйшими инструментами. — Воспитаніе юношества въ военно-учебныхъ зведеніяхъ также болѣе и болѣе идетъ къ совершенству. Военная Академія и офицерскіе классы Морскаго Корпуса, Инженернаго и Артиллерійскаго Училищъ и Института Корпуса Путей Сообщенія,

ежегодно умножают число истинно образованныхъ, ученыхъ офицеровъ. Воспитательные институты Министерства Финансовъ, общепользные журналы, издаваемые по этому ведомству, равномѣрно споспѣшествуютъ къ распространенію познаній въ наукахъ математическихъ, естественныхъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что эти успѣхи въ познаніяхъ положительныхъ будутъ имѣть благое дѣйствіе и на словесность, драгоценнѣйшее достоинство нація. Науки можно переманить, пересадить изъ странъ просвѣщенныхъ; но отечественный языкъ, словесность, исторія воздѣлываются только собственными руками народа, на почвѣ, усѣянной костями великихъ предковъ, орошенной кровью и слезами исчезнувшихъ поколѣній, приготовившихъ своими трудами, подвигами и страданіями нынѣшнее наше величіе, славу и благоденствіе.

Теперь сообщу вамъ нѣкоторыя извѣстія не о произведеніяхъ словесности, а о производителяхъ: вамъ конечно любопытно будетъ знать, что у насъ готовится и на будущее время.

Несторы петербургской нашей словесности, *А. С. Шишковъ* и *Графъ Д. И. Хвостовъ*, съ усердіемъ продолжаютъ прежнія, любимыя свои занятія: Александръ Семеновичъ трудится надъ изслѣдованіемъ корней славянскихъ, а Графъ Дмитрій Ивановичъ ударяетъ въ струны своей лиры при каждомъ достопримѣчателномъ случаѣ.

Въ Москвѣ былъ я у *И. И. Дмитріева*: онъ живетъ, какъ мудрецъ, узнавшій міръ и суеты его, не

въ совершенномъ уединеніи, и не въ свѣтскомъ шумѣ, — въ тихой части города, въ прекрасномъ домѣ, окруженномъ густымъ садомъ; стѣны его комнатъ украшены изящнѣйшими гравюрами, напоминающими или великихъ людей, или важныя происшествія исторіи, или же представляющими образцовыя произведенія искусства. За столомъ его провелъ я нѣсколько пріятнѣйшихъ *домскихъ* часовъ въ обществѣ литераторовъ, которыми онъ окружаетъ себя, питая донынѣ страстную любовь къ литературѣ, занимаясь всѣми ея произведеніями, принимая къ сердцу всѣ ея событія и явленія.

И. А. Крыловъ, попрежнему, проводитъ утро, занимаясь своею должностію главнаго бібліотекаря русскаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, обѣдаетъ въ Англійскомъ Клубѣ, и тамъ просиживаетъ вечеръ, невольно собирая вокругъ себя кружокъ всего, что есть умнаго, грамотнаго и толковаго въ этомъ разнообразномъ обществѣ.

В. А. Жуковскій, изнуренный безпрерывными трудами по своей должности, былъ очень нездоровъ въ прошедшемъ году. По совѣту врачей, отправился онъ на югъ; провелъ зиму въ молуденной Швейцаріи, въ мѣстѣ, закрытомъ отъ жестокаго дыханія сѣвера, и нынѣ воротился, совершенно оправившись и собранный съ новыми силами. Я душевно обрадовался, увидѣвъ его недавно въ театрѣ: онъ помолодѣлъ нѣсколькими годами. Отдыхая, за границею, занимался онъ поэзіею: произведенія его досуга будутъ печат-

таться въ Библіотекѣ для Чтенія. Здѣсь онъ не имѣетъ времени дѣлательно заниматься литературою: чувствуя всю важность, всю святость своей должности, онъ жертвуетъ ей всѣмъ своимъ временемъ. Такъ и должно.

А. С. Пушкинъ, во второй половинѣ сего года, ѣздилъ въ Оренбургъ, для собранія на мѣстѣ нѣкоторыхъ свидѣній, нужныхъ для его *историческаго* труда. Между тѣмъ написалъ онъ, какъ я слышалъ, три новыя поэмы и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Кн. П. А. Вяземскій, неуспѣшно занимаясь службою (онъ служить вице-директоромъ Департамента Внѣшней Торговли), не оставляетъ и литературы. Нынѣ, слышалъ я, кончилъ онъ подробную біографію *фонъ-Визина*. Въ альманахахъ встрѣчаются его мелкія стихотворенія.

Князь А. А. Шаховской, попрежнему, усердно и пламенно трудится для Русскаго Театра; но нынѣшнія его произведенія не могутъ сравниться съ прежними. Если вы хотите, въ нихъ болѣе основанія историческаго и философическаго, но не этого требуется въ драмѣ. Занимательность сюжета, отчетливость въ изображеніи характеровъ, быстрота дѣйствія — ничѣмъ замѣнены быть не могутъ. Онъ написалъ нѣсколько повѣстей, заимствованныхъ изъ русскаго быта въ началѣ и въ срединѣ XVIII вѣка, и намѣренъ издать ихъ подъ названіемъ Русскаго Декамерона. Предпріятіе, которому мы желаемъ скорого исполненія! Наша старина исчезаетъ по мѣрѣ удаленія ея дѣй-

ствователей со сцены, и у внучат остаются одни темныя преданія, искаженные перескащиками. Если бы у насъ были Записки временъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны! Мы припоминаемъ себѣ рассказы стариковъ, какъ сонъ, разсѣянный утреннею зарею: О временахъ Екатерины II-й многое помнитъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, и рассказываетъ съ восхитительною истиною и простотою. Кто не пожелаетъ, чтобъ онъ сохранилъ свои воспоминанія на бумагахъ! Записки его времени были бы драгоценнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи!

М. Н. Заюскинъ, управляющій нынѣ Московскимъ Театромъ, продолжаетъ заниматься сочиненіемъ русскихъ своихъ романовъ. На сихъ дняхъ выйдетъ новое его произведеніе: *Аскольдова Могила*. По моему мнѣнію, въ его романахъ первенствуетъ интересъ драматическій. Что можетъ сравниться свѣжестью, замысловатостью, естественностью, съ его описаніемъ перехода чрезъ Волгу, покрытую льдомъ (въ Юріи Милославскомъ), и съ бесѣдою ямщиковъ завидовскихъ (въ Рославлевѣ)!

Ө. В. Булгаринъ, живущій почти весь годъ въ прекрасномъ своемъ помѣстьѣ, Карловѣ, подлѣ самаго Дерпта, написалъ два новые романа: *Мазепа* и *Чухинъ*. О первомъ я говорилъ выше; послѣдняго еще не читалъ.

Поговариваютъ еще о другихъ новыхъ романахъ *И. И. Лажечникова*, *Вл. И. Панаева* и др. Въ Сынѣ Отечества 1832 года напечатаны были два

отрывка изъ одного новаго романа, сочиненнаго дамою: они обратили на себя общее вниманіе близостью къ природѣ, прелестью слога. Ждали продолженія, но его не было, Говорятъ, что сочинительница принуждена была болѣзнію отказаться отъ довершенія своего труда. Крайне жаль!

Вы, можетъ быть, наконецъ спросите, чѣмъ занимаюсь я самъ. Тошно сказать, а нельзя умолчать! Жизнь редактора ежедневной газеты тонетъ въ ежедневности. У меня, какъ говоритъ Кутейкинъ, всякое утро разцвѣтеть, и погибнетъ. Думаю: вотъ завтра поутру я напишу то и то; постараюсь кончить это. Завтра наступаетъ. Но пришла почта: разбирай Дона Педра и Дона Мигеля, скучай надъ длинными колоннами безтолковыхъ толковъ; повторяй, въ простотѣ сердечной, выдумки и лжи. Кончилъ! Дай займусь дѣломъ. Шастъ факторъ: «*Оригиналу* не хватило: пожалуйста вершка на полтора.» — «Вотъ тебѣ предлинная статья о просвѣщеніи Турціи.» — «Мѣста не будетъ, Н. И.! Не прикажете ли постѣснить Францію!» — «Изволь, только оставь меня въ покоѣ.» — Я опять за перо: *Глава шестая*.... Несутъ корректуру Пчелы: все брось, и въ продолженіе двухъ часовъ выправляй грѣхи полутрезвыхъ наборщиковъ! Это не выдумка: такъ бываетъ ежедневно, съ небольшими варіаціями. Въ мгновенные антракты моей журнальной траги-комедіи, дописываю романъ, начатый за три года предъ симъ, и занимаюсь исправленіемъ моей грамматики для новаго ея изданія.

Говоря о томъ, что *есть*, что *будетъ*, чего надѣемся и чего ожидаемъ, долженъ я упомянуть и о томъ, что было и *прошло*, оставивъ по себѣ добрую память: долженъ упомянуть о литераторахъ русскихъ, кончившихъ въ прошломъ году земное поприще.

Въ истекшемъ году скончались члены Россійской Академіи *Николай Ивановичъ Гнѣдичъ* (3 Февраля) и *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ* (20 Октября), и литераторъ *Орестъ Михайловичъ Сомовъ* (27 Мая).

Не знаю, были ли вы знакомы съ Гнѣдичемъ; но если знали его хоть сколько нибудь, то оцѣните всю важность нашей потери. Сей мужъ правды и добра, основательно ученый, исполненный поэтического таланта, трудолюбивый писатель, усердный сынъ отечества, оставилъ въ сердцахъ нашихъ неизгладимую временемъ память. Одаренный отъ природы пламенною душею и пылкимъ воображеніемъ, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ началъ испытывать свои силы и способности въ занятіяхъ словесностью, и плѣняясь безсмертными красотами Гомера, посвятилъ всю свою жизнь предложенію этого отца греческой поэзіи на русскій языкъ достойнымъ его образомъ. Онъ воскресилъ и усыновилъ въ русскомъ стихосложеніи величественный эксаметръ, обезславленный бездарнымъ Тредьяковскимъ. Кончивъ великій трудъ при рукоплесканіяхъ соотечественниковъ, онъ собралъ и издалъ отдѣльныя стихотворенія, написанныя имъ въ промежуткахъ важнаго своего подвига, и отдавъ такимъ образомъ отчетъ своему отечеству въ жизни

и дѣлахъ своихъ, сошелъ во мракъ могилы съ твердостью мудреца и вѣрою христіанина. Не могу вамъ выразить горести нашей при потерѣ этого необыкновеннаго человѣка. Онъ имѣлъ тонкій и разборчивый вкусъ, былъ вѣженъ и чувствителенъ ко всему великому и прекрасному, напѣтанъ чтеніемъ и изученіемъ великихъ образцовъ древности, былъ не только превосходнымъ писателемъ, но въ то же время и самымъ строгимъ и самымъ пріятнымъ критикомъ. Многіе наши писатели заимствовали и руководствовались его сужденіями. Домъ его былъ пріютомъ благородной и изящной простоты, тишины, кроткихъ бесѣдъ и дружескихъ изліяній. Страдавъ вѣскольکو лѣтъ жестокою болѣзнію, онъ сдѣлался нетерпѣливъ, угрюмъ, причудливъ; но въ бесѣдѣ дружеской, въ разсужденіяхъ и толкахъ о наукахъ, о словесности, о друзьяхъ, мрачныя тучи исчезали на лицѣ его, взоръ прояснялся, улыбка возвращалась на уста, и прекрасная душа являлась во всей своей прелести. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ ровно за годъ предъ симъ, въ день его и моихъ именинъ. Бесѣда началась усерднымъ съ моей стороны поздравленіемъ и вопросомъ о его здоровьѣ. Онъ сталъ описывать мнѣ свои мученія, жаловаться на медленность, съ какою идетъ его (мнимое) выздоровленіе. Я постарался, при первой возможности, обратить разговоръ въ другую сторону: рѣчь зашла о словесности. Мы стали толковать о новыхъ произведеніяхъ, о новыхъ ожиданіяхъ. Я, по его желанію, разсказалъ ему планъ моего новаго романа. Участіе,

удовольствіе, одобреніе изобразились на лицѣ его; забыты были и кашель, и судороги, и бессонныя ночи, и безотрадныя дни страданій. Бесѣду нашу прервалъ врачъ, лечившій его по новомодной системѣ. Я вышелъ, общая навѣстить его какъ можно скорѣе. На другой день, узнавъ, что съ нимъ сдѣлался ужаснѣйшій припадскъ, я убѣдилъ моего врача, основывающаго методу леченія на здоровомъ смыслѣ и вѣковѣчномъ опытѣ, посмотрѣть несчастнаго страдальца, и облегчить его мученія: но уже было поздно. Онъ угасть чрезъ нѣсколько недѣль. Я едва засталъ его въ живыхъ, и только успѣлъ подписаться свидѣтелемъ подъ его духовнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ выразились все благородство, вся возвышенность его души: онъ обезпечилъ судьбу племянника, сына родной, любимой сестры; отдалъ отборную библіотеку свою въ пользу Полтавской Гимназіи, гдѣ получилъ воспитаніе, и завѣщалъ значительную сумму на исправленіе перкви, въ которой пріялъ святое крещеніе.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ оказалъ важныя услуги литературѣ и вообще просвѣщенію въ Россіи. Онъ былъ употребленъ Графомъ П. В. Завадовскимъ при вачальномъ образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и принималъ самое дѣятельное участіе въ этомъ важномъ подвигѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до конца жизни онъ не переставалъ заниматься словесностью и науками; издавалъ разные журналы (Муза, 1796; Сѣверный Вѣстникъ, 1804 — 1806; Лицей, 1807 — 1808); перевелъ сочиненіе Лонгина

и творенія многихъ греческихъ классиковъ, и издалъ нѣсколько книгъ о ботаникѣ, и въ послѣдніе годы своей жизни трудился надъ грамматикою русскою.

Ореста Михайловича Сомова вы знали. Онъ отличался, въ словесности нашей, не блистательными твореніями, но основательными познаніями и большою дѣятельностью. Онъ былъ безспорно изъ лучшихъ переводчиковъ нашихъ (если не лучший) съ французскаго и италіянскаго языковъ. Сомовъ, почти одинъ изъ писателей нашихъ, былъ литераторъ и дѣломъ, и званіемъ, что у васъ, во Франціи, называется un homme de lettres. Онъ нигдѣ не служилъ, и занимался только литературными трудами. Безпрерывныя письменныя работы, не по вкусу и не по выбору, а по необходимости и по требованію другихъ, отвлекли его отъ самостоятельныхъ произведеній, потемнили его воображеніе, изсушили тѣлесныя силы, разрушили здоровье, и въ цвѣтѣ лѣтъ низвели въ могилу. Потеря его весьма чувствительна въ нашей литературѣ, скудной толковыми и знающими тружениками. Качествами сердца, услужливостью, кротостью, привязанностью къ друзьямъ, Сомовъ оставилъ добрую по себѣ память.

Заключу это письмо воспоминаніемъ объ одномъ достойнѣйшемъ человѣкѣ, похищенномъ смертію въ прошедшемъ году: онъ писалъ не по-русски, но по предметамъ своихъ сочиненій и по дѣламъ своимъ принадлежитъ Русской Исторіи. — 20-го Марта скончался въ Оренбургѣ *Графъ Павелъ Петровичъ*

Сухтеленъ *). Знали ль вы его? На военномъ поприщѣ, конечно, не разъ съ нимъ видались, конечно слышали о немъ отъ всѣхъ, которые его знали, а знать, уважать и любить Графа Сухтелена, было одно. Не могу въ памяти и воображеніи своемъ найти никого, въ комъ соединялись бы всѣ качества, украшающія человѣка, гражданина, воина, любителя наукъ, друга человѣчества, истиннаго христіанина, и при исчисленіи рѣдкихъ его достоинствъ, не знаю съ чего начать. Онъ провелъ всю свою жизнь въ военной службѣ: былъ почти во всѣхъ походахъ русскаго воинства съ 1805 до 1828 года. Подите на поля Моравіи, на гранитные берега озеръ финляндскихъ, на вершины Балкановъ, на равнины Шампани, на стремнины Безобдала и Алагъюза, въ степи зауральскія, — вездѣ услышите имя Сухтелена, чтимое, славимое, благословляемое! Подите въ Тюльерійскій Дворецъ, и посмотрите на знаменитую картину Аустерлицкаго сраженія. Къ побѣдителю привезенъ верхомъ покрытый ранами кавалергардскій офицеръ — это осмнадцатилѣтній корнетъ Сухтеленъ. «Рано начали вы заниматься военнымъ ремесломъ!» сказалъ Наполеонъ. — Плѣнный отвѣчалъ:

Je suis jeune, il est vrai, mais aux âmes bien nées,
La vertu n'attend pas le nombre des années.

*) Сынъ инженеръ-генерала, руссійскаго посланника при Шведскомъ Дворѣ.

«Браво! Вы знаете наизусть стихи Корнеля! Имя ваше?» — «Сухтеленъ.» — «Не родственникъ ли вы генераль-квартирмейстру вашего Императора?» — «Онъ мнѣ отецъ.» — «Отецъ вашъ достойный, благородный человѣкъ!» возразилъ Наполеонъ: «Постарайтесь перевязать раны этого молодого человѣка, поберегите его! Прощайте, храбрый Сухтеленъ!» — Приказаніе Французскаго Императора было въ точности исполнено. По исцѣленіи ранъ, Сухтеленъ былъ развѣненъ и возвратился въ Россію.

Предоставляя воинамъ описать военную службу Сухтелена, ограничусь исчисленіемъ дѣлъ его на поприщѣ гражданскомъ и ученомъ.

Въ званіи генераль-квартирмейстера Главнаго Штаба, онъ участвовалъ въ учрежденіи Военной Академіи, и составилъ уставъ Финляндскаго Кадетскаго Корпуса. Ему принадлежало начальное исполненіе великой мысли: соединить астрономическими и геодезическими измѣреніями Россійскую Имперію съ прочими землями Европы, измѣрить меридіанъ по параллели Бреста, и продолжить оный къ западу чрезъ Австрію и Германію, а къ востоку до Волги и Урала. Въ военной литературѣ осталось прекрасное его сочиненіе: *Précis des évènements militaires en Finlande*, достойное замѣчанія и тѣмъ, что оно, по безпристрастію и справедливости изложенія своего, заслужило вниманіе и благодарность обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Въ 1829 году, въ скулянскомъ карантинѣ, написалъ онъ небольшую книжку въ память друга и сослуживца

своего, Константина Христофоровича Бенкендорфа, павшаго подъ Варною: въ ней видна вся прекрасная душа и автора, и того, кто былъ предметомъ его воспоминаній. Въ 1830 году былъ онъ назначенъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ. Предоставляю свидѣтелямъ его ежедневныхъ добрыхъ и благородныхъ дѣлъ въ томъ краѣ воздать должную памяти его славу. Безпрерывныя, утомительныя занятія по должности истощили его здоровье. Онъ умеръ внезапно, скоропостижно, занимаясь дѣлами. Сказываютъ, что послѣдняя, подписанная имъ за секунду до смерти бумага, заключала въ себѣ доброе дѣло. Онъ погребенъ въ оградѣ военной церкви, при слезахъ и рыданіяхъ народа. Жители Оренбурга везли на себѣ бранные его останки въ обитель вѣчнаго покоя. Магометане молились на могилѣ его, утверждая, что онъ въ душѣ былъ истинный мусульманинъ, — величайшая въ ихъ устахъ похвала христіанину. Память Графа Сухтелена будетъ жить въ благословеніяхъ, доколѣ останется хоть одинъ человекъ изъ тѣхъ, которые его знали. Государь, узнавъ о его кончинѣ, пролилъ горькія слезы, — драгоцѣннѣйшая дань доброму подданному и вѣрному слугѣ! — и не велѣлъ печатать о смерти его въ приказахъ, доколѣ не приняты будутъ мѣры приготовить отца его къ извѣстію о сей жесточайшей для него потерѣ. Не знаю, какъ принялъ, какъ перенесъ эту ужасную вѣсть осьмибидесятидвухлѣтній старецъ, находившій отраду и утѣшеніе ветхой жизни своей въ любви

къ своимъ дѣтямъ *). Графъ Павелъ Петровичъ любилъ отца, можно сказать страстно, писалъ къ нему по каждой почтѣ, и улучалъ каждый благопріятный мигъ, чтобъ съѣздить въ Стокгольмъ и съ нимъ повидаться. — И этого благороднаго, единственнаго человѣка нѣтъ уже на свѣтѣ!

Грибоѣдовъ, Опперманъ, Головинъ, фонъ-Фокъ, Гнѣдичъ, Сухтеленъ, достойнѣйшіе долголѣтія люди, въ короткое время сошли въ могилу.

Не говорите, что я слишкомъ распространился объ умершихъ; что, вспомнивъ о Сухтеленѣ, уклонился отъ первоначальнаго предмета моего письма. Въ нѣкоторыхъ лѣтахъ всѣ помышленія и чувствованія наши превращаются въ воспоминанія: взглядъ на прошедшее и настоящее есть прогулка по кладбищу.

6-го Декабря 1833 года.

*) Онъ вскорѣ послѣдовалъ за милымъ сыномъ, въ юдолю вѣчнаго покоя. *Поздн. прим.*

IV.

ПИСАТЕЛЬНИЦА.

На сихъ дняхъ прочиталъ я въ одномъ французскомъ журналѣ слѣдующія замѣчанія на женщинъ-авторовъ.

«Почему женщина, и самая добрая сердцемъ и прекрасная, лишается въ глазахъ нашихъ своей прелести, взявшись за ремесло писательницы? Нѣкоторые полагаютъ, что это происходитъ отъ дѣйствія зависти, самолюбія и мщенія мужчинъ. А мнѣ кажется, что это новая жертва силъ прелести и красоты; жертва, должно признаться, жестокая, но чистосердечная и весьма понятная. Женщина, которая рѣшается изображать чувства вмѣсто того, чтобъ рождать ихъ въ сердцахъ, отказывается отъ своего владычества, сходитъ на нѣсколько ступеней съ своего трона; становится жрицею, бывъ божествомъ; унижается до степени поэта, бывъ самою поэзіею. — И, сверхъ

того, въ занятіи словесностью, въ размышленіяхъ о
семь занятіи есть нѣчто суровое и тягостное: на нѣж-
номъ личикѣ автора являются какія-то непріятныя
движенія, вовсе противныя назначенію той, которая
долженствовала бѣ быть подругою всѣхъ вашихъ
счастливыхъ часовъ. Гласность, знаменитость есть
торжество, приобретаемое на счетъ стыдливости, мо-
гущее застрашать и самую дружбу. Любовь не легко
свыкается съ глазами; покраснѣвшихъ отъ письмен-
ныхъ трудовъ, и не прельщается пальчиками въ чер-
нильныхъ пятнахъ. Посмотрите, какъ жестоко шипы
тщеславія терзаютъ юную красавицу; какъ она му-
чится надъ принскиваніемъ рѣмъ, надъ обработкою
стиховъ. И стараясь произвестъ въ другихъ удивле-
ніе, терзаясь мыслию, что читатели къ ней равно-
душны, она теряетъ кротость, терпѣніе, нѣжность;
теряетъ то, что составляло всю ея прелесть! Вотъ за
какую цѣну слава иногда вѣнчается лаврами своими
женщинъ умныхъ и прекрасныхъ; несчастныя совер-
шаютъ теченіе жизни, не возбуждѣвъ ни любви, ни
желанія! Что жъ дѣлать? Когда сердце женщины пе-
реведено на бумагу, когда въ немъ нѣтъ тайнъ, ко-
торыми могли бы обладать вы одни, — стоитъ ли труда
покорять это сердце? Это условіе женской знамени-
тости произвело многія рѣзкія мысли со временъ Сафо
до нашей эпохи, мысли впрочемъ всѣмъ извѣстныя и
обыкновенныя; но философы, внимательно наблюдаю-
щіе сей предметъ, легко понимаютъ роль Фаона.
Бѣдненькій! Какъ жестоко наказанъ онъ вѣвѣкъ не-

умолкающими укоризнами за равнодушіе свое къ изступленной страсти женщины-поэта! Имя его переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ имя нечувствительнаго, неблагодарнаго чудовища, а можетъ быть, какойнибудь археологъ, роясь въ тлѣющихъ рукописяхъ временъ протекшихъ, найдетъ въ затерянныхъ листочкахъ Геродота или Атеней доказательства, что онъ отнюдь не былъ нечувствителенъ. Кто знаетъ, въ то самое время, какъ онъ затыкалъ уши предъ всенародными разглагольствіями десятой музы, втайнѣ можетъ быть, любилъ страстно какуюнибудь Митилеускую или Самосскую дурочку, безграмотную, но хорошенькую. Соотчичи знаменитой пѣвицы учредили, въ честь ея, еще при жизни, торжественныя игрища; выбили даже въ память ея медаль; но медаль эта лежала только въ карманѣ Фаона, въ сердцѣ же конечно было нѣчто другое. Потомство! ты бываешь иногда очень несправедливо и взыскательно: невѣжество имѣетъ также свою прелесть. И послѣ Фаона многіе предпочитали выпреннимъ дочерямъ Феба молоденькую дѣвочку, которая не умѣла отличить дактиля отъ хорей. Ривароль любилъ пригоженькую швею, и говорилъ о ней: у ней вкусъ — персика, а умъ — розы.

«Вы видите, тамъ въ тихой рошѣ, какъ подъ платанами древняго Элевзиса, блуждаетъ тѣнь женщины, завернувшейся въ темную шаль. Если можете вообразить, что эта юная мать или невѣста, какъ пріятна и мила должна быть вамъ эта прерывистая походка;

какъ интересны эти задумчивые взгляды, изрѣдка обращаемые къ небу; какъ заманчиво движеніе устъ, которыя, волнуясь тихо, кажется, зовутъ предметъ ея любви. Но когда вы узнаете, что эта молодая женщина размышляетъ о планѣ новой книги, что красавица эта поглядываетъ на облака и на луну, чтобъ приискать упрямую рѣшу, что она повторяетъ полустихіе, которое непременно должно втискать въ стихъ — очарованіе ваше исчезнетъ. Можно простить и угрюмость женщины и много причудъ, особенно когда ихъ причина неизвѣстна; но если знаете, что причиною этой угрюмости, этихъ причудъ была невозможность выразить на бумагѣ чувство, котораго она сама не понимаетъ, подобрать звонкое словцо, округлить романтическую фразу, досада или сожалѣніе возникнетъ въ вашей душѣ, и вы спросите: какое право имѣетъ она сурово обходиться съ дѣтьми своими, дурно принимать гостей? виноваты ли они, что умъ ея сегодня заупрямился?

«Между тѣмъ было бы весьма несправедливо, въ толпѣ сочинительницъ не отличить тѣхъ женщинъ, которыя непреодолимымъ стремленіемъ увлекаются къ выраженію, къ обработанію своихъ мыслей; не отличить ихъ отъ тѣхъ, которыя сдѣлались авторами изъ одного тщеславія. Очень полезно удержатъ послѣднихъ невинными насмѣшками отъ пустыхъ и безполезныхъ занятій словесностью; но первымъ должно воздать всю дань нашего уваженія. Если многія женщины почитаютъ умишко свой талантомъ, и страсть

къ мелкимъ похваламъ принимаютъ за любовь къ славѣ, за то другія повинуются невольному вдохновенію, и не могутъ удержать своего генія въ его полетѣ. Такъ госпожа де-Севинье писала безсмертныя строки, безъ своего вѣдома; такъ Дезульеръ творила для потомства, не думая и о современникахъ.»

Къ числу женщинъ-авторовъ, выходящихъ изъ обыкновеннаго круга, должно причислить и тѣхъ, которыя, претерпѣвъ жестокіе удары судьбы, лишась надежды быть счастливыми супругами и матерями семейства, въ занятіяхъ литературою и искусствами находятъ услажденіе своихъ горестей, и на жертвенникъ музъ сжигаютъ ошіямъ, данный имъ природою для принесенія на алтари другихъ божествъ, и силъ божествами отринутый. Такова одна изъ знаменитѣйшихъ писательницъ Германіи, одна изъ благороднѣйшихъ женщинъ, какихъ мнѣ когда либо случалось встрѣчать въ семъ мірѣ посредственности — Элиза фонъ-деръ-Рекке, урожденная Графиня фонъ-Медель, сестра покойной Герцогини Курляндской. — Расскажу по порядку, какъ и гдѣ я узналъ ее.

Въ 1817 году, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ на берегахъ Рейна съ единственнымъ другомъ моимъ, возвращался я, одинокій, въ Россію. Я былъ избалованъ: по Франціи ѣздилъ въ дилижансахъ, слѣдственно всегда въ пестрой и измѣнявшейся компаніи; по Германіи и по Швейцаріи самъ другъ съ человѣкомъ, который замѣнялъ для меня цѣлый міръ. Но теперь, отъ самага Ганау, ѣхалъ я одинъ, въ своей простор-

ной коляскѣ, и ужасно скучалъ. Чтеніе мнѣ пріѣлось. Вотъ въ Вейсенфельсѣ, за завтракомъ, читаю я въ лейпцигской газетѣ объявленіе, что одна молодая дама ищетъ въ Петербургѣ спутника, который имѣлъ бы свою коляску; узнать о ней въ Лейпцигѣ у банкира Рейхенбаха. Дама? молодая? Виновать, всѣ жилки разыграли. По пріѣздѣ въ Лейпцигъ, поспѣшилъ я въ контору Рейхенбаха, и узналъ, что эта дама есть госпожа В., швейцарская уроженка, жена бывшаго моего товарища по службѣ, женщина любезная и образованная, которую я зналъ уже въ Петербургѣ. Она завезена была въ Германію какою-то знатною барынею, и брошена на произволъ судьбы. Я обрадовался этому случаю: могу имѣть пріятную спутницу въ скучной дорогѣ, и въ то же время одолжить добрыхъ людей. Но ея не было въ Лейпцигѣ: она жила близъ Альтенбурга, въ Нептеницѣ, помѣстьѣ саксенъ-готскаго министра Барона фонъ-Тюммеля. Вмѣсто того, чтобъ переписываться, я рѣшился самъ къ ней ѣхать. Съ большимъ любопытствомъ осмотрѣлъ я на пути мѣсто знаменитѣйшей битвы новыхъ временъ; видѣлъ Борну, Либервольковицъ, Вахау и другія мѣста, извѣстныя мнѣ донынѣ по реляціямъ; ходилъ на кладбища при сихъ селеніяхъ, и кланялся праху земляковъ, спящихъ своимъ непробуднымъ послѣ геройской смерти. Госпожа В. удивилась и обрадовалась моему пріѣзду; она охотно согласилась пріѣхать чрезъ два дня въ Лейпцигъ, чтобъ потомъ вмѣстѣ отправиться въ Россію. Я былъ принятъ хозяйкою ея, Баронесс-

сою, и двумя дочерьми учтиво, привѣтливо и радушно. Все это семейство дышало какою-то возвышенною поэзіею, наслѣдіемъ недавно умершаго дяди, знаменитаго писателя Морица Августа фонъ-Тюммеля, по которомъ онѣ всѣ еще ходили въ траурѣ. Я въ тотъ же день воротился въ Лейпцигъ. Спутница моя пріѣхала въ назначенное время; мы сѣли въ коляску, покатались на сѣверъ. Подъѣзжая къ Берлину, стали мы разговаривать о томъ, какъ намѣрены провести тамъ время. Я собирался осмотрѣть библіотеку, университетъ, посѣтить театры, и пр., а она объявила мнѣ, что должна видѣться съ Госпожею фонъ-Рекке. — «Съ сочинительницею писемъ объ Италіи?» — спросилъ я. — «Точно такъ,» отвѣчала она: «а вы почему ее знаете?» — «Какъ не знать! Еще прошлаго года перевелъ я нѣсколько ея писемъ и напечаталъ въ Сынѣ Отечества.» Симвъ разговоръ нашъ кончился. По пріѣздѣ въ Берлинъ, я отправился къ нашему послу, а спутница моя къ госпожѣ фонъ-Рекке, и между прочимъ рассказала ей, что ѣдетъ обратно въ Россію съ русскимъ литераторомъ и журналистомъ, который знаетъ путешествіе ея въ Италію, переводитъ оное и печатаетъ. Госпожа фонъ-Рекке полюбопытствовала узнать меня, и лишь только я воротился съ посольскаго обѣда, госпожа В. повела меня къ ней. Я нашелъ женщину лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, пріятной, не авторской наружности, учтивую, привѣтливую и любезную. На лицѣ ея, въ глазахъ, въ поступи видны слѣды необыкновенной

красоты. У ней были поэтъ Тидге (живущій уже нѣсколько лѣтъ въ ея домѣ) и профессоръ богословія Маргейнке. Предупредительное обращеніе хозяйки ободрило меня, и я, къ собственному своему удивленію, въ этотъ вечеръ очень свободно и бѣгло говорилъ по-нѣмецки. Путешествіе по морю, пребываніе во Франціи, поѣздка въ Швейцарію, посѣщеніе Гёте и т. п. были попеременно предметами нашего разговора. На другой день пригласила она меня къ обѣду. Я нашелъ у ней общество разнообразное и пріятное: директора гимназіи Беллермана, профессора Дитмара, директора Академіи Художествъ Вейса, поэтовъ Шинка и Гёкинга, почтеннаго старца, который съ большимъ удовольствіемъ рассказывалъ мнѣ о пребываніи своемъ въ Петербургѣ, лѣтъ за тридцать предъ тѣмъ. Но всѣхъ интереснѣе была для меня сама хозяйка, существо необыкновенное, благородное, возвышенное. Сообщаю главнѣйшія обстоятельства жизни этой почтенной и любезной женщины.

На шестнадцатомъ году отъ роду она была выдана замужъ, по фамильнымъ расчетамъ, за человѣка суроваго и жестокаго, который терзалъ и преслѣдовалъ ее за любовь ея къ мачихѣ и роднымъ своимъ, за безпрерывныя занятія книгами. Наконецъ онъ до того на нее озлобился, что выгналъ ее изъ дому съ двухлѣтнею дочерью, единственнымъ ея утѣшеніемъ. И это дитя скончалось на шестомъ году отъ роду; въ то же время умеръ любимый братъ ея. Одинокая въ здѣшнемъ мірѣ, стала искать утѣшенія и отрады

въ сообщеніи съ другимъ свѣтомъ. Въ то время (1779) прибылъ въ Митаву Калиостро, нашелъ душу ея готовою къ принятію его мечтаний и фантазмагорій, обѣщалъ ей показать тѣни брата и дочери, и преподавалъ уроки магіи. Но вскорѣ по отбытіи шарлатана, собственный здравый смыслъ и бесѣды умныхъ людей ее испѣлили, и когда Калиостро, при производствѣ процесса въ Парижѣ, дерзнулъ сослаться на ея свидѣтельство, благородная Элиза всенародно призналась въ прежнемъ своемъ заблужденіи, и напечатать книгу о бесѣдахъ своихъ со лжеумудрецомъ, сняла съ него личину. Сіе великодушное пожертвованіе собственнымъ самолюбіемъ, для открытія свѣту истины, обратило на нее вниманіе всей Европы, и доставило ей уваженіе всѣхъ благомыслящихъ. Въ 1783 году приняла она путешествіе въ Германію, для поправленія своего здоровья у карлсбадскаго цѣлительнаго источника. Въ это время познакомилась она съ первѣйшими писателями и поэтами Германіи. Сама она издала незадолго предъ тѣмъ свои духовныя и нравственныя стихотворенія, которыя были приняты съ общеою похвалою. Кантъ, Мендельзонъ, братья Штольберги, Вейсе, Гёте, Виландъ, Глеймъ, были ея искренними друзьями. Ихъ одобреніе давало ей силы продолжать споръ съ мистиками, которые вступились было за Калиостра. Истина восторжествовала, и госпожѣ фонъ-деръ-Рекке принадлежитъ слава обнаруженія всего шарлатанства этихъ высокоумныхъ и зловредныхъ мечтателей. Съ того времени жила она попеременно

въ Германіи и въ Курляндіи, находила удовольствіе въ бесѣдѣ умныхъ людей и въ занятіяхъ литературою. Потеря нѣжно любимаго отца, одной вѣрной подруги (Софіи Беккеръ, съ которою она путешествовала и занималась описаніемъ своихъ путешествій) и другихъ любезныхъ ея сердцу — все это настраивало ея душу къ созерцанію внутренняго міра, не вымышленнаго мечтателями, но существеннаго и истиннаго. — Несчастный случай (она упала однажды изъ кареты, и опасно ушибла голову) разстроилъ слабое отъ природы ея здоровье, и она, въ 1804 году, отправилась въ теплый климатъ Италіи, въ сопровожденіи поэта Тидге: перемѣна воздуха, разнообразіе представлявшихся ей предметовъ, самыя безпокойства пути способствовали къ ея исцѣленію. Явился предъ нею безсмертный Римъ съ своими вѣковыми памятниками, разостлались цвѣтуція равнины Неаполя, повѣялъ бальзамическій вѣтеръ Искіи: она ожила тѣломъ, обновилась душою. Плодомъ сего путешествія были нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, и изданіе Дневника ея (въ четырехъ томахъ, 1815—1817) принадлежащаго къ самымъ занимательнымъ твореніямъ въ семь родѣ. — Съ тѣхъ поръ живетъ она въ Германіи, то въ Берлинѣ, то въ Дрезденѣ, въ отборномъ, пріятномъ кругу, и услаждаетъ часы досуга занятіями литературными. Вотъ что говоритъ о ней аббатъ Денина: «Госпожа фонъ-деръ-Рекке есть для литературной Германіи то же, что была Викторія Колонна, Маркиза Пескарская, въ Италійской Литературѣ, въ

вѣкъ Льва Х. Благородная, прекрасная, ученая, писательница, Маркиза Пескарская была другомъ Аріоста, Бембо, Казы, Варки, всѣхъ знаменитѣйшихъ писателей Италіи въ то время. Госпожа фонъ-деръ-Рекке живетъ въ дружбѣ съ Бистеромъ, Гёте, Миллеромъ, Николаемъ, Раммлеромъ, Виландомъ и проч., со всѣми Германцами, отличающимися талантомъ и заслугами, какой бы религіи, какого бы состояніи они были. Она принимаетъ съ равною учтивостью и жену ученаго книгопродавца Николая, и Еврея, доктора Герца, и вдову и дочь Моисея Мендельзона. У ней увидишь поэта и живописца, музыканта и историка, и т. д. *).

Время, проведенное мною въ обществѣ госпожи фонъ-деръ-Рекке, останется незабвеннымъ у меня въ памяти и въ сердцѣ. Она рассказывала мнѣ многое о своихъ литературныхъ занятіяхъ и спорахъ, о Каліострѣ и Лафатерѣ; но болѣе всего вѣззалось у меня

*) Госпожа фонъ-деръ-Рекке скончалась въ Дрезденѣ 13 апрѣля 1833. Она отказала домъ свой и всю движимость поэту Тидге, котораго я посѣщалъ прошлаго (1837) года: ему восемьдесятъ пятый годъ отъ роду, но онъ еще бодръ духомъ и тѣломъ. Не желая жить по милости г-жи фонъ-деръ-Рекке, онъ платилъ ей ежегодно по шестисотъ талеровъ за квартиру и за столъ. По смерти ея оказалось, что она, въ теченіе двадцати девяти лѣтъ, отдавала эти деньги въ банкъ, и онъ возвращены были ему сполна съ накопившимися съ того времени процентами.
Поздн. прим.

въ душѣ ея повѣствованіе о свиданіи съ Екатериною Великою. Передаю разсказъ ея съ нѣкоторыми дополненіями, доставленными мнѣ въ послѣдствіи почтеннымъ Тидге.

«Великая Екатерина неоднократно изъявляла мнѣ свое благоволеніе за открытіе обмановъ Калиостра. Въ 1795 году отечество мое, Курляндія, содѣлалась російскою провинціею, и я сочла обязанностію изъяснить вѣрноподданническую преданность моей Государынѣ. Императрица благоволила отвѣчать на мое письмо весьма милостиво, и съ самыхъ лестныхъ выраженійхъ приглашала меня пріѣхать въ Петербургъ. Лѣтомъ 1795 года прибыла я изъ Германіи въ столицу Сѣвера. Чрезъ нѣсколько дней была я приглашена къ обѣду оберъ-гофмейстериною Великихъ Княженъ, госпожею фонъ-Ливенъ, въ Царскомъ Селѣ, и тамъ мнѣ объявили, что Государыня, узнавъ о моемъ прибытіи, изъявила желаніе свое принять меня въ тотъ же вечеръ, безъ всякихъ церемоній, въ тѣсномъ кругу ея фамиліи, на дѣтскомъ балѣ, который данъ будетъ для забавы ея внучать. Почтенная госпожа фонъ-Ливенъ приняла меня съ невыразимымъ радущіемъ, и представила Великимъ Княжнамъ. Вѣкъ не забуду сихъ райскихъ цвѣтовъ царственнаго вертограда! Невольное чувство радости и благоговѣнія влекло меня къ юнымъ Царевнамъ. Съ благородствомъ и достоинствомъ своего высокаго званія, соединяли онѣ дѣтскую кротость и простодушіе, которыя могутъ возникать только при тѣхъ Дворахъ, гдѣ строгій

этикетъ не изгналъ любви къ природѣ и человѣчеству. Старшія Великія Княжны, Александра и Елена, были прелестныя дѣвицы; младшія, Марія и Екатерина, милыя, веселыя, умныя дѣти. Я провела въ ихъ кругу пріятнѣйшіе часы. Вечеромъ, по данному мнѣ наставленію, пошла я съ придворными дамами въ такъ называемую аудіенцъ-залу, въ которой уже собраны были кавалеры. Я вдругъ очутилась въ кругу особъ, мнѣ совершенно чуждыхъ, не принимавшихъ во мнѣ ни малѣйшаго участія; но вскорѣ нашла одного варшавскаго знакома, Князя Станислава Понятовскаго, и бесѣдовала съ нимъ въ ожиданіи появленія Государыни. Вдругъ распахнулись обѣ половины дверей, и Императрица, сопровождаемая своими внуками, вступила въ залу. Я представилась ей въ мою очередь. Великая Екатерина съ самаго дѣтства занимала мой умъ, мое воображеніе. Я представляла ее себѣ героинею, высокою, колоссальною. Вообразите себѣ мое удивленіе, когда я увидѣла, что она роста средняго. Но это впечатлѣніе вскорѣ изглажено было величествомъ ея поступи и осанки, силою превосходнаго ума, который, блистая въ ея глазахъ, выражался въ каждомъ ея словѣ. Она поблагодарила меня за сочиненіе о Каліострѣ, потомъ отзывалась весьма благосклонно о моемъ отечествѣ, и въ великодушномъ порывѣ благодати своей сказала, что постарается заслужить довѣренность, съ какою Курляндцы подверглись ея скипетру. Потомъ обратилась она къ другимъ особамъ, а я представлялась Великому Князю Александру

Павловичу и его супругъ. Прекрасѣйшей четы я въ жизнь мою не видала! Все собраніе послѣдовало за Государынею въ танцевальную залу, и по данному ей знаку начался балъ. Императрица сѣла въ кресла, и посадила меня подлѣ себя. Я имѣла счастье цѣлый часъ слушать ея бесѣду — счастье и истинное наслажденіе! — Въ слѣдующее воскресенье, день рожденія Великой Княжны Александры Павловны (29 іюля), когда я явилась съ поздравленіемъ къ Ея Высочеству въ Царскомъ Селѣ, Государыня приказала пригласить меня къ обѣднѣ въ придворной церкви, потомъ къ столу, и вечеромъ къ семейному балу. По созволенію Императрицы, отправилась я въ церковь съ придворными дамами. Я крайне сожалѣла, что не разумѣла словъ богослуженія, но слухъ мой и зрѣніе были очарованы. Въ церкви стояла я въ такомъ мѣстѣ, съ котораго могла видѣть всю Царскую Фамилію. При этомъ случаѣ увидѣла я Великую Княгиню Марію Феодоровну, величественную, царственную жену, еще прекрасную и миловидную. Необыкновенная душа видна была въ ея глазахъ и во всѣхъ чертахъ лица. — Вдругъ раздалось торжественное пѣніе невидимаго хора — казалось, звуки эти несутся изъ другаго, таинственнаго міра! Русское церковное пѣніе несказанно трогаетъ и возвышаетъ. Душа моя присоединяла слова и мысли къ этимъ неземнымъ тонамъ. — По окончаніи богослуженія, Великая Княгиня отправилась въ Павловскъ, и я лишилась счастья ей представиться. За обѣденнымъ столомъ дали мнѣ почетное мѣсто, насу-

противъ Государыни, и здѣсь я имѣла случай удивляться ея необыкновенному дару бесѣдовать въ обществѣ. Вечеромъ, на балѣ, она опять посадила меня подлѣ себя, и не позволила даже, чтобъ я поотодвинула свой стулъ къ сторонѣ. Умные, непринужденные ея разговоры возвысили и мой умъ до той точки, съ которой она орлинымъ окомъ смотритъ на происшествія міра. Между прочимъ говорила она о томъ, сколько затрудненій встрѣчается историку, должствующему изобразить жизнь и подвиги Государя: онъ не можетъ проникнуть въ глубину его сердца, не можетъ видѣть побужденій и бореній, которыя предшествовали дѣйствию — и это дѣйствіе становится добычею историковъ, изъ коихъ каждый изображаетъ его по своему. «Признаемся,» говорила она: «прагматическая исторія очень скудна!» Она говорила еще многое. Я напрягала все свое вниманіе, чтобъ не проронить ни одного изъ глубокомысленныхъ сужденій и тонкихъ замѣчаній, которыя вырывались у ней какъ бы невзначай. Обширность ума ея меня удивила и восхитила. Екатерина была великая жена; она была бы необыкновенною женщиною, если бъ и не была Императрицею *). Любовь къ ней народа, довѣренность къ ея уму и сердцу, убѣжденіе въ томъ, что

*) Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была бъ великою жепой.

она явно покровительствуема Промысломъ небеснымъ, укрѣпляли благотѣтельную самодержавную власть ея надъ русскимъ народомъ. Этому случилось мнѣ видѣть разительный примѣръ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того былъ спускъ корабля въ адмиралтействѣ. Меня пригласили спуститься на этомъ кораблѣ. Я дала слово, но утро того дня было пасмурное, дождливое и холодное, и я было раздумала ѣхать. «Поѣзжайте!» сказалъ мнѣ наемный слуга: «Государыня сама будетъ при спускѣ: погода непременно разгуляется.» — «Непременно?» спросила я. — «Непременно!» отвѣчалъ онъ: «Ее любить Богъ.» — Я рѣшилась смотрѣть церемонію изъ окна сосѣдственнаго дома. Пріѣхала Государыня; загремѣли пушки; облака разсѣялись, и корабль полетѣлъ въ Неву, озаряемый лучами полуденнаго солнца. При первомъ лучѣ, слуга посмотрѣлъ на меня съ значительною улыбкою, и вѣрно думалъ про себя: «Теперь вѣришь ли, бусурманка, что Богъ любить вашу Государыню?»

V.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ГРАФУ ѲЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ТОЛСТОМУ.

Ты хочешь знать, почтеннѣйшій другъ, что болѣе всего занимало меня въ жизни, на какой предметъ я преимущественно обращалъ вниманіе, и почему именно избралъ словесность занятіемъ и цѣлю моихъ трудовъ, моей жизни. Признаюсь, мало есть такихъ предметовъ въ свѣтѣ, на которые я, въ теченіе жизни моей, не обращалъ бы вниманія: люблю наслажденія природы; радуюсь, какъ ребенокъ, первому вешнему дню; предпочитаю прогулку въ прекрасное лѣтнее утро всѣмъ удовольствіямъ блистательнаго вечера; осенью не могу дожидаться перваго мороза, который освѣжитъ воздухъ, и нѣжныя лица красавицъ расцвѣтитъ розами. Люблю цвѣты и птицъ; могу по ча-

самъ любоваться красивымъ макомъ, радуюсь появлению новыхъ узоровъ въ цвѣтникѣ; съ наслажденіемъ гляжу на хозяйство, ласки и раздоры домовитыхъ канареекъ. Люблю изящныя искусства; страстенъ къ музыкѣ, и, при звукахъ гармоніи Моцарта, забываюсь, созидая міръ невещественный въ глубинѣ души моей. Но всего болѣе занимаетъ меня чело-вѣкъ, сіе, вѣками неразгаданное, послѣднее твореніе рукъ Божіихъ—сей царь вселенной, и рабъ страстей своихъ, тѣломъ жертва стихій, духомъ собесѣдникъ божества.

Одинъ новѣйшій философъ производитъ все сущее, все живущее на землѣ отъ вліянія солнца на планету нашу. Дѣйствіемъ солнца въ юные дни міра, — говоритъ онъ, — когда оно грѣло и живило сильнѣе, нежели нынѣ, подъ осень Исторіи Всемірной, — произведены, на холодной и тяжелой толщѣ земли, и минералы, и растенія, и животныя; произведенъ и чело-вѣкъ, крайнее звено земнородныхъ: онъ пріялъ животную жизнь свою изъ общаго источника земной жизни, нашего солнца, пріялъ ее въ высшей, тончайшей, такъ сказать, противъ другихъ существъ степени; но солнце, средоточіе нашего міра, не есть средоточіе всемірное: оно обращается вкругъ другаго солнца, намъ невидимаго, неподлежащаго чув-ствамъ, непостижимаго уму нашему. Малый лучъ этого духовнаго солнца перелился чрезъ солнце наше на нашу планету, и заронилъ искру въ чело-вѣкъ: искра сія есть душа его — искра сія есть способность

переноситься въ міръ умственный и духовный, жить въ прошедшемъ и будущемъ, познавать бытіе Верховнаго Существа, постигать собственное свое безсмертіе. Душа духовная слита въ челоуѣкѣ съ душою животною, общею ему съ другими земнородными, но душа животная является въ немъ во всемъ своемъ совершенствѣ, на высшей степени противу всѣхъ другихъ, движущихся въ твореніяхъ низшаго разряда; душа духовная, выпренняя есть только малая искра, едва зримый зародышъ третьяго неба, проблескъ алмаза въ глыбѣ гранитной. Животная душа, при самомъ рожденіи твари въ свѣтъ, находится на высшей своей степени, лишь только получила возможность располагать и дѣйствовать своими орудіями, но душа духовная спитъ въ началѣ существованія челоуѣка, просыпается мало по малу, воспитывается, научается познавать себя, природу и Бога, но всегда остается въ младенствѣ. Челоуѣкъ носитъ ее въ себѣ, холить и возвращаетъ для другаго міра, куда она, по разрушеніи жизни животной, переселяется для продолженія своего бытія и для конечнаго усовершенствованія. Неравный удѣлъ сей искры составляетъ различіе нравственное и умственное между людьми. Въ однихъ, слабая искра тонетъ во мглѣ жизни животной; въ другихъ, искра духовная расторгаетъ узы чувственныя, рветъ и жжетъ вериги земныя. Но тамъ, гдѣ душа сія обрѣтаетъ достойную себя хранину, гдѣ она приходитъ въ равновѣсіе съ жизнію животною, тамъ проявляется высшее изъ су-

щество земкородныхъ — зиждитель царствъ и законодатель, побѣдитель злодѣевъ, просвѣтителъ варваровъ, изыскатель таинствъ природы, толкователь Судебъ Божіихъ въ бытіяхъ человѣчества — творецъ новаго міра въ изящныхъ искусствахъ, въ музыкѣ и поэзіи.

Душа духовная создала себѣ оболочку невидимую, тѣло невещественное; соткала одежду — разноцвѣтнѣ полость радуги, блистательнѣ солнцевъ на сплнѣхъ небѣ — сотворивъ языкъ человѣческій. И въ этомъ тѣлѣ красуется она и растетъ, играетъ міромъ вещественнымъ, и органами его вѣщааетъ о мірѣ духовномъ. Я посвятилъ большую часть жизни своей на изученіе этой стороны человѣческой природы, смотрѣлъ на языкъ, сіе стройное, согласное въ разнообразнѣйшихъ частяхъ цѣлое, какъ изыскатель природы вещественной глядитъ, напримѣръ, на царство растений: не пренебрегалъ мелочами, старался доискаться причинъ и началъ разнообразія и уклоненій въ несмѣтномъ роѣ звуковъ, служащихъ орудіемъ къ изображенію чувствованій и мыслей человѣка, и относилъ все къ одному источнику, вѣчному и безначальному. Многіе не хотѣли повѣять величія, важности, духовности языкоученія; не соглашались, чтобъ глаголы и мѣстоименія, причастія и предлоги вели къ чему либо высшему; но это однѣ формы, и формы варварскія: надлежитъ вдохнуть въ нихъ душу. Такъ, драгоцѣннѣйшій гербарій, съ рѣдкими произведеніями царства растений, въ глазахъ неспросвѣщеннаго есть кнпа сухой травы.

И человекъ, сей любимецъ Божества въ нашемъ мѣрѣ, всегда былъ для меня самымъ любопытнымъ предметомъ для наблюденія. Въ каждомъ человекѣ можно найти пищу для созерцательнаго духа; каждый человекъ есть малый мѣръ, движущійся вокругъ духовнаго средоточія; но въ какой степени возрастаетъ важность этого наблюденія, когда предметомъ онаго бываетъ человекъ, необыкновенный между другими людьми, — человекъ, болѣе противу ближнихъ своихъ надѣленный тою божественною душою, которая даруетъ ему безсмертіе; воспитавшій въ себѣ эту небесную искру, и употребившій ее на пользу ближнихъ! Земной составъ его разрушается; невидимая гостя улетаетъ домой, оставляя на землѣ благоуханіе на тысячелѣтія, какъ солнце, закатясь за горизонтъ, долго еще играетъ лучами своими въ атмосферѣ.

Въ жизни моей случалось мнѣ видѣться, сближаться, бесѣдовать съ людьми, которые могутъ назваться великими и необыкновенными; случалось быть въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ съ другими, которые, своими добродѣтелями, талантами и трудами, оставили по себѣ нетлѣнные памятники въ душахъ своихъ современниковъ, которыхъ оплакиваютъ и свои и чужіе, которыхъ потеря въ души друзей незабвенна, и въ глазахъ самыхъ враговъ ихъ, атеистовъ нравственности, есть потеря для человечества. Воспоминать о нихъ, воскрешать въ мысляхъ ихъ ликъ милый и незабвенный, бесѣдовать съ ними мечтою, какъ

бывало наяву — есть отрада и услаждение душѣ; но все ли то можно передать словами, изобразить мертвыми буквами, что живетъ, дышитъ и кипитъ въ глубинѣ ея! И не будетъ ли святотатствомъ касаться грубыми орудіями чувствъ святыни недосызаемой! Покойтесь въ нѣдрахъ священнаго воспоминанія, души, отлетѣвшія изъ сей юдоли, къ которымъ въ жизни была привязана моя душа цѣпью, неразрывною въ вѣчности! Для изображенія васъ, нѣтъ у меня красокъ, которыя были бъ постижимы чувствамъ постороннихъ! Обращусь къ тѣмъ немногимъ людямъ, которымъ я, наравнѣ съ прочими, удивлялся, которые, гласными подвигами, трудами и твореніями, доступны и знакомы образованному человѣчеству.

Уваженіе къ людямъ необыкновеннымъ, особенно къ писателямъ, къ литераторамъ, питаю я съ самаго младенчества. Я воображалъ себѣ сочинителей книгъ людьми необыкновенными, и болѣе нежели людьми. Помню, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на перваго, встрѣтившагося мнѣ, русскаго писателя: то былъ Федоръ Осиповичъ Туманскій, сочинитель перваго тома Исторіи Петра Великаго, и издатель разныхъ другихъ историческихъ книгъ. Онъ пріѣзжалъ къ отцу моему по какому-то дѣлу. Они разговаривали, ходя по обширной залѣ. Я не сводилъ глазъ съ Туманскаго, и, притаюсь въ углу комнаты, повторялъ про себя: «Вотъ писатель! вотъ сочинитель! Что онъ вымыслить, вычитаетъ, напишетъ, то читаютъ тысячи людей во всѣхъ концахъ Россіи, и бу-

дуть читать еще долго послѣ его смерти! И по лицу видно, что онъ не такой человѣкъ, какъ другіе.» — Я досадовалъ въ душѣ на отца моего, что онъ обходился съ писателемъ такъ же, какъ и съ другими почитателями, учтиво, но, по моему мнѣнію, слишкомъ холодно. — Въ Юнкерской Школѣ имѣлъ я случай видѣть другаго писателя, который изданіями своими имѣлъ большое вліяніе на образованіе тогдашней литературы — Василія Сергѣевича Подшивалова. Онъ былъ въ то время директоромъ Коммерческаго Училища, находившагося неподалеку отъ Юнкерской Школы, и, по дружбѣ съ нашимъ инспекторомъ, Михайломъ Никитичемъ Цвѣтковымъ, товарищемъ его по университету, иногда навѣщалъ наши классы. И теперь еще вижу лице его, спокойное, умное, благородное, доброе! Мы, ученики, боялись въ немъ строгаго судьи; но тѣ изъ насъ, которые надѣялись на успѣхи свои въ словесности, съ умысломъ выставляли предъ нимъ тетрадки. Онъ замѣчалъ дѣтскую хитрость, бралъ тетрадки, просматривалъ ихъ, хвалилъ хорошее и давалъ добрые совѣты. Но непреодолимая моя страсть къ авторству и желаніе сближаться съ великими въ литературѣ людьми, нашли полное удовлетвореніе, когда я въ первый разъ увидѣлъ Державина. Онъ былъ тогда (въ 1803 г.) министромъ юстиціи, и, въ этомъ званіи, главнымъ начальникомъ нашего училища. У насъ былъ годовой экзаменъ. Лучшие изъ насъ были увѣрены въ своихъ званіяхъ, и съ самонадѣянностію ожидали начала испытанія.

Вдругъ услышали: министръ пріѣхалъ! Всѣ бросились по своимъ мѣстамъ. Державинъ въ парадномъ сенаторскомъ мундирѣ и въ лентѣ, сопровождаемый директоромъ нашимъ, Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, вступилъ въ залу. По его желанію, начали экзаменъ съ Древней Исторіи. Меня вызвали перваго — надлежало показать мѣсто и раздѣленіе Древней Греціи. Я зналъ это, какъ Отче нашъ; но, подошедъ къ картѣ, очутившись въ двухъ шагахъ отъ Державина, остолбенѣлъ, вперивъ въ него глаза, и не могъ промолвить ни слова. Я не видѣлъ ни шитаго мундира, ни звѣздъ, ни лентъ: я смотрѣлъ ему пристально въ глаза, и въ умѣ моемъ съ быстротою сонныхъ видѣній пролетали: Богъ, Фаллица, Водопадъ, Рожденіе Порфиророднаго. — «Скажите положеніе и раздѣленіе Древней Греціи,» повторилъ учитель. Я посмотрѣлъ на него безмысленно, и опять обратилъ глаза на поэта. — «Древняя Греція,» подсказывали мнѣ шепотомъ товарищи: «лежала въ Европѣ, между 36-мъ и 41-мъ градусомъ сѣверной широты, и 37-мъ....» — «Знаю,» отвѣчалъ я тихо, и все смотрѣлъ на Державина. — Выведенный изъ терпѣнія, учитель вызвалъ другаго ученика, а я отступилъ въ сторону, ближе къ Державину. Директоръ, зная меня по экзаменамъ частнымъ, сказалъ ему что-то обо мнѣ, и Державинъ обратился ко мнѣ ласково. «Этѣ что!» спросилъ онъ, указавъ на тетрадку, которую я держалъ въ рукѣ. — «Мои сочиненія,» сказалъ я съ откровеннымъ самолюбіемъ юно-

ши, и подаль ему. Онъ развернулъ тетрадку, прочиталъ нѣсколько стиховъ (помнится, преглурыхъ), и сказалъ, отдавая мнѣ: «Это очень хорошо — продолжайте!» — Вообразите себѣ восторгъ мой! Державинъ говорилъ со мною, Державинъ читалъ мои стихи, Державинъ хвалилъ ихъ! — Есть быстрыя минуты, имѣющія вліяніе на участь, на дѣла и на всю жизнь человѣка. Немногія слова Державина произвели во мнѣ волшебное дѣйствіе: мнѣ казалось, что онъ, какъ первосвященникъ въ храмѣ Русской Словесности, посвятилъ меня въ ея таинства, и что долгъ повелѣваетъ мнѣ въ точности слѣдовать его призыву.

.....

Занявшись Русскою Словесностію, я познакомился съ нѣкоторыми тогдашними литераторами; но въ тѣсныхъ связяхъ, въ то время, былъ съ немногими. Въ числѣ этихъ немногихъ долженъ я наименовать Матвѣя Васильевича Крюковского, автора известной всѣмъ патріотической трагедіи Пожарскій. Я познакомился съ нимъ случайно. Въ 1806 году, поселился я въ домѣ, бывшемъ генерала Леццано, на Мойкѣ, за Полицейскимъ Мостомъ. Тамъ очутился я посреди разныхъ литературъ. Въ однихъ сѣняхъ со мною жилъ нѣмецкій юрисконсультъ и поэтъ, докторъ правъ Шмидеръ. Онъ былъ консулентомъ (адвокатомъ) при Юстицъ-Коллегіи, по протестантскому отдѣленію, а въ прежнія времена служилъ театральнымъ поэтомъ при разныхъ германскихъ театрахъ. Въ званіи консулента, онъ былъ большой мастеръ *разводить*

браки: за сто рублей онъ развелъ бы Филемона и Бавкиду. Въ должности театральнаго поэта, онъ иногда урѣзывалъ и сокращалъ, иногда же пополюлялъ и распространялъ нѣмецкія піесы для представленія: извѣстно, что чѣмъ длиннѣе списокъ дѣйствующихъ лицъ на нѣмецкой афишѣ, тѣмъ болѣе стекается зрителей, и что тотъ Нѣмецъ не веселился въ театрѣ, у котораго не *склякошася кости* отъ засѣданія въ партерѣ съ семи часовъ вечера до часу утра. Сверхъ того, Шмидеръ перевелъ, и очень удачно, нѣсколько французскихъ водевилей. Познакомься съ нимъ, я хотѣлъ было поучиться у него теоріи драматической поэзіи — ни тутъ-то было! Онъ былъ искусенъ въ одной практикѣ: піесы раздѣлялъ на прибыльныя (*Kassenstücke*) и невыгодныя, Шиканедера ставилъ выше Шиллера, о достоинствѣ актеровъ судилъ по сборамъ въ ихъ бенефисы. Впрочемъ и это знакомство было для меня не безъ пользы: Шмидеръ разочаровалъ мою вѣру въ безошибочность французскихъ трагиковъ; указалъ мнѣ сочиненія Лессинга и Энгеля, и заставилъ уважать авторовъ, пренебрегавшихъ правилами трехъ единствъ. Но классическіе авторы Франціи имѣли при мнѣ представителя въ другомъ сосѣдѣ. Французскій трагическій актеръ Деглинъ, о которомъ, конечно, съ удовольствіемъ воспоминають любители театра, жилъ въ нижнемъ этажѣ сосѣдняго дома, окнами въ нашъ садъ. Онъ декламировалъ съ утра до вечера, предъ открытымъ окномъ, монологи и сцены изъ лучшихъ французскихъ

трагедій. Частенько, спрятавшись за кустомъ, я прислушивался къ его декламации, и думалъ про себя: «что ни говори Шмидеръ, а, ей Богу, и это прекрасно!» —

Шмидеръ учился у меня русскому языку. Въ одно утро, въ началѣ нашего знакомства, когда я выбился изъ силъ, толкуя ему, что б, и что я (онъ называлъ ихъ *пук* и *бакой*), вошелъ въ его комнату молодой человекъ, пріятной наружности, одѣтый опрятно и со вкусомъ — не такъ какъ прочіе посѣтители и кліенты доктора. Онъ пришелъ сообщить о неприятности, съ нимъ случившейся. Рукопись перевода его, который стоилъ ему большихъ трудовъ, была отправлена къ Государю Императору въ армію, и какъ-то дорогою затерялась *). Незвѣстный говорилъ (по-французски) о своемъ напрасномъ трудѣ и несбывшейся надеждѣ такъ скромно, мило и умило, что я почувствовалъ къ нему невольное влеченіе. И Шмидеръ обошелся съ нимъ учтивѣе обыкновеннаго, и по уходѣ его, объявилъ мнѣ, что этотъ молодой человекъ, нашъ сосѣдъ, господинъ Крюковскій, русскій литераторъ, умный и образованный. Я искалъ случая познакомиться съ Крюковскимъ, и вскорѣ успѣлъ. Онъ проводилъ каждое утро въ саду — выйдетъ, бывало, въ фуражкѣ, въ нанковомъ сюртукѣ, въ зеленыхъ сапогахъ, съ большимъ краснымъ платкомъ на шеѣ,

*) Въ послѣдствіи она отыскалась. Это былъ переводъ сочиненія Гереншванда о политической экономіи.

и ходить про себя по аллеямъ, иногда въ безмолвномъ мечтаніи — иногда декламируя въ полголоса стихи. Я узналъ и полюбилъ его. Никогда не случилось мнѣ видѣть (ни прежде, ни послѣ того) чело-вѣка, который бы такъ *совершенно* жилъ въ мірѣ фантази, который бы такъ мало дорожилъ свѣтомъ, такъ мало задумывался при какомъ-либо препятствіи — не-литературномъ. Крюковской воспитанъ былъ въ Сухопутномъ (Первомъ) Кадетскомъ Корпусѣ; гово-рилъ по-французски прекрасно, по-нѣмецки очень хорошо; по-русски писалъ мастерски, но, увлекаемый мечтаніями, не могъ заняться ничѣмъ основательно. Вставъ часовъ въ десять поутру, онъ отправлялся въ хорошую погоду въ садъ, въ дурную оставался въ своей комнатѣ, и забавлялся чтеніемъ, размышле-ніемъ, сочиненіемъ стиховъ; потомъ одѣвался и ухо-дилъ куда нибудь обѣдать. Въ шесть часовъ возвра-щался домой, свертывалъ мѣдный рубль, и отправ-лялся въ театръ—русскій, нѣмецкій или французскій. Тамъ онъ совершенно предавался удовольствію, воз-буждаемому сценическими представленіями; забывалъ все, его окружающее, плакалъ и смѣялся, какъ въ своемъ кабинетѣ. Не рѣдко замѣчалъ я, сидя подлѣ него въ театрѣ, какъ сосѣдніе съ нами зрители удив-лялись вниманію и чувствительности молодого чело-вѣка. Особенно заглядывались на него женщины — должно знать, что въ то время женщины, и порядоч-ныя и прекрасныя, не считали неприличнымъ ходить въ партеръ. И онъ былъ равнодушенъ къ такому

вниманію. Достойно замѣчаніа, что лучшее его произведеніе, Пожарскій, обязано существованіемъ своимъ дѣйствию двухъ прекрасныхъ глазъ въ нѣмецкомъ театрѣ. Играли драму: Волшебница Сидонія. Отличная актриса Миллеръ восхищала публику. Крюковской заливался слезами; я ему вторилъ. Вдругъ онъ какъ-то посмотрѣлъ въ сторону, и слезы остановились у него на рѣсницахъ. Глаза его встрѣтились съ глазами молодой красавицы, сидѣвшей въ ложѣ перваго яруса. «Видите ли?» спросилъ онъ, толкая меня. — «Видю,» отвѣчалъ я равнодушно: «а что?» — «Какъ что! Эти глаза! Кто, кто эта прекрасная дѣвица? Нельзя ли какъ нибудь узнать?» — «Можно и очень можно!» отвѣчалъ я. Вскорѣ нашелъ я въ партерѣ одного изъ тѣхъ людей, которыхъ можно назвать живыми адресъ-календарями: онъ объявилъ мнѣ, что эта дама есть дѣвица, дочь такого-то чиновника изъ Нѣмцевъ, что она въ театрѣ бываетъ рѣдко, но всякое воскресенье въ лютеранской церкви, на Литейной, сидитъ внизу, обыкновенно на шестой скамьѣ. Я сообщилъ открытіе мое Крюковскому. Онъ воспользовался этимъ, и сталъ ходить каждое воскресенье въ лютеранскую церковь: пританцъ, бывало, на хорахъ, и глазъ не сводитъ съ владычицы своей, а она, бѣдненькая, и не догадывалась о своей побѣдѣ. Поэтъ довольствовался обожаніемъ идеальнымъ! Сердце конечно можно было насытить мечтами, но желудокъ требовалъ пищи вещественнѣйшей. Родные и знакомые Крюковского, у которыхъ онъ обѣдывалъ,

жили въ среднѣ города, и онъ не могъ поспѣвать къ нимъ по воскресеньямъ. Надлежало заводить знакомства на Литейной. Онъ нашелъ средство познакомиться съ Александромъ Семеновичемъ Шишковымъ, который жилъ тогда въ своемъ домѣ, насупротивъ церкви лютеранской. Въ бесѣдѣ съ этимъ почтеннымъ любителемъ словесности, онъ заговорилъ о своихъ опытахъ, принесъ и прочиталъ ему свою трагедію, едва набросанную; по совѣту Александра Семеновича, перемѣнилъ и исправилъ въ ней многое, и при его же посредствѣ сдѣлался извѣстнымъ Александру Львовичу Нарышкину. Тогда была война съ Французами. Русскія сердца кипѣли ревностью отстоять Царей и троны Европы. Димитрій Донской Озерова имѣлъ блистательный успѣхъ. Крюковской долго не рѣшался отдать на театръ свою трагедію, почитая ее слишкомъ слабою и ничтожною. Убѣжденія новыхъ знакомцевъ превозмогли его боязнь. Пожарскаго сыграли въ Мѣ 1807 года—и сыграли превосходно. Яковлевъ, Шущеринъ, Каратыгина были въ ней неподражаемы. Маленькаго Георгія игралъ въ ней Сосницкій, тогда едва вышедшій изъ младенчества. Успѣхъ былъ совершенный. При поднятіи завѣсы, Крюковской исчезъ. Когда кончилась трагедія, публика единогласно стала требовать автора. Долго онъ не являлся. Громъ рукоплесканій и восклицаній не умолкали. Наконецъ показался онъ въ директорской ложѣ. Я не узналъ его—такъ онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Его съ трудомъ доискались въ ложѣ четвертаго яруса, гдѣ онъ скрылся

при началѣ спектакля, въ твердомъ увѣреніи, что трагедія его унадеетъ. Я принималъ самое усердное участіе въ піесѣ и въ самомъ авторѣ. Въ театрѣ не могъ я его видѣть: блистательное торжество доставило ему множество знакомыхъ, и я не успѣлъ пробиться до него сквозь толпу поздравителей. На другой день, часовъ въ двѣнадцать, пошелъ я къ нему; чтобъ раздѣлить вчерашнюю радость. Вхожу въ комнату—нѣтъ никого, все пусто; вхожу въ другую, та же пустота—нѣтъ ни столовъ, ни зеркалъ, ни стульевъ. «Что это значить?» подумалъ я: «не можетъ статься, чтобъ онъ выѣхалъ: вчера провелъ я у него утро.» — «Кто тамъ?» раздался знакомый голосъ изъ-за перегородки. — «Я, Матвѣй Васильевичъ! Да гдѣ вы?» — «Извините, еще не вставалъ. Войдите покажѣсь сюда.» — Я прошелъ за перегородку, и увидѣлъ моего поэта въ постели. И спальня опустѣла: въ ней были только кровать его и маленькій столикъ. «Садитесь, пожалуйста, на кровать,» сказалъ онъ мнѣ, смѣючись. «На этотъ разъ другихъ креселъ у меня нѣтъ.» — Я послѣдовалъ приглашенію, сталъ поздравлять его со вчерашнимъ успѣхомъ, и между нами завязался жаркій разговоръ о любимомъ предметѣ. Крюковской былъ внѣ себя отъ восхищенія. «Что же вы не замѣчаете преобразованія въ моей квартирѣ?» спросилъ онъ наконецъ очень весело. — «Вы видно съѣзжаете?» сказалъ я печально, думая, что лишуся любезнаго сосѣда. — «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ: «я остаюсь здѣсь; только освободился отъ лишнихъ небе-

лей.» — «Какъ такъ!» — «Я продалъ ихъ сегодня. Мнѣ надобенъ новый фракъ; я обѣдаю у Александра Львовича Нарышкина, а костюмъ мой уже очень поблекъ.» — «Помилуйте,» сказалъ я: «можно ли такъ поступать? Вы могли бы занять денегъ, до получения платы за вашу трагедію изъ дирекціи.» — «Занять! занять! Да у кого? Ужъ мнѣ эта трагедія!» — «Но на трагедію вы не можете жаловаться!» — «Въ самомъ дѣлѣ? Такъ потрудитесь вынуть изъ этого столика бумагу, и прочитайте. Это было извѣщеніе начальства Коммисіи Составленія Законовъ, что переводчикъ Крюковской, за долговременную неявку къ должности, исключенъ изъ службы.» — «Да это ужасно!» сказалъ я. — «Что дѣлать!» отвѣчалъ безпечный поэтъ. «Я сказался больнымъ, чтобы работать свободнѣе дома. Черезъ нѣсколько времени мнѣ напомнили, что пора выздороветь. Явиться къ должности — значило бы признаться, что болѣзнь моя была выдумана. Я не пошелъ, и вотъ послѣдствіе!» — «Надѣюсь однако, что ваши труды литературные будутъ хорошо вознаграждены.» — «Да, мнѣ проговаривали что-то о деньгахъ. А главное то, что мнѣ дадутъ даровой билетъ въ партеръ. Теперь мѣдный рубль не будетъ у меня оттягивать кармана.» — Въ это время постучались у дверей. — «Entrez!» закричалъ Крюковской. Явился модный портной Фанденбергенъ съ новою паркою платья.

Черезъ нѣсколько времени дѣла моего пріятеля поправились. Онъ получилъ хорошее вознагражденіе

за свою трагедію. Государь, принявъ его милостиво, приказалъ спросить у автора, чѣмъ можно было бы его порадовать. Крюковскій съ робостью отвѣчалъ, что онъ желалъ бы усовершенствовать свои познанія и таланты въ средоточіи драматическаго искусства, въ Парижѣ. Желаніе его было исполнено: ему назначили хорошее содержаніе, и отправили его въ Парижъ. Тамъ онъ предался всею душою наслажденіямъ литературы и драматическаго искусства; изучалъ великіе образцы, готовилъ себѣ запасъ новыхъ идей, но ничего не успѣлъ положить на бумагу. Къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ тамъ руководителей, слушателей, друзей. Воля твоя, а талантъ требуетъ сообщенія, требуетъ участія другихъ. Крюковской, пробывъ года два въ Парижѣ, воротился въ Петербургъ, съ чѣмъ поѣхалъ: съ душою истинно поэтической, способною постигнуть и передать все прекрасное, но безъ твердости и рѣшительности въ волѣ и характерѣ. Я увѣренъ, что и Пожарскій никогда не былъ бы конченъ безъ случайныхъ, благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ несчастію, Крюковской, послѣ блистательнаго успѣха своего, познакомился съ односторонними судьями драматическаго искусства, которые, подъ видомъ благонамѣренныхъ совѣтовъ, преподають молодымъ писателямъ правила, стѣснительныя для генія, убійственныя для таланта. Они оуждали въ Пожарскомъ всѣ тѣ сцены, которыя занимательны дѣйствиємъ и положеніемъ лицъ, а хвалили одни стихи—именно то, чѣмъ авторъ не могъ похвалиться.

Если бъ Крюковской жилъ и писалъ нынѣ, когда всѣ школьныя и закулисныя правила оцѣнены надлежащимъ образомъ, когда вѣрное изображеніе природы и человѣка предпочитается развѣреннымъ тирадамъ героевъ и тирановъ — онъ попалъ бы на свою стезю. А въ то время поэтической нерѣшимости и литературнаго смѣшенія языковъ, принужденъ онъ былъ непрерывно бороться съ противорѣчіями. Я рѣдко видалъ людей съ такими пламенными чувствами, съ такимъ высокимъ и изящнымъ понятіемъ о любви, какія одушевляли Крюковского, — и онъ написал трагедію, въ коей о любви не упоминается. Клоппштокъ, Шмиллеръ, Гете были его обыкновеннымъ чтеніемъ; Шекспиръ извлекалъ у него въ театрѣ непритворныя слезы, — а его осудили низать рѣшмы, и трепетать о соблюденіи единствъ, въ слѣдствіе небывалаго указа Аристотелева. Удивительно ли послѣ этого, что вторая трагедія его, Елисавета, дочь Ярослава, слаба и несвязна! — Онъ намѣревался было написать трагедію: Сафо, изобразить всѣ наслажденія и мученія любви. Вѣроятно, героиня поэмы уже существовала въ его воображеніи; вѣроятно она облечена была всеми красотою поэзии, но предестинный призракъ никогда не осуществлялся, и улетѣлъ съ душою поэта.

Крюковской, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Франціи, занемогъ и, послѣ продолжительной болѣзни, скончался (1811 г.) на тридцатомъ году отъ рожденія, оставивъ отечественной публикѣ задогмъ своего патріотизма и таланта одну трагедію,

а въ памяти родныхъ, друзей и знавшихъ его — убѣжденіе, что онъ, при благопріятномъ направленіи своихъ способностей, могъ бы обогатить и прославить Русскую Словесность.

Готовясь, по обыкновенію, поставить подъ этою статьею мѣсяцъ и число, я затрепеталъ невольно: **29-го Сентября 1832 года**. Ровно за шестнадцать лѣтъ предъ симъ, 29 Сентября 1816 года, скончался другой русскій литераторъ, искренній другъ мой, незабвенный и незамѣнимый, человѣкъ благородный, необыкновенный умомъ, талантами, образованіемъ — *Павелъ Александровичъ Никольскій*. Здѣсь могу я говорить о немъ только какъ о литераторѣ. Ты спросишь: что же онъ сдѣлалъ важнаго? чѣмъ прославился въ свое время? что оставилъ потомству? — Спроси у юнаго дуба, сокрушеннаго бурей, зачѣмъ онъ не раскинулъ вѣтвей своихъ по долину! Спроси у солнца, на восходѣ помраченнаго тучами, зачѣмъ оно не оживляло земли своими лучами! — Никольскій умеръ двадцати пяти лѣтъ отъ роду. — Онъ готовился къ службѣ по горной части, учился въ Горномъ Корпусѣ очень хорошо, но не могъ заниматься исключительно науками точными и естественными. Меломана улыбнулась ему въ часъ рожденія: литература, поэзія, исторія увлекли воображеніе и умъ юноши. Онъ оставилъ горную службу, и вступилъ въ гражданскую, посвящая всѣ свои досуги трудамъ литера-

турнымъ. Въ пылкія лѣта юности, когда всякая удачная попытка намъ кажется блистательнымъ успѣхомъ, когда мы поставляемъ главную цѣль занятій словесностью не въ томъ, чтобъ писать, а чтобы печатать, — молодой Никольскій ревностно занялся литературою практическою, участвовалъ въ изданіи журналовъ *Цѣтчикъ* и *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, сталъ издавать *Пантеонъ Русской Поэзіи*, переводилъ и повѣсти и романы. Другой, на его мѣстѣ, продолжалъ бы эти занятія, и оставилъ бы лѣтъ чрезъ пятьдесятъ память писателя трудолюбиваго и общепользнаго. Но Никольскому этого было недовольно: съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ признался онъ самому себѣ, что не имѣетъ еще тѣхъ познаній и навыковъ, которые нужны для истиннаго литератора; бросилъ *дѣйствительныя* занятія и углубился въ ученіе. Литература древняя и новая, эстетика и теорія словесности сдѣлались предметомъ его ученія и изысканій. Смерть положила всему предѣлъ. Воспоминаніе о человѣкѣ обыкновенномъ тускнѣетъ въ душѣ нашей по мѣрѣ удаленія отъ насъ времени его кончины. Но утраченные міромъ люди отличные становятся намъ дороже и дороже, по мѣрѣ того, какъ мы на пути жизни удаляемся отъ времени, которое они украшали для насъ своимъ существованіемъ; по мѣрѣ того, какъ мы, узнавая людей, убѣждаемся, что нѣтъ подобнаго потерянному другу. Словесность наша, въ истекшія шестнадцать лѣтъ, чувствительно возвысилась, и обогатилась не только числомъ, но и зрѣ-

лостью производителей и произведений. Съ каждымъ днемъ узнаемъ мы о новыхъ явленіяхъ въ литературѣ, съ каждымъ днемъ наши писатели обогащаютъ ее примѣрами и образцами; но, — повѣришь ли? все новое, все прекрасное въ нынѣшнихъ произведеніяхъ, въ нынѣшнихъ понятіяхъ, кажется мнѣ знакомымъ и бывалымъ! Когда вспомню о Никольскомъ, о смѣлыхъ, здравыхъ и свободныхъ отъ всякаго предразсудка мысляхъ его въ литературѣ; когда приведу себѣ на память его сужденія о писателяхъ, тогда намъ современныхъ, а нынѣ выслушивающихъ приговоръ потомства: — тогда мнѣ кажется, что нынѣшніе лучи простекли отъ искры, таившейся въ душѣ сего необыкновеннаго юноши. Не знаю, былъ ли бы онъ самъ производителемъ, но увѣренъ, что Русская Литература имѣла бы въ немъ нынѣ своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля; что его ясный, критическій, безпристрастный умъ былъ бы лучезарнымъ свѣтиломъ въ тусклой хранилѣ нашей словесности.

Неисповѣдима судьба человѣческая! Писатели, трепетавшіе рѣзкаго взгляда и насмѣшливой улыбки Никольскаго, нынѣ красуются и тщеславятся — а онъ!...

Принцъ де-Линь, помнитъ, сказалъ Великой Екатерины: «Если бъ вы родились мужчиною, то конечно дослужились бы до фельдмаршаловъ!» — «Не думаю», отвѣчала она: «меня убили бы въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ!»

СТАТЬИ СОВРЕМЕННЫЯ.

Изъ Сѣверной Пчелы.

I.

КОНЧИНА

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

(30 Ноября 1825.)

Въ первыя минуты по полученіи горестной вѣсти о неожиданной кончинѣ незабвеннаго нашего Александра, не имѣли мы ни возможности, ни силъ, сообщить нашимъ читателямъ о подробностяхъ сего плачевнаго событія. Теперь постараемся передать имъ нѣкоторыя о семъ свѣдѣнія, но просимъ ихъ напередъ, не ожидать и не требовать отъ насъ повѣствованія связнаго и правильнаго: кто изъ Россіянъ, сыновъ Александра, можетъ равнодушно говорить о кончинѣ великаго Государя, добраго нашего отца! Понимаемъ, понимаемъ теперь въ полной мѣрѣ смятеніе, съ коимъ, за столѣтъ предъ симъ, знаменитый пастырь Церкви превралъ начало рѣчи своей надъ бренными останками

Петра! И мы говоримъ нынѣ: «Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ? Александра Перваго погребаемъ!»

Не прежде прошедшей среды (25 числа) начали носиться въ здѣшней публикѣ слухи о нездоровьѣ Государя: говорили, что онъ занемогъ лихорадкою отъ легкой простуды; утѣшались мыслию, что болѣзнь эта не значительна; надѣялись, зная крѣпкое сложеніе тѣла Его Величества, что она не будетъ имѣть опасныхъ слѣдствій. Въ четвертокъ (26-го) вдругъ разнеслась молва, что болѣзнь приняла опасный оборотъ, что она превратилась въ сильную горячку, что при Высочайшемъ Дворѣ господствуетъ, по полученіи послѣднихъ писемъ, великое смятеніе, что ждутъ курьера съ рѣшительными извѣстіями. Недоумѣніе, страхъ, надежда, боязнь — распространились въ столицѣ. Въ пятницу (27-го числа) поутру слышали о закрытіи театровъ, но въ то же время разнеслась радостная вѣсть, что, по письмамъ изъ Таганрога, Государь почувствовалъ облегченіе. Объявлено было, что въ придворной церкви и во всѣхъ храмахъ столицы совершаемо будетъ молебствіе, для испрошенія у Господа Бога исцѣленія вселюбезнѣйшему Монарху. Во храмѣ Александро-Невской Лавры собрались знатныя особы, министры, генералы, офицеры гвардіи и множество народа. Вдругъ, еще до окончанія обѣдни, вошелъ въ церковь начальникъ гвардейскаго штаба, генералъ-маіоръ Нейдгардъ. На лицѣ его, покрытомъ смертною блѣдностію, прочитали страшную вѣсть.

Онъ подошелъ къ командующему гвардейскимъ корпусомъ, генералу Воинову, и сообщилъ ему о несчастномъ событіи. Мгновенно всѣ о томъ узнали: храмъ наполнился воплями; слезы покрыли грудь неустранимыхъ, срубавшихъ съ улыбкою раны и смерть въ битвахъ. Всѣ поспѣшили во дворецъ: тамъ узнали, что въ самое время совершенія молебствія въ придворной церкви, въ присутствіи Императорской Фамиліи, прибылъ фельдъегерь изъ Таганрога, и что военный генералъ—губернаторъ донесъ о привезенной имъ плачевной вѣсти Великому Князю Николаю Павловичу, а потомъ и Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.... Да позволено намъ будетъ умолчать о послѣдовавшемъ: ни какое перо не изобразить сей горестной картины.

По учиненіи въ придворной церкви присяги на вѣрность подданства Его Величеству Императору Константину Павловичу, сперва Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, а потомъ Государственнымъ Совѣтомъ, Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, Министрами и знатнѣйшими чиновниками, гг. генералы и командиры полковъ гвардіи отправились изъ гвардейскаго штаба къ своимъ командамъ для приведенія ихъ къ таковой же присягѣ. По принесеніи знаменъ изъ мѣстъ храненія оныхъ, каждый полкъ строился въ каре, и совершалъ священный обрядъ клятвы въ вѣрноподданствѣ Государю, съ теплою вѣрою, съ твердымъ духомъ, но и съ горячими слезами о потерѣ своей. Рыданія солдатъ слышались вмѣстѣ

съ повтореніемъ словъ присяги. Да будутъ слезы, падшія на хартію присяги, неизгладимою подписью нашей любви и преданности къ Государямъ, переходящей и за предѣлы гроба!....

Станемъ ли описывать уныніе, печаль, слезы всѣхъ, всѣхъ жителей столицы! И Русскіе, и иностранцы, и юноши, и старцы, и жены, — всѣ объаты были *однимъ* чувствомъ, всѣ составили *одно* осиротѣвшее семейство. И сіе чувство потери обожаемаго Государя было для всѣхъ столь неожиданно, чтоль чуждо, что тщетно стали бы мы искать словъ для отданія въ томъ отчета. Толпы народа покрыли Дворцовую Площадь: всѣ, въ безмолвіи, смотрѣли на жилище добрыхъ Государей своихъ, ожидая оттуда, какъ и всегда, утѣшенія и облегченія своей печали. Вѣрные сыны Александра не могли утолить горести своей.

Въ субботу, 28-го числа, и вчера, въ воскресенье 29-го, началось во всѣхъ православныхъ греко-россійскихъ церквахъ столицы годовое поминованіе за литургією и отправленіе панихидъ о упокоеніи души Благочестивѣйшаго Великаго Государя Императора Александра I. Пламенные моленія сыновъ Россійской Церкви, просящихъ представльшемуся отъ нихъ земному Царю *милости Божіей и царства небеснаго у Христа безсмертнаго Царя*. Усердны были молитвы, возсылавшіяся о немъ къ Богу, въ воскресенье, и во всѣхъ иновѣрческихъ церквахъ. Храмы наполнялись плачемъ и рыданіемъ.

II.

В И Д Ъ Н І Я.

(5 Марта 1836.)

Вчерашняго числа до полудня, пошелъ я къ одному моему пріятелю, живущему на Невскомъ Проспектѣ, чтобъ выпросить у него мѣстечко у окна въ день печальной процессіи. Я давно не бывалъ въ этой сторонѣ города, шумной и веселой, гдѣ праздность и дѣятельность, промышленность и разбѣяніе толпятся цѣлый день. Нынѣ дѣятельность другаго рода заступила мѣсто прежней. На площади передъ Казанскимъ Соборомъ построена большая платформа для караула, народъ тѣснится въ соборъ, чтобъ видѣть величественное украшеніе. По улицѣ скачутъ ѣздовые въ траурныхъ ливреяхъ; обитые чернымъ сукномъ кареты вельможъ смѣнили свѣтлые экипажи прежняго времени. Императорскую Публичную Библіотеку, башню Городской Думы и частные дома убираютъ въ черное сукно фестонами. Тамъ, на тротуарѣ, встрѣтился я съ од-

нимъ родственникомъ моимъ, который былъ въ торжественной процессіи при ввезеніи тѣла покойнаго Государя въ Царское Село. Онъ представилъ моему воображенію трогательную картину: тихое шествіе печальной колесницы, предшествуемой духовенствомъ, окруженной сподвижниками покойнаго Императора; народъ по сторонамъ дороги, на колѣняхъ въ благоговѣйномъ безмолвіи; слезы и рыданія Государя Императора, срѣтившаго печальное шествіе у границы Царскосельской, и въ глубокомъ чувствѣ невозвратной потери бросившагося на гробъ того, кто въ жизни былъ ему *отцемъ и благодѣтелемъ* *); плачъ всей Царской Фамиліи, и наконецъ глубочайшую скорбь, съ которою у входа въ церковь, встрѣтила драгоценные останки сіи рождная его для блага человѣчества, и воспитавшая для добродѣтели, для славы земной и небесной. — *Блаженни плачущіи: яко тѣмъ утѣшатся!* — —

Волнуемый симъ зрѣлищемъ и сими чувствами, пришелъ я въ квартиру пріятеля моего, и не заставъ его дома, сѣлъ въ ожиданіи подлѣ окна, и смотрѣлъ на волненіе народа: вспоминалъ, какъ за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, мы, жители петербургскіе, готовились съ торжествомъ встрѣтить избавителя отечества и миротворца Европы, и какъ онъ прекратилъ всѣ наши приготовленія, воздавъ хвалу и славу единому Богу; вспоминалъ печальныя процессіи, при погребе-

*) См. Высочайшій Манифестъ отъ 12 Декабря 1825.

ни и прежнихъ Государей, видѣннымъ мною на этомъ же мѣстѣ въ молодыхъ лѣтахъ, и мало по мзлу погружился въ сладостное мечтаніе, въ которомъ засыпаютъ всѣ наружныя чувства наши, и пробуждается неизвѣстное многимъ, но многимъ знакомое и безцѣнное чувство внутренняго созерцанія, то состояніе *ясновидѣнія*, въ которомъ душа, расторгши узы тлѣнія и настоящаго, переносится въ свой міръ, и невещественнымъ окомъ видитъ прошедшее — воображаетъ будущее....

Я видѣлъ — печальное шествіе. По ровной дорогѣ, усыпанной бѣлымъ пескомъ и зелеными вѣтками, тянулись ряды незнакомыхъ мнѣ лицъ въ черной одеждѣ, одни со свѣчами въ рукахъ, другіе съ знаменами и хоругвями, иные несли на подушкахъ dospѣхи воинскіе, знаки царскаго достоинства, кресты, звѣзды; еще другіе вели коней, богато убранныхъ. Лица сіи являлись изъ какого-то тумана, и прошедъ нѣсколько шаговъ по дорогѣ, скрывались въ такомъ же мракѣ. Только надъ самымъ путемъ свѣтлѣлось бѣлое облако, и я, посмотрѣвъ туда пристально, вскорѣ началъ различать въ немъ живыя картины, которыя появлялись въ легкихъ очеркахъ, и простоявъ нѣсколько секундъ, тонули въ бѣлыхъ облачныхъ струяхъ, какъ разливаются круги, производимые на поверхности воды брошеннымъ въ нее камнемъ. Не упомяну всѣхъ картинъ: ихъ было слишкомъ много. Опишу нѣкоторыя изъ нихъ, оставшіяся въ моемъ воспоминаніи.

— Вижу прекрасный садъ и великолѣпную колон-

наду, уставленную бюстами людей великихъ, утѣшившихъ появленіемъ своимъ въ міръ сѣтующее человечество. Жена величественнаго вида, съ улыбкою кротости и любви, съ чертами мудрости и твердости на возвышенномъ челѣ, возводитъ прекраснаго голубокаго отрока по отлогому скату на галерею, приближается съ нимъ къ изваяніямъ друзей и благотворителей міра, и повѣствуетъ отроку о ихъ подвигахъ. Въ очахъ его блистаетъ пламя умиленія, стремленія къ славѣ — къ славѣ той, которой не въ здѣшней жизни вѣнцы соплетаются. — —

— Вижу внутренность древняго храма, наполненнаго многочисленною, блистательною толпою. На лицахъ присутствующихъ, обращенныхъ къ амвону, изображены благоговѣніе, надежда, радость и умиленіе. На амвонѣ, въ свѣтломъ кругу Царскаго Дома, духовенства, воиновъ и вельможъ, вижу юную чету, вѣнчанную и помазанную на царство. Мститый первосвященникъ, совершивъ священный обрядъ, къ Монарху вѣчанному и превознесенному обращаетъ гласъ Вѣры и мудрости. Юный Царь, внемля словамъ его, съ умиленіемъ душевнымъ обращаетъ взоръ сыновней любви на стоящую близъ него родительницу свою, и въ этомъ взорѣ заключается обѣтъ его подвиговъ и славы.

— Вижу уединенный чертогъ царскій, гдѣ юный Монархъ, въ совѣтѣ съ мудрыми старцами, устрояетъ благо своего народа; вижу величественный и грозный строй воиновъ, которымъ онъ внушаетъ храбрость,

любовь къ отечеству, упорство въ бою съ врагомъ, милосердіе къ побѣжденному; — вижу его, входящаго въ скромную хижину, гдѣ живетъ добродѣтель и несчастіе: онъ вноситъ туда бальсамъ отрады и утѣшенія; — вижу, какъ онъ идетъ за гробомъ наставника и воспитателя своего, и искренними слезами платитъ ему дань любви и благодарности.

— Вижу — на большой дорогѣ остановилась коляска. Государь поспѣшно ее оставляетъ, и бросается въ сторону; тамъ лежитъ человѣкъ, повидимому, мертвый, въ одеждѣ простаго крестьянина. Монархъ полуселенной подѣмлетъ на руки нищаго, ищетъ въ немъ слѣдовъ жизни; приближаются другія коляски; изъ нихъ выходятъ его приближенные. Онъ подзываетъ къ себѣ одного изъ нихъ, врача, и спрашиваетъ, можно ли спасти безчувственнаго; врачъ изъясняетъ сомнѣніе, но не останавливаетъ ревности челоуѣколюбца. Государь употребляетъ всѣ предпринимаемыя средства, напрягаетъ всѣ усилія, и послѣ долговременныхъ стараній, видитъ, что несчастный открываетъ глаза. Какой небесный восторгъ заблесталъ въ очахъ избавителя! Онъ обратилъ ихъ къ небу, и я прочелъ въ нихъ сквозь радостныя слезы: «Боже! я спасъ челоуѣка отъ смерти: эта минута есть счастливѣйшая въ моей жизни *)!»

*) Происшествіе это случилось въ 1807 году. По поводу онаго, Лондонское Общество Челоуѣколюбія поднесло покойному Государю Императору медаль за спасеніе челоуѣка отъ смерти.

Свѣтлое дотолѣ облако помрачается. Молніи сверкаютъ на темной его поверхности. Слышится отдаленный громъ.

— Вижу Красное Крыльцо и Площадь Кремлевскую, покрытую народомъ. Отворяются двери царскаго терема, и выходитъ на крыльцо Государь *). Тяжкая дума видна на челѣ его. Узрѣвъ его, тысячи бросаются на колѣни и восклицаютъ въ восторгѣ: «умремъ за тебя, Государь, за Церковь Божию, за Русь святую!» Горестно-кроткая улыбка является на ангельскихъ устахъ. Онъ возводитъ взоры къ небу.

— Вижу внутренность новопостроеннаго Казанскаго Собора. Священство совершаетъ литургію и молебствіе Всевышнему съ колѣнопреклоненіемъ: торжествуютъ одиннадцать лѣтъ со дня вѣнчанія Государя на царство **), но все во мракѣ, все тихо и уныло; многолюдство безмолвно; молитвы слышатся посреди молчанія, изрѣдка прерываемаго глубокими вздохами. На царскомъ мѣстѣ, подѣ златыми словами: *Сердце Царєво въ руцѣ Божіей*, предстоитъ Монархъ кроткій и величавый, съ Августѣйшимъ своимъ Домомъ. Глубокая задумчивость въ его взорахъ, но на возвышенномъ челѣ изображены спокойствіе, внушаемое теплою вѣрою и чистою совѣстью, твердость, почерпаемая великими душами въ упованіи на Бога и въ чувствѣ правоты своего дѣла.

*) Въ Іюлѣ 1812 года.

**) 15-го Сентября 1812 года.

— Вижу древній городъ *), въ шумѣ и смятеніи: бѣгутъ воины — одни въ чуждыхъ намъ доспѣхахъ, другіе въ рубищахъ, иные падаютъ мертвыми на пути. При звукахъ торжественныхъ вступаютъ русскіе ряды, предводимые сѣдовласымъ старцемъ, и останавливаются на площади. И вотъ появляется Государь, и, при громкихъ кликахъ побѣдоносного воинства, объемлетъ маститаго вождя, возлагаетъ на него бѣлый крестъ. Радостныя слезы ихъ смѣшиваются.

— Ожидаю увидѣть торжественный, великолѣпный пріемъ. Нѣтъ! вижу мрачные переходы римско-католическаго монастыря: тамъ лежатъ грудями мертвые и умирающіе воины изъ рядовъ вражескихъ. Растворяются двери; входитъ въ обитель плача торжествующій побѣдитель, и со слезами небеснаго состраданія, простираетъ державную руку къ несчастнымъ врагамъ. Въ темномъ углу, опершись на саблю, стоитъ воинъ непріятельскій: во взорахъ его, помраченныхъ страданіемъ и горестною мыслию о торжествѣ сопротивныхъ, читаю слова: «Монархъ Россійскій! что бы ты ни совершилъ еще, этотъ подвигъ пребудетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ твоей жизни **)!»

— Вижу поле битвы. Вдали, въ туманѣ дождевомъ, башни Дрездена. Бой ужасный. Ядра непріятельскія

*) Вильно.

**) «Monarque russe! quoique tu puisses faire, cette action sera une des plus belles de ta vie!» Слова Маркиза де-Шамбре, въ книгѣ его: *Expédition de Russie, Livre IV, page 386.*

вырываютъ цѣлые ряды. Смерть пируетъ. Окруженный блистательными сподвижниками и оруженосцами, воинъ правды и чести, защитникъ Вѣры и Отечества, вождь Европы къ спасенію и славѣ, Монархъ нашъ спокойно озирается, и удерживаетъ стремленіе ретиваго коня. Жертвы брани падаютъ подлѣ него: онъ недвижимъ. Въ двухъ шагахъ отъ него роковое ядро поражаетъ величественнаго вождя *). Государь бросается къ нему, истощаетъ пособія и утѣшенія, и передаетъ его въ руки вѣрныхъ попечителей, вновь обращается къ своему мѣсту. Приближенные просятъ, умоляютъ его удалиться. Онъ отвѣчаетъ имъ спокойно, кроткою улыбкою, и указываетъ на небо.

— Мракъ мало по малу разсѣялся. Облако вновь просвѣтлѣло. — Вижу обширную площадь чуждаго, величественнаго города **). Съ одной стороны протекаетъ рѣка, съ другой сады, съ остальныхъ древнія великолѣпныя зданія. Русскія войска, въ торжественномъ одѣяніи, съ радостью на лицахъ, ровнымъ строемъ окружаютъ высокій амвонъ, построенный посреди площади; народъ, намъ чуждый, недавно еще непріязненный, шумными толпами мятется за нашими рядами. На амвонѣ, греко-россійское духовенство совершаетъ благодарственное Господу Богу молебствіе, и Государь, преклоняя колѣни предъ Всевышнимъ,

*) Генерала Моро.

**) Площадь Лудовика XV въ Парижѣ, 29-го Марта 1814 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

приносить Ему сердечную дань благодаренія за дарованныя побѣды, и молить, да изгладитъ небесная благодѣть слѣды ужаснаго преступленія, на семь мѣстъ за двадцать одинъ годъ предъ тѣмъ совершеннаго.

— Вижу, являются въ чертогъ царскій трое вельможъ, и подносятъ Царю, побѣдителю и миротворцу, хартію благодаренія отъ имени отечества *). Государь беретъ ее, прижимаетъ къ сердцу, поднимаетъ взоръ къ небу, и возвращаетъ ее поднесшимъ. *Единому Богу подобаетъ слава!* говорятъ умиленные его взоры.

— Вижу прелестный садъ Павловскій — вижу Царицу-мать, счастливую славою и доблестями первороднаго своего сына, какъ она, въ сладостномъ нетерпѣніи, поспѣшаетъ встрѣтить его послѣ долговременной разлуки. Подлетаетъ быстрая коляска. Изъ нея поспѣшно бросается Государь, и повергается къ стопамъ родительницы.

— Вижу картину гибели, разрушенія, на берегу моря. Подлѣ большаго каменнаго зданія взгромождены обломки домовъ деревянныхъ; на сушѣ стоятъ барки и другія суда; по взморью плаваютъ хижины. Мертвые трупы женщинъ и дѣтей лежатъ на землѣ. Несчастные супруги и отцы проливаютъ надъ ними слезы отчаянія. Другіе въ развалинахъ ищутъ своихъ ближнихъ и родственниковъ. Иные блуждаютъ въ безмолвіи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вчера еще, въ кругу лю-

*) Въ Іюль 1814 года.

бедныхъ своихъ, наслаждались дружбою, любовію и плодами малаго избытка. Посреди сихъ зрѣлищъ ужаса и плача, вижу, является Александръ *), окруженный блистательною свитою, проливаетъ слезы съ несчастными и сиротами, утѣшаетъ отчаянныхъ, подымаетъ упавшихъ, и парками словами, отголоскомъ небесной помощи, вливаетъ бальзамъ утѣшенія и твердости въ унывшія души. Обращается къ окружающимъ его сподвижникамъ и вельможамъ, и отправляетъ ихъ во всѣ стороны спасать погибающихъ, искать несчастныхъ, помогать страждущимъ, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ. Одушевленные примѣромъ и словами державнаго друга бѣдствующихъ, вѣрные исполнители стремятся на помощь бѣдствію и нищетѣ....

— Вижу тѣсную комнату и въ ней ложе страданія. Нашъ Царь, прекрасный, мужественный, недавно исполненный здравія и силы, лежитъ на одрѣ. Вѣрные слуги, окружая его, скрываютъ слезы и терзанія душевныя. Онъ одинъ спокоенъ: душа благочестиваго Царя напутствована христіанскими таинствами къ царствію небесному. Онъ простираетъ руку къ нѣжной супругѣ, утѣждавшей послѣднія его минуты, прижимаетъ ея руку къ своему сердцу, взглядываетъ въ послѣдній разъ на прекрасное голубенное небо — —

*) Въ Екатерингофѣ, въ казенномъ чугунномъ заводѣ.

Въ эту минуту пробужденъ я былъ изъ моихъ видѣній звуками трубъ подь окномъ. Умолкли трубные звуки, и герольдъ возгласилъ о ввезеніи въ столицу тѣла въ Бозѣ почивающаго Благовѣрнаго Великаго Государя Императора Александра Павловича.

III.

К О Н Ч И Н А

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ.

(12 Мая 1826.)

Въ понедѣльникъ, 10-го Мая, отслужена въ придворной церкви Зимняго Дворца панихида объ упокоеніи души почившей въ Бозѣ Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣвны. Священнодѣйствіе это совершалъ Преосвященный Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, придворныхъ и другихъ особъ. Всѣ платили дань памяти незабвенной Государыни искренними, горячими слезами.... Кроткая Царица, добродѣтельная супруга великаго Монарха вскорѣ послѣдовала за нимъ въ селенія небесныя, куда со времени его кончины неслись всѣ ея мысли и желанія. Остановилось сердце, бывшее любовію къ человѣ-

честву; охладѣла рука, втайнѣ изливавшая бесчисленные благотворенія; сожмулись уста, отверзавшіяся для выраженія любви, надежды и утѣшенія; душа праведная вознеслась къ Источнику Благости, да приметъ изду по дѣламъ своимъ; осталась въ мірѣ память ея въ благословеніяхъ, и священная память сія не пройдетъ, доколѣ будутъ чтимы вѣра, милосердіе, кротость, благотворительность — всѣ добродѣтели христіанскія и человѣческія, коими Елисавета, въ высокому санѣ своемъ, подавала міру изящнѣйшій примѣръ. — При жизни ея молчала хвала, боясь оскорбить кроткую добродѣтель: теперь, когда неоповѣдимымъ велѣніемъ Всевышняго отозвана сія неземная душа въ настоящее ея отечество — теперь истина вступаетъ въ права свои, и передаетъ бытописанію отечественному подвиги ея любви и милосердія; — теперь Россія вопрошаетъ всѣхъ, всѣхъ сыновъ своихъ: «кто изъ васъ не оплакиваетъ сей утраты? кто не скорбитъ о сей потерѣ, какъ о потерѣ нѣжнѣйшей матери? Не дерзаю сказать: кому она, въ теченіе всей жизни своей, причинила малѣйшую скорбь или неудовольствіе? но спрашиваю: кто отходилъ отъ свѣтлаго лица ея безъ пособія, безъ утѣшенія, безъ отрады? кому не помогла она, если только помощь была въ ея возможности? кого не утѣшила? въ чье скорбное сердце не влила отрады?» — Безмолвныя слезы миллионовъ служатъ отвѣтомъ. Плачьте, Россіяне: не стало Елисаветы Добродѣтельной!

IV.

К О Н Ч И Н А

ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ.

(25 Октября 1828.)

Императорскій Домъ и Россія лишилась матери. Вчерашняго числа, въ третьемъ часу утра, судьбамъ Всевышняго прекращена драгоцѣнная для миллионъ людей жизнь Государыни Императрицы Маріи Теодоровны. Глубочайшая горестъ распространилась по всему городу, и вскорѣ плачевная вѣсть разнесется по всей Россіи, которая въ теченіе пятидесяти двухъ лѣтъ была поприщемъ благотворныхъ подвиговъ усопшей Государыни, свидѣтельницею и чтительницею ея добродѣтелей. Великость потери нашей едва ли измѣрится нашею искреннѣйшею печалію, но да найдеть праведная скорбь вѣрноподданныхъ минутное утѣшеніе въ воспоминаніи о достоинствахъ отошав-

ной въ небесное отечество свое души добродѣтельной, и въ мысли о той наградѣ, которая земную труженицу добра, милосердія и всѣхъ доблестей христіанскихъ и человѣческихъ ожидаетъ въ селеніяхъ вѣчности.

Съ которой стороны начнемъ исчисленіе качествъ и дѣяній покойной, и гдѣ кончимъ это горестно-сладостное воспоминаніе? Не станетъ у насъ ни выраженій, ни слезъ. Въ чертогахъ царскихъ, среди упоеній величія и всѣхъ родовъ славы, Марія водворила всѣ семейственныя добродѣтели: благодарная дочь, нѣжная супруга, чадолюбивая мать, вѣрный другъ (добродѣтельные и на престолѣ имѣють друзей) вселила священное чувство сихъ обязанностей въ сердца всѣхъ, ее окружавшихъ, и содѣлала подвиги добра, великодушія, самоотверженія наслѣдственнымъ въ своемъ Августѣйшемъ Семействѣ. Дщери ея содѣлались: украшеніемъ Дворовъ Европы, къ славѣ и гордости Россіи. Перворожденный сынъ ея, спаситель и примиритель Европы, пріялъ уже нетлѣнные вѣнцы и въ сердцахъ потомства; и у престола Предвѣчнаго. Другіе два сына.... Европа и вселенная видѣли великодушную борьбу ихъ, неизмѣющую примѣра въ лѣтописяхъ вселенной. Мать счастливая и добродѣтельная! насладись нынѣ *тамъ* исполнѣ своимъ блаженствомъ.

Довольно было бы сихъ правъ на благословеніе современниковъ, на удивленіе потомства, но мало для души, жаждущей добра: Марія полагала, что она еще

ничего не совершила, когда еще что либо оставалось сдѣлать для блага человѣчества. Она пріяла отъ августѣйшаго своего супруга, за тридцать слишкомъ лѣтъ предъ симъ, должность священную и для ея сердца усладительную — быть защитницею, покровительницею, благодѣтельницею бѣдныхъ, сирыхъ, страждущихъ. И какъ совершила она этотъ великій подвигъ? Государыня, въ точномъ смыслѣ слова, *служила* Россіи. Ни какой министръ въ свѣтѣ не могъ сравниться съ нею въ дѣятельности, усердіи, неутомимости. Взгляните, соотечественники, на превосходныя, единственныя въ мірѣ заведенія, возникшія и процвѣтшія подъ благодѣтельнымъ покровомъ незабвенной! Исчислите миллионы осушенныхъ ею слезъ, водворенныхъ трудами ея въ сердца добродѣтелей, искорененныхъ ея попеченіемъ пороковъ! Управленіе ея было не временное попеченіе, вынужденное минутнымъ состраданіемъ, а непрерывное, стройное въ цѣломъ, соответствующее цѣлому въ частяхъ своихъ, занятіе. Строгая въ исполненіи возложенной на себя должности, попечительная о малѣйшихъ подробностяхъ сопряженныхъ съ оною дѣлъ, Государыня украшала, услаждала труды свои кротостью, милосердіемъ, состраданіемъ. Нигдѣ чиновники не служили въ продолженіе толикихъ лѣтъ сряду, какъ подъ ея высокимъ начальствомъ; нигдѣ не заслужено столько пенсіоновъ; нигдѣ не было столь мало нарушеній обязанности. Найдите одно бѣдствующее семейство, одного оставленнаго сироту честныхъ чиновни-

ковъ, находившихся подъ ея благотворнымъ вѣдѣніемъ: всѣ призрѣны, воспитаны, осчастливлены. А тѣ, которые были ближайшимъ предметомъ ея материнскихъ попеченій! Вы, отъ рожденія лишенные родителей, и имени! вы, юныя сироты благородныхъ людей, положившихъ жизнь свою за отечество въ подвигахъ воинскихъ и въ трудахъ гражданскихъ! вы, обиженные природою, слѣпцы, нѣмотствующие! вы, брошенные на одръ плача, убогіе и страждущіе! отвѣтствуйте: что была она для васъ, и чего вы въ ней лишились!

Боже праведный и въ судьбахъ своихъ неисповѣдимый! даждь, да блаженный духъ Маріа не оставляетъ возлюбленной ею, благодарной, сиротствующей Россіи! да наслѣдіе, ею дарованное, навсегда, навсегда пребудетъ достояніемъ Августѣйшаго Дома Императорскаго, и симъ да утвердится навѣки между нами и внуками нашими благоговѣйное о ней воспоминаніе!

V.

ТОРЖЕСТВО

СОВЕРШЕННОЛѢТІЯ

НАСЛѢДНИКА ПРЕСТОЛА,

ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

(26 Апрель 1834.)

22 Апрѣля 1834 года пребудеть незабвеннымъ и священнымъ въ лѣтописяхъ Россійской Имперіи. Въ этотъ день Государь Императоръ, по наступленіи опредѣленнаго законами совершеннолѣтія Наслѣдника Престола, приводилъ его, какъ Государь и отецъ, къ присягѣ, сначала въ савѣ Наслѣдника Всероссійскаго Престола, а потомъ въ званіи военнослужащаго. Обѣ эти присяги совершены были въ Зимнемъ Его Императорскаго Величества Дворцѣ.

Въ половинѣ втораго часа внесены были въ церковь императорскія регаліи, держава, скипетръ и

корона, и возложены на столъ, по лѣвую сторону наоя, передъ царскими вратами, для креста и Евангелія. Засимъ введены были въ церковь всѣ имѣющія прѣздъ ко Двору особы и члены дипломатическаго сословія, и заняли назначенныя имъ мѣста.

Въ началѣ третьяго часа вступили въ церковь, въ предшествіи и сопровожденіи чиновъ Высочайшаго Двора, Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ Престола и Императорскою Фамилією, и были встрѣчены Преосвященнымъ Митрополитомъ Серафимомъ и прочимъ духовенствомъ со крестомъ и святою водою.

Когда Ихъ Величества изволили стать на свои мѣста, началось молебствіе, для сего именно случая сочиненное. Священнодѣйствіе это заключилось слѣдующею молитвою: «Господи Боже нашъ, Царю Царей и Отче, изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется, даровавый Аврааму Исаака въ надежду рода, и Давиду Соломона во уготованіе царствія! Благодаримъ Тя, яко и рабу Твоему, Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему, Императору Николаю Павловичу и супругѣ его, Благочестивѣйшей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, благословеніе чадородія ниспослалъ еси, и яко залогъ благихъ ему и царствію его, первороднаго сына и наслѣдника его, Благотѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича даровавъ, возрастилъ еси. И нынѣ молимъ Тя, Всеблагій Владыко, благослови

раба Твоего сего, отроческое житіе отлагающаго, и въ чинѣ совершенныхъ лѣтъ входящаго. Прими отъ устъ его священный обѣтъ сына Царева: на сердце же его не точію обѣтъ сей, но и всю волю Твою святую перстомъ Духа Твоего напиши. Возведи его въ мужа совершенна; утверди его духомъ владычнимъ: да владычествуетъ въ немъ свѣтомъ Твоимъ просвѣщенный умъ надъ всякою страстію, и сердце чистое надъ всякимъ вождельніемъ чувствъ, да тако и надъ людьми Твоими владычествовати уготованъ будетъ. Даруй же ему житіе со здравіемъ долголѣтное и благоденственное, въ радость благочестивѣйшимъ Родителямъ его, во утвержденіе Царствію Всероссійскому, во славу имени Твоего преблагословеннаго.»

По окончаніи молебствія, Государь Императоръ, взявъ Цесаревича за руку, подвелъ его къ намоу, и Его Высочество прочиталъ и потомъ подписалъ клятвенное обѣщаніе, слѣдующаго содержанія:

«Именемъ Бога Всемогущаго, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, клянусь и обещаюсь Его Императорскому Величеству, моему Всемилостивѣйшему Государю родителю, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскаго Величества самодержавію, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, споспѣшествуя всему, что къ Его Императорскаго Величества

вѣрной службѣ и пользѣ государственной относиться
можетъ: въ званіи же Наслѣдника Престола Всерос-
сійскаго и соединенныхъ съ нимъ Престоловъ Цар-
ства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго,
обязуюсь и клянусь соблюдать все постановленія о
наслѣдіи Престола и порядкѣ фамилнаго учрежденія,
въ основныхъ законахъ Имперіи изображенныя, во
всей ихъ силѣ и неприкосновенности, какъ предъ
Богомъ и судомъ Его страшнымъ отвѣтъ въ томъ
дать могу.

«Господи, Боже отцевъ и Царю царствующимъ!
настави, вразуми и управи мя въ великомъ служеніи,
мнѣ предназначенномъ: да будетъ со мною пришед-
шая Престолу Твоему премудрость; послѣ ю съ не-
бесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно
предъ очима Твоими, и что есть право по заповѣдямъ
Твоимъ. Буди сердце мое въ руку Твою! Аминь.»

Государь Наслѣдникъ началъ чтеніе голосомъ гром-
кимъ и твердымъ, но при воззваніи къ Царю цар-
ствующихъ голосъ его задрожалъ и прервался отъ
слезъ. Нѣсколько разъ начиналъ отъ чтеніе снова,
нѣсколько разъ останавливался, и кончилъ рыда-
ніемъ. Умиленіе царственного юноши проникло во
все сердца. По подписаніи имъ клятвеннаго обеща-
нія, Государь Императоръ съ невыразимымъ чув-
ствомъ обнялъ его, трижды поцѣловалъ и подвелъ
къ Государынѣ. Цесаревичъ хотѣлъ облобызать свою
Родительницу; Государь предупредилъ его, обнялъ
Императрицу, а потомъ заключилъ въ объятія и мать

и сына. При семъ трогательномъ зрѣлищѣ торжества всѣхъ царскихъ и человѣческихъ добродѣтелей, благоговѣнный трепетъ объялъ сердца всѣхъ присутствовавшихъ: всѣ проливали слезы душевнаго умиленія; всѣ возсылали моленія къ Богу, и испрашивали благословенія Его на сіе Августѣйшее Семейство, вину счастья, благоденствія и славы Россіи во временахъ настоящихъ и грядущихъ.

Ты плакалъ въ сіи священные минуты, Августѣйшій Цесаревичъ! Ты чувствовалъ всю важность, всю великость сего священнодѣйствія. И родители твои, и вся Россія видѣли твои слезы и понимали ихъ. Такія слезы проливалъ безсмертный предокъ твой, Михаилъ Романовъ, когда, по гласу отечества, въ младыя же лѣта, обременилъ слабыя рамена свои тяжелою порфирою царскою — и Богъ благословилъ его царствование, оградилъ его миромъ и тишиною, даровалъ ему потомство, вознесшее, осчастливившее Россію. Да будутъ и твои слезы, преемникъ великихъ Царей, угодны Богу! да послужать онѣ залогомъ благодати твоей души и счастья твоего отечества!

Общее умиленіе присутствовавшихъ обратилось въ торжественное изліяніе искреннихъ благодареній Господу Богу, въ священныхъ звукахъ: Тебе Бога хвалимъ, и громъ пушекъ возвѣстилъ столицѣ о совершеніи вождѣннаго торжества.

За обрядомъ духовнымъ послѣдовало введеніе Цесаревича въ ряды храбраго русскаго воинства, на дѣйствительную службу. Въ палатѣ Побѣдоносца

Георгія, предъ трономъ, воздвигнуть былъ жертвенникъ; на немъ возложены крестъ животворящій и Святое Евангеліе. Знамена гвардіи, знамена Бородинна, Лейпцига, Парижа и Варны, и знамя Атаманскаго Его Высочества Наслѣдника полка осыяли царскій тронъ. Вокругъ него стояли избранные, заслуженные воины — рота Дворцовыхъ Гренадеръ, представители старой славы русской, а далѣе, по обѣимъ сторонамъ залы, расположены были воспитанники всѣхъ военноучебныхъ заведеній — цвѣтъ благороднаго юношества русскаго, надежда отечества, сверстники по лѣтамъ Цесаревича. Ими командовалъ дядя его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Когда торжественное шествіе вступило въ залу, раздался громкій маршъ, а при вступленіи Ихъ Величествъ, заиграли: Боже, Царя храни! Государыня Императрица изволила стать на возвышеніи подлѣ трона, Государь Императоръ на ступеняхъ. Цесаревичъ у подножія. Всѣ бывшія въ залѣ войска преклонили оружіе на молитву и сняли кивера. Государь подвелъ Наслѣдника къ жертвеннику, гдѣ онъ, по словамъ оберъ-священника гвардіи, произнесъ слѣдующую воинскую присягу:

«Я нижепоименованный обещаюсь предъ Всемогущимъ Богомъ служить Его Императорскому Величеству, Всевлостивѣйшему Государю Родителю моему, по всѣмъ военнымъ постановленіямъ, вѣрно, послушно и исправно; обещаюсь чинить врагамъ Его Императорскаго Величества и врагамъ его государства хра-

брое и твердое сопротивленіе тѣломъ и кровію, въ полѣ и крѣпостяхъ, на водѣ и на сушѣ, въ сраженіяхъ и битвахъ, въ осадахъ и приступахъ и во всѣхъ воинскихъ случаяхъ безъ изъятія; обещаюсь о всемъ, что услышу или увижу противное Его Величеству, его войскамъ, его подданнымъ и пользамъ государственнымъ, извѣщать и оныя во всѣхъ обстоятельствахъ, по лучшей моей совѣсти и разумѣнію, охранять и оберегать такъ вѣрно, какъ мнѣ пріятна честь моя и животъ мой; обещаюсь во всемъ такъ поступать, какъ честному, послушному, храброму и отважному воину надлежитъ, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогушій.»

Засимъ войска отдали честь, при громкой музыкѣ и громогласнѣйшихъ поздравленіяхъ на Всемилоствѣйшій привѣтъ Государя, и знамена преклонились предъ трономъ. — Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ и Императорская Фамилія изволили возвратиться во внутренніе покои.

Такъ кончилось торжество сего вождѣннаго и незабвеннаго дня, ознаменованнаго многими царскими милостями, изліянными на достойныхъ вѣрноподданныхъ.

VI.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

(2 Сентября 1834.)

30 Августа сего года совершенно исполненіе великой мысли Государя Императора — воздвигнуть безсмертному Императору Александру Первому памятникъ, достойный его и Россіи.

Изъ вѣдръ Финляндіи исторгнуть исполинскій столпъ, величиною не имѣющій себѣ образца въ мірѣ, какъ и тотъ, которому въ память онъ воздвигается; съ неимовѣрными трудами и усиліями, которыя могли быть преодолены только русскимъ усердіемъ, неустранимостью и смѣлливостью, перевезенъ въ Санктпетербургъ; при пособіи храбрыхъ воиновъ, сподвижниковъ Александра, поднять и поставленъ на

основаніи *); потомъ обдѣланъ и украшенъ, какъ прилично его величію и назначенію **), а нынѣ открытъ торжественно — да служить на вѣчныя времена свидѣтельствомъ признательности и благоговѣнія Государя и Россіи къ одному изъ величайшихъ и добродѣтельнѣйшихъ Монарховъ, украсившихъ собою престолы.

Колонна Александровская, величиною превосходящая всѣ существующіе на земномъ шарѣ памятники***), состоитъ изъ цѣльнаго гранитнаго столпа, воздвигнутаго на огромномъ гранитномъ же подножіи, украшенномъ аллегорическими барельефами, и со стороны Зимняго Дворца надписью: *Александрѣ I-му благодарная Россія*. На вершинѣ ея сіяетъ крестъ.

*) Камень, отторгнутый отъ основанія, перенесенъ былъ на устроенное именно для того судно 19-го Іюня 1832 года, привезенъ въ Санктпетербургъ 1-го Іюля, выгруженъ на берегъ 12-го, а поднятъ 30-го Августа того же года. Отторженіе колонны отъ каменной горы, перевезеніе въ Петербургъ и обработка оной произведены искусствомъ и трудами подрядчика Василія Абрамовича Яковлева.

**) Архитекторомъ г. Монферраномъ.

***) Весь монументъ имѣетъ въ вышину болѣе 22 сажень (154 фута, 9 дюймовъ); стержень цѣльнаго гранита 12 сажень (84 фута). Колонна Помпеева въ Александріи имѣетъ въ вышину 63 ф.; Пантеона въ Римѣ, 46 ф. 9 д. 11 лин.; обелискъ на площади Св. Петра 78 ф.; обелискъ Александрійскій, или Игла Клеопатры, 63 ф.; колонны Исакиевскаго Собора 36 ф.

Ангель, держа крестъ лѣвою рукою, правою указываетъ на небо. Исполинскою громадностью своею, возвышаясь надъ всѣми окружающими площадь великолѣпными зданіями, колонна изумляетъ взоры; напоминая о благочестіи, великодушіи и добродѣтеляхъ Александра, приводитъ въ умиленіе души и сердца не только Россіяня, но и всѣхъ благомыслящихъ иностранцевъ, умѣющихъ чувствовать, постигать и цѣнить истинно великое, сближающее земнородныхъ съ Божествомъ, источникомъ всякой мудрости и добра.

Торжество открытія соотвѣтствовало величію монумента. Надъ главными воротами Зимняго Дворца построены великолѣпно украшенный балконъ со стопами по обѣимъ сторонамъ на площадь. Надъ эскерциргаузомъ и подлѣ него, также вдоль всѣхъ зданій Дворцовой Площади, сдѣланы были въ нѣсколько ярусовъ амфитеатры для зрителей. Народъ толпился на адмиралтейскомъ бульварѣ; всѣ окна и крыши окрестъ лежащихъ домовъ были уставлены жаждущими насладиться симъ единственнымъ зрѣлищемъ.

Надлежало опасаться, что погода не будетъ благоприятствовать торжеству. Весь Августъ мѣсяцъ стояло время ясное и жаркое; съ 24-го начали перепадать дожди, и наканунѣ праздника, 29 Августа, вечеромъ поднялась жестокая буря съ необычайно сильною грозой; вода въ Невѣ возвысилась до такой степени, что въ ночи послѣдовали предостерегательные сигналы. Но утро 30 Августа взошло ясное и пріятное.

При сильном вѣтрѣ порѣдка набѣгали облака, и опять исчезали.

Государь Императоръ изволилъ слушать въ сей день божественную литургію въ Невскомъ Монастырѣ въ восемь часовъ утра, и къ десяти возвратился въ Зимній Дворецъ. Въ десять часовъ всѣ войска собрались на назначенныхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ площади. Въ одиннадцать часовъ три выстрѣла изъ конноартиллерійскаго орудія, поставленнаго подлѣ адмиралтейскаго бульвара, подали сигналъ: въ одно мгновеніе, изъ всѣхъ улицъ хлынули войска на площади, окружающія дворецъ и адмиралтейство. Они расположились лицомъ къ монументу, оставивъ между имъ и собою значительное пространство. Къ Зимнему Дворцу стояли, въ шести баталіонахъ, воспитанники военно-учебныхъ заведеній. Вѣтво, къ экзерциргаузу, полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи; къ Главному Штабу 2-й дивизіи, къ Адмиралтейской Площади 3-й дивизіи. На Адмиралтейской Площади гренадерскій корпусъ и гвардейская кирасирская дивизія. На Петровской Площади 1-я и 2-я легкія гвардейскія и 7-я легкая кавалерійская дивизіи. Артиллерія расположена была на Разводной Площади, между Зимнимъ Дворцомъ и Адмиралтействомъ, и на Набережныхъ Дворцовой, Англійской и Баржевой, на Васильевскомъ Острову. По Невѣ, вдоль Дворцовой Набережной, стоялъ рядъ фрегатовъ, яхтъ и пароходовъ. Всего было въ строю 86 пѣхотныхъ баталіоновъ, 106 эскадроновъ конницы и 248 орудій артиллеріи.

Всѣми войсками въ этотъ день командовать лично самъ Государь Императоръ. По занятіи ими назначенныхъ мѣстъ, Его Величество изволилъ объѣхать оныя, и возвратился на Дворцовую Площадь. Въ то же самое время рота Дворцовыхъ Гренадеръ стала шпалеромъ по балюстраду балкона. Государыня Императрица, слѣдуя за духовенствомъ, весь Дворъ и прочія особы вышли на балконъ. Войска отдали честь, и ровно въ двѣнадцать часовъ начался благодарственный молебень. По мановенію Государя, всѣ войска, взявъ на молитву, обнажили головы. Всѣ зрители послѣдовали ихъ примѣру, всѣ возсылали теплыя молитвы къ Богу. Во время же благодарственной молитвы, пѣхота стала на колѣни. Среди обширной площади, между памятникомъ и мѣстомъ совершенія молебствія, Монархъ милліоновъ преклонилъ колѣно предъ Всевышнимъ, молился Ему, благодарилъ Его за Россію, за блага, наліянные на нее, за блага, уготованныя ей впредь Небеснымъ Промысломъ. Священный трепеть объялъ всѣхъ: на обширномъ пространствѣ, покрытомъ сотнями тысячъ, царствовала глубочайшая тишина; слова священнодѣйствующихъ явственно слышны были въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ площади — Богу приносима была молитва не словами, а душами. Послѣ многолѣтія, протодіаконъ возгласилъ вѣчную память Императору Александру, и съ послѣднимъ звукомъ его громкаго голоса, опустилась завѣса, заграждавшая дотолѣ подножіе монумента; золотые орлы, поддерживавшіе ее, пали предъ

памятникомъ; раздалось единодушное ура стотысячнаго войска, и загремѣли выстрѣлы изъ разставленныхъ въ строю пушекъ, съ судовъ и съ крѣпости. При сихъ кликахъ и громахъ торжества нетлѣнной славы, величественное шествіе двинулось съ балкона: крестный ходъ духовенства, за нимъ Государыня Императрица со всѣмъ Высочайшимъ Дворомъ, въ сопровожденіи роты Дворцовыхъ Гренадеръ, спустились по одной сторонѣ схода на площадь, и обошли памятникъ, тихо и величаво. Лишь только духовенство стало окроплять его святою водою, солнце яркими лучами озарило и монументъ и шествующихъ, и когда шествіе воротилось другимъ всходомъ на балконъ, легкій переходный дождь окроплялъ площадь. Потомъ прояснѣло, и свѣтлая погода стояла во весь остальной день, какъ съ самаго утра.

По окончаніи духовнаго обряда, войска построились къ церемоніальному маршу. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Его Королевскаго Высочества Принца Вильгельма Прусскаго и блистательной свиты, изволилъ проѣхать, отдать честь монументу и стать у подножія памятника; Государыня осталась на балконѣ. Предъ симъ Государь повелъ роту Дворцовыхъ Гренадеръ мимо монумента, ввелъ ее въ ограду, и поставилъ въ караулъ вокругъ памятника; тогда зрители получили понятіе объ исполинскихъ размѣрахъ колонны: великаны-гренадеры съ высокими шапками своими не достигали верхней линіи базиса. За гренадерами шли военно-учебныя заведе-

нія, потомъ нѣхота въ сомкнутыхъ полковыхъ колоннахъ, пѣшая артиллерія, кавалерія въ сомкнутыхъ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ, конная артиллерія и пионерный эскадронъ. Прусскіе офицеры и нижніе чины разлѣчены были по полкамъ, соответствующимъ не только оружіемъ, но и номеромъ тѣмъ полкамъ Прусской Арміи, въ которыхъ они служатъ. Войска построены были самыми густыми колоннами, и шествіе ихъ продолжалось слишкомъ два часа. Отличное ихъ устройство, ровный и свободный шагъ, превосходство конницы, красота артиллеріи — все восхищало военныхъ и невоенныхъ. Огромныя массы двигались легко и свободно, какъ одинъ человѣкъ. При этомъ рѣдкомъ зрѣлищѣ (никогда не было собрано въ С. Петербургѣ такого большого числа войскъ) одна мысль невольно вторгалась въ умы всѣхъ присутствующихъ: какое средство движетъ и одушевляетъ сіи громадныя полчища, сообщаетъ имъ единогласіе и стройность, хранить въ нихъ порядокъ и устройство, возбуждаетъ усердіе, рождаетъ восторгъ радостно умереть за отечество? Средство это есть единство воли Движущаго сими силами, повиновеніе ихъ одному; Онъ же, облеченный властію и силою землею, въ смиреніи духа испрашиваетъ себя пособія, вдохновенія, благословенія свыше!

Въ половинѣ четвертаго часа кончилось это достопамятное торжество. Государь Императоръ, съ Высочайшимъ Дворомъ, изволилъ возвратиться во дворецъ; войска отправились по домамъ; зрители, вос-

хищенные великолѣпною картиною, удалились. Намѣстъ торжества остался памятникъ Александру въ исполнскомъ величїи своемъ. Крестъ искупленїя сіяетъ надъ землею, и устами ангела своего Всевышній вѣщаетъ: Россїя! пребудь вѣрна Мнѣ въ Помазанникахъ Моихъ, и благословенїе Мое пребудетъ съ тобою навѣки!

Блистательная иллюминація вечеромъ освѣтила всѣ площади и улицы Петербурга; вокругъ памятника пылали огни въ великолѣпныхъ жертвенникахъ, и освѣщенный тысячею свѣтилъ балконъ Зимняго Дворца представлялъ зрѣлище очаровательное.

ОТСТАЛОЕ.

БУДУЩАЯ ПОВѢСТЬ.

ОТСТАЛОЕ.

БУДУЩАЯ ПОВѢСТЬ.

12 Юля 1874 года, въ прекрасномъ городѣ Пятигорскѣ, инспекторъ врачебной управы, Петръ Елисеевичъ Свѣтиловъ, почтенный старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, бодрый, свѣжій и живой, сидѣлъ вечеромъ на широкомъ балконѣ своего дома, посреди своихъ домочадцевъ, курилъ трубку, посматривая на величественныя вершины горъ, теряющихся въ отдаленіи, и запивалъ табачный дымъ глотками ароматнаго чаю. За чайнымъ столикомъ предѣдательствовала дочь его, миловидная женщина лѣтъ тридцати, окруженная тремя рѣзвыми малютками, въ черкесскомъ костюмѣ. Подлѣ нея сидѣлъ мужъ ея, въ такой же одеждѣ, съ военными на груди крестами. Съ другой стороны старика расположились два сына его: одинъ юноша военный, другой гражданскій; первый съ вы-

раженіемъ ума, огня, смѣлости, послѣдній съ томною на устахъ улыбкою.

«Не долго намъ бесѣдовать съ тобою, другъ мой, Вася!» сказалъ старикъ, оборотясь къ старшему сыну: «черезъ недѣлю ты будешь летѣть на почтовыхъ, въ Петербургъ, черезъ мѣсяцъ надѣнешь гвардейскій мундиръ, а тамъ....» — «Что жъ тамъ?» спросилъ Василій съ нетерпѣніемъ, смятающимъ сыновнюю вѣжностью. — «Не такъ часто будешь объ насъ думать!» прибавилъ отецъ, понизивъ тонъ, и какъ бы страхась сказать: ты насъ забудешь. — «За то, что будетъ,» отвѣчалъ Василій: «трудно ручаться; но если бъ — допустимъ невозможное — я и хотѣлъ рѣже объ васъ думать, сердце меня не послушается. Я здѣсь родился, здѣсь выросъ; здѣсь могила маменьки — и я забуду этотъ край? — Здѣсь вступилъ я въ царскую службу; здѣсь участвовалъ въ усмиреніи послѣднихъ покушеній нарушить спокойствіе Кавказа, здѣсь заслужилъ честь быть призваннымъ въ гвардію — и я забуду это? Забуду васъ? Возможно ли?» — «Правда твоя, Василій Петровичъ,» сказалъ зять его: «мѣсто рожденія привязываетъ человѣка неразрывными къ себѣ узами. Семь лѣтъ отъ роду былъ я отправленъ въ Петербургъ, учился въ кадетскомъ корпусѣ, служилъ въ гвардіи, былъ счастливъ и доволенъ. Меня отправили сюда. Я едва помнилъ, какъ давнишній сонъ, случаи моего дѣтства; почти вовсе забылъ свой языкъ, словомъ обрусѣлъ совершенно; но не могу выразить того чувства, которое обьяло меня трепе-

тѣмъ сильнымъ и несказанно усладительнымъ, когда показались мнѣ издали вершины нашихъ горъ, когда повѣяло на меня знакомымъ дыханіемъ Кавказа, когда увидѣлъ я пераюу Черкешенку.» — «Тише! тише!» приговорила, улыбаясь, жена его. — «Воля твоя, Дунаша!» продолжалъ онъ: «сердись или не сердись, но грязная дикарка въ то время была для меня во сто кратъ привлекательнѣе разряженныхъ, раздушенныхъ салондъ, съ которыми я кружился въ нѣмецкомъ вальсѣ по петербургскимъ паркетамъ. Разумѣется, что это очарованіе не было продолжительно. Я вскорѣ убѣдился во всѣхъ невыгодахъ и даже въ пагубности тогдашняго порядка дѣлъ на Кавказѣ, постигъ всю благость нашѣреній правительства, рѣшившагося сдѣлать насъ людьми изъ разбойниковъ, и всѣми силами, всѣми возможными пожертвованіями сдѣйствовалъ успѣху благотворныхъ и великодушныхъ предначертаній. Бывъ давно христіаниномъ въ душѣ, нѣсколько лѣтъ не крестился, чтобъ имѣть возможность дѣйствовать на моихъ соотечественниковъ. Любо теперь посмотрѣть на нашу Кавказъ! Я бѣдилъ по многимъ странамъ просвѣщенной Европы, и ничего подобнаго не видалъ.» — «А мнѣ такъ жалъ смотрѣть на нынешній Кавказъ,» сказалъ младшій: «все такъ чинно, тихо, порядочно! Нѣтъ нѣста воображенію, поэзіи. То ли дѣло бывало встарину! Прочтите Кавказскаго Пльнника, Пушкина. Конечно, старинный слогу его теперь страненъ, но всматривайте въ содержаніе, въ мысли, въ картины. Тогда было иное время! А теперь,

гдѣ разгуляться воображенію?» — «Теперь-то ему и разгуливаться, любезный другъ Андриуша!» сказалъ Черкесь: «теперь оно одно дѣйствуетъ на Кавказѣ; ему привольно и просторно, а какъ бывало, въ старые годы, существенность накинеть арканъ на воображеніе и потащить его въ горы — такъ прощай и стихи, и проза. Ой, ужъ вы, стихотворцы! Да стоятъ ли ваши воображаемыя картины той дѣйствительности, которую мы теперь видимъ въ нашей сторонѣ? Кавказъ тихъ и спокоенъ. Безопасность, довольство, богатство царствуютъ во всѣхъ его странахъ. Винодѣліе, земледѣльство, скотоводство достигли высочайшей степени. Кавказская шерсть вытѣснила испанскую; шелкъ нашъ употребляется преимущественно на всѣхъ фабрикахъ Европы; не шампанское, не бургонское, не портвейнъ пьютъ во всемъ Русскомъ Царствѣ, а наши доморошенныя вина, вкусныя, прочныя, здоровыя! Наши лихіе конники не только не враги Россіи, они составляютъ храбрый, быстрый, неуспынный авангардъ русской арміи. — Впрочемъ, неужели поэзія исчезла съ разбоями? — Здѣсь, попрежнему, свѣтитъ южное солнце; по прежнему, высятся снѣговерхія горы; по прежнему, зіяютъ бездонныя пропасти: только отъ зноя солнечнаго найдешь вездѣ пріютъ и тѣнь; на гору можешь взобраться не опасаясь сломить шею; въ пропасть не дадутъ тебѣ упасть прочныя перила. Неужели поэзія только и находится пища, что въ разбояхъ, кровопролитіяхъ, буряхъ физическихъ и нравственныхъ? — Боюсь я,

чтобъ не возобновилась у насъ школа, угрожавшая въ юности моей литературѣ всѣхъ народовъ. Эта школа находила удовольствіе въ томъ, что возбуждаетъ ужасъ и омерзѣніе. Она миновала, какъ всѣ глупости, но родъ человѣческій идетъ впередъ не прямо, а лавируетъ, кружится на одномъ мѣстѣ, пѣшетъ мыслете, и не удивительно будетъ, если старинныя нелѣпости возникнутъ вмѣстѣ съ длинными таліями.» — «Прекрасно!» сказала съ хохотомъ Авдотья Петровна: «Длинные талии, какъ на портретѣ покойницы маменьки! Нѣтъ, другъ мой! Иное можетъ воротиться, а ужъ талии вѣрно не опустятся. Длинные талии! Какъ это забавно!» — «Ошибаешься, Дуня!» возразилъ Петръ Елисеевичъ: «длинная талія гораздо красивѣе, величественнѣе, нынѣшнихъ вашихъ короткихъ талій, которыя, вѣроятно, въ скоромъ времени поднимутся еще выше пояса Новоторжскихъ мѣщанокъ. Въ мое время дамы и дѣвицы хвалились нѣжностью и стройностью своего стана, которыя при нынѣшней модѣ совершенно пропадаютъ. Какъ прекрасна была моя Вѣрочка въ длинной таліи, въ платьѣ полномъ, просторномъ, съ широкими рукавами, въ серьгахъ съ длинными подвѣсками; на лбу брилліантовая фероньерка; волосы, закрученные косою на маковкѣ и на затылкѣ, и ниспадавшіе спереди по вискамъ; въ нынѣшнемъ же нарядѣ я бы и не посмотрѣлъ на нее. То-то время было!» — Необыкновенно густое облако дыму, вырвавшееся изъ устъ его, измѣнило глубокому вздоху. — Авдотья Петровна, изъ уваженія къ

отпу, удерживала смѣхъ, воображая карикатурные наряды тридцатыхъ годовъ. — «Мнѣ кажется, сестрица права,» сказалъ Андрей Петровичъ: «Перечитывая стихотворенія тѣхъ временъ, я вовсе не вижу, чтобъ красота женская возбуждала восторгъ, питала воображеніе поэтовъ. Въ нихъ видна какая-то странная смѣсь унылости и въ то же время молодечества, что-то дикое, необработанное, какое-то неуваженіе къ читателямъ. И хорошо было только то, гдѣ говорилъ умъ, а не чувство; напримѣръ, басни Крылова. Во всемъ же прочемъ, кромѣ немногихъ исключеній, натяжка и неестественность, безжизненность и презрѣніе къ роду человѣческому. Изъ этого я заключаю, что тогдашнія женщины не могли влѣять на воображенія, занимать сердца поэтовъ. Въ противномъ случаѣ...» — «Нѣтъ, другъ мой!» сказалъ отецъ: «не женщины были тому виноваты. Я скажу тебѣ на ушко: женщины всегда были и будутъ лучше насъ, и если бъ мы постарались сравниться съ ними въ чувствѣ прекраснаго, великаго, онѣ поднялись бы еще выше. Дѣло въ томъ, что въ тѣ годы наступило какое-то время недоумѣнія, остановки, перехода въ незн. Словесность прочтала первый томъ, а за второй только что принималась. Все были попытки, начала, неудачные приступы. Отступали, чтобъ разбѣжаться. А предметовъ было довольно!» — «Предметовъ! предметовъ!» сказалъ Черкесь: «предметы всегда есть и будутъ, только бъ были люди, которые въ состояніи ихъ разглядѣть со стороны поэтической.

Великіе поэты, живописцы, скульпторы творили все изъ ничего; самозванцы-художники не умѣли извлечь ничего изъ предметовъ самыхъ высокихъ и величественныхъ. Я не поэтъ, а берусь найти поэтическую сторону въ чемъ вамъ угодно. Исполненіе — дѣло другое.» — «Не бейтесь объ закладъ,» сказалъ Андрей Петровичъ, улыбаясь; «я знаю предметъ, изъ котораго вы именно не извлечете ничего поэтического.» — «А что бы это было такое?» спросилъ Черкесь. — «Предметъ вашей ненависти и преслѣдованія: спиртъ, водка, пѣвникъ, сивуха.» — «Ты правъ, Андрей Петровичъ,» отвѣчалъ Черкесь: «въ этомъ я еще сушій магометанинъ, и гнушаюсь всѣмъ, что тролко хотя слегка напоминаетъ этотъ медленный ядъ. Ты правъ — изъ этого предмета я не въ состояніи извлечь ничего поэтического. Меня по кожѣ подираетъ, когда подумаю, что въ мірѣ существуетъ это питье, что есть люди, которые имъ не гнушаются.» Черкесь поморщился, какъ будто проглотилъ самое отвратительное лекарство.

«А я вамъ скажу,» возразилъ старикъ: «что это ненавистное питье могло бы служить заглавіемъ роману, въ которомъ оно составляетъ завязку.» — «Помилуйте, батюшка!» вскричалъ Черкесь: «романъ, основанный на водкѣ!» — «Точно,» продолжалъ Петръ Елисеичъ: «скажу болѣе: я знаю романъ, который развязкою своею обязанъ сивухѣ; еще болѣе: этотъ романъ есть мой собственный, исторія моей любви и женитьбы на вашей покойной тещѣ,

моей милой, незабвенной Вѣрѣ Дмитріевнѣ.» — «Что вы, папенька?» сказала съ недоумѣніемъ Авдотья Петровна: «какъ это возможно? Это невѣроятно.» — «Мало-ли что невѣроятно!» возразилъ старикъ: «а между тѣмъ сбылось дѣйствительно. Если хотите, если не боитесь соскучиться при разсказахъ шестидесятишестилѣтняго старика о любви былыхъ годовъ — я вамъ сообщу исторію моей юности.» — «Съ удовольствіемъ! охотно! сдѣлайте милость!» раздалось со всѣхъ сторонъ. — Старикъ выколотилъ докуренную трубку, набилъ ее снова, закурилъ, и началъ разсказъ:

«Вы знаете, что я учился въ Московскомъ Университетѣ. Это было около тридцатыхъ годовъ. Я занимался науками усердно и неутомимо, видя въ нихъ единственное средство честно прожить на свѣтѣ. Начальные годы моей жизни, моихъ учебныхъ занятій прошли тихо, незамѣтно. Помню только еще, какъ, при появленіи въ Москвѣ холеры, которая была тогда болѣзнь неизвѣстная, страшная, опасная, я дежурилъ въ госпиталяхъ съ безпечными моими товарищами; какъ мы преспокойно спали на постеляхъ, лишь только оставленныхъ больными, дѣлились съ ними порціею, даже купались въ ихъ ваннахъ — и первые, сами того не зная, доказали Европѣ незаразительность этой болѣзни. И это время прошло. Я кончилъ науки, выдержалъ экзаменъ на доктора медицины и хирургіи, получилъ золотую медаль, воображалъ себя лейб-медикомъ, президентомъ медицинской академіи, и Богъ

знаеть чѣмъ. Одинъ мой товарищъ, выпущенный года за два до меня, и получившій выгодное мѣсто въ Петербургѣ, звалъ меня туда. Разумѣется, что я не колебался. Собралъ кое-какъ шестьдесятъ рублей, взялъ мѣсто въ кабриолетѣ петербургскаго дилижанса, и наканунѣ отъѣзда пошелъ къ одному изъ нашихъ профессоровъ, который, за недосугами, не подписалъ еще моего диплома. Я не нашелъ его: въ званіи визитатора частныхъ училищъ былъ онъ на экзаменѣ въ одномъ женскомъ пансіонѣ, и такъ какъ испытанія въ наукахъ обыкновенно оканчиваются танцами и вистомъ, то я и долженъ былъ дожидаться его до глубокой ночи. Прочитавъ въ двухсотый разъ великолѣпно напечатанный дипломъ свой, я было задремалъ, и вдругъ разбуженъ былъ чѣмъ-то громкимъ голосомъ. Я раскрылъ глаза: предо мною стоялъ старичекъ, въ простой одеждѣ, разстроенный, трепещущій, съ выкатившимися глазами, и дергалъ меня за сюртукъ. — «Не докторъ ли вы?» спросилъ онъ меня страшнымъ голосомъ. — «Докторъ медицины и хирургіи,» отвѣчалъ я, протирая глаза. — «Такъ пожалуйста поскорѣе!» закричалъ онъ съ радостью, самъ надѣлъ мнѣ на голову мою шляпу, и потащилъ меня за собою. Я не успѣлъ опомниться, какъ онъ усадилъ меня въ сани, самъ сталъ на запятки, и закричалъ кучеру: пошелъ! Сани полетѣли — я не видѣлъ куда, и чрезъ полчаса остановились въ отдаленной части города, передъ деревяннымъ домомъ. Провожатый мой вытащилъ меня изъ саней, и опрометью вовлекъ

за собою на крыльцо. «Вотъ онъ! вотъ докторъ!» кричалъ онъ безъ памяти: «Что Вѣра Дмитріевна? жива еще, что ли?» — «Тише, Михенчъ,» сказала ему старушка: «другой докторъ прѣѣхалъ безъ тебя. Этого не надо!» — «Какъ не надо!» закричалъ Михенчъ жалобно: «не одного, не двухъ, двадцати мало! Матушка ты моя родная, праведная моя, Вѣра Дмитріевна! Не умирай, сударыня!» Слезы въ три ручья покатились по лицу старика. — Старушка повела меня въ комнату, тускло освѣщенную одною свѣчею. Больная лежала въ постели, за занавѣсками. У изголовья ея сидѣли почтеннаго виду мужчина и женщина, видно родители ея, въ безмолвной тоскѣ, и смотрѣли на моего профессора, который, въ парадномъ мундирѣ, при шпагѣ, стоялъ передъ больною, и глядѣлъ на нее пристально. При входѣ моемъ въ комнату онъ обратился ко мнѣ: «Это вы, Свѣтиловъ? Какъ вы сюда попали?» — Я разсказалъ ему, что сидѣлъ въ его залѣ, и что меня, за его отсутствіемъ, привезли сюда. — «Вене!» скавалъ онъ: «я усталъ до смерти, carissime! Оставайтесь здѣсь на ночь. Бѣдная страдалница имѣетъ надобность въ скорой помощи и въ неусыпномъ попеченіи. Пустите ей четыре чашки крови изъ лѣвой руки, и потомъ давайте прописанное мною, коль скоро принесутъ изъ аптеки. Забывайте каждую четверть часа, что происходитъ, и въ случаяхъ важныхъ записывайте. — Вашъ, молодой человѣкъ,» прибавилъ онъ пресерьіозно по-латыни: «предстоитъ большое поученіе и наслажденіе. Кадаверъ удивительный. Болѣзнь ея

необыкновенная, приключилась скоропостижно, и труп поразитію никто противиться не смѣетъ....—Завтра,» сказалъ онъ по-русски, обратясь къ родителямъ: «въ восемь часовъ утра я пріѣду, а до того времени останется здѣсь господинъ докторъ Свѣтиловъ. Будьте благонадежны, почтеннѣйшіе! *Spes in nobis, in Deo exitus.*» Онъ поклонился имъ, и съ важностью вышелъ. Мать взяла меня за руку, и подвела къ больной. Я остолебѣлъ. При слабомъ мерцаніи свѣчи представилось мнѣ существо неземное! Дѣвица, лѣтъ двѣнадцати, въ бѣломъ платьѣ, въ бѣломъ на головѣ чепчикѣ, подвязанномъ розовою лентою, лежала на постели безъ движенія. Глаза ея были закрыты. Черные локоны вырывались изъ подъ кружевной обшивки чепчика. Я вперилъ въ нее глаза, и не зналъ, что со мною дѣлается, гдѣ я, что вижу. Мать замѣтила мое вниманіе. «Не правда ли, она очень худа?» сказала она съ выраженіемъ боязни. «Она?» спросилъ я въ свою очередь: «она? нѣтъ! быть не можетъ!»— «Въ самомъ дѣлѣ?» спросила оживленная надеждою.— «Богъ милостивъ!» сказалъ я, опомнившись. «Ей должно нустить кровь, по приказанію профессора.»— «Какъ изволите!» отвѣчала мать. Отецъ подошелъ, чтобъ помочь мнѣ. Я взялъ больную за руку, засучилъ рукавъ ея до плеча — сердце мое сильно забилося. Я мысленно молилъ Бога о твердости. Руки мои дрожали. Я вынулъ изъ кармана готовальню, перевязалъ руку, коснулся ланцетомъ нѣжной жилки, и кровь брызнула. Я чуть было не закричалъ. Операция

кончилась благополучно. Я унял кровь платкомъ своимъ, перевязалъ руку, спустилъ рукавъ: наружъ осталась ручка, прелестнѣйшее созданіе природы. Я сѣлъ подлѣ постели, и смотрѣлъ въ прекрасное лице страдальцы. Волненіе ея начало утихать. Казалось, что она заснула. «Слава Богу!» сказалъ я: «кажется, что ей легче.» Лучъ блаженнѣйшаго чувства блеснулъ въ глазахъ родителей. Видно было, что отцу трудно было не ложиться. «Поди, поди,» сказала ему жена: «поди, другъ мой, Дмитрій Степановичъ! успокойся. Мы съ господиномъ докторомъ останемся у Вѣрочки. Занеможешь ты, такъ я совершенно пропала.» Старикъ всталъ, перекрестилъ больную, взглянулъ на жену съ выраженіемъ любви и довѣренности, молча пожалъ мнѣ руку, и вышелъ. Я остался при больной одинъ съ ея матерью. Мало-по-малу оглядѣлся я въ комнату. Въ переднемъ углу вспыхивалъ огонь въ лампадѣ подъ божницею. Все въ комнатѣ было чисто, порядочно, уютно, но не богато, не великолѣпно. По всему замѣчалъ я, что нахожусь въ домѣ купеческомъ. Но болѣе всего обращала на себя вниманіе моя больная. Она лежала неподвижно, блѣдная какъ мраморъ; длинныя черныя рѣсницы измѣняли прекраснымъ глазамъ; посинѣлыя уста были еще прелестны. Грудь ея иногда поднималась, но чаще всего лежала она безъ движенія, и нерѣдко уstraшенной матери казалось, что любимица ея испустила послѣднее дыханіе. «Пощупайте у ней пульсъ,» говорила она мнѣ съ умоляющимъ взглядомъ. Я брался за руку, и успокоивалъ ее. Од-

нажды я какъ-то взялъ ее выше кисти, и не дощупался пульса. Видно, испугъ изобразился на моемъ лицѣ. «Такъ нѣтъ пульсу?» закричала мать, забывая, что должно хранить молчаніе. «Ради Бога, пощупайте сердце — если и оно остановилось....» — Не зная, что дѣлаю, я приложилъ руку къ сердцу больной: оно билось, но я не могъ отнять руки. Каждое бѣіеніе этого сердца раздавалось въ моемъ громовыми ударами. — Что жъ? спрашивала мать. — «Бьется,» сказалъ я, медленно отнимая руку. — Долго не могъ я прійти въ себя, сидѣлъ въ безмолвіи и забыти, устремивъ глаза на прекрасную страдалицу. Добрая мать, видно, приписывала это вниманіе моему усердію въ исполненіи должности, благодарила меня взглядами, и не замѣчала, что мнѣ двадцать четвертый годъ отъ роду. Въ комнатѣ господствовала глубочайшая тишина. Только маятникъ столовыхъ часовъ указывалъ теченіе времени. Каждую четверть часа давали мы больной лекарство, каждую четверть часа приближалась минута разлуки. Стало свѣтать. Лучъ солнечный проникъ сквозь бѣлую миткалевую занавѣску. Улица проснулась. Зашумѣло на дворѣ. Съ послѣднимъ ударомъ осьми часовъ вошелъ мой профессоръ. — «Что больная?» спросилъ онъ. — Я описалъ проведенную ею ночь. Онъ взялъ ее за пульсъ, и покачавъ головой, сказалъ мнѣ по-латыни: «Чудеса совершаются, но не всегда.» Этотъ приговоръ жестоко поразилъ меня. Не зная предшествовавшаго хода болѣзни, не имѣвъ возможности узнать ее теперь, я

еще менѣ матери могъ судить о состояніи больной. «Благодарю васъ, любезный Свѣтловъ!» сказала профессоръ: «за исполненіе моей просьбы. Я знаю, вамъ должно сегодня ѣхать. Ступайте съ Богомъ. Я нашелъ у себя дома вашъ дипломъ, подписалъ его и отправилъ къ вамъ. Простите! желаю вамъ счастливаго пути!» Онъ обнялъ и поцѣловалъ меня. Я не зналъ, что со мною дѣлается; посмотрѣлъ еще разъ на больную съ горестнымъ чувствомъ, котораго ни описать, ни вообразить не умѣю, поклонился матери, вышелъ изъ спальни. Въ другой комнатѣ встрѣтилъ меня отецъ, и со страхомъ освѣдомился о состояніи дочери. Я отвѣчалъ, что она провела ночь спокойно. Онъ пожалъ мнѣ руку, и вошелъ въ спальню. Въ рукѣ у меня осталась какая-то бумажка. Я развернулъ ея — нить рублей! Огорченный платою, я хотѣлъ было пойти къ нему и возвратить деньги, но опомнися, взглянулъ на окровавленный платокъ, прижалъ его къ губамъ, и бросился изъ дому, не помню какъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, преслѣдуемый зрѣлищемъ умирающей Вѣры. Въ волненіи своемъ, въ тоскѣ и недоумѣніи, я не догадался спросить при выходѣ изъ дому, у кого былъ, кто больная; не помнилъ даже переулка, въ которомъ стоялъ домъ этотъ. У меня осталось одно воспоминаніе о ней и — окровавленный платокъ. Я былъ увѣренъ, что она умерла. — Встрѣчаясь съ прекрасною, цвѣтущею дѣвицею, я говорилъ про себя: «Такова была Вѣра. И ты, юная дѣва, будешь то, что Вѣра теперь.» —

Я вступилъ въ службу, въ одинъ гвардейскій полкъ, и жилъ довольно пріятно и весело. Начальникъ у меня былъ человекъ умный и добрый. Офицеры полюбили меня и приняли въ свое общество; только, замѣтивъ мою задумчивость и особенное выраженіе унынія, когда я смотрѣлъ на молодыхъ, прекрасныхъ дѣвицъ, мучили меня вопросами, забрасывали шутками. Я отшучивался, сколько могъ, и наконецъ, видя, что странная моя мизантропія можетъ дѣйствительно повредить мнѣ въ мнѣніи людей, которые скорѣе повѣрятъ всему, нежели искреннему, безкорыстному чувству, рѣшился преодолѣть себя, не отказываться отъ общественныхъ удовольствій, разсѣять свою безполезную тоску въ бесѣдахъ любезной молодежи.

Однажды сговорилось нѣсколько молодыхъ людей (это было въ Августъ мѣсяцѣ) поѣхать въ садъ нѣмецкаго танцклуба, поворожить за хорошенькими Нѣмочками, побѣсить ревнивыхъ Нѣмцевъ. Я поѣхалъ съ ними. Мнѣ очень нравились эти полусельскіе балы. Въ просторномъ, иллюминированномъ саду гремитъ музыка. Пестрыя толпы расхаживаютъ по аллеямъ. Вокругъ столиковъ, подъ навѣсомъ деревъ, курятъ табакъ, пьютъ чай, ужинаютъ. Въ залѣ танцуютъ. Всѣ веселы, довольны. Наши шалуны, вступивъ въ садъ, забыли о своемъ намѣреніи; и приняли участіе въ общемъ веселіи; наняли тамъ нѣсколько пріятелей во фракахъ; и гуляли съ ними по аллеямъ, любуясь цвѣточками изъ нѣмецкихъ оранжерей, въ русскомъ климатѣ. Я пріѣхалъ также съ намѣреніемъ повесе-

литься, и впалъ въ неизъяснимую тоску: тѣмъ болѣе наполнялся садъ, тѣмъ гуще и нестрѣе становились группы миловидныхъ лицъ, тѣмъ грустнѣе мнѣ дѣлалось. Вѣра! Вѣра! шепталъ мнѣ на ухо какой-то таинственный голосъ. Я сидѣлъ на скамѣ въ самой большой аллеѣ. Вдругъ замѣчаю, что одна почтенная дама, проходя мимо, посматриваетъ на меня пристально, какъ будто припоминая стараго знакомаго. Прошла она разъ, прошла два раза; все смотритъ и разглядываетъ. Что бы это значило? Наконецъ, проходя въ третій разъ, она остановилась, сказала спутницамъ своимъ, чтобъ онѣ шли далѣе, и подошла ко мнѣ. — «Если я не ошибаюсь,» сказала она боязливо: «вы господинъ докторъ Свѣтиловъ?» — «Такъ точно, сударыня!» сказалъ я, вставъ со скамейки. — «Не безпокойтесь,» возразила она: «я къ вамъ присяду!» и съ этимъ словомъ сѣла подлѣ меня. — «Вашъ военный мундиръ,» сказала она учтиво: «немного сбилъ меня съ толку; но я слишкомъ хорошо васъ помню.» — Мнѣ она была совершенно незнакома. Я старался припомнить черты лица ея. — «Извините, сударыня,» сказалъ я наконецъ: «я не имѣю чести....» — «Это приносить честь вашему усердію къ своему дѣлу,» сказала она съ пріятною улыбкою: «вы такъ занимались больною, что и не взглянули на здоровую. Помните ли вы, въ Москвѣ, прошлаго года, зимою вы пользовали дочь мою....» — «Вѣру.... Вѣру....» пробормоталъ я въ отъѣздѣ. — «Точно, Вѣру Дмитріевну.» — «И она....»

сказалъ я, смущенный веселымъ тономъ матери. — «Слава Богу, выздоровѣла!» — Камень свалился съ моего сердца. Я не могъ удержать слезъ своихъ, взявъ руку доброй матери, и покрылъ ее поцѣлуями. — «Милый, любезный докторъ!» говорила она, утирая слезы: «какъ мнѣ пріятно видѣть въ васъ такое состраданіе. Счастливы тѣ, которыхъ вы пользуете! Не повѣрите, какъ я рада, что нашла васъ. Мой добрый Дмитрій Степановичъ, по манеру, къ которому онъ привыкъ въ Германіи, заплатилъ вамъ за визитъ, какъ платятъ какому нибудь ремесленнику. Мнѣ было крайне совѣстно. Я утвердила Вѣриньку, что она именно вашему попеченію объ ней обязана своею жизнью. Лишь только вы ушли, съ нею сдѣлался кризисъ, и она была спасена.» — «Нѣтъ, сударыня!» сказалъ я ей: «не моимъ стараніямъ обязана она сохраненіемъ дней своихъ. Нѣтъ врача въ мірѣ, который могъ бы замѣнить хоть въ сотую долю попеченія матери. Я только скорбѣлъ о ней, а помочь ей не могъ.» — Я не зналъ, какъ спросить ее, гдѣ теперь Вѣра, что она дѣлаетъ, какъ онѣ очутились въ Петербургѣ. Словоохотная дама предупредила меня. Съ длиннымъ предисловіемъ и безконечными вставками и эпизодами, она рассказала мнѣ, что мужъ ея, Дмитрій Степановичъ Коробовъ, купецъ, бывший комиссіонеръ нѣкоторыхъ петербургскихъ негоціантовъ по внутренней торговлѣ, теперь пріѣхалъ въ Петербургъ; что у него много дѣлъ и непріятелей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, но о главномъ предметѣ, объ одномъ

что меня интересовало и мучило — ни слова. Я воспользовался минутою, когда она понюхала табакъ, чтобъ прервать нить ея повѣсти. — «Такъ Вѣра Дмитриевна совершенно выздоровѣла?» — «Слава Богу, слава Богу! вы сами въ томъ удостовѣритесь. Да вотъ и она! Вѣринька, душа моя! подойди сюда на минуточку.» Отъ шеренги проходившихъ мимо насъ, разряженныхъ дѣвицъ отдѣлилась одна, и подошла къ намъ. Я взглянулъ на нее. Предо мною стояла, во всей полнотѣ жизни, юности и красоты, та самая, которую я воображалъ тлѣющею подъ гробовымъ камнемъ. «Вотъ, другъ мой!» сказала мать: «Богъ услышалъ мои молитвы. Вотъ тотъ молодой докторъ, которому ты обязана жизнью.» — «Помилуйте,» сказалъ я въ смущеніи. Вѣра обратила на меня глаза съ такимъ выраженіемъ, какого я не могъ вообразить. — «А онъ, подумай, Вѣрочка, онъ ничего не помнитъ; онъ было совершенно запаматовалъ.» — «Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, извините!» сказалъ я поспѣшно, и вынулъ изъ-за пазухи платокъ, который съ тѣхъ поръ, какъ талисманъ, сопровождалъ меня повсюду. Не помню въ точности, что за тѣмъ послѣдовало; только я познакомился съ Вѣрою; онѣ пригласили меня къ себѣ; отца не было на балѣ, но онѣ увѣрили, что мое посѣщеніе будетъ ему пріятно. Между тѣмъ въ саду становилось сыро и холодно, онѣ раскланились со мною; я проводилъ ихъ до кареты. Послѣдніе слова Вѣры было: «Не забывайте насъ! сдержите слово!» — Я воротился къ

товарищамъ, сидѣвшимъ за ужиномъ. Они видѣли меня въ бесѣдѣ съ дамами, и стали шутить надо мною. Но какъ они удивились, замѣтивъ совершенное во мнѣ перерожденіе. Скромный, тихій, молчаливый Свѣтиловъ сдѣлался веселымъ, развязнымъ, шутливымъ, чуть не буйномъ. Шампанскаго! закричалъ я такимъ громкимъ голосомъ, что изъ двадцати угловъ послышались восклицанія испуганныхъ Измокъ: ас! Нетт Jesus! Ужинъ проведенъ былъ съ шумными измѣненіями и возліяніями. «Что сдѣлалось съ нашимъ Эскулапомъ?» спрашивали офицеры. Эскулапъ былъ въ третьемъ небѣ: Вѣра, прекрасная Вѣра жива; Вѣра здѣсь; я увижу Вѣру!

На другой день я отыскалъ семейство Коробова, и былъ принятъ, какъ давно знакомый, какъ родной. Дмитрій Степановичъ былъ человекъ добрый, умный, степенный, образованный. Онъ служилъ долгое время въ петербургской конторѣ одного богатаго англійскаго купца, ѣздилъ за коммерческими дѣлами по разнымъ странамъ Европы, приобрѣлъ много познаній, опытности, умѣнья жить въ свѣтѣ, но не приобрѣлъ главнаго—денегъ; поступалъ по правиламъ строжайшей честности, каждую хозяйскую копейку считалъ священной, а тѣмъ, что приобрѣталъ самъ по расположенію и дружбѣ своего хозяина, дѣлился съ бѣдными земляками. Жена его, Авдотья Яковлевна, была предобрая жевщина, привѣтливая, веселая, словоохотная — величайшимъ свидѣтельствомъ любви ея къ дочери было то, что она промолчала цѣлую ночь у постели больной. А дочь —

это была ваша добрая мать, моя незабвенная жена, съ которою я прожилъ счастливо, какъ въ раю, тридцать четыре года, которой не перестану оплакивать до новаго свиданія съ нею.»

Петръ Елисеевичъ умолкъ, и утеръ слезу. Дѣти молчали также, объята чувствамъ горестнаго воспоминанія. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ собрался съ духомъ, и продолжалъ:

«Не много нужно было времени, чтобъ познаться въ этомъ почтенномъ семействѣ. Мнѣ казалось, что я, дотолѣ сирота безродный и безпріютный, нашель своихъ, родныхъ. Тоскливые, бурные порывы во мнѣ утихли. Вѣра, убѣжденная въ томъ, что мнѣ обязана спасеніемъ жизни, обходилась со мною, какъ съ братомъ. По ея примѣру, я началъ называть ея родителей батюшкою и матушкою. И эта связь была такъ чиста, благородна, безкорыстна, что я и не воображалъ влюбляться въ Вѣру, не думалъ, что могу, что долженъ на ней жениться. Такъ быть должно! думалъ я, благодаря Провидѣніе, которое привело меня къ моимъ роднымъ.»

Такъ быть должно, думаетъ человѣкъ. Не такъ! возражаетъ строгая судьба. Дмитрій Степановичъ занимался въ то время дѣлами одного богатаго откупщика, Рысина, человѣка жаднаго, недовѣрчиваго, жестокаго, который обижалъ и оскорблялъ всѣхъ своихъ товарищей, помощниковъ и комиссіонеровъ, и немного еще щадилъ Коробова, имѣя въ немъ необходимую нужду. Почтенный Дмитрій Степановичъ

нерѣдко приходилъ домой къ обѣду, разстроенный, печальный, убитый. Видно было, какъ трудно ему служить орудіемъ жестокосердію и жадности. Привѣтливость жены, ласки дочери, участіе немногихъ друзей, пощавшихъ его, едва могли разсѣять облака унынія на челѣ его. Самого Рысина я не зналъ и никогда не видалъ; вмѣсто его, являлся иногда сынъ его, Иванъ, русскій Ванька Каинъ, воспитанный въ Англіи. Онъ былъ одаренъ отъ природы умомъ и наружнымъ благообразіемъ; но честь, совѣсть, сердце замѣнялись въ немъ спесью, корыстолюбіемъ и гнуснѣйшимъ развратомъ. Въ Англіи усовершенствовалъ онъ свои природныя способности и дарованія, и, главное, научился скрывать ихъ, казаться благороднымъ, великодушнымъ, сострадательнымъ. Являясь къ Коробову по порученіямъ отца своего, сначала онъ обращался съ нимъ грубо и дерзко, какъ съ наемникомъ, но увидѣвъ нечаянно Вѣру, вдругъ перемѣнилъ свой тонъ и обращеніе, и старался втереться въ домъ того человѣка, котораго презиралъ въ душѣ своей, какъ бѣднаго плота, сотвореннаго для исполненія приказаній и прихотей богача. Онъ сталъ часто ѣздить къ Коробову. Всѣхъ болѣе была ему рада Авдотья Яковлевна: она воображала въ немъ жениха своей Вѣрочкѣ. Вѣра принимала его ласково и привѣтливо: предъ ними онъ носилъ маску человѣка благороднаго, честнаго и учтиваго. Старикъ только терпѣлъ его, не имѣя возможности выпроводить этого незваннаго гостя. Страдалъ одинъ я. При первомъ появленіи

Ивана Кузьмича Рысина въ домѣ Коробовыхъ, и почувствовалъ какъ будто ударъ въ сердце, котораго не могъ себѣ истолковать, сколько ни рылся въ физиологін. Я замѣчалъ его ухаживанье за Вѣрою Дмитріевною, его угодливость Авдотѣ Яковлевнѣ; замѣчалъ и ихъ неравнодушіе къ нему. Передо мною, бѣднымъ полковымъ лекаремъ, онъ не считалъ нужнымъ скрываться, да если бъ и хотѣлъ, то конечно бы не успѣлъ въ томъ. Любовь зорка. Да, любовь! При первомъ препятствіи, при первомъ движеніи ревности я узналъ, какъ называется чувство, которое привязывало меня къ Вѣрѣ. Жестокое состояніе! Я видѣлъ Ивана Кузьмича насквозь. Природа создала его красавцемъ, но вналыя щеки, синета нодъ глазами, сильный голосъ измѣняли слѣдамъ дурнаго поведенія. На кончикѣ его носа зардѣлось уже красненькое пятнышко, обѣщавшее вскорѣ покрыть все лице малиновою мантиею — мундиромъ записныхъ нянницъ. Но онъ былъ очень остороженъ, и никогда не являлся къ дамамъ тотчасъ послѣ обѣда. — Мои мечты начали разсѣваться. Вѣра Дмитріевна была со мною ласкова, дружелюбна, привѣтлива по-прежнему, но иногда замѣчалъ я, что, въ бесѣдѣ со мною, она вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ передней, какъ будто ожидая чьего-то пріѣзда, и обманувшись въ этомъ ожиданіи, долго не могла оправиться. Авдотья Яковлевна подняла тонъ цѣлою октавою выше. Одинъ Дмитрій Степановичъ не измѣнялся: онъ зналъ, какъ опытный торговый человѣкъ, цѣну этому

негодяю. Я рѣшился мало по малу оставить ихъ домъ. Больно было моему сердцу покинуть Вѣру; но меня поддерживало оскорбленное самолюбіе. Я сынъ честныхъ родителей, самъ полезный членъ общества; знаю наизусть Цицерона и Виргилія, читалъ въ подлинникъ Гомера и Демосеена, понимаю Канта, Фихте, Шеллинга и Окена, докторъ медицины и хирургіи, спасъ жизнь и возвратилъ здоровье десяткамъ, сотнямъ полезныхъ людей; еще недавно сдѣлалъ такую операцію, что самъ нашъ лихой Илья Васильевичъ Буяльскій ахнулъ отъ удивленія (а его бывало удивить трудно!), представленъ къ слѣдующему чину и къ кресту — и долженъ уступать мѣсто негодяю, пьяницѣ, развратнику, который чванится тѣмъ, что отецъ его нагребилъ миллионы при подрядахъ, а самъ онъ выучился въ Лондонѣ лаять по-англійски! — Я сталъ ходить къ нимъ рѣже и рѣже — а онѣ того и не замѣчали! — Однажды явился я къ нимъ послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, и нашелъ весь домъ въ какомъ-то смущеніи и разстройствѣ. Авдотья Яковлевна молчала. Вѣра Дмитріевна, сидя за пальцами, едва поднимала глаза, покраснѣвшіе отъ слезъ. Дмитрій Степановичъ былъ спокойнѣе прочихъ. Онъ взялъ меня за руку, повелъ въ свой кабинетъ, и рассказалъ причину этого общаго огорченія. За недѣлю до того сидѣлъ онъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ, за работою. Въ третьей комнатѣ, гдѣ были жена и дочь его, послышалось ему, раздался какой-то необыкновенный шумъ. Онъ всталъ и пошелъ туда. У нихъ былъ

Иванъ Рысинъ въ положеніи человѣка, лишь только вышедшаго изъ-за англо-россійскаго обѣда. Вѣра, трепеща, прижалась въ уголь комнаты. Авдотья Яковлевна умоляла его отправиться домой. Рысинъ замахнулся на нее въ то самое мгновеніе, когда мужъ ея входилъ въ комнату. Дмитрій Степановичъ схватилъ его за руку выше локтя, и не говоря ни слова, вывелъ въ переднюю, въ сѣни, и столкнулъ съ крыльца. «Я отплачу тебѣ, мерзавецъ!» кричалъ Рысинъ, вскарабкиваясь на ноги.

Негодяй былъ узнанъ и изгнанъ изъ дому, но не трудно было предвидѣть, что это происшествіе повлечетъ за собою самыя непріятныя послѣдствія.

Дмитрій Степановичъ на другой же день написалъ старику Рысину, что по обстоятельствамъ долженъ оставить службу въ его домѣ, и просилъ принять бывшія у него на рукахъ письменныя дѣла и деньги. Рысинъ разсердился, не хотѣлъ было отпускать хорошаго помощника, но видя его непреклонность, согласился, рѣшась въ то же время жестоко отомстить ему. Дмитрій Степановичъ, извѣстный во всемъ петербургскомъ коммерческомъ мірѣ своею честностью, исправностью и познаніями, не затруднялся пріисканіемъ хорошаго мѣста: и самъ Баронъ Штиглицъ охотно взялъ бы его въ свою контору.

Мало по малу утихла тревога, причиненная въ домѣ Коробова дерзкимъ поступкомъ Ивана Рысина;

все пришло въ прежній порядокъ. И Вѣра Дмитріевна, и Авдотья Яковлевна стыдились въ душѣ предпочтенія, которое оказывали недостойному человѣку. Я представился, что ничего не замѣчаю, и въ короткое время это непріятное происшествіе было совершенно забыто. Онѣ были, постарому, ласковы и дружелюбны со мною. Любовь къ Вѣрѣ возникла въ моемъ сердцѣ съ прежнею силою: я чувствовалъ, что съ нею одною могу быть счастливъ, и рѣшился непремѣнно на ней посвататься, увѣренный, что и она ко мнѣ не равнодушна.

Между тѣмъ злоба и месть не дремали. Иванъ Рысинъ сплелъ отцу своему сказку о дерзкомъ поступкѣ съ нимъ Коробова, и они вмѣстѣ составили заговоръ, погубить его. Старикъ Рысинъ, знавшій, что Дмитрій Степановичъ принужденъ былъ войти въ долги отъ слѣдствій какого-то заморскаго банкротства, купилъ одинъ его вексель, и подарилъ сыну, а тотъ подалъ его ко взысканію. Я былъ у Коробова, когда явился квартальный надзиратель съ предписаніемъ взыскать съ него двадцать тысячъ рублей, и въ случаѣ неплатежа, описать его движимое имѣніе, а самого отправить въ тюрьму. Все семейство было въ ужасѣ, въ отчаяніи. Сроку дано было двадцать четыре часа. Въ первый разъ отъ роду возроптали было я на судьбу, не надѣлившую меня богатствомъ. Весь день прошелъ въ составленіи разныхъ плановъ; но ни одинъ не былъ удобенъ въ исполненіи, ни одинъ не велъ къ цѣли. Вечеромъ получено было по

городской почтѣ письмо руки Ивана Рысина, безъ подписи: оно еще увеличило общее отчаяніе и огорченіе, но во мнѣ родило искру надежды. Гнусный этотъ человѣкъ писалъ Дмитрію Степановичу, что мститъ за горькую обиду, нанесенную ему въ домѣ, куда онъ былъ заманенъ разными хитростями; что соглашается на оторочку уплаты, если и отецъ, и мать, и дочь признаютъ себя виновными въ дурномъ съ нимъ обращеніи, и стануть просить у него прощенія; что онъ рѣшится даже вовсе уничтожить долгъ, если они, послѣ этого примиренія, примутъ его опять, попрежнему, въ своемъ домѣ. Эта дерзость вывела меня изъ терпѣнія, но въ то же время я увидѣлъ средство изобличить Рысина въ личной его злобѣ на бѣднаго должника, и ослабить дѣйствіе взысканія. Простодушный жрецъ чистой матери природы — я прошелъ философію и медицину, а не заглядывалъ въ лабиринтъ юриспруденціи: я не зналъ правила, что гдѣ рука, туть и голова! — Я сообщилъ мое замѣчаніе Дмитрію Степановичу и его семейству. Они также, особенно женщины, оживились надеждою. Я взялся быть ихъ адвокатомъ; объявилъ, что имѣю друзей, товарищей университетскихъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже въ Сенатѣ, и что завтрашняго же числа утромъ приведу въ движеніе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ законодательныхъ. Я говорилъ съ такимъ жаромъ, что до слезъ тронулъ добраго Дмитрія Степановича. «Благородный человѣкъ!» сказалъ онъ: «возможно ли такое состраданіе къ бѣдѣ

семейства, вамъ почти совершенно чуждаго!» — «Да я еще ничего не сдѣлалъ!» отвѣчалъ я печально. — «Все равно!» возразилъ онъ: «все же вы мнѣ истинный другъ и благодѣтель! Удастся или не удастся — это въ волѣ Божіей, но въ вашемъ сердцѣ судьба моя уже рѣшена. Чѣмъ могу возблагодарить васъ?» — Я взглянулъ на Вѣру. Она потупила наполненные слезъ глаза, и покраснѣла. — «Понимаю!» сказалъ Дмитрій Степановичъ: «понимаешь ли и ты, другъ мой, Авдотья Яковлевна?» — «Давно поняла!» отвѣчала она, утирая глаза. — «Съющіе слезами радостію пожнуть!» возгласилъ онъ, соединяя наши руки.

Я оставилъ ихъ поздно, а въ какомъ состояніи, описать не умѣю. Это было смѣшеніе всѣхъ горестныхъ, всѣхъ радостныхъ чувствъ, растворившихся наконецъ въ одной общей, неизглаженной молитвѣ предъ Богомъ-сердцевѣдцемъ. Я не ложился спать. На другой день отправился къ должности, въ госпиталь, отпрапортовалъ полковому командиру; потомъ надѣлъ фракъ, и полегѣлъ въ Сенатъ отыскивать товарищей-правовѣдцевъ. Въ то время Сенатъ только что былъ переведенъ въ новое зданіе. Я вошелъ въ нижнія сѣни; народу множество. Взошелъ на крыльце, потомъ отправился въ комнату направо, тамъ налѣво, и наконецъ въ большую залу. Вездѣ толпится народъ всякаго разбора, племени и чина. И отставные военные и купцы, и помѣщики и Жидаы, все это движется, шепчетъ, толкуетъ, охаетъ, присвистываетъ. Чинов-

няковъ сенатскихъ не видать нигдѣ. Что это за суматоха? спросилъ я у одного незнакомаго мнѣ чело-
вѣка. «Какъ, сударь, вы не знаете, что теперь идутъ
торги о винномъ откупѣ? Это все кандидаты въ бан-
керы или въ банкроты.» — «Покоритѣйше благодарю
за наставленіе,» сказалъ я, пробираясь сквозь густую
толпу, и самъ не зная куда. Если бъ я не былъ въ
тревогѣ, въ отчаяніи, какую занимательную картину
могъ бы составить изъ того, что въ этотъ день при-
велось мнѣ видѣть и слышать! Всѣ дѣйствующія лица
этой трагикомедіи играли роль свою превосходно,
натурально, отчетливо, усердно. Я пробрался до мѣста
присутствія. Секретарь возглашалъ наименованія го-
родовъ, и сколько кто за нихъ даетъ. Слыша объ-
явленіе: за городъ Череповецъ четыреста тысячъ
даетъ такой-то! я говорилъ въ умѣ: только бы двад-
цатую долю — и бѣдный Коробовъ спасенъ отъ стыда
и разоренія. Я стоялъ, выпаливъ глаза, разинувъ
ротъ, и жадно слѣдилъ за объявленіемъ. Одинъ изъ
торгующихся, дѣтина толстый и высокій, въ венгеркѣ
со шнурками, сталъ въ меня вглядываться, и наконецъ
спросилъ довольно грубо: «А вы, сударь, зачѣмъ
сюда пожаловали?» — Этотъ дерзкій вопросъ разсер-
дилъ меня. «Какая вамъ нужда!» сказалъ я сѣмью:
«за тѣмъ вѣроятно, за чѣмъ и вы.» — Онъ пріутихъ,
подошелъ ко мнѣ ближе, взялъ учтиво за руку, и
отвелъ къ окну. «Извините мой нескромный вопросъ!»
сказалъ онъ, понизивъ голосъ: «Мы всѣ теперь, какъ
и вы, уголяемъ. Сдѣлайте милость, не мѣшайте

намъ.» — «Странно!» возразилъ я: почему жъ именно я вамъ мѣшаю?» — «Полно-те, полно-те!» продолжать онъ съ принужденною улыбкою: «Къ чему тутъ околичности? Компания наша покорнѣе просить васъ не торговаться сегодня. Завтра, сколько вамъ угодно. Возьмите, вотъ двадцать пять тысячъ рублей, и ступайте съ Богомъ.» Съ симъ словомъ онъ сунулъ мнѣ въ руку толстый пакетъ. — «Помилуйте?» про-бормоталъ я въ оцѣпенѣніи. — «Неужели этого мало?» спросилъ онъ со страхомъ. «Вѣрьте Богу, мы въ убыткѣ будемъ! Теперь пожалуйста!» Онъ взялъ меня подъ руку, вывелъ изъ залы, свелъ съ крыльца, и сказалъ: «Честное слово, что вы сегодня не будете торговаться?» — «Честное слово, но позвольте....» — «Кончено, сударь! я имѣю ваше честное слово. Прощайте!» — Въ сѣняхъ сторожъ подалъ мнѣ шинель, и я съ трудомъ отыскалъ въ карманѣ гривенникъ, ему на водку. На улицѣ развернулъ я пакетъ: въ немъ было сто билетовъ казначейства, новенькихъ, свѣженькихъ, свѣтленькихъ! — Въ изступленіи радостнаго восторга сѣлъ я на извозника, и велѣлъ гнать въ Гороховую Улицу, гдѣ жилъ Коробовъ. Не помню, какъ я туда прѣхалъ, какъ взошелъ на крыльцо. Въ передней ноги у меня подкосились: я упалъ на ступъ. Вдругъ слышу несущійся изъ комнаты голосъ оцѣнщика: «Комодъ краснаго дерева, съ бронзою, съ тремя выдвижными ящиками, весьма подержанный, оцѣнка двадцать рублей!» Я вскакиваю съ изступленіемъ, отворяю дверь, и кричу: «Стой! все кончено,

вотъ деньги!» Съ симъ словомъ подаю я мой пакетъ Дмитрію Степановичу. «Что это!» спросилъ онъ. — «Это деньги, въ уплату по векселю; я досталъ, я занялъ; только удовлетворите этихъ господъ.» Надзиратель подошелъ учтиво, принялъ деньги, отдалъ вексель съ роспискою, и хотѣлъ уйти. «Куда, сударь!» спросила Авдотья Яковлевна, по уплатѣ долга почувствовавшая все свое достоинство: «Умѣли вы разстроить все въ домѣ, свалили въ кучу и мебель, и посуду, и платье. Теперь извольте поставить все на прежнее мѣсто.» — «Справедливо, сударыня!» отвѣчалъ квартальный, и приказалъ своей командѣ все уставить и прибрать какъ было. — «Теперь извольте идти, куда угодно,» сказала она: «и кланяйтесь Кузьмѣ Ерофеичу.» — «Не премину!» отвѣчалъ надзиратель съ низкимъ поклономъ, и отправился по принадлежности.

Когда мы остались одни, старикъ приступилъ ко мнѣ съ распросами, откуда я досталъ деньги. Не знаю, почему мнѣ совѣстно было сказать правду. Я отвѣчалъ, что мнѣ далъ ихъ займы одинъ старый пріятель, университетскій товарищъ. Благодареніямъ не было конца. Остальныя пять тысячъ назначилъ я на обзаведеніе своего дома и на свадьбу.

Между тѣмъ мнѣ все казалось, что я приобрѣлъ эти деньги не честнымъ образомъ. Мнѣ слѣдовало бы объявить незнакомцу, кто я, зачѣмъ пришелъ въ Сенатъ, и тѣмъ отклонить его предложеніе. Но тогда

погибло бы семейство друзей моихъ! — Случалось ли вамъ замѣчать, друзья мои, что такія мысли о дѣйствительномъ достоинствѣ нашихъ поступковъ, о настоящей цѣнѣ вещей въ мірѣ, возникаютъ въ душѣ нашей чаще всего въ часы тишины и уединенія? Такъ бываетъ со мною. По утрамъ, въ тѣ минуты, когда душа, отдохнувъ отъ вчерашнихъ заботъ, еще не отуманилась своекорыстными мыслями о житейскихъ попеченіяхъ, не уступила еще власти надъ собою вѣлѣніямъ нужды и необходимости, я здраво, чисто и совѣстно помышляю о своихъ дѣлахъ, предпріятіяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ. Такимъ образомъ, въ одно утро, сидя за чаемъ, думалъ я о происшествіи въ Сенатѣ, и упрекалъ себя въ присвоеніи себѣ чужой собственности. Вдругъ входитъ денщикъ и докладываетъ мнѣ, что меня просятъ пожаловать поскорѣе къ одному больному. Я одѣлся наскоро, сѣлъ въ присланную за мною прекрасную карету, и пріѣхалъ въ великолѣпный домъ какого-то отставнаго полковника Трепетова. Самъ хозяинъ, объявили мнѣ, вдругъ занемогъ опасно. Меня ввели, по свѣтлому крыльцу, въ богато убранную комнату. Посреди ея стоялъ столъ, накрытый испятнанною скатерью, уставленный пустыми бутылками, недопитыми стаканами и рюмками. Черепки стекла хрустѣли у меня подъ ногами. По сторонамъ было нѣсколько раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, исписанныхъ мѣломъ. Измятыя и изорванныя карты валялись на полу. Полусонный мальчишка поднималъ ихъ и выглаживалъ. Ни одинъ стулъ не

стоялъ на мѣстѣ; нѣкоторые опрокинуты были вверхъ ножками. «Пожалуйте къ барину!» сказалъ мнѣ слуга, отиравшійся съ докладомъ. Черезъ нѣсколько комнатъ вошелъ я въ темную спальню. Кто-то лежалъ въ постели, и охалъ. — «Что съ вами сдѣлалось, сударь?» спросилъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за руку. Жаръ въ немъ былъ необыкновенный. — «Отъ сущихъ пустяковъ, сударь!» отвѣчалъ онъ. «Вообразите! вчера мы, на радостяхъ, съ добрыми пріятелями, распили ящикъ шампанскаго. Кажись, не впервые, а теперь такъ схватило, что я думалъ Богу душу отдать. Проклятый Рысинъ!» — Голосъ больного казался мнѣ знакомымъ. Имя Рысина еще болѣе возбудило мое любопытство. Я прописалъ ему что нужно было, и далъ нѣсколько совѣтовъ, увѣряя, что это пустое и скоро пройдетъ. — «Пройдетъ, пройдетъ» отвѣчалъ онъ: «а теперь смертельно голова болить.» — «Видно, радость была большая?» спросилъ я. — «Да, не часто удается такъ повеселиться. Мы съ пріятелями, во-первыхъ, успѣли взять превыгодно нѣсколько городовъ на откупъ; во-вторыхъ, посадили одного разбойника въ петлю. Не слыхали ли вы объ Рысинѣ?» — «Какъ не слыхать!» — «Этотъ злодѣй хотѣлъ надуть насъ на триста тысячъ, да мы Кузьму подкузьмили. Онъ самъ заплатилъ двѣсти, чтобъ только отвязаться. Впрочемъ и намъ стало это не дешево. Двоимъ дали по двадцати пяти тысячъ, чтобъ отстали. Ой, батюшки! рѣжетъ! ой, проклятый Рысинъ! — Такъ мы, сударь, вчера, по этому случаю,

старинку вспомнили. Всю ночь на пролеть метали въ заповѣдную. Въ шесть часовъ легъ я спать, и чрезъ часъ проснулся отъ ужасной боли. Помогите, ради Бога!» — Тутъ узналъ я голосъ моего сенатскаго благодѣтеля. Онъ, въ темной комнатѣ, не могъ различить меня, да и возможно ли было бы подумать, что дерзкій торгошъ на откупа, и смиренный полковой лекарь одна и та же персона? — Увѣривъ моего пациента, что его болѣзнь не опасна и скоро кончится благополучно, я поспѣшилъ убраться. — На совѣсти у меня отлегло: деньги, которыми я помогъ моему будущему тестю, вышли изъ сундука его злодѣя и губителя!

Вотъ мой романъ, любезныя дѣти! Вы, конечно, прежде этого знали нѣкоторыя его подробности; но вполне, кажется, я разсказалъ его вамъ теперь въ первый разъ.»

«Покорнѣйше благодаримъ васъ, батюшка!» сказалъ Андрей: «но я все ждалъ, что дѣло дойдетъ до водки, до сивухи, какъ вы обѣщали.»

«А развѣ ея не было!» спросилъ Петръ Елисеичъ: «на что же торговались въ Сенатѣ? за что же дали мнѣ двадцать пять тысячъ? Не будь сивухи, не было бы и развязки моего романа.»

«Оно такъ,» возразилъ Андрей: «однако я не желалъ бы называть романа этого гнусными именами водки или сивухи.»

«Придумай ему другое названіе, а дѣло останется то же.»

«Какъ назывались деньги, которыя получали торгующіеся за уступку своего права?»

«Это называлось *отсталое*,» отвѣчалъ отецъ.

КОНЕЦЪ.

1 85 273ST2 005 53 BR 92 6393

1
2
3

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

